

ISSN 2223–2982



**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№12 2020 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

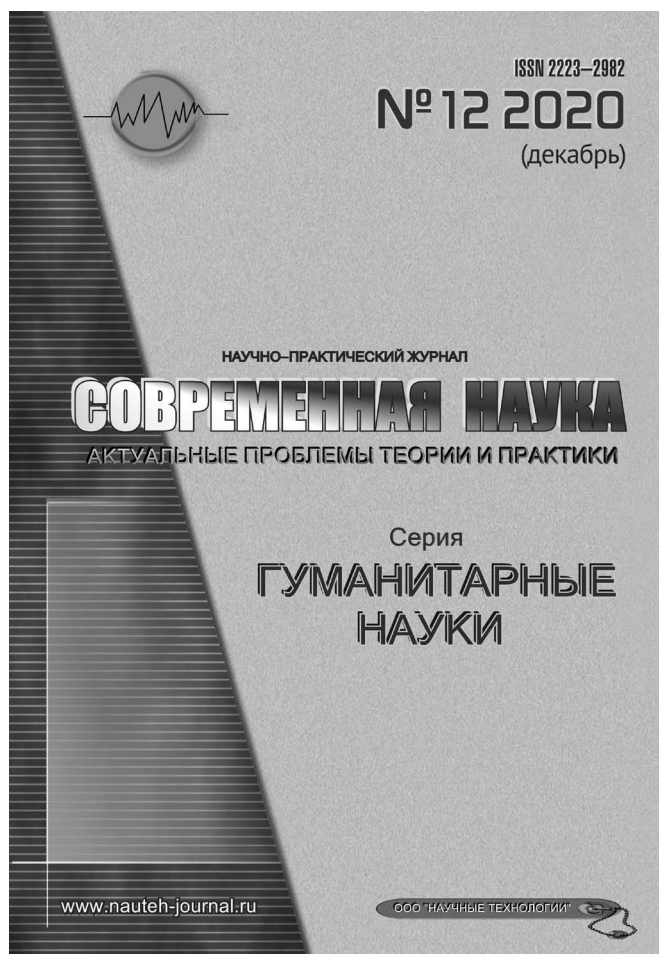
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 12 (декабрь) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)



В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 25.12.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982



Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрушинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Акульшин П.В. – Русский интеллигент в эпоху социальных потрясений: Н.С. Каринский (1873–1949)

Akulshin P. – Russian intellectual in the era of social upheavals: N.S. Karinsky (1873–1949) 6

Иванова А.Н. – История становления электрокардиографии: А.Ф. Самойлов и его статья «Электрокардиограммы»

Ivanova A. – The history of development of electrocardiography: A.F. Samoilov and his article «Electrocardiograms» 11

Ляхин Е.В. – Гракханский проект по восстановлению Коринфа

Lyahin Eu. – Gracchan project for the restoration of Corinth 16

Пепелина Н.И. – Человек и время в истории (к вопросу о формировании общественного сознания в 1930-е годы)

Pepeлина N. – Person and time in Histori (on the formation of public consciousness in the 1930s) ... 20

Сахранов В.Р. – Место и роль крестьянства в установлении советской власти на Ставрополье на рубеже 1917-1918 годов

Sakhranov V. – The value and role of peasantry in establishing soviet power in the Stavropol region at the turn of 1917-1918 24

Сулейманов А.А. – Социально-экономические исследования в арктических районах Якутии в 60-е гг. XX в.

Suleymanov A. – Socio-economic research in the arctic regions of Yakutia in the 1960s 29

Ярцев С.В., Шушунова Е.В. – Некоторые особенности хтонической сущности богини Кибелы в причерноморском регионе в античное время

Yartsev S., Shushunova E. – Some features of the chthonic essence of the goddess Cybele in the black sea region in classical antiquity period 34

Педагогика

Андрянов А.В. – Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетенции воспитанников пенитенциарных учреждений

Andriyanov A. – Museum pedagogy and its educational opportunities in the development of General cultural competence of inmates of penitentiary institutions 40

Бобкова О.В. – Научно-методические основы подготовки преподавателей вуза к образовательной деятельности в условиях инклюзивной практики

Bobkova O. – Scientific and methodological bases of preparation of university teachers for educational activities in the conditions of inclusive practice 44

Гонек А.О. – Организация и содержание работы детского инклюзивного танцевального проекта «Преодолей-ка»

Gonek A. – Organization and content of the work of the children's inclusive dance project "Predoley-ka" 49

Дюжева М.Б., Роговская Н.И. – Симуляционные деловые игры в учебном процессе высшей школы

Dyuzheva M., Rogovskaya N. – Simulation business games in the educational process of higher school 54

Ефремова Е.М., Ефремова М.В. – Основные принципы обучения лексике французского языка как второго иностранного при первом английском студентов ВУЗа

Efremova E., Efremova M. – Basic principles of teaching French vocabulary as a second foreign language to university students learning English as a first foreign language 60

- Земш М.Б.** – Саморазвитие ребенка в семье
Zemsh M. – Self-development of a child in the family 64
- Леонтьев М.И., Михайлова Э.И., Деревлева Е.Б.** – Мотивация подростков 11-13 лет к занятиям мини-футболом
Leont'ev M., Mikhailova E., Derevleva E. – Motivation of teenagers aged 11-13 to play mini-football 69
- Ли Гэнвэй** – Модели и направления научного сотрудничества нефтяных университетов России и Китая: один пояс, один путь
Li Gengwei – Models and directions of scientific cooperation of oil universities of Russia and China: one belt, one road 73
- Литвяк О.В., Клименко Е.В.** – Психолингвистические основы методики обучения английскому языку в начальной школе
Litvyak O., Klimenko E. – Psycholinguistic bases of teaching English language at elementary school... 77
- Литовченко О.Г.** – Межвузовский междисциплинарный семинар как форма научной коммуникации
Litovchenko O. – Inter-universal interdisciplinary seminar as a form of scientific communication 82
- Лю Чжэньтао, Бай Юньтао, Сюй Бин** – Механизм воспитания у современных студентов правильного потребительского взгляда
Liu Zhentao, Bai Yuntao, Xu Bing – Educational mechanism of modern students with the right consumer's view 85
- Нелюбина Е.Г., Панфилова Л.В.** – Реализация принципа историзма на уроках химии
Nelyubina E., Panfilova L. – Implementation of the principle of historicism in the lessons of chemistry..... 89
- Обивалина М.С.** – Техническая подготовленность гандболистов в программе Специальной Олимпиады
Obivalina M. – Technical performance of handball players in the Special Olympiad program 93
- Севодин С.В., Земленухин И.А., Максименко И.Г., Сулейманов Г.Б., Абрамов Н.А.** – Состояние и рекомендации по совершенствованию развития борьбы на поясах в России
Sevodin S., Zemlenuhin I., Maksimenko I., Suleimanov G., Abramov N. – State and recommendations for improving the development of belt wrestling in Russia..... 98
- Солнцев И.С.** – Концептуальные подходы развития профессионально-педагогического мастерства педагога творческого вуза средствами театральной педагогики
Solntsev I. – Theatrical pedagogy as a factor in the development of professional and pedagogical skills of a teacher at a creative university..... 103
- Тулинов С.В., Голубкова Е.М., Круглов А.М.** – Вопросы совершенствования контрольных мероприятий по курсу «Основы сетевых технологий»
Tulinov S., Golubkova E., Kruglov A. – Improvement issues of control activities for the course «Fundamentals of network technologies»..... 108
- Шнейдер В.Ю.** – Сопряженное развитие координационных способностей в волейболе глухих
Schneider V. – Conjugate development of coordination abilities in the will of the deaf 113
- ФИЛОЛОГИЯ
- Алиева У.Н.** – К проблеме семантики фразеологических единиц
Aliyeva U. – On the problem of semantics of phraseological units 119
- Арсаханова Малютхан Абдул-Хаджиевна, Абдукадырова Т.Т., Алиева Х.Л.** – Семантико-стилистические категории текста: основы типологии
Arsakhanova M., Abdukadyrova T., Aliyeva K. – Semantic and stylistic categories of the text: typology basics 125

- Бармина Н.А.** – Научно-технический перевод в области теории и практики зубчатых зацеплений как вид профессиональной деятельности
Barmina N. – Scientific and technical translation in theory and practice of gearing as professional activity130
- Гафиуллина К.Н.** – Сопоставительное языкознание, контрастивная лингвистика и лингводидактика
Gafullina K. – Comparative linguistics, contrastive linguistics and linguodidactics135
- Горелик М.А., Новикова Е.Н.** – Стилистические возможности анафорического повтора в романе Франсуаза Лёфевр «Маленький принц – каннибал»
Gorelik M., Novikova E. – Stylistic potential of anaphoric repetition in the novel "Le petit prince cannibale" by Françoise Lefèvre.139
- Зененко Н.В., Бочарова А.В.** – Полипарадигмальный подход в грамматических исследованиях XX – начала XXI веков
Zenenko N., Bocharova A. – Polyparadigm method in grammatical research of the XX - XXI centuries . . . 142
- Иванова Р.П., Салгынова А.А.** – Переводческие трансформации в текстах перевода официального сайта ПАО «Алроса»
Ivanova R., Salgynova A. – Transformations in translation of texts in the official site of Alrosa PJSC147
- Инь Сяо** – Влияние геронтологических факторов на интонацию
Yin Xiao – Influence of gerontological factors on voice and intonation150
- Косова Ю.А.** – «Этнографическое письмо» Анни Эрно и Жана Руо
Kosova Yu. – Ethnographic writing of Annie Ernaux and Jean Rouaud154
- Котлова А.С.** – Персуазивный эффект тропов в политическом дискурсе
Kotlova A. – Persuasive effect of figures in political discourse162
- Литвяк О.В., Супрун Л.С.** – Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов в сфере психологии)
Litvyak O., Suprun L. – Neologisms as the individual's property (based on English-language neologisms in the field of psychology)167
- Панфилова В.М., Газизова А.И.** – Иностранная лексика в современном немецком языке в контексте заимствования и словообразования
Panfilova V., Gazizova A. – Foreign vocabulary in modern German language in the context of borrowing and word formation.171
- Панфилова В.М., Бубекова Л.Б.** – Об «общем падеже» современного немецкого языка
Panfilova V., Bubekova L. – About the "general case" of modern German175
- Соколова А.Ю., Федурко Ю.В.** – О взаимосвязи лексико-грамматической категории глагольного вида с синтаксической категорией глагольного управления
Sokolova A., Fedurko Yu. – On the relationship between the lexical-grammatical category of the verb form and the syntactic category of verbal control.179
- Харатокова М.Г., Габуниа З.М.** – К вопросу о фонетических и лексических параллелях Абазинского языка
Kharatokova M., Gabunia Z. – Some phonetic and lexic parallels in the Abkhaz-Adyg language group.184
- Янь Чжо** – Метафорическое обозначение изменения возраста в русском и китайском языках
Yan Zhuo – A metaphor for the changes of age in the Russian and Chinese languages187
- Информация
- Наши авторы. Our Authors.192
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале194

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЙ: Н.С. КАРИНСКИЙ (1873–1949)¹

Акульшин Петр Владимирович

*Д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
stone2708@mail.ru*

RUSSIAN INTELLECTUAL IN THE ERA OF SOCIAL UPHEAVALS: N.S. KARINSKY (1873–1949)

P. Akulshin

Summary: For the first time in Russian historiography, the article examines the life and work of Nikolai Sergeevich Karinsky (1873–1949), a prominent lawyer of the pre-revolutionary era who played a significant role in the events of 1917 and the Russian Civil war. In exile, he created an extensive memoir legacy, which has not yet been introduced into scientific circulation.

Keywords: Russia of the beginning of the XX century, revolution of 1917, Russian Diaspora, intellectuals, cadet party, memoirs.

Аннотация: В статье впервые в отечественной историографии рассматривается жизнь и деятельность Николая Сергеевича Каринского (1873–1949), видного юриста дореволюционной эпохи, сыгравшего заметную роль в событиях 1917 г. и Гражданской войне в России. В эмиграции он создал обширное мемуарное наследие, которое до сих пор не введено в научный оборот.

Ключевые слова: история России начала XX в., революция 1917 г., Гражданская война, Русское Зарубежье, интеллигенция, партия кадетов, воспоминания.

На протяжении последних десятилетий в научный оборот введен обширный комплекс источников личного происхождения деятелей «Русского Зарубежья». Это не исключает появления новых интересных находок. Одной из них являются ранее неизвестные исследователями воспоминания Николая Сергеевича Каринского (1873–1948). Он родился в старой столице в дворянской семье, предки которой принадлежали к православному духовенству [27]. После окончания Второй московской гимназии Каринский поступил в 1893 г. на юридический факультет Московского университета, обучение на котором завершил в 1897 г., сдав в следующем году государственные экзамены и получив диплом второй степени за сочинение «Наказание и его цели» [34, 35]. Учебу молодой человек совмещал с работой в статистическом отделении Московской городской управы и активной общественной деятельностью в среде студенческой молодежи [6, 29].

Следующее десятилетие после окончания университета Каринский провел в провинции в качестве земского служащего. В 1897–1900 гг. он служил помощником заведующего Статистическим бюро Владимирской губернской земской управы, а затем помощником заведующего Статистическим отделением Орловской губернской земской управы. Одновременно Каринский занимался и юридической деятельностью, являясь с 1898 г. помощником присяжного поверенного округа Московского су-

дебной палаты, а затем Харьковской судебной палаты, в округ которой входила Орловская губерния [6]. По свідетельству мемуаристов в Орле он принимал активное участие в деятельности социал-демократических кружков, а его квартира была местом тайных собраний и издания подпольных прокламаций [3, 12, 25].

Летом 1905 г. Каринский переехал в Харьков, охваченный бурными революционными событиями юга России. К этому времени ему было присвоено звание присяжного поверенного, что позволяло начать самостоятельную адвокатскую практику. Надо отметить, что достигший возраста Христа юрист совмещал активную общественную деятельность с устройством личной жизни. Еще в Москве он женился на Н.Г. Браун – дочери проживавшего в Москве французского купца. Наличие трех детей от этого брака не помешало разводу и женитьбе в Орле на дочери местного купца. Второй брак также не был ни удачным, ни продолжительным, однако он так и не был расторгнут по законам Российской империи на протяжении последующих десятилетий. В Харькове Каринский связал свою судьбу с дочерью местного миллионера А.Я. Жмудского, Варварой Андреевной [6]. Это позволило Каринскому войти в один из богатейших кланов харьковской буржуазии.

К этому времени он уже завоевал репутацию успешного адвоката, который брался за самые сложные уго-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00164.

ловные и гражданские дела. Так, в 1910 г. он добился оправдания в Харьковском окружном суде судебного следователя Тер-Семенова, застрелившего в пылу ссоры свою жену, мать четырехлетней дочери [11]. Каринский небезуспешно вел и политические дела, не боясь вступать в конфликт с судебными и административными властями [2]. Одним из направлений его деятельности была защита сектантов, преследуемых властями и православной церковью. Известный деятель РСДРП В.Д. Бонч-Бруевич так вспоминал о Каринском: «Мне в качестве эксперта с ним приходилось очень много раз выступать на судебных процессах по сектантским делам, и он всегда вел эти процессы очень умело, энергично, со знанием дела и настолько свободно, что его речи и допросы миссионеров, священников и всех шпионов православного ведомства нередко вызывали протесты прокурора и председателя суда» [1].

Свидетельством признания Каринского в среде адвокатуры Юга России стало его избрание 9 декабря 1907 г. членом Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты, руководящего выборного органа этой немногочисленной элитарной корпорации. Переизбирался Каринский в этом качестве и на протяжении последующих восьми лет [13–23]. Он не был чужд и журналистской деятельности, публикуя свои корреспонденции в столичных газетах либерального направления (московской газете «Русское слово» и петербургском еженедельнике «Право»); активно сотрудничал и в харьковской газете «Утро», которую издавал брат его жены присяжный поверенный А.А. Жмудский. К этому времени марксистские увлечения молодости прошли, и Каринский в Харькове стал одним из уважаемых представителей местной либеральной общественности, членом Харьковского комитета партии кадетов, состоял он и выборщиком от Харькова во II Государственную думу [6].

В 1915 г. Каринский с новой супругой возвратился в Москву, которую покинул почти двадцать лет тому назад. Преуспевающий адвокат из провинции, имеющий большие связи в либеральных кругах, становится членом Московского комитета партии кадетов, уполномоченным Всероссийского земского союза и товарищем председателя Московского Комитета помощи беженцам и эвакуированным с театра военных действий во время Великой войны [6]. Падение монархии весной 1917 г. открывало перед энергичным адвокатом, как и перед другими либерально настроенными представителями «свободных профессий», большие карьерные перспективы на государственной службе. В дни Февральской революции в старой столице он стал одним из комиссаров Московского градоначальства. В марте 1917 г. Каринский был включен в состав учрежденной Временным правительством «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий

бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц...» для осуществления прокурорского надзора за следствием. Следующим шагом в его стремительной карьере стало назначение 15 мая 1917 г. прокурором Петроградской судебной палаты, в качестве которого он сменил ставшего министром юстиции первого коалиционного Временного правительства П.Н. Переверзева [5].

В ходе трехмесячного пребывания в этой должности Каринский выступил в роли одного из активных деятелей на поприще борьбы с растущим в столице революционным движением. Вместе с начальником контрразведки штаба Петроградского военного округа Б.Н. Никитиным, который называл его в своих мемуарах «энергичным прокурором», Каринский руководил операцией по очистке от анархистов дачи бывшего министра П.Н. Дурново, которая была одной из первых попыток Временного правительства применить силу против своих радикальных противников [10]. Не менее важную роль он сыграл и в дни июльского кризиса 1917 г. По решению Временного правительства 7 июля ему было передано расследование организации вооруженного выступления против государственной власти, и он возглавил Особую следственную комиссию [26, 30, 32, 33]. На основании этого постановления Каринский подписал ордер на арест руководителей июльского выступления и привлечение их к судебной ответственности по ст. 51, 100 и 108 Уголовного положения как виновных в измене родине, революции и организации вооруженного восстания. Этот список возглавлял лидер РСДРП (б) В.И. Ленин.

Первым итогом расследования стало сообщения прокурора Петроградской судебной палаты для печати от 22 июля 1917 г. В нем говорилось о том, что комиссией собраны неопровержимые доказательства организации и руководства вооруженным выступлением Центральным Комитетом РСДРП (б), а обвиняемые во главе с Владимиром Ульяновым (Лениным) вошли в соглашение с агентами находящихся в войне с Россией государств в целях дезорганизации армии и тыла, организовав на полученные от этих государств денежные средства пропаганду немедленного отказа от военных действий и выступления против власти, сопровождавшиеся убийствами и насилием, а также попытками ареста членов правительства.

С кипучей антибольшевистской деятельностью Каринского в июльские дни связан загадочный эпизод, требующий дополнительного изучения. Входивший в ближайшее окружение вождя большевиков В.Д. Бонч-Бруевич в своих мемуарах сообщил о том, что важную роль в спасении В.И. Ленина от готовящегося ареста сыграл неожиданный телефонный звонок 4 июля 1917 г. В изложении большевика-мемуариста произошло следу-

ющее: «Я звоню к вам, – сказал он мне (*звонивший В.Д. Бонч-Бруевичу – П.А.*), – чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки. – В чем же дело? – спросил я его. – Ленина обвиняют в шпионаже в пользу немцев. – Но вы понимаете, что это самая гнусная из клевет? – ответил я ему. – Как я это понимаю, в данном случае все равно. На основе этих документов будут преследовать его и всех его друзей. Преследование начнется немедленно. Я говорю это серьезно, и прошу вас немедленно же принять серьезные меры, – сказал он как-то глухо, торопясь. – Все это я сообщаю вам в знак нашей старинной дружбы. Более я ничего не могу вам сказать! Действуйте... – По тону разговора я понял, что Каринский спешил, ибо ему, ввиду его служебного положения, было опасно мне все это сообщать» [1].

Сам Каринский, находясь в эмиграции, полностью отвергал возможность подобного звонка. В.Д. Бонч-Бруевич в связи с этим в 1924 г. прокомментировал: «Мне стало известно, что Н.С. Каринский в Нью-Йорке негодует на мою совершенно правдивую, почти стенографическую запись, замечательного разговора. Ему я рекомендовал бы задуматься лишь над одним: за его официальную деятельность в правительстве Керенского он, несомненно, подлежал расстрелу по суровым законам диктатуры пролетариата и кровавой гражданской войны. Он был всецело в наших руках и даже был принят мною в Кремле. Почему же он не был арестован, почему ему было разрешено большевистской властью выехать из Москвы на Украину? Только потому, что его явная заслуга по предупреждению ареста Владимира Ильича была с благодарностью учтена советской властью и к его просьбе отнеслись, в силу этого, дружелюбно. Большевики за добро всегда платят добром» [1].

Аргументы В.Д. Бонч-Бруевич представляются достаточно убедительными, хотя еще предстоит разобраться, настолько достоверным является этот любопытный эпизод. Если такой звонок действительно имел место, то, что за ним скрывалось? Личная инициатива прокурора или тонкая, но не доведенная до удачного завершения интрига Временного правительства? Так или иначе, работа комиссии Каринского по расследованию антиправительственного выступления 4–6 июля в связи с быстрой сменой политической конъюнктуры в стране уже в августе фактически прекратилась. Сам он 21 августа был назначен старшим председателем Петербургской судебной палаты, а через четыре дня был уволен и с этой должности [6].

После Октября 1917 г. Каринский не предпринимал никаких попыток сотрудничества с Советской властью. Он перебрался в Москву, а затем принял решение о выезде с территории РСФСР, для чего у него было фор-

мальные основания как у гражданина Украины, провозгласившей при помощи германских интервентов свою независимость. Каринский и здесь активно участвовал в различного рода политических комбинациях, будучи товарищем председателя Харьковского комитета «Союза Возрождения России» [6]. По свидетельству одного из мемуаристов, осенью 1918 г. в Киеве в момент эвакуации германских войск и падения власти гетмана П.П. Скоропадского бывшего прокурора в некоторых кругах даже именовали претендентом на роль «русского Наполеона», которому якобы только нерешительность Временное правительство помешала в июле 1917 г. подавить «большевистскую заразу» в зародыше [9, с. 149–151].

Затем Каринский оказался в Крыму, получив от Крымского земского краевого правительства должность прокурора судебной палаты. В связи с приближением к полуострову войск Красной Армии в апреле 1919 г. энергичный юрист стал «главноуполномоченным по эвакуации» Крыма [6]. Затем, оказавшись на территории, которую контролировал Верховный правитель Юга России А.И. Деникин, Каринский руководил обслуживающие его войска санитарными поездами Земгора. Можно предположить, что он проявил на этом поприще определенные организаторские способности, так как в начале 1920 г., на фоне общего развала управления тылом белых, произошел последний взлет его административной карьеры. Каринского, который состоял в тот момент уже в чине тайного советника, назначают гражданским начальником Черноморской губернии и управляющим Министерством внутренних дел Южно-Русского правительства при генерале А.И. Деникине [6].

Давний знакомый Каринского по Харькову В.Х. Даватц, в тот момент солдат-доброволец, записал в дневнике 7 марта 1920 г. о встрече с ним в Новороссийске 7 марта 1920 г.: «Я полетел к дому губернатора. Красивый дворец в стиле барокко выделялся из соседних домов. Я вошел на лестницу, ведущую в стеклянные двери. Как раз в это время Н.С. Каринский в сопровождении адъютанта вышел, чтобы сесть в автомобиль. Я едва узнал Николая Сергеевича, которого привык видеть в свободном пиджаке и, как он любил, в белых спортивных брюках. Теперь он величественно спускался по лестнице, одетый в серую шинель. На плечах блестели золотые погоны тайного советника. Во всей его фигуре видна генеральская солидность. Он остановился и подал мне руку. — Я хотел бы с Вами побеседовать, но Вы, вероятно, страшно заняты: Вы теперь в таких высоких чинах.... – Чин – это дело человеческое, – сказал Каринский. – Сегодня я действительно занят. Лучше всего приходите завтра сюда же, в час дня...» [4, с. 82–83].

Гражданская война завершилась для Каринского осенью 1920 г., когда он эвакуировался с остатками войск Врангеля в Константинополь. Там он стал председателем

Совета присяжных поверенных, который действовал при российском Консульском суде, а также товарищем председателя Русского комитета, объединяющего деятельности около 80 общественных организаций эмигрантов [6]. Осенью 1923 г. Каринский из Константинополя перебрался за океан в Нью-Йорк. Здесь ему на шестом десятке лет пришлось перебрать массу занятий: «доковой артели грузчиком, рабочим на писчебумажной и ковровой фабриках, машинистом на машине для мойки посуды в отеле “Пенсильвания”, затем кочегаром, санитаром в клинике, садовником в парке и т.д. ...» [6]. Ведя борьбу за выживание, Каринский и здесь не чуждался общественной деятельности в среде относительно немногочисленной тогда русской диаспоры в США. В 1923 г. он входил в число организаторов «Союза русской присяжной адвокатуры», а позднее – «Общества русских юристов», состоял в Русском национальном комитете в Нью-Йорке и несколько лет являлся членом «Центрального Правления» – выборного органа, объединявшего Русские национальные комитеты Нью-Йорка, Вашингтона, Сан-Франциско, Сиэтла и Кливленда [6, 28].

Сотрудничал Каринский и в русскоязычной печати, редактируя выходившие в Нью-Йорке газеты «Вечернюю почту» и «Русскую газету», которые закрылись во время экономического кризиса 1929 г. После этого бывший исполняющий обязанности министра работал преимущественно таксистом [6]. К этому времени одинокий пожилой человек начал осмысливать свой жизненный

путь. С 1942 г. Каринский сотрудничал в издаваемой в Сан-Франциско «Русской жизни» [6]. На ее страницах появлялись его очерки о пережитом, которые в совокупности составили обширные по объему и содержанию мемуары.

Первую попытку создания воспоминаний Каринский предпринял еще по горячим следам недавних событий, напечатав в сборнике «Пережитое» статью об июльских событиях 1917 г. [24]. В Константинополе он подготовил и опубликовал в «Архиве русской революции» свои воспоминания об эвакуации Новороссийска в марте 1920 г. [8]. На склоне лет в США он значительно расширил свои мемуары. В воспоминаниях можно выделить три тематических раздела. Первый посвящен русскому суду дореволюционной эпохи. Второй связан с событиями революции 1917 г. и Гражданской войны. Отдельный тематический блок рассказывает о знакомствах и встречах деятелями культуры «Серебряного века». В конце жизни автор планировал издать воспоминания в виде отдельной книги и даже составил соответствующий план, но его смерть помешала осуществлению этого замысла. Вырезки газетных статей, собранные в объемистые папки, остались на хранении у его дочери Татьяны Каринской, а затем у внучки Галины Сейдель. В 2015–2018 гг. она по частям передала их своему родственнику С.С. Каринскому, живущему в России, что позволило начать работу по введению мемуарного наследия Н.С. Каринского в научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М.: Федерация, 1931. 404 с.
2. Гессен И.В. История русской адвокатуры: Адвокатура, общество и государство. Т. 1. М.: Юрист, 1997. 376 с.
3. Гулярян А.Б. Механизмы дестабилизации общественной ситуации на начальном этапе Первой российской революции // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3. Ч. 1. С. 82–85.
4. Даватц В.Х. На Москву. Париж: тип. Рирарховского, 1921. 116 с.
5. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия. М.: Директ-Медиа, 2014. 122 с.
6. Каринский Н. С. Автобиография, сентябрь 1947 г. // Личный архив С.С. Каринского.
7. Каринский Н. С. Краткая автобиография, август 1932 г. // Личный архив С.С. Каринского.
8. Каринский Н.С. Эпизод из эвакуации Новороссийска // Архив русской революции. Т. 12. Берлин: Слово, 1923. С. 149–156.
9. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1993. С. 149–151. 686 с.
10. Никитин Б.В. Роковые годы. СПб.: Питер, 2015. 320 с.
11. Новое время. 1910. 25 октября.
12. Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж: YMCA – PRESS, 1988. 753 с.
13. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1900–1901 г.: (С 15-го февр. 1900 г. по 15-е февр. 1901 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1901. 202 с.
14. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1902–1903 г.: (С 15-го февр. 1902 г. по 15-е февр. 1903 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1903. 240 с.
15. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1903–1904 г.: (С 15-го февр. 1903 г. по 15-е февр. 1904 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1904. 248 с.
16. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1904–1905 г.: (С 15-го февр. 1904 г. по 15-е февр. 1905 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1905. 278 с.
17. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1905–1906 г.: (С 15-го февр. 1905 г. по 15-е февр. 1906 г.).

- Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1906. 184 с.
18. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты.. за 1906–1907 г.: (С 15-го февр. 1906 г. по 15-е февр. 1907 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1907. 255 с.
 19. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1907–1908 г.: (С 15-го февр. 1907 г. по 15-е февр. 1908 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1908. 264 с.
 20. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1908–1909 г.: (С 15-го февр. 1908 г. по 15-е февр. 1909 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1909. 382 с.
 21. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1911–1912 г.: (С 15-го февр. 1911 г. по 15-е февр. 1912 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1912. 320 с.
 22. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1912–1913 год: (С 15-го февр. 1912 г. по 15-е февр. 1913 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1913. 439 с.
 23. Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1914–1915 год: (С 15-го февр. 1914 г. по 15-е февр. 1915 г.). Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1915. 463 с. разд. паг.
 24. Пережитое. Сборник. 1917–март 1918. М. [б. и.], 1918. 169 с.
 25. Перес Б.С. Партийная работа в Орле (1902–1903 гг.) // Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 260–270.
 26. Рабинович А.Е. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М.: Республика, 1992. 276 с.
 27. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 1512.
 28. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX в. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2006. 446 с.
 29. Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета / Под ред. [и с предисл.] В.А. Гольцева. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1897. IV. 220 с.
 30. Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов: в 2 кн. Кн. 1 / под ред. О.К. Иванцовой. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 989 с.
 31. Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов: в 2 кн. Кн.2. Ч.1 / под ред. О.К. Иванцовой. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 822 с.
 32. Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов: в 2 кн. Кн.2. Ч.2 / под ред. О. К. Иванцовой. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 687 с.
 33. Соболев Г.Л. Русская революция и «немецкое золото». СПб.: Нева, 2002. 479 с.
 34. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 418. Оп. 307. Д. 357.
 35. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 418. Оп. 77. Д. 2477.

© Акульшин Петр Владимирович (stone2708@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОКАРДИОГРАФИИ: А.Ф. САМОЙЛОВ И ЕГО СТАТЬЯ «ЭЛЕКТРОКАРДИОГРАММЫ»

Иванова Анна Николаевна

*Н.с., ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения Российской
академии наук» (г. Сыктывкар)
anna1486@mail.ru*

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF ELECTROCARDIOGRAPHY: A.F. SAMOILOV AND HIS ARTICLE «ELECTROCARDIOGRAMS»

A. Ivanova

Summary: The article is devoted to the scientific activity of the Russian scientist, physiologist Alexander Filippovich Samoilov (1867-1930) – the founder of electrocardiography in Russia. In the article a short biography of the scientist is presented, his main scientific interests are described. Special attention is paid to Samoilov's scientific publication «Electrocardiograms» which was issued in the Russian medical periodical press – a newspaper «Russian Doctor» in 1908. This work of Samoilov obviously became the first article in Russian in the domestic periodical press devoted to a method of electrocardiography and the possibility of its use in scientific work and medical practice. In this work Samoilov noted the possibility of using electrocardiography in medical practice as well as the necessity for a thorough study of theoretical bases of electrocardiography for its further practical use.

Keywords: history of electrocardiography, Alexander Filippovich Samoilov, Einthoven's string galvanometer, electrocardiogram, medical practice.

Аннотация: Статья посвящена научной деятельности русского ученого, физиолога Александра Филипповича Самойлова (1867-1930) – основоположника отечественной электрокардиографии. В статье представлена краткая биография ученого, отмечены его основные научные интересы. Особое внимание уделено научной публикации А.Ф. Самойлова «Электрокардиограммы», которая вышла в 1908 г. в периодическом издании по медицине – газете «Русский врач». Данная работа ученого, очевидно, стала первой публикацией на русском языке в отечественном периодическом издании, посвященной методу электрокардиографии и возможностям его применения в научной работе и в медицинской практике. В своей статье А.Ф. Самойлов отметил как возможности использования метода электрокардиографии в медицинской практике, так и необходимость тщательного изучения теоретических основ данного метода для его дальнейшего практического применения.

Ключевые слова: история электрокардиографии, Александр Филиппович Самойлов, струнный гальванометр Эйнтховена, электрокардиограмма, медицинская практика.

В 1900-е гг. для продажи были представлены первые коммерческие модели нового прибора для электрофизиологических экспериментов – струнного гальванометра Эйнтховена, появление которого привело к тому, что в медицинской практике стали применять метод электрокардиографии. Разработка коммерческих моделей прибора сделала возможным приобретение технического новшества для разных организаций и учреждений, что вело к увеличению числа научных публикаций о струнном гальванометре Эйнтховена и методе электрокардиографии. О своем опыте работы с новым прибором представители профессиональных сообществ писали на страницах научных изданий [1, р. 939–940], информируя тем самым своих современников о полученных научных результатах и привлекая внимание коллег к струнному гальванометру Эйнтховена. В России прибор Эйнтховена впервые появился в Казанском университете в физиологической лаборатории профессора Александра Филипповича Самойлова [2, с. 32] – основоположника отечественной электрокардиографии. В данной статье мы обратимся к публикации А.Ф. Самойлова, вышедшей в отечественном периодическом издании после появления струнного гальванометра Эйнтховена в лаборатории Казанского университета и знакомившей

читателей с методом электрокардиографии.

В 1908 г. в газете «Русский врач» – «еженедельной медицинской газете, посвященной всем отраслям клинической медицины, общественной и частной гигиене и пр[очее]» [3, с. 559], Александр Филиппович Самойлов опубликовал статью «Электрокардиограммы», в которой сообщал о струнном гальванометре Эйнтховена и перспективах использования нового прибора для медицинских целей. Это была публикация выступления Самойлова на годовом заседании Московского терапевтического общества 30 января 1908 г., о чем говорится в сноске к заголовку статьи [4, с. 1089]. Два года спустя после выхода работы Самойлова, в 1910 г., Владимир Филиппович Зеленин – на тот момент младший врач I-ой Гренадерской артиллерийской бригады – в статье «Электрокардиограмма, ее значение для физиологии, общей патологии, фармакологии и клиники» отмечал «...отсутствие литературы на русском языке...», посвященной данной теме. Кроме статьи профессора Самойлова, «помещенной» в «Русском враче» двумя годами ранее, Зеленин упомянул в своей работе только вышедшую но уже в 1910 г. во «Врачебной газете» «...краткую критическую статью проф. Яновского...» и «...сообщения А.А. Юдина

и С.С. Стериопуло...», опубликованные в том же 1910 г. в «Трудах первого съезда российских терапевтов» [5, с. 677]. Вышеуказанная работа Александра Филипповича Самойлова, очевидно, была первой и до 1910 г. единственной публикацией на русском языке, вышедшей в отечественном периодическом издании и посвященной струнному гальванометру Эйнтховена и электрокардиографии.

Александр Филиппович Самойлов (1867–1930) родился в Одессе. Начальное образование получил в одесской гимназии. Увлекался математикой. В 1884 г. поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Новороссийского университета. Но кроме математики Самойлова также интересовала физиология. Окончив два курса в Новороссийском университете, где на тот момент не было медицинского факультета, он поступил на медицинский факультет Дерптского (с 1893 г. в связи с переименованием города – Юрьевского, с 1919 г. – Тартуского [6, с. 511–512]) университета [2, с. 13–14]. Обучение в университете велось на немецком языке [7, р. 1624]. Только с 1891 г. на медицинском факультете университета начали назначать профессоров, читающих курсы на русском языке [8, с. VIII]. Следует отметить, что большая часть научных работ А.Ф. Самойлова была написана на немецком языке [9, с. 615]. Его статьи выходили в международных научных периодических изданиях [2, с. 55].

В университете А.Ф. Самойлов занялся изучением физиологии, фармакологии, биохимии [2, с. 14]. В 1891 г. (по некоторым сведениям – в 1892 г. [10, с. 479–480]) защитил написанную на немецком языке диссертацию «О судьбе железа в животном организме» на степень доктора медицины [2, с. 14]. В 1892 г. Самойлова командировали в Тобольск на борьбу с эпидемией холеры, но практикующим врачом он работал недолгое время. Решив заняться научной работой, Александр Филиппович поступил в Институт экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге, в лабораторию Ивана Петровича Павлова на должность ассистента. В 1894 г. Самойлов перешел в Московский университет в лабораторию Ивана Михайловича Сеченова в качестве сверхштатного лаборанта при кафедре физиологии [2, с. 23; 10, с. 480]. Позже Иван Петрович Павлов написал о переходе своего сотрудника в другую лабораторию следующее: «Я хорошо не помню, был ли у нас разговор и какой о мотивах его перехода, но думаю, что главной причиной этого был склад его головы. Каждый из нас идет на то, что отвечает этому складу. А складу соответствуют разные области науки или разные методы одной и той же науки» [11, с. 331]. О своей работе Павлов писал, что у него «... преобладали в известные периоды, или даже временами исключительно применялись вивисекции и физиологические хирургические операции, а Иван Михайлович Сеченов работал почти всегда только с химическими методами и

физическими инструментами. Александра Филипповича, очевидно, влекло к инструментальной, физической физиологии. И действительно, впоследствии, достигши профессорства, Александр Филиппович сосредоточил главнейшую свою работу в электро-физиологии и сделал в этом отделе очень многое» [11, с. 331]. В 1896 г. Самойлов стал приват-доцентом Московского университета, читал «необязательные курсы по электрофизиологии и физиологии органов чувств» [2, с. 23, 25]. С 1897 по 1903 гг. читал «часть обязательного курса физиологии» по поручению естественно-исторического отделения физико-математического и медицинского факультетов университета [10, с. 480]. 3 октября 1903 г. Александр Филиппович был избран профессором кафедры зоологии, сравнительной анатомии и физиологии физико-математического факультета Казанского университета. В 1921 г. стал профессором кафедры физиологии Ветеринарного института в Москве. С 1924 года руководил одновременно и физиологической лабораторией Казанского университета, и кафедрой физиологии физико-математического факультета Московского университета [2, с. 31, 39, 42]. Самойлов также занимался преподавательской работой, связанной с обучением врачей. Так, И.А. Ветехин (в 1911 г. он пришел в лабораторию к профессору Самойлову на должность сверхштатного ассистента [2, с. 34]) писал: «После Октябрьской революции А.Ф. [Александр Филиппович] читал в Казани ряд превосходно составленных специальных курсов для врачей по графическим методам исследования сердца с электрокардиографией и по внутренней секреции. Вместе с врачами эти курсы слушали и ряд профессоров – медиков и ветеринаров из казанских вузов» [9, с. 615]. В 1920 г. Самойлов ввел курс физиологии и электрокардиографии в Казанском институте усовершенствования врачей. По приглашению Клинического института в Казани и Биофизического института в Москве читал специальный курс по электрокардиографии для врачей. Деятельность Самойлова была связана с организацией и работой первых в нашей стране электрокардиографических кабинетов [2, с. 37, 132; 12, с. 53]. Начиная с 1890-х гг. он выезжал за границу – сначала в европейские страны, а в 1922 г. он впервые посетил США. Во время своих заграничных поездок Александр Филиппович принимал участие в работе международных научных конференций, читал лекции в университетах, госпиталях (на курсах усовершенствования врачей), работал в лабораториях у иностранных коллег [2, с. 45, 49–50; 12, с. 55–56].

Научные интересы Самойлова были разнообразны. Он проводил исследования в области биохимии, фармакологии. Самойлова также интересовала физиология органов чувств. Но основная часть его научных исследований была связана с нервно-мышечной физиологией [9, с. 614; 13, с. 334, 344]. Научные работы Самойлова в области электрофизиологии получили признание отечественных и иностранных коллег еще при жизни ученого

[2, с. 104], «роль Самойлова в электрофизиологии была огромна» [14, с. 344]. Его исследования легли в основу теоретической и клинической электрокардиографии [2, с. 107; 13, с. 50]. А.Ф. Самойлов опубликовал свыше 20 работ по физиологии сердца и электрокардиографии [14, с. 16]. В 1909 г. была впервые издана монография по электрокардиографии, которая была написана Самойловым на немецком языке. В 2017 г. вышло русскоязычное издание данной книги [7, р. 1624; 12, с. 52–53].

К исследованиям в области электрофизиологии Александр Филиппович Самойлов приступил после переезда в Москву в лабораторию Сеченова. Там он начал работать с капиллярным электрометром [2, с. 24] – прибором для изучения электрических явлений в мышцах и нервах, появившимся ранее более чувствительного струнного гальванометра Эйнтховена. Самойлов занимался усовершенствованием прибора, довел «...технику фоторегистрации капиллярного электрометра до исключительной отчетливости и изящества» [13, с. 335], ввел новый метод для фотографирования показаний капиллярного электрометра, что «...позволило на одном снимке получать и сравнивать несколько кривых» [13, с. 52].

В 1904 г. А.Ф. Самойлов посетил VI Международный конгресс по физиологии в Брюсселе (Бельгия) и впервые встретился с Виллемом Эйнтховеном, который жил и работал в Лейдене (Голландия). Александр Филиппович писал: «Я встретился впервые с Эйнтховеном за несколько дней до открытия физиологического конгресса в Брюсселе в 1904 г. Я написал ему из Парижа, где я был в то время, и затем я остановился в Лейдене, чтобы навестить его. Я одновременно увидел Эйнтховена и его новый инструмент, струнный гальванометр...» [15, р. 546].

Выступление Эйнтховена на закрытии конгресса было посвящено работе двух приборов для электрофизиологических исследований и сравнению результатов, полученных при помощи капиллярного электрометра и гальванометра [16, р. 33]. Ученый также пригласил своих коллег по окончании конгресса посетить Лейден, где находился разработанный им струнный гальванометр [17, р. 270–271].

Вероятно, после посещения физиологического конгресса в Брюсселе А.Ф. Самойлов решил приобрести струнный гальванометр Эйнтховена для физиологической лаборатории физико-математического факультета Казанского университета. В монографии Н.А. Григорян «Александр Филиппович Самойлов» приведены сведения о том, что в 1906 г. Самойлов ходатайствовал о выделении физиологическому кабинету 425 руб. для приобретения струнного гальванометра. В результате было принято решение ассигновать на покупку прибора из средств Казанского университета 300 руб. в 1906 г.

и отложить до 1907 г. выдачу оставшейся части суммы [2, с. 32]. При этом в монографии не указано, какая именно модель прибора была закуплена для университета. Как известно, изготовлением коммерческих моделей струнного гальванометра Эйнтховена на момент приобретения прибора для Казанского университета занимались несколько производителей научного оборудования: Макс Эдельман в Германии, Кембриджская инструментальная компания в Англии [1, р. 939].

В статье, посвященной жизни и научной деятельности профессора Самойлова, И.А. Ветехин упоминал о том, что «...очень скоро после изобретения Эйнтховена...» физиологическая лаборатория Александра Филипповича «...обогадилась установкой струнного гальванометра (модель Макса Эдельмана)» [14, с. 14].

Между тем, по имеющимся сведениям, для Казанского университета во втором полугодии 1908 г. была куплена и коммерческая модель струнного гальванометра Эйнтховена, разработанная Кембриджской инструментальной компанией [18, р. 75].

В дальнейшем физиологическая лаборатория Казанского университета пополнялась новым оборудованием [2, с. 32–33]. К примеру, в своей статье 1910 г. А.Ф. Самойлов указал, что в лаборатории в наличии было два струнных гальванометра конструкции Эдельмана: большой и малый. Причем малую модель прибора ученый использовал на лекциях с демонстрационной целью [19, С. 484].

Приведенные выше данные позволяют сделать предположение, что в Казанском университете в 1900–е гг. могло быть уже несколько моделей струнных гальванометров Эйнтховена разных изготовителей. Но дата появления первого струнного гальванометра Эйнтховена в физиологической лаборатории Казанского университета все же требует уточнений.

В своей публикации «Электрокардиограммы» в газете «Русский врач» 1908 г. Александр Филиппович Самойлов сообщал о появлении нового прибора в физиологической лаборатории следующее: «Струнный гальванометр был приобретен для лаборатории не в целях исследования больных. Электрокардиограмму нормального человеческого сердца я записывал только для того, чтобы проверить качество инструмента в отношении предъявленной к нему совершенно определенной и сравнительно трудной задачи» [4, с. 1093]. Ученый отмечал, что «...вопросы, которые она [электрофизиология] себе ставит, имеют в настоящее время совершенно определенный, реальный характер. Одним из таких вопросов является исследование электрических токов сердца и выработка способов графической записи их в виде кривой» [4, с. 1089]. В публикации не встречается именно термин «электрокардиография», метод был обозначен как «ме-

тод электрокардиограмм», «метод записей электрических токов сердца».

В статье А.Ф. Самойлов привел характеристики, которыми должен обладать инструмент для записи «токов сердца» и в «кратких чертах» описал принцип струнного гальванометра Эйнтховена, «получившего в короткое время большое распространение и разнообразное применение» [4, с. 1090]. Также в публикации были показаны «кривые сердечных токов действия» здорового человека, дано описание «частей электрокардиограммы», представленных ранее Эйнтховеном [4, с. 1091]. А.Ф. Самойлов рассмотрел «сочетанную электрокардиограмму 2-х сердец, принадлежащих 2-м лицам и включенных в одну цепь [с гальванометром]» [4, с. 1092]. Александр Филиппович отмечал, что прибор Эйнтховена позволил получить «...такую картину, на основании которой мы сразу можем сказать: здесь бились 2 сердца», «...можем сделать обоснованное предположение...» о расположении обоих сердец или тел, заключающих их, относительно друг друга [4, с. 1092].

В статье сообщалось, что благодаря просьбе своего коллеги, врача, профессора Казанского университета А.Н. Казем-Бека, который в 1904–1916 гг. возглавлял кафедру факультетской терапии [20, с. 23], Самойлову представился случай использовать новый прибор для обследования больного. Александр Филиппович писал: «... когда техника пользования инструментом была окончательно налажена, я, по просьбе проф. А.Н. Казем-Бека, согласился записать кривую сердечных токов одной больной женщины, присланной из клиники в лабораторию. Я не знал характера ее сердечного заболевания и, конечно, не исследовал ее, потому что со времени школьной скамьи практической медициной не занимался. Я отвел токи ее сердца через обе руки к гальванометру и экспонировал электрокардиограмму. Через минуту, проявляя кривую в темной комнате, я заметил сильнейшее отклонение кривой от нормального вида. Было ясно, что часть электрокардиограммы, соответствующая предсердию, значительно выше и продолжительнее, чем в электрокардиограмме нормального сердца; очевидно, предсердие работало с большим напряжением, чем обыкновенно у здорового человека. Оказалось, что обычными способами у этой больной было найдено сужение левого атриовентрикулярного отверстия. Итак, мой диагноз, по существу дела совпадавший с диагнозом клинициста, но основанный на данных электрокардиограммы, определял характер забо-

левания с иной стороны, со стороны силы деятельности предсердия» [4, с. 1093]. А.Ф. Самойлов полагал, что можно было «...ожидать плодотворного применения гальванометрических исследований в области патологии сердца» и что «...в клинике найдутся люди с физической и физиологической подготовкой, которые при добром желании и надлежащем руководстве овладеют методом записей электрических токов сердца» [4, с. 1094]. Но при этом, по мнению Александра Филипповича, открывающимися для клинической медицины возможностями следовало правильно распорядиться. Ученый писал: «Клиника поставлена, как бы в положение человека, который должен получить большое богатство и стоит перед трудной задачей справиться с этим богатством, использовать его наиболее целесообразно». К тому же, для внедрения нового диагностического метода в медицинскую практику требовалось изучение теоретических основ данного метода. Самойлов отмечал: «Вопрос о сердечных электрических токах в его применении к патологическим случаям не находится еще в состоянии широкого практического пользования им. Вопрос этот останется еще, очевидно, на долгое время предметом исключительного научного исследования, и при том исследования тщательного и осторожного; осторожность здесь требуется особенно в виду сложности и тонкости метода исследования, а чем метод сложнее, тем больше, конечно, оснований для погрешностей» [4, с. 1094].

Таким образом, в 1900-е гг. (период появления первых коммерческих моделей струнного гальванометра Эйнтховена) научные публикации на национальных языках, содержавшие сведения о принципах работы нового прибора для регистрации электрических явлений в сердце и возможностях его использования в научной работе и медицинской практике, способствовали распространению сведений о методе электрокардиографии в разных странах мира. Вышедшая в 1908 г. в медицинской периодической печати научная работа Александра Филипповича Самойлова «Электрокардиограммы» стала, очевидно, первой публикацией на русском языке в отечественном периодическом издании, посвященной струнному гальванометру Эйнтховена и методу электрокардиографии. В своей статье А.Ф. Самойлов показал как возможности использования метода графической регистрации электрических токов сердца в медицинской практике, так и указал на необходимость тщательного изучения теоретических основ данного метода для его дальнейшего практического применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fye W.B. A history of the origin, evolution, and impact of electrocardiography // The American Journal of Cardiology. 1994. Vol. 73(13). P. 937–949.
2. Григорян Н.А. Александр Филиппович Самойлов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 203 с.

3. Русский врач // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. т. IIa. СПб., 1907. С. 559. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924173?page=1> (дата обращения: 14.05.2020).
4. Самойлов А.Ф. Электрокардиограммы // Русский врач. 1908. № 33. С. 1089–1094.
5. Зеленин В.Ф. Электрокардиограмма, ее значение для физиологии, общей патологии, фармакологии и клиники // Военно-медицинский журнал. 1910. Т. ССХХVIII. С. 677–688.
6. Алликметс Л.Х., Калнин В.В. Тартуский государственный университет // Большая медицинская энциклопедия. Т. 24 / Гл. ред. Б.В. Петровский. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 511–513.
7. Krikler D.M. The search of Samojloff: a Russian physiologist in times of change // British Medical Journal. 1987. Vol. 295(6613) P. 1624–1627. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1257495/> (дата обращения: 24.06.2020).
8. Чиж Очерк истории медицинского факультета Императорского Юрьевского (бывшего Дерптского) университета // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802-1902). Т. 2 / Под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев: типография К. Маттисена, 1903. С. I–XVI. URL: <https://dspace.ut.ee/handle/10062/17434> (дата обращения: 03.07.2020).
9. Ветохин И.А. А.Ф. Самойлов // Русский физиологический журнал имени И.М. Сеченова. 1930. Т. XIII. № 6. С. 613–616.
10. Самойлов Александр Филиппович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: за сто лет (1804–1904). В 2 ч. Ч. I: кафедра православного богословия, факультеты историко-филологический (с разрядом восточной словесности и лектурами) и физико-математический / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань: типо-литография Императорского университета, 1904. С. 479–481. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003976176?page=2> (дата обращения: 03.07.2020).
11. Павлов И.П. Памяти Александра Филипповича Самойлова // Казанский медицинский журнал. 1931. № 4–5. С. 331–332.
12. Зефилов А.Л., Звёздочкина Н.В. Александр Филиппович Самойлов – основоположник электрофизиологических исследований Казанской физиологической школы // Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2017. № 2. С. 50–57.
13. Воронцов Д.С. Научно-исследовательская деятельность А.Ф. Самойлова // Казанский медицинский журнал. 1931. № 4–5. С. 334–344.
14. Ветохин И.А. Александр Филиппович Самойлов (краткий очерк жизни и научной деятельности) // Вопросы физиологии человека и животных / Под ред. Г.С. Юньева. Минск: Изд-во Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, 1960. Вып. 1. С. 5–22.
15. Samojloff A. Reminiscences of the late Professor Willem Einthoven // American Heart Journal. 1930. Vol. 5(5). P. 545–548.
16. Slosse A. Compte rendu du VIe Congrès international de Physiologie (30 août – 3 septembre). Procès-verbaux des séances du VIe Congrès // Archives internationales de physiologie. 1904–1905. Vol. II. P. 19–35. URL: <https://archive.org/stream/archivesinterna06unkngoog/page/n6> (дата обращения: 05.09.2020).
17. Franklin K.J. A short history of the International Congresses of physiologists // Annales of Science. 1938. Vol. 3(3). P. 241–335.
18. Burnett J. The origins of the electrocardiograph as a clinical instrument // Medical history, supplement. 1985. № 5. P. 53–76. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2557409/> (дата обращения: 17.06.2020).
19. Samojloff A. Praktische Notizen zur Handhabung des Saitengalvanometers und zur photographischen registration seiner Ausschläge // Archiv für Anatomie und Physiologie. Physiologische Abteilung. 1910. S. 477–514. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/103249#page/9/mode/1up> (дата обращения: 19.06.2020).
20. Казем-Бек Алексей Николаевич // Большая медицинская энциклопедия. Т. 10 / Гл. ред. Б.В. Петровский. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 23.

© Иванова Анна Николаевна (anna1486@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГРАКХАНСКИЙ ПРОЕКТ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ КОРИНФА

GRACCHAN PROJECT FOR THE RESTORATION OF CORINTH

E. Lyahin

Summary: The article is devoted to the movement of the Gracchi brothers and the plans of the colonization of Greece, or rather the restoration of Corinth, which was destroyed by Roman troops under the leadership of Lucius Mummii Achaean League in 146 BC, the Problem of destruction of defenseless cities of the Achaean Union, the imposition of the curse, became the movement of the Gracchi the symbol of the old victories of optimats. The project is the Foundation of a Roman colony on the territory of Corinth, which will already be carried out centurization, but the project itself will be canceled for political reasons. Will resume only at the very end of the dictatorship of Gaius Julius Caesar, in 44 BC.

The purpose of the study is to reveal the facts of the founding of the Roman colony in Corinth by the brothers Gracchi. The scientific novelty of the research lies in the fact that the article connects facts that were not previously considered in a general way. This is the fact of the struggle of the Gracchus against the optimates and the commercial and financial circles in Rome, who received super profits from the exploitation of the eastern provinces, through Fr. Delos and Athens. As a result, those actions of the Gracchans, which were associated with the founding of the Roman colony in Corinth, led to the creation of the project and centurization, but were sharply curtailed after the death of the Gracchi brothers and their associates. The article aims to describe the real reason for trying to found a Roman colony.

Keywords: Gracchan movement, Roman Corinth, centurization, Lucius Mummii of Achaea.

Ляхин Евгений Владиславович

соискатель, ФБОУ ВО «Казанский Федеральный университет»; Преподаватель, ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»

Evgeny102@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена движению братьев Гракхов и планам колонизации Греции, а точнее восстановлению Коринфа, который был разрушен римскими войсками под руководством Луция Муммия Ахейского в 146 г. до н. э. Проблема разрушения беззащитного города Ахейского союза, наложение проклятия, стали для движения Гракхов символом старых побед оптиматов. Проект основания римской колонии на территории Коринфа, которой уже будет проведена центуриация, но сам проект будет отменен по политическим причинам. Возобновится только в самом конце диктатуры Гая Юлия Цезаря, в 44 г. до н. э.

Цель исследования – раскрыть факты основания римской колонии в Коринфе, братьями Гракхами. Научная новизна исследования в том, что в статье связываются факты, ранее не рассматривающиеся в общем ключе. Это факт борьбы Гракхов против оптиматов и торгово-финансовых кругов в Риме, которые получили сверхдоходы с эксплуатации восточных провинций, через о. Делос и Афины. В результате, те действия гракханцев, которые были связаны с основанием римской колонии в Коринфе, привели к созданию проекта и центуриации, но были резко свернуты после гибели братьев Гракхов и их сподвижников. Статья призвана описать реальную причину попытки основать римскую колонию.

Ключевые слова: гракханское движение, римский Коринф, центуриация, Луций Муммий Ахейский.

Коринф, разрушенный в 146 г. до н. э. консулом Луцием Муммием к моменту начала движения Гракхов лежал в руинах и имел статус *ager publicus*, то есть государственной земли, но с двумя небольшими деталями. Во-первых, хора Коринфа, была предана проклятию (*devotio*) и ритуальной вспашке. На такой земле нельзя селиться, нельзя её даже распахивать, но можно заниматься выпасом скота (App. BC. I, 24). Во-вторых, другая часть бывших земли Коринфа, отходили Сикиону (Strabo. VIII. 6, 23). Поэтому Коринф, лежавший в руинах несколько десятилетий, не привлекал внимания центрального правительства в Риме, но с началом гракханского движения, были разработаны первые проекты по выводу внеиталийских колоний, прежде всего нас интересует проект восстановления Коринфа. Что изменилось в политике Рима в отношении, покоренной в 146 г. до н. э. Грецией? Что мотивировало римлян для колонизации именно этих бывших когда-то крупных мегаполисов, необходимо вернуться в поворотный для Римской респу-

блики год, а именно в 146 г. до н. э.

Как известно, разрушенный в результате Ахейской войны (147-145 гг. до н. э.) Коринф, был в глазах римлян оплотом последней надежды греков на независимость и былую гордость и славу Эллады. Поэтому консул Луций Муммий разрушает фактически сдавшийся город и покинутый руководством Ахейской федерации город (Paus. VII, 15; Polyb. XXXIX, 13; Vell. I. 13, 1; Justin. XXXIV. 2, 6; Eutr. XIV, 1-3). Причин для такой жестокости, а если учесть, что Коринф был крупным морским портом, который физически пришлось разрушать римской армии всю осень 146 г. до н. э. было несколько. Первая причина, это удовлетворение своих личных амбиций консула – Луция Муммия, который получил после разгрома Коринфа множество преференций – триумф, *согнотен* – «Ахейский». Сами Муммии были плебейским родом и входили в так называемый плебейский нобилитет и все победы Луция Муммия и акции в Греции, такие как разгром

Ахейского союза, разрушение Коринфа, а также работа сенаторской комиссии, где, если обратить внимание входили исключительно люди Муммия (Paus. VII. 16, 5; Zon. IX, 31; Cic. add. Att. XIII. 6, 4; Polyb. XXXIX, 12). Все эти действия привели его партию к победе в сенате и в дальнейшем потеснили власть клана Метеллов, но ненадолго. Со смертью самого Луция Муммия род уходит на второй план. Вторая причина имела политический мотив, римляне фактически не за что, разрушая крупный мегаполис, устрасали и усмиряли остальные греческие города будущей римской власти, то есть облегчили работу второй сенаторской комиссии в Греции [6, с. 7]. Третья причина, Коринф в глазах Рима был символом воинственности Ахейского союза, который ахейцы, собственно, и защищали. Коринф, таким образом, понес всю вину за всех ахейцев. Таким образом, руины города были символом смирения Греции и победы Рима, но для популяров это был ещё и памятник победы оптиматов, в котором Муммий вошёл в пантеон героев, как и Сципиона за разрушение Карфагена (Verg. *Aen.* VI, 836).

После 146 г. до н. э. Рим остался без крупных противников в Средиземноморском бассейне. Именно в этом Римская республика входит в эпоху так называемых гражданских войн. Движение Гракхов было ответом на начало экономических и социальных проблем внутри самой республики. После завоевания Италии, в Рим стали поступать в огромных количествах, военная добыча, дань и налоги с провинций. В Риме появляется прослойка сверхбогатых людей – олигархия, основной доход которых получают от крупных поместий. С другой стороны, после постоянных войн Рим наполнился множеством нищих людей и бродяг. Провинции после постоянных нашествий пришли в упадок, сказывалось отсутствие торговли и деловой активности, активизировались пираты. Так, например, Греция и Африка, будущие провинция Ахайя и Проконсульская Африка, вообще выключены из коммерческой деятельности и средиземноморской торговли, только Цезарь-диктатор благодаря 80.000 колонистам (Suet. *Jul.* 42), восстановил их традиционное значение [1, с.35]. Усиливаются все виды противоречий внутри римского общества: противоречие между знатью и народом, знатью и деловыми кругами, патрициатом и нобилитетом, римлянами и союзниками, римлянами и провинциалами. Такого системного кризиса в римской республике не было никогда.

Гракхи и их сторонники откликнулись на этот глубоко системный кризис. Гракханские реформы были первой серьезной попыткой выйти из системного кризиса. Передел земли особенно *ager publicus*, введение земельного максимума для римских семей в 500 югеров. Это база аграрной реформы, после которой Гракхи продолжают своих изменения в социальной, экономической и политической сферах. Один из методов решения земельного вопроса, это основание колоний и вывод наиболее бед-

ной прослойки населения из Рима, сначала в италийские города, а затем в Африку и Грецию.

О причинах вывоза колонии в Африку на место бывшего Карфагена (колония Юнония) [2, с. 205], сказано уже достаточно много. Благодаря обилию нарративных источников, а также из так называемого аграрного закона народного трибуна Спурия Тория (111 г. до н. э.) (CIL. I, 200; 585). Наоборот, об основании колонии на месте Коринфа мы знаем очень мало. Часто в историографии говорится вскользь или не говорится вовсе. Но в законе Тория есть целый раздел «О коринфской колонии» строчки 96-105, но в самом конце надписи и она очень сильно повреждена.

Каковы же причины колониальной экспансии в Грецию. Ответить на такой вопрос можно несколько с помощью решения земельного вопроса нельзя, так, как всем известно, как мало в Греции пахотной земли и какого она качества, тем более что сам Коринф, это морской порт, а не аграрный полис. Во-вторых, часть хоры Коринфа была отдана Сикиону. И последнее Коринфика была предана проклятию. Чего же хотели Гракхи и их сторонники?

В 133 г. до н. э. во время выхода аграрного закона Тиберия Гракха (*Lex Simproniana agraria*) умирает царь Пергамма, Аттал III (138-133 гг. до н. э.), и завещает своё царство Риму. Пергамское царство, римляне, правда, не сразу, из-за больших размеров превратили в римскую провинцию Азия (в 126 г. до н. э.). Появилась римская территория далеко на востоке, где связь между ними осуществляется в основном по морю, где господствуют пираты. Чтобы защитить свои интересы, а также стимулировать коммерческую и деловую активность в провинциях, Гай Гракх начинает активную колониационную политику в Римские республики.

В новом основании Коринфа, как римской колонии были достаточно консервативные экономические взгляды, а также своеобразной политической провокацией, руководствовались Гракхи и их последователи [1, с. 15]. Это доказывает, несколько фактов. Во-первых, Коринф лежал, как известно в наиболее узком месте полуострова Пелопоннес, гарантировавший безопасное плавание из Адриатики в Эгейское море и наоборот, то есть был своеобразным «мостом в Азию». Географически Коринф располагался посреди Истма и содержал две гавани, которые располагались в разных сторонах перешейка – Лехайон и Кенхереи. Цитадель Коринфа – Акрокоринф лежала на 573 м над уровнем моря. Лехайон порт Коринфа, находившийся в Коринфском заливе, осуществлял связь с Италией через Адриатическое море. Кенхереи – порт Коринфа, принимавший корабли Восточного Средиземноморья с Эгейского моря [1, с.65]. Коринф был центром коммерции уже в VIII в. до н. э.

К тому же Коринф был местом триумфа оптиматов, снятие проклятия, основание города, было с религиозной точки святотатство, а нанёс бы своеобразную пощечину сенату Рима, который держался своих традиций. Таковы были основные мотивы для вывода колонии в Коринф, отметим, что до этого вывод колоний вне Италии не предпринимался.

Ещё одной причиной основания Коринфа, является настойчивое лоббирование самим Гаем Гракхом интересов всадничества. Причина такого лобби заключается в поиске более широкой базы поддержки самого гракхинского движения. И в рамках этого лоббирования, в 126 г. до н. э. Гай Гракх проводит законопроект «*lex de prov. Asia a censoribus locanda*». Для осуществления своих планов Гракх решил привлечь на свою сторону всадников, через сдачу на откуп провинций, то есть продажа права сбора налогов в провинции Азия на один год. Откуп провинции по новому закону осуществлялся прямо в Риме, а не в провинции как это было раньше (*lex de provinciis consularibus*). Фактически провинция Азия была отдана Гракхом на разграбление. Также Гай объявил провинции – «собственностью римского народа», что сделало его популярным, а всадники после этого закона стали самыми ярыми сторонниками Гая Гракха [3, с. 218-219]. Последний, таким образом, получил сразу два козыря в дальнейшей своей деятельности, он получил столь необходимые средства для реформ и основания колоний и поддержку всадничества. Коринф в данном случае, должен был стать центром деловой активности всего региона. Отметим, что таким центром должна была стать римская колония, а не греческий или малоазийский город, как это было в Афинах или на Делосе, где например был так называемый «латинский квартал» [5].

Дата создания проекта нам неизвестна, но известно две даты, от которых следует оттолкнуться. Первая дата – 122 г. до н. э. согласно *Lex Rubria*, выведена колония Юнония. Напомним, что закон Рубрия юридически связан с *Lex Sempronia agraria* (133 г. до н. э.), то есть вывод колоний за пределы Италии, входило ещё в планы Тиберия Гракха [4, с.200]. Вторая дата, от которой необходимо оттолкнуться это 111 г. до н. э., так называемый закон Тория, где четко упоминается о будущей центуриации Коринфской колонии, о том, какие земли будут входить в состав новой колонии, какие относиться к Сикиону. Таким образом, проект основания Коринфа был создан Гракхами или пост-Гракхами, была уже подготовлена центуриация земель, но после падения Гракхов и их сторонников проект был свернут, и римская колония в Коринфе так и осталась на бумаге, в отличие, например, от колонии Юнонии. Куда были посланы колонисты, и поселение получило официальный статус – римская колония. Продержись Гракхи дольше, то корабли с колонистами выехали бы и в новый Коринф.

Археологические данные [10, с.88] подтверждают тот факт, что поселение в Коринфе, точнее в северной части бывшего греческого города существовало скорее всего после упомянутого закона Тория 111 г. до н. э. Между участками была проложена дорога для двухколесной телеги. Земли Коринфа, переданные в фонд государственных земель Рима, подверглись центуриации, то есть были поделены на участки для продажи и установлены пограничные камни. То есть из *ager publicus* земли бывшего Коринфа, были переведены таким образом в статус частных земель для продажи (*vectigalis as ager publicus*). И многие из этих участков с пограничными камнями видел Цицерон в 63 г. до н. э. во время своего путешествия по Греции (*Leg. agr. I, 5; II, 5, 1*), и поселок на руинах бывшего греческого Коринфа (*Tusc. III, 22, 5*).

Таким образом, римское поселение в Коринфе, было необходимо и римлянам, и грекам, так как уходило в прошлое старое идеологическое, можно даже сказать, скорее аристократическое отношение к поверженным врагам с их осквернениями и проклятиями земель. Коринф, как морской порт был нужен прежде всего самим римлянам. Как перевалочная база для соединения Италии и восточных провинций, как надежный форпост, населенный римскими колонистами. Идеологически восстановленный Коринф символизировал победу популяров над оптиматами, а также означал разворот экономики Римского государства в сторону более прибыльной и доходной торговли, которая могла решить множество внутренних противоречий самой республики. Немало важное разворот Рима к провинциям, а точнее отказ от старой системы ограбления провинций и переход к налаживанию сотрудничества государства и его территорий. Также не следует забывать, что колонисты, прибывшие из Рима и Италии, освобождали земли, позволяя Гракхам более успешно проводить земельные реформы. Новый римский Коринф делал ближе провинцию Азия и особенно это было нужно всадникам-публиканам, которые выкачивали с помощью откупа огромные средства из бывшего Пергамского царства. Но, этот шаг как покажет исторический процесс завершиться в эпоху решительных действий Цезаря-диктатора (49-44 гг. до н. э.). Следует обратить внимание на следующий факт. Колонисты, посланные Цезарем в Коринф прибыли не на пустырь, уставленный руинами и старым проклятием, а имеющий правильную центуриацию и уже со снятым проклятием территорией.

Стоит только вдохновляться действиями братьев Гракхов и их сторонников, которые помимо старой аристократии, державшийся своих традиций и старых побед, бросили вызов религии, традициям и морали древнеримского общества, которое всегда держалось ультраконсервативных устоев. Всё это закончит только через семьдесят лет Гай Юлий Цезарь, и старая полисная структура Рима уступит новому государственному орга-

низму, как империя.

Таким образом, Гракханский проект восстановления Коринфа, не привлекавший до сих пор исследователей, ведет к следующим важным выводам. Движение братьев Гракхов открывает новую страницу истории Древнего Рима. Во-первых, римский Коринф, как мы увидим позднее надежно свяжет восток и запад Римского государства. Во-вторых, изменит систему отношений провинция

и Рим. В-третьих, проект римского Коринфа изменит отношение самих римлян к бывшим врагам и проклятиям, в угоду получения прибыли от коммерции и торговли. Сотрудничество заменяет традиции «право сильного». В-четвертых, исходя из третьего пункта Рим вступает в свет капиталистических отношений, где на первое место выходит получение дохода законным путем, а не путем ограблений и контрибуций. Хотя последнее будет работать в Римском государстве до его конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров А.Б., 2017: Рим: от республики к империи. СПб.
2. Кирюшов Д.А., 2008: Аграрная политика Гая Гракха // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 7. С. 203-211.
3. Лапыренко Р.В., 2016: Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н. э., 298 с.
4. Лапыренко Р.В., Сморгачев, А. М., 2014: Аппиан и пост-гракханское аграрное законодательство // Antiquitas Aeterna. 4. Нижний Новгород, С. 189-212.
5. Хабихт Х., 1999: Афины: история эллинистического города. М.
6. Davies S., 2010. Carthage and Corinth, & 146 BCE: Shifting Paradigms of Roman Imperium // Beyond Borders: Selected Proceedings of the Ancient Borderlands International Graduate Student Conference. Austin, P. 76-102.
7. Dinsmoor W.B. The Archons of Athens. Cambridge, 1993.
8. Nottmeyer H., 1995: Polybios und das Ende des Achaierbundes: Untersuchungen zu den römisch-achaischen Beziehungen, ausgehend von der Mission des Kallikrates bis zur Zerstörung Korinths. München. 302 ss.
9. Purcell N., 1995: The sacking of Carthage and Corinth // Ethical and rhetoric classical essays for Donald Russel in his seventy-fifty birthday. Oxford, P. 229-241.
10. Romano D.G., 2000: A tale of two cities: Roman colonies at Corinth // Romanization and the city. Creation, transformations and failures. Portsmouth, Rhode Island. P. 86-102.
11. Romano D.G., 2006: Roman surveyors in Corinth // American Philosophical society. 150. 1. P. 61-81.

© Ляхин Евгений Владиславович (Evgeny102@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Казанский федеральный университет

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ В ИСТОРИИ (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В 1930-Е ГОДЫ)

Пепелина Наталья Игоревна

*К.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина»
referatp@yandex.ru*

PERSON AND TIME IN HISTORI (ON THE FORMATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN THE 1930S)

N. Pepelina

Summary: The article attempts to analyze the process of formation of the public historical consciousness of the Soviet people using the example of the development of historical education in the 1930s, attracting a diverse historiographic base to the solution of this problem.

Keywords: public historical consciousness, historical perspective, person, history textbook, historical source, archival materials, mentality.

Аннотация: В статье предпринята попытка на примере развития исторического образования в 1930-е годы проанализировать процесс формирования общественного исторического сознания и ментальности советского человека, привлекая к решению указанной задачи разнообразную историографическую базу.

Ключевые слова: общественное историческое сознание, историческая перспектива, человек, ментальность, учебник истории, исторический источник, архивные материалы.

Мы традиционно рассматриваем науку как особый вид деятельности, направленный на приобретение нового знания и обладающий рядом характерных черт, таких как рациональность, системность, доказательность, объективность. Конечная цель любого исследования – достижение истины, то есть адекватного отражения реальности. История как область научного знания не является исключением. Изучение прошлого, его объективный анализ, умение понимать смысл произошедших событий есть обязательное и необходимое условие для всестороннего развития личности. Знакомая с комплексом представлений об особенностях общественного развития, причинах и последствиях крупных событий национального и мирового значения, понимаем историю как обобщенный опыт прошлого и как способ самопознания народа.

Одна из ключевых проблем исторического познания – это принадлежность его объекта к уже случившемуся «и существование его для историка в основном не в качестве реального бытия, а в виде его остатков — письменных, устных и вещественных» [8, с. 29] - того, что называют историческими источниками. «Механизм познания истории таков, что он осуществляется не безотносительно к позициям субъекта в условиях современной ему социальной среды, не в обход их, а через эти позиции, на их основе» [8, с. 30]. Эта специфическая черта истории требует определенного подхода к изучению прошлого и его научной реконструкции. Историческая антропология предлагает «взглянуть на происходящие процессы с позиций их участников» [9, с. 263]. Один из основателей французской школы «Анналов» Л. Февр пи-

сал: «история – наука о Человеке; она использует факты, но это факты о человеческой жизни. Задача историка: постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов... История, разумеется, использует тексты, но это человеческие тексты... И у каждого из этих слов – своя история» [10, с. 19].

В 1920-1930-е годы в СССР проходил сложный и неоднозначный процесс формирования исторического сознания советских граждан на основании новых условий жизни, новых идеологических установок. Понимание особенностей общественного сознания в указанный период – важная составляющая в вопросе создания наиболее полной картины прошлого.

Быстрые смены исторических концепций и подходов в результате революционных событий и последующих за ними лет не могли не отразиться на специфике понимания советскими гражданами происходящего. Исторический процесс, отразившийся в их сознании, включал в себя совершенно различные концепции, положения и подходы, что, в числе прочего, сказалось на общем низком уровне научной и политической грамотности в области исторического знания. В беспокойной внутренней и внешней политической обстановке актуальной задачей было сформировать обоснованную единообразную систему исторических знаний, которая поддерживала бы государственный курс и являлась составляющей частью идеологической концепции, при этом соответствовала научным исследованиям отечественной истории. Именно для достижения подобных целей было принято решение о создании новых школьных учебников по от-

ечественной истории. Советское правительство во главе со Сталиным приложило в первой половине 1930-х годов значительные усилия для того, чтобы добиться от историков желаемого результата. После ряда неудач в 1936 году был объявлен конкурс на лучший исторический учебник для начальной школы. На страницах центральных органов печати появились правительственные документы, заключавшие в себе требования к учебнику. Они состояли в трех главных положениях: политическая выдержанность, научность, методическая грамотность. В 1930-е годы продолжались исследования по многим темам, не изучавшимся ранее, но которые должны были найти отражение в учебнике [6, с.1]. Наиболее новые разработки нужно было донести до населения в доступной для него форме с помощью учебника по истории.

Все граждане могли присылать свои рукописи на конкурс, поэтому среди участников оказались не только ученые-историки, но и люди, не обладавшие необходимыми знаниями в области истории. Это работники культуры, печати и образования, а также пропагандисты, общественники, рабочие и колхозники, учителя истории (в большинстве своем из провинции, при этом их конкурсные рукописи выявляют чрезмерно низкий уровень знаний учителей), и просто те, кто увлекался историей, но чьи исторические знания оказались минимальны. Они были некомпетентны в вопросах истории, содержании учебного материала, политических нюансах. И учащимся, соответственно, могли предложить лишь свои бытовые воззрения на исторические процессы, что, понятно, не шло на пользу школьникам.

Бессистемность представлений усугубилась использованием участниками конкурса разных, зачастую взаимоисключающих источников информации. Во-первых, работы дореволюционных историков – запрещенные и отвергнутые в 1920-е годы, и возвращенные в 1930-е годы. Несмотря на то, что правительство озвучило предложение обратиться к опыту «буржуазных» ученых, необходима была адаптация текста этих учебников с позиций марксистской методологии и соответствующей политической критики. Но обыватели не смогли, а скорее всего и не осознали, не поняли этого требования, и многие механически вернулись к изложению предмета, принятому до революции. Во-вторых, книга М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» и учебники по зарубежной истории. Несмотря на критику, вероятно, малопонятную большинству населения, эти работы продолжали использоваться в качестве источников информации. В-третьих, научно-популярная и агитационно-политическая литература, выполнявшая воспитательную функцию и направленная на борьбу с буржуазной идеологией [2]. В-четвертых, требования правительства и сопровождавшие их статьи, появившиеся в преддверии конкурса на лучший учебник в газетах, следовательно, ставшие известными населению.

Большинство представленных рукописей этой группы использовали перечисленные выше источники, поэтому можно выделить общие черты, характерные для них. Конкурсанты в основном механически переписывали материал, который они посчитали наиболее подходящим, с доступных им работ, по сути, повторяя близко к тексту все концептуальные рассуждения авторов, излагали содержание упрощенным языком, то есть так, как, видимо, понимали его сами авторы рукописей. Механически стараясь видоизменить текст в соответствии с условиями правительства, авторы сохраняли методологические и концептуальные особенности источников. Повторяя содержание книг М.Н. Покровского или буржуазных историков, они вплетали в свое изложение, как правило, искусственно требуемые властью оценки событий и исторических личностей. В частности, установку показать связь истории с современностью авторы понимали буквально – к историческим событиям далекого прошлого они применяли современные утверждения и выражения. Конкурсанты дополняли рукописи собственными умозаключениями, основанными на бытовых представлениях, которым свойственен определенный традиционализм. В механическом переписывании, добавлении требующихся оценок, «упрощении» и «украшении» языка текста, проскальзывает личное отношение участников конкурса к излагаемому материалу.

Анализ архивных материалов, в которых представлены работы, присланные на конкурс, позволяет сделать вывод об упрощенном восприятии исторических проблем простыми людьми, основанном на сведениях, полученных из разных, часто неоднозначных или неподходящих, источников. Весь приобретенный материал пропускался через призму бытового видения исторических проблем [7, с. 254]. Можно предположить, что рассуждения об исторических событиях, изложенных в присланных рукописях, были свойственны большей части населения. В подобных «учебниках» отразилось отношение простых граждан к историческому процессу, тот синтез идей и концепций, которые менялись с калейдоскопической скоростью в течение двух десятилетий Советской власти. В результате у огромной массы малообразованного населения к середине 1930-х годов сложились весьма разрозненные, противоречивые знания об историческом процессе в целом и всех его составляющих в частности. Очевидно, что требовалась стройная единообразная система исторических взглядов, поддерживающая государственный курс и являющаяся составляющей частью идеологической концепции, отраженной в учебнике отечественной истории для школы. Он должен был содержать не только политические установки партии, направленные на формирование ментальности советского человека, но и соответствовать последним достижениям науки в области изучения истории.

В основе вышесказанного лежат изучение и анализ

разнообразных исторических источников, которые систематизированы и объединены в группы. Одна из таких групп включает в себя нормативно-законодательные акты, состоящие из правительственных постановлений. Это руководящие документы, отражающие суть преобразований в школьном историческом образовании. Именно они определили направление концептуальных положений новой советской идеологической системы, занявшей во второй половине 1930-х годов ключевую позицию в исторической науке и историческом образовании.

Документами делопроизводства представлена еще одна группа источников. Она весьма широка и разнообразна. Включает в себя различные распоряжения, приказы Народного комиссариата просвещения, школьные программы и учебные планы, проекты постановлений Коллегии НКП (Материалы НКП хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фонд 2306). Наркомпрос РСФСР проводил масштабную работу по трансформации исторического образования в школе в 1920-х и 1930-х годах. В 1920-е годы была создана единая трудовая школа, изменившая подходы к преподаванию в соответствии с новыми идеологическими веяниями. В этот же период значительные изменения затронули общественно-историческое образование, складывалась комплексная система обучения, что привело к иному подходу в планировании работы в общеобразовательной школе. Исследование перечисленных материалов приводит к пониманию специфики нововведений в сфере советского школьного исторического образования в указанные периоды. В 1930-е годы документальная база НКП хранит данные о ходе работ по созданию учебников по истории. Комиссариатом просвещения были проведены совещания с учеными-историками, с учителями средних школ; создавались многочисленные комиссии по истории

Руководящая роль советского правительства в работе над школьными историческими учебниками и, как следствие, над новой идеологической концепцией, нашла отражение в большом массиве архивных материалов. Здесь встречаем проекты постановлений, процесс их создания и трансформаций, протоколы заседаний Комиссии ЦК ВКП(б) по написанию учебников истории.

Значительную роль в постижении процессов формирования общественного сознания 1920-1930-х гг. играют хранящиеся в архивах рукописи учебников, присланных на конкурс на лучший учебник по истории СССР для начальной школы, письма историков, принимавших участие в этой работе, а также рецензии, замечания членов жюри конкурса, советских ученых-историков, преподавателей истории, работников исторической науки СССР. Эти документы позволяют реконструировать особенности работы над учебниками по отечественной истории,

осмыслить специфику видения населением исторического процесса, проследить трансформации научных взглядов историков.

Анализируя источниковую базу изучаемого вопроса, необходимо сказать о публицистике. Ключевую позицию среди исторической литературы в 1920-е годы занимала книга М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» [5]. «Красный профессор», организатор советской исторической науки, Покровский фактически переписал русскую историю, переложив ее на марксистскую теорию развития капитала. На протяжении более чем десятилетия эта работа являлась для советских граждан главным источником исторических знаний по отечественной истории. Кроме того, в 1920-е годы были написаны (также основываясь на подходе Покровского) учебники по зарубежной истории. Чрезвычайно интересны для исследователя макеты учебников по истории СССР, подготовленные в 1934-1936 годах советскими историками по заданию правительства, но подвергшиеся его жесткой критике. И, конечно, учебники по истории СССР, в первую очередь, учебник А.В. Шестакова для начальной школы, выпущенный в 1937 году [11].

Статьи историков, педагогов, методистов встречаются на страницах многочисленных периодических изданий. Их содержание представляет собой отражение и понимание правительственных документов, касающихся вопросов исторического образования советских граждан (Материалы публиковались в центральных и специальных газетах («Правда», «Известия», «За коммунистическое просвещение» и др.) и в крупных партийных и исторических журналах («Большевик», «Историк-марксист», «История в средней школе» и др.)).

Исследуя исторические источники в их многообразии, ученый приходит к воссозданию картины прошлого в центре которой - человек с присущими ему ментальными чертами и особенностями восприятия соответствующего его времени исторического момента. На формирование этих черт оказывала влияние целая совокупность факторов, отражающих историческое сознание общества, которое состоит из трех важных компонентов: официальная концепция истории; профессиональная наука; историческая память различных слоев населения [1, с. 193]. Все эти источники дают инструменты для понимания человека своей эпохи, позволяют познавать историческую и культурную реальность через ее восприятие личностью.

Изучение исторического сознания советского общества создает возможность сделать ряд важных выводов, которые могут помочь в объяснении многих важных сторон жизни страны и человека в 1920-1930-е годы и проанализировать последующие перемены, произошедшие в России [1, с. 208].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика. (60-80-е годы XX века) - М., 2003. – 248 с.
2. Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука 1917-1923 годы. – М., 1968. – 217 с.
3. Дубровский А.М. Историк и власть. – Брянск, 2005. – 424 с.
4. Пепелина Н.И. Эволюционные процессы в советском школьном историческом образовании. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2011. – 216 с.
5. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. - М., 1933. – 473 с.
6. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории» // Правда. 4.03.1936. – с. 1
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 363. Л. 254
8. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. – М., 2008. – 272 с.
9. Теория и методология истории. - М., 2014. – 504 с.
10. Февр Л. Бои за историю. – М., 1991. – 633 с.
11. Шестаков А.В. Как преподавать историю СССР по новому учебнику// Исторический журнал. - 1937. - № 8. С. 5

© Пепелина Наталья Игоревна (referatper@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина

МЕСТО И РОЛЬ КРЕСТЬЯНСТВА В УСТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА СТАВРОПОЛЬЕ НА РУБЕЖЕ 1917-1918 ГОДОВ

Сахранов Виктор Романович

Аспирант, Южный федеральный университет

(г. Ростов-на-Дону)

vicsakhranov@ya.ru

THE VALUE AND ROLE OF PEASANTRY IN ESTABLISHING SOVIET POWER IN THE STAVROPOL REGION AT THE TURN OF 1917-1918

V. Sakhranov

Summary: The article is devoted to the Stavropol peasantry in the context of the establishment of soviet power in 1917-1918. In the course of the research, the author examines the attitudes of the Stavropol peasant community towards the organization of power in the agrarian region, traces the dynamics of political preferences of the peasantry and the reasons for their changes. The peasantry, being the predominant class in Stavropol region during the period under review, was the main driver of pro-soviet political changes in Stavropol region and took its place in the established system of power and management.

Keywords: Russia, Stavropol region, revolution, bolsheviks, sovietization, soviet power, Civil war, peasantry.

Аннотация: Статья посвящена крестьянству Ставрополя в контексте установления советской власти в 1917-1918 годах. В ходе проведенного исследования рассмотрены настроения в крестьянской среде Ставрополя к вопросам организации власти в аграрном регионе, прослежена динамика политических предпочтений крестьянства и причины их изменений. Крестьянство, будучи преобладающим классом Ставрополя в рассматриваемый период, явилось основным драйвером просоветских политических изменений на Ставрополье и заняло свое место в установившейся системе власти и управления.

Ключевые слова: Россия, Ставрополье, революция, большевики, советизация, советская власть, Гражданская война, крестьянство.

Интерес к советизации Ставрополя и роли крестьянства в этом процессе связаны с исключительно слабым начальным положением большевиков в регионе ввиду неразвитости промышленности (в сравнении с соседними регионами), аграрной направленности Ставрополя, традиционно спокойным социально-политическим положением.

Важнейшим условием создания революционной ситуации в таком сугубо аграрном регионе как Ставрополье являлось вовлечение крестьянства в процесс антиправительственных выступлений. В 1905-1907 годах революционные волнения ограничивались только Ставрополем и отчасти Кавминводами – аграрии губернии не были ими затронуты.

К 1917 году ситуация на Ставрополье изменилась. На протяжении долгого времени сельское население рассматривалось правительством как наиболее стабильная и терпеливая группа населения. С помощью крестьян царская власть стремилась решать самые разнообразные задачи как экономического, так и политического характера. Во взаимоотношениях власти и крестьянства господствовал приоритет государственных интересов при недостаточном внимании к интересам сельского на-

селения. Подобное положение вещей неизбежно должно было привести к обострению противоречий. К 1917 году не только пролетарии, но и крестьяне Ставрополя были охвачены предреволюционным волнением [20, с. 15]. Примечательнее тем, что крестьянство Ставрополя по меркам соседей в целом было благополучнее во всех отношениях: это мы можем видеть как по данным о крупном рогатом скоте на душу населения, так и о среднем земельном пае [1, с. 88].

Конечно, высокий уровень благосостояния местного населения и его социальный состав не способствовал быстрому распространению революционных настроений. Несмотря на то, что экономика Ставропольской губернии несла убытки, связанные с Первой мировой войной, в отличие от центральных районов фактор тягот военного времени не имел решающего значения. Более значительную роль играли действия местной и центральной власти в отношении жителей губернии.

Первый Совет рабочих и солдатских депутатов Ставрополя был создан в апреле 1917 года. К тому времени в губернии массово восстанавливались старые и создавались новые профсоюзы. Поскольку большую часть членов Совета составляли эсеры и меньшевики, было

принято решение о доверии Временному правительству и войне до победного конца.

Лозунг о продолжении войны вызвал недовольство не только немногочисленных ставропольских большевиков, но и части крестьянства. Наименее состоятельные аграрии требовали прекращения войны, создания крестьянских комитетов и конфискации земель крупных земельных собственников. В отдельных селах начались самопроизвольные конфискации и перераспределения земли.

В середине мая 1917 года состоялся Ставропольский губернский съезд крестьянских депутатов, на котором рассматривались вопросы будущих выборов в Учредительное собрание, форма устройства власти в стране, а также продовольственный вопрос. В работе съезда принимало участие 328 человек из 140 волостей Ставрополя, председательствовал Малий Л.Г. В резолюции об Учредительном собрании съезд подробно изложил свое видение предстоящей кампании, а именно проведение выборов по одномандатной мажоритарной системе через округа с населением 175 тыс. человек. Примечательными особенностями решений съезда о выборах являются положение об образовании отдельных избирательных округов в границах городов в случае их населения свыше 175 тыс. человек (данная мера безусловно была направлена на защиту интересов крестьянского населения как в масштабах страны – такие крупные города как Санкт-Петербург (2115 тыс. человек), Москва (1762 тыс. человек) и Саратов (235 тыс. человек) [18] могли бы представить в таком случае только по одному делегату, несмотря на численность населения и ожидаемо более высокую явку, так и в масштабах Ставрополя – город Ставрополь (62 тыс. человек) не смог бы представить самостоятельного делегата и был бы включен в состав округа совместно с близлежащими территориями с населением вдвое его превышающим, что с учетом общего населения Ставрополя (1239 тыс. человек) и его структуры также было бы целесообразно в интересах крестьянства) [19, с. 3]. Отдельно необходимо отметить, что в резолюции нашлось место и пункту об избирательном праве для солдат, причем по месту их дислокации (в том числе на фронте).

Анализируя вышеуказанные и иные положения резолюции о выборах в Учредительное собрание (ограниченность полномочий Учредительного собрания вопросами выработки основных положений и последующей ликвидации, наделение этих положений правовым статусом сразу после принятия, курс на проведение избирательной кампании и приоритет наказов делегатам в качестве высшей цели их работы в Учредительном собрании) необходимо отметить, что уровень политической культуры для крестьянских депутатов того времени

был достаточно высоким, делегаты ясно понимали свои цели, интересы и методы их защиты, имели собственную политическую субъектность.

Однако, рассматриваемый съезд интересен и другими резолюциями, например – о предпочтительной форме правления. Здесь депутаты постановили демократическую республику в качестве наиболее приемлемой для крестьянства формы и детализировали свои представления с помощью положений о возможной структуре органов власти – отсутствие верховного главы государства, законодательная Дума в качестве представительного органа, вырабатывающего основную государственную линию, исполнителем которой выступает выборный законодательной Думой Совет Министров, в котором председатель не обладал бы какими-то особыми полномочиями и был бы лишь «первым среди равных». Кроме того, согласно резолюции, за народом оставалось право законодательной инициативы и отмены уже принятых законов в случае поддержки определенного количества граждан.

Путем анализа представлений крестьянских депутатов об идеальной форме правления можно сделать вывод, что наиболее близкой к данным формулировкам является парламентская республика. На таких позициях стояло ставропольское крестьянство на середину 1917 года.

Также внимания заслуживает и продовольственная резолюция, в которой съезд, несмотря на нараставшие антивоенные настроения в крестьянской среде, информировал профильные министерства Временного правительства о его всяческой поддержке и готовности снабжать продовольствием северные территории и русскую армию, однако просил о решении технических и организационных проблем в ходе его транспортировки и хранения [8].

Примечательно обращение Губернского совета крестьянских депутатов от 18.05.1917, в котором содержится просьба о финансовой поддержке деятельности совета по изданию литературы, организации избирательной деятельности, изданию газеты [3]. Здесь можно говорить об определенном уровне политизации и общественной деятельности крестьянского сословия, начале избирательной кампании по выборам делегатов в Учредительное собрание.

Ситуация в регионе хоть и была стабильной, но к августу 1917 года народный комиссар Старлычанов докладывал министру иностранных дел Временного правительства о нарастании анархических настроений в губернии [11, с. 75]. При этом, ряд документов свидетельствовал об отсутствии порядка среди населения и в

более ранний период [7]. Однако данное положение все же еще нельзя назвать повсеместным.

При этом уже в сентябре 1917 года недовольство среди крестьянского населения Ставрополя достигло опасных значений – прежде всего оно было вызвано протестом против продовольственной политики, в соответствии с которой существенные объемы провизии отправлялись на фронт. Недовольство вылилось в существенных невыполнениях плановых показателей поставок продовольствия с территории Ставрополя.

Новость об Октябрьской революции в Петрограде достигла Ставрополя 28.10.1917. В течение следующих двух месяцев местная организация большевиков, включавшая в себя всего 200 человек, не получала из центра никаких инструкций относительно дальнейших действий [17, с. 97]. Между тем в данный период были зафиксированы случаи захвата большевиками власти в некоторых уездах губернии.

Ставропольская городская дума также не предпринимала никаких действий, ожидая созыва Учредительного собрания. При этом, призывы к проведению выборов звучали на заседаниях думы начиная с весны 1917 года. Местная окружная комиссия по выборам в Учредительное собрание была создана еще 12.08.1917. Голосование проводилось по принципу списков, что позволяло партиям занимать выгодное положение на выборах [15, с. 118-119].

Накануне выборов в Учредительное Собрание Ставропольский комитет РСДРП (б) выпустил воззвание, в котором призывал население Ставрополя принять участие в выборах и поддержать делегатов от большевиков, в котором апеллировали к вопросам о необходимости прекращения Первой мировой войны, а также о решении земельного вопроса в пользу крестьянских и земельных комитетов.

По решению Временного правительства в состав Учредительного собрания должны были войти 6 человек от Ставропольской губернии. Выборы проходили 12-14.11.1917 путем тайного голосования методом подачи бюллетеней. По результатам выборов 88% голосов получил список от партии эсеров, большевики получили только 5% голосов [12, с. 90]. Подобная ситуация объяснялась тем, что социальной опорой эсеров традиционно являлось крестьянство, составлявшее большинство населения губернии.

Преобладание в Ставропольской губернии аграрного населения предопределило результат выборов в Учредительное собрание и дальнейшую активизацию деятельности местных большевиков, которые понима-

ли, что установить свою власть в аграрном регионе, где порядка 90 % местных жителей занимались сельским хозяйством, не заручившись поддержкой крестьянства было практически невозможно.

Одновременно по всей территории Ставрополя распространялись воззвания правых эсеров, выступавших от имени совета крестьянских депутатов с призывом собрать новый губернский съезд. На съезде предполагалось окончательно решить вопрос о характере власти в губернии, для чего следовало провести очередные выборы [21, с. 47].

После выборов в Учредительное собрание в Ставрополе усилилась агитация, проводившаяся силами членов партии большевиков, требовавших установления в губернии советской власти. 06.12.1917 на общем собрании Ставропольского Совета рабочих и солдатских депутатов был создан Военно-революционный комитет, возглавленный солдатом, студентом Петроградского университета и членом партии большевиков Анисимовым А.Н., провозглашена власть Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также отдельным пунктом постановлено, что приоритетом для большевиков на Ставрополе становится скорейший съезд крестьянских депутатов в целях правильного и близкого учета интересов крестьянства в работе Совета [4].

Ставропольские большевики все больше внимания уделяли крестьянству – на село были разосланы агитаторы из числа рабочих и солдат, они начали принимать активное участие в работе съездов крестьян, в выборах делегатов на IV крестьянский съезд и в Народное собрание, распространяли информацию о решениях, принятых на II Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые находили широкий отклик среди селян [10].

И данная работа не прошла зря – существенная часть делегатов на IV крестьянский съезд устраивали большевики. Однако на этом большевики не остановились и продолжали проводить агитационно-пропагандистскую работу с делегатами крестьянского съезда, прибывающими в город Ставрополь для участия в его работе. Результат агитационной работы мы можем видеть в той форме, которую приняли указы избранным делегатам на крестьянский съезд [5].

IV крестьянский съезд состоялся 30.12.1917 и был примечателен его просоветским характером. Так в самом начале работы съезда делегатами было одобрено участие членов Совета солдатских депутатов Ставропольского гарнизона, в том числе Анисимова Н.А. Более того, в состав президиума были избраны представители большевиков. Далее работа крестьянского съезда боль-

ше становится похожа на работу Съезда советов – принимается резолюция о верховенстве власти народа и его представителей в лице Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, направляется приветствие Всероссийскому исполнительному комитету о его полной поддержке, декларируется проведение повсеместных перевыборов в Советы, упраздняется институт земств с возложением всех функций и имущества на Советы [6].

Именно с этого момента можно говорить о превращении большевиков в наиболее влиятельную политическую силу в Ставрополье, даже несмотря на то, что Общегубернское народное собрание должно было открыться только на следующий день.

В работе открывшегося 31.12.1917 Общегубернского народного собрания приняло участие порядка 500 делегатов, большая часть из которых не была лояльна большевикам и решения об организации власти в Ставрополье были бы приняты не в их интересах. Работа съезда проходила в здании Первой мужской гимназии Ставрополя.

Однако, большевики, воспользовавшись своими достижениями на IV крестьянском съезде, обеспечили изменение баланса сил в свою пользу – по ходатайству крестьянского съезда его участники были приняты в работу Общегубернского народного собрания, что означало абсолютное преобладание в нем крестьян [12, с. 91].

Благодаря этому политическому ходу большевикам удалось обеспечить поддержку большинства делегатов Общегубернского народного собрания. Более того, после избрания органов управления собрания, в состав которых вошли преимущественно большевики, была инициирована проверка каждого делегата на предмет легитимности его полномочий, по итогам которой удалось лишить мандатов часть нелояльных большевикам делегатов, а также таким способом привлечь на свою сторону колебавшихся делегатов.

В результате большевикам удалось провести в жизнь резолюцию об установлении 01.01.1918 на территории Ставрополья власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Соответствующие известия были направлены руководству страны. Также были избраны советские органы управления в состав Совета вошли 180 членов, из которых 130 были крестьянами, 20 рабочими и 30 – солдатами. Данное соотношение ярко демонстрирует всю значимость крестьянства в установлении советской власти на Ставрополье. Иные Советы губернского уровня были упразднены. Помимо указанного, на собрании был одобрен Декрет о земле, принятый на II Всероссийском съезде советов [9].

Также был сформирован Исполнительный комитет из

30 человек, в состав которого вошли 18 представителей городского Совета рабочих и солдатских депутатов и 12 представителей крестьянского Губернского съезда (президиум исполкома был возглавлен Мирошниковым Г.И., в качестве заместителя (товарища) председателя был назначен Мещеряков П.И. (выходец из крестьянского сословия), секретаря – Селивановский Г.Г. (выходец из крестьянского сословия) [2]), и 09.01.1918 Губернский СНК.

Председателем СНК был избран Пономарев А.А., в ведении которого находился комиссариат внутренних дел и по статусу являвшийся губернским народным комиссаром. Анисимов Н.А. возглавил комиссариат военных дел и стал заместителем председателя СНК.

Необходимо отметить, что из 9 комиссаров СНК Ставрополья 4 были выходцами из крестьянского сословия, а именно: Медведев Ф.Ф. (по делам земледелия и сельского хозяйства), Гладков Я.В. (по делам земельных реформ), Тесленко Я.М. (по делам юстиции) и Петров Н.П. (по делам путей сообщения).

Таким образом, можно заключить, что аграрным сектором ведали комиссары, на собственном опыте имевшие представление о сельском хозяйстве.

Таким образом, представители партии большевиков, еще в октябре находившиеся на почти маргинальных позициях, возглавили Народное собрание, а потом в большинстве и вновь сформированные органы власти Ставрополья. При этом аграрии Ставрополья продолжали оставаться наиболее мощной политической силой республики [14, с. 21].

Несмотря на то, что ряд исследователей оценивает события, произошедшие в Ставрополе, как насильственный захват власти большевиками [16], данное утверждение представляется весьма спорным. Преобладание большевиков в президиуме Общегубернского Народного собрания явилось следствием целого ряда причин, среди которых поддержка солдат имеет не самое большое значение. Основу успеха большевиков составила активная агитационная работа, позволившая им склонить на свою сторону традиционно поддерживавшее эсеров крестьянство. Данный фактор стал решающим в момент заседания Общегубернского Народного собрания, призванного решить вопрос о дальнейшей судьбе власти на Ставрополье. Следует учитывать, что за несколько месяцев до заседания Общегубернского народного собрания партия большевиков была малочисленной и не рассматривалась обществом как сила, способная возглавить губернию. Таким образом, в отличие от других территорий, именно крестьянство на Ставрополье сыграло значительную роль в процессе установления советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году / под ред. Лихницкого Н.; Северо-Кавказ. крайистпарт. - Ростов н/Д: «Северный Кавказ», 1930. - 2 т. 271 с.
2. ГАСК. Ф.Р-39, Оп. 1, Д. 1, ЛЛ. 1-2.
3. ГАСК. Ф.Р-65, Оп. 1, Д. 3, Л. 12.
4. ГАСК. Ф.Р-65, Оп. 1, Д. 10, Л. 157.
5. ГАСК. Ф.Р-65, Оп. 1, Д. 22, Л. 16.
6. ГАСК. Ф.Р-65, Оп. 1, Д. 22, Л. 34.
7. ГАСК. Ф.Р-973, Оп. 1, Д. 25, Л. 19.
8. ГАСК. Ф.Р-1658 Оп. 1. Д. 6. Л. 6-7.
9. ГАСК. Ф.Р-2567, Оп. 1, Д. 1, Л. 1.
10. ГАСК. Ф.Р-2618, Оп. 1, Д. 1, Л. 24.
11. Головенченко Ф.М. 1917 год в Ставропольской губернии / Комис. по проведению X-й годовщины Октябрьской революции при окрисполкоме и Истпартотдел Ставропольского окркомв ВКП(б) - Ставрополь: Истпартотдел Окркомв ВКП(б) и Юбилейная Комиссия, 1927. - 104 с.
12. Зверева Л.А. 1917 год на Ставрополье // Известия СОИГСИ. 2018. № 27 (66). С. 86-92.
13. Зверева Л.А. Органы государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917-1929 г.): монография / - Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2011. - 182 с.
14. Ляшенко Е.В. Начальный этап становления советской системы органов местного управления на Ставрополье (1917-1936 гг.) // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 71. – С. 20-27.
15. Невская Т.А., Зверева Л.А. Развитие демократических институтов на Северном Кавказе в XVIII – первой четверти XX в.: от традиционного самоуправления к советской правовой системе / – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. – 184 с.
16. Оборский Б.Ю. Ставропольские большевики в 1917 году: от попыток сотрудничества к захвату власти // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – С. 104-110.
17. Очерки истории Ставропольской организации КПСС / под ред. Д.В. Кочура и др. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. – 632 с.
18. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.): Стат. очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. - Москва: Госстатиздат, 1956. - 352 с.
19. Статистический ежегодник / под ред. Шарого В.И., зав. стат. отд. Совета съездов. - Санкт-Петербург: 1914. 560 с.
20. Суханова Н.И. Гражданская война 1917 – 1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект: Автореф. дис. канд. истор. наук. Ставрополь, 2004.
21. Суханова Н.И. Эскалация гражданской войны на Северном Кавказе (февраль 1917-лето 1918 гг.) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2003. № 32. С. 43 – 50.

© Сахранов Виктор Романович (vicsakhranov@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ В 60-Е ГГ. XX В.

Сулейманов Александр Альбертович

*К.и.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирского
отделения РАН (г. Якутск)
alexas1306@gmail.com*

SOCIO-ECONOMIC RESEARCH IN THE ARCTIC REGIONS OF YAKUTIA IN THE 1960S.

A. Suleymanov

Summary: The article presents a pioneering attempt to generalize and comprehend research activities to develop the scientific foundations for the socio-economic development of the Arctic regions of Yakutia during the period of the beginning of active industrial development of the region. A provision has been formulated about the serious attention of representatives of the scientific community to a wide range of issues, including the conditions of life of the indigenous peoples of the North, various aspects of organizing the supply of the region, development and optimization of the transport system. It is noted that scientists at the same time took into account the interests of industrial enterprises and the local population, the number of which has sharply increased, primarily due to migration from the western regions of the Soviet Union. The mobilized materials allowed us to conclude that as a result of the implemented in the 1960s. Investigations identified a set of measures necessary to improve the quality of life and increase the effectiveness of socio-economic policy aimed at the development of the Arctic regions of Yakutia.

Keywords: Arctic, Yakutia, USSR Academy of Sciences, scientific research, traditional economy, industrial development.

Аннотация: В статье представлена пионерная в отечественной историографии попытка обобщения и осмысления исследовательской деятельности по разработке научных основ социально-экономического развития арктических районов Якутии в период начала широкомасштабного индустриального освоения региона. Сформулировано положение о серьезном внимании представителей научного сообщества к широкому спектру вопросов, включая условия жизнедеятельности коренных народов Севера, различные аспекты организации снабжения региона, развития и оптимизации транспортной системы. Отмечено, что ученые при этом учитывали интересы промышленных предприятий и местного населения, численность которого резко возросла, в первую очередь, за счет миграции из западных регионов Советского Союза. Мобилизованные материалы позволили сделать вывод о том, что в результате осуществленных в 1960-е гг. изысканий был определен комплекс мер, необходимых для улучшения качества жизни и повышения эффективности социально-экономической политики, направленной на развитие арктических районов Якутии.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, научные исследования, традиционное хозяйство, индустриальное освоение.

Неуклонный рост значения обширных арктических пространств для экономики Российской Федерации актуализирует обращение к различным аспектам накопившегося в нашей стране векового опыта освоения северных территорий и акваторий, включая богатейшие традиции их научного познания. В данной работе представлена попытка реконструкции истории разработки научных основ социально-экономического развития арктических районов Якутии в 1960-е гг., осуществлявшейся силами сотрудников ведущего исследовательского центра Советского Союза – Академии наук (АН) СССР.

Следует отметить, что указанное десятилетие в истории расположенных выше Северного полярного круга 13 арктических районов Якутии оказалось отмечено резкой активизацией его транспортно-промышленного освоения [10; 17]. В этот период здесь развернулась масштабная деятельность по поиску и разработке месторождений полезных ископаемых, приведших, в том числе, к появлению целого ряда новых населенных пунктов,

а также давших импульс развитию воздушного, речного и (в меньшей степени) автомобильного сообщения. Происходившие масштабные изменения, естественно, требовали соответствующего интеллектуального обеспечения. В течение 60-х гг. XX в. в Якутии появилось 2 новых академических института, а 3 уже функционировавших к началу интересующего нас десятилетия в его ходе значительно укрепили свой кадровый состав, расширили географию и тематику изысканий [1, с. 33–58; 13]. Одним из важных направлений исследований при этом стало определение ключевых проблемных точек и перспектив экономического развития Заполярной Якутии в меняющихся реалиях.

Наряду со своим познавательным потенциалом, а также обращению к востребованному в период реиндустриализации Российской Арктики и выработки новых подходов к ее освоению историческому опыту, анализ заявленной проблематики актуализирован текущей историографической ситуацией. Фактически единственным трудом, имеющим непосредственное отношение

к проблеме изучения истории реализации социально-экономических инициатив, посвященных вопросам развития арктических районов Якутии, к настоящему времени остается статья автора данной работы, в которой рассматривались изыскания участников Якутской северной комплексной экспедиции (ЯСКЭ) 1964–1965 гг. [16].

Источниковой основой для разработки заявленной темы, направленной на заполнение существующей историографической лакуны, послужили преимущественно документы, выявленные в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва), Архива Якутского научного центра СО РАН (г. Якутск) и его Рукописном фонде. Часть материалов при этом впервые вводится в научный оборот в данной статье. Второй условной группой стала научная литература, подготовленная участниками рассматриваемых изысканий по их итогам.

Конечно же, важнейшей социально-экономической научной инициативой рассматриваемого периода стала упомянутая ЯСКЭ. В связи с тем, что данной экспедиции, как отмечалось, была посвящена отдельная статья здесь представляется возможным лишь вкратце охарактеризовать проводившиеся в рамках нее исследования.

Якутская северная комплексная экспедиция стала первой и, к сожалению, остается единственной глубоко междисциплинарной социогуманитарной академической инициативой, участники которой охватили своими работами практически всю Заполярную Якутию – сразу 10 ее административных районов. В ходе осуществленных изысканий были получены сведения, характеризующие жилищно-бытовые и санитарно-гигиенические условия, состояние здоровья, сохранность элементов традиционной культуры, современный охват социально-культурным обслуживанием, семейные отношения, распределение гендерных ролей в среде коренных народов Севера, качество образования, оленеводство, скотоводство, коневодство, охотничий и рыболовный промыслы, транспортную систему, развитие горнодобывающей промышленности и ее влияние на уровень жизни местного населения и многое другое. Важнейшей целью данных исследований при этом было, как представляется, попытка побуждения союзных властей к пересмотру параметров господствовавшей в СССР ресурсной модели освоения северных пространств. Эта, цель тогда, к сожалению, достигнута не была [16].

Вместе с тем, помимо комплексных экспедиционных работ в 60-е гг. XX в. получили развитие также более локальные исследования. Так, в 1962 г. в арктических районах Якутии продолжил свои работы И.С. Гурвич, осуществлявший изыскания в регионе с начала 40-х гг. XX в. [9].

На этот раз начальник северо-восточного отряда Северной экспедиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭ) АН СССР проводил исследования

в Оленекском и Нижнеколымском районах Якутии. Помощь в сборе эмпирического материала И.С. Гурвичу оказывал его ученик, аспирант ИЭ АН СССР Н.А. Алексеев.

Целью исследований было выяснение текущего социально-экономического положения представителей коренных народов Севера.

Проведенные изыскания показали, что в целом условия жизни представителей аборигенных этносов по сравнению с предыдущим десятилетием не стали лучше. Более того, в связи с реорганизацией колхозов в совхозы усугубилась проблема обеспечения местного населения привычным рационом питания (мясо и рыба), т.к. при новой форме коллективного хозяйствования труд оплачивался исключительно деньгами, натуральные же выдачи были полностью прекращены. Это привело к ситуации, при которой “потребление населением привычных традиционных национальных продуктов настолько сократилось...”, что стало “вызывать серьезные опасения за существование коренного населения” [12, с. 266]. По сведениям И.С. Гурвича, раньше один мужчина употреблял в среднем 1,5–2 кг мяса в день, а нередко 3–4 кг. В 1962 г. же в Оленекском совхозе оленеводам отпускалось только 7 кг мяса по себестоимости (40–50 коп) на одного человека в месяц или 200–230 г в день. Охотники же получали еще меньше – 150 г. В итоге население было вынуждено покупать мясо по розничным ценам – 2 руб. 20 коп. за кг при среднем доходе 80–100 руб. Досадный парадокс ситуации заключался в том, что такие высокие цены были установлены правительством, чтобы поддержать оленеводческие колхозы и повысить уровень жизни аборигенных этносов.

Положение усугубляли недолов рыбы, практически полное исчезновение диких оленей – традиционного источника дополнительного пропитания северных народов, а также такой лимитирующий фактор развития, как фактическое отсутствие личных подсобных хозяйств. При этом даже эти, минимальные, объемы выловленной рыбы, а также недостающая работникам совхоза оленина шли на корм лисиц и песцов в звероводческие хозяйства, приносивших ежегодный убыток – И.С. Гурвичем был поставлен вопрос о нецелесообразности насаждения нетрадиционных видов хозяйствования (по крайней мере, в существовавших масштабах). Рекомендации, выработанные ученым, сводились к сокращению количества разводимых зверей до тех размеров, которые можно было бы прокормить за счет отходов. Это позволило бы освободить трудовые ресурсы, способные интенсифицировать оленеводство и охоту, а также сэкономить мясо, что могло дать возможность улучшить рацион питания представителей аборигенных этносов и сделало бы более эффективной дорогостоящую борьбу с туберкулезом [12, с. 266].

Рассмотренные материалы фактически резюмируют изыскания И.С. Гурвича, проведенные в арктических районах Якутии. Следует отметить, что в последующем подобные критически направленные оценки применительно к фундаментальным аспектам условий жизни аборигенных этносов региона автору данной работы удалось встретить только в исследованиях уже перестроечного периода. К сожалению, нет уверенности, что здесь сказалось, действительно улучшение социально-экономического положения проживающих в регионе представителей коренных малочисленных народов Севера и комплементарный характер работ, в которых могли критиковаться лишь частности, обусловлен именно этим, а не другими факторами.

При этом, как свидетельствует выявленный источниковый материал, исследования И.С. Гурвича продолжали сохранять достаточно критическую позицию в оценке социально-экономической и этнокультурной ситуации среди аборигенных этносов Российской Арктики, которую он не стеснялся доводить до органов власти различного уровня. Так, по результатам экспедиционных исследований, проведенных в Шмидтовском районе Чукотского национального округа Магаданской области в 1975 г., ученый подготовил и направил в Совет Министров РСФСР докладную записку «К проблеме улучшения развития хозяйства, культуры и улучшения быта коренного населения Севера Чукотки». В документе, наряду с целым рядом положительных моментов (значительная доля молодежи, занятая в оленеводстве; высокий уровень трудоустройства; совместное кочевание семей; механизация труда; радиофикация бригад), резкой критике подверглась работа промышленных предприятий, в результате которой были загрязнены окрестные реки и морское побережье, сделавшее невозможным рыболовную и морзверобойную деятельность аборигенов; изыскания геологов и старателей привели к делихинизации, «обезжизниванию» значительных участков тундры, как в силу непосредственной добычи ресурсов, так и передвижения транспорта. И.С. Гурвич отметил, в частности, что промышленное освоение Севера не увязано с развитием традиционного промыслового хозяйства и «пока что ничего не дало коренному населению, а в ряде случаев способствовало ухудшению бытовых условий» [11, л. 9]. Ученый также выступил против намечавшегося продолжения политики поселкования, укрупнения населенных пунктов и ликвидации «неперспективных» сел как в виду необходимости сохранения этнокультурной компоненты и традиционного хозяйства чукчей, так и элементарной защиты от последствий неблагоприятных контактов с «цивилизацией» – алкоголизации и тунеядства. Не многим лучше, по сравнению с 50-ми гг. XX в., стала и ситуация в интернатах. Здесь были зафиксированы те же, что и ранее проблемы: скученность проживания, приводившая к быстрому распространению инфекций, отсутствие в рационе питания привычных для детей продуктов (мясо морского зверя, рыба), оторванность

воспитательной работы от национальной культуры [11, л. 7–25].

Вернемся к исследованиям, проводившимся в арктических районах Якутии. В июне–июле 1966 г. Н.А. Алексеев продолжил свои полевые работы в регионе в рамках Северной экспедиции ИЭ АН СССР повторно посетив Оленекский, а также Булунский районы. Основной целью изысканий по-прежнему было выяснение условий жизни коренного населения. С этой целью исследователь изучил в Тикси материалы плановых и статистических районных управлений, характеризующие развитие сети учреждений образования и культуры, взял интервью у представителей руководящих органов и работников местных организаций. В Кюсюре и Харыялахе Н.А. Алексеев собрал сведения о хозяйственной деятельности, средних доходах работников, условиях оказания медицинских и образовательных услуг, особое внимание уделив школам-интернатам. Кроме того, в ходе исследований были записаны воспоминания старожилов о существовавших охотничьих обрядах, благосостоянии предков, методах их хозяйствования, традиционной одежде и жилище [14, л. 1–157; 15, л. 1–147].

Изыскания И.С. Гурвича и Н.А. Алексеева в целом являлись логическим и проблемным продолжением работ, проводившихся в 50-е гг. XX в. Однако в 1960-е меняющиеся социально-экономические реалии в арктических районах Якутии, связанные с активным индустриальным освоением, которое сопровождалось резким увеличением притока населения, ставили перед исследователями новые задачи.

В частности, изучением проблемы снабжения растущего населения низовий Колымы свежим картофелем и другими овощами занимался сотрудник отдела экономики Якутского филиала Сибирского отделения (ЯФ СО) АН СССР Л.И. Щербаков. В подготовленном по данной теме в 1965 г. научном отчете были представлены сведения о заводе названной продукции в регион, ее себестоимости, сравнительные данные обеспеченности по населенным пунктам. Проведенные изыскания показали крайне низкую степень удовлетворения потребностей населения в овощах. Так, показатели потребления свежей продукции в год составляли всего лишь 5% от необходимого. Для исправления положения исследователь предложил ряд мер. Прежде всего, он рекомендовал завозить в регион поздние сорта картофеля вместо более дорогих ранних. При этом требовалось жесткая выдержка графика отправок товара из Архангельска – не позднее начала сентября, чтобы успеть доставить картофель по Северному морскому пути. Кроме этого, Л.И. Щербаков предложил создать в Нижнеколымском районе тепличный комбинат с искусственным обогревом. По мнению ученого это должно было обеспечить население района свежими огурцами, редисом, укропом и др. Автор отчета произвел расчеты необходимой производственной мощности

такого комбината, требуемых для его строительства и функционирования финансовых вложений, а также стоимости производимой продукции и ее доставки до потребителя [5, л. 1–18].

Еще одним направлением исследований экономистов Якутского филиала СО АН СССР в 60-е гг. XX в. было изучение вопросов лесоснабжения арктических районов Якутии. Социально-экономическое развитие региона привело также к значительному росту использования продукции лесной промышленности. Об этом и об острой нехватке местного сырья, убедительно свидетельствуют данные возросшего в течение 1958–1968 гг. практически в три раза объема завоза лесных грузов в порт Тикси [8, л. 62]. Важность поисков возможных путей оптимизации лесоснабжения арктических районов в таких изменившихся условиях, естественно, диктовали необходимость проведения соответствующих научных изысканий.

Работы по данной тематике проводил научный сотрудник отдела экономики ЯФ СО АН СССР Е.К. Цой. В 1967 г. он подготовил научный отчет, в котором рассматривались различные аспекты лесоснабжения населения и предприятий Нижнеколымского района. В работе ученый оценил объемы и направления поставок лесоматериалов (местный лес был непригоден для строительства) за 1965 г., проанализировал характер поступающей продукции. Так, было выяснено, что основной объем поставок составляет необработанная древесина. В то же время, по расчетам Е.К. Цоя, замена ее на готовые пиломатериалы или продукцию домостроения давала бы ежегодную экономию в 500 тыс. рублей. Основной причиной сложившегося положения исследователь назвал неразвитость деревообрабатывающей промышленности в Якутии, и в частности в ее юго-западных районах – основном источнике поставок на Нижнюю Колыму. Имелись недостатки и у готовой продукции, завозимой с дальневосточных портов – она, как правило, изготавливалась из ели и пихты, обладавших по сравнению с лиственничной и сосновой продукцией, пониженными эксплуатационными свойствами. Решению проблемы должно было способствовать, по мнению автора, строительство Табагинского лесопильно-деревообрабатывающего комбината. Поставка готовой продукции из Якутска должна была дать экономию примерно в 100 тыс. рублей. Кроме того, автор отчета рекомендовал организовать сплав древесины с верховьев Колымы [6, л. 1–5].

Другой серьезной проблемой, связанной с лесоснабжением Нижнеколымского района, Е.К. Цой назвал заготовку дров – значительная часть предприятий и населения по-прежнему использовали именно этот вид топлива. Между тем, трудности, возникавшие при их заготовке по всему северу Якутии, с каждым годом значительно возрастали – число деревьев в приемлемой близости от населенных пунктов неуклонно снижалось.

Не был исключением и Нижнеколымский район. Так, для обеспечения дровами предприятий и населения поселков Черский и Зеленый мыс уже приходилось производить лесозаготовки на расстоянии 60–70 км от этих населенных пунктов – более близкие леса уже были вырублены. Это, естественно, вело к повышению себестоимости заготовки дров и отвлечению дополнительных трудовых ресурсов (10% работников совхоза “Нижне-Колымский” в 1965 г.). При этом, как справедливо замечал автор, дальнейшая вырубка могла привести к заболачиванию местности и исчезновению ценных промысловых видов животных. Единственным выходом из сложившегося положения Е.К. Цой назвал скорейший переход предприятий района на использование угля с развивающихся Зырянских месторождений [6, л. 5–8].

Немного позднее Е.К. Цой подготовил капитальный отчет по проблеме лесоснабжения всех северных районов Якутии, а также Магаданской области.

Основой разработки темы послужили экспедиционные работы, проведенные ученым, научная литература, материалы статистических управлений, научно-исследовательских учреждений, промышленных предприятий, строительных и транспортных организаций ЯАССР, Магаданской области, Приморского и Хабаровского краев.

Е.К. Цой произвел хозяйственную оценку лесосырьевого потенциала Якутии и Магаданской области. Проанализировав данные по запасам древесины, продуктивности лесов, преобладающим породам, их возрасту и эксплуатационным характеристикам, ученый, как и ранее в отчете по Нижней Колыме, пришел к выводу, что наиболее оптимальным с точки зрения экономической эффективности будет организация лесоснабжения исследуемого ареала из Олекминского и Ленского районов Якутии с обработкой в Якутске.

Одновременно исследователь оценил объемы и структуру потребления древесины в Абыйском, Аллаиховском, Анабарском, Булуномском, Верхоянском, Жиганском, Момском, Оймяконском, Оленекском, Томпонском, Усть-Янском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах Якутии, а также в Магаданской области. Е.К. Цой проанализировал маршруты и состав поставок лесоматериалов. Это позволило автору найти возможные пути сокращения транспортных издержек, как за счет поставок обработанной продукции, а не круглого леса, так и оптимизации дальности пробега. Кроме того, Е.К. Цой определил перспективные потребности в лесоматериалах и продукции деревообработки исследуемого ареала.

Важное место в названных работах занимали авторские рекомендации по рационализации лесоснабжения северных районов Якутии и Магаданской области. Помимо замены ассортимента поставок на готовую

продукцию и совершенствования схем доставки, они содержали предложения по строительству в наиболее перспективных районах (Ленск и Хандыга) крупных деревообрабатывающих комбинатов, более эффективного использования транспортных средств (за счет порожних рейсов Дальневосточного пароходства из Тикси, использования судов класса “река-море”) [8, л. 1–110].

В рассматриваемый период получили развитие также и исследования по вопросам развития транспортной системы Заполярной Якутии. В первую очередь они были связаны с именем коллеги Е.К. Цоя по отделу экономики ЯФ АН СССР Б.В. Белинского.

В 1964 г. он защитил кандидатскую диссертацию в области географических наук “Экономико-географические проблемы комплексного развития транспорта в Янском бассейне Якутской АССР” [2], в 1966 г. – подготовил научный отчет “К вопросу о завозе грузов на Индигирку и Колыму” [4], а также осуществил подробный анализ состояния авиаобслуживания населения бассейна реки Яны и транспортно-логистических перспектив этого региона [3, 7].

В названных работах ученый представил развернутую характеристику состояния путей сообщения, пассажиро- и грузоперевозок в арктических районах

Якутии, определил перспективные направления грузопотоков, оптимальные маршруты и сроки организации снабжения населения и промышленных предприятий региона той или иной продукцией. Одновременно Б.В. Белинский разработал подробные комплексные схемы оптимальных направлений транспортного освоения Северного Депутатского и Южного Янского промышленного ареалов. Изыскания ученого включали и выработку конкретных практических рекомендаций по снижению логистических издержек и улучшения транспортной доступности северо-восточных районов Якутии, повышения качества жизни местного населения.

Заключение

Таким образом, значительная часть рассмотренных исследований, проведенных в арктических районах Якутии, была направлена на разработку научных основ социально-экономического развития региона, учитывающих как быстро трансформирующиеся реалии (активное транспортно-промышленное освоение, миграция населения), так и разноплановые интересы акторов этого процесса – горнодобывающих предприятий, аборигенного и недавно прибывшего населения. Осуществленные изыскания позволили определить комплекс мер, необходимых для улучшения качества жизни и оптимизации деятельности хозяйствующих субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академическая наука в Якутии (1949–2009 гг.) / гл. ред. А.Ф. Сафронов, отв. ред. В.В. Шепелев. Новосибирск: Гео, 2009. 220 с.
2. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения (АЯНЦ СО) СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 241.
3. АЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 252.
4. АЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 259.
5. АЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 263.
6. АЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 278.
7. АЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 296.
8. АЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 307.
9. Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я. Илья Самуилович Гурвич (1919–1992) // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 167–171.
10. Боякова С.И. Якутский сектор Арктики: опыт и уроки освоения // Исторический и политический опыт национальной государственности в России: региональные особенности. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 115-летию со дня рождения М.К. Аммосова и 90-летию образования ЯАССР. Якутск: СВФУ, 2013. С. 102–108.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 46. Д. 5798.
12. Гурвич И.С. О положении коренного населения северных районов Якутской АССР // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 266–273.
13. Куперштох Н.А. Становление академической науки Якутии и ее вклад в изучение производительных сил северо-востока России // Якутский архив. 2012. № 1. С. 9–18.
14. Рукописный фонд Архива (РФА) ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 566.
15. РФА ЯНЦ СО РАН. Д. 567.
16. Сулейманов А.А. Якутская северная комплексная экспедиция 1964–1965 гг. // Научный диалог. 2019. № 11. С. 465–480.
17. Элерт Э.Х., Тимошенко А.И. Россия в Арктике: проблемы изучения исторического опыта освоения региона // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. С. 5–12.

© Сулейманов Александр Альбертович (alexas1306@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХТОНИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ БОГИНИ КИБЕЛЫ В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Ярцев Сергей Владимирович

Д.и.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
s-yartsev@yandex.ru

Шушунова Елена Валерьевна

Аспирант, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
schuschunova.elena@yandex.ru

SOME FEATURES OF THE CHTHONIC ESSENCE OF THE GODDESS CYBELE IN THE BLACK SEA REGION IN CLASSICAL ANTIQUITY PERIOD

**S. Yartsev
E. Shushunova**

Summary: The article looks into the complex topic of the spiritual content of the goddess Cybele's cult in the Black Sea region during the Antiquity period. The main sources of research are ancient images of Cybele. They include special Bosporan terracotta statuettes of the goddess that have regional characteristics. The authors pay special attention to the sacred essence of the lion in the classical iconography of Cybele, as well as some items from the paraphernalia of this image of the goddess. The article considers the direct connection of Cybele with childbirth, as well as the ability of the goddess and accompanying her lion and special objects to resurrect the dead by indicating and sanctifying the way for their souls in the other world and into a new life. The authors of the article come to the conclusion that this cult resembled the religious practice of animating the newborn bodies of babies with souls of deceased ancestors. This was facilitated by the fact that it was during this period in the Antiquity world that ideological transformations intensified. As one of the forms the transformations also manifested themselves in the form of the development of the apotheosis of deceased ancestors.

Keywords: ancient civilization, goddess Cybele, god Attis, lion, fertility cult, chthonic cults, ancestor cult, apotheosis of the dead.

Аннотация: Исследование посвящено сложной теме духовного содержания культа богини Кибелы в причерноморском регионе в античное время. Основными источниками исследования являются древние изображения Кибелы, в том числе особые боспорские терракотовые статуэтки богини, обладающие региональной спецификой. Авторы особое внимание обращают на сакральную сущность льва в классической иконографии Кибелы, а также некоторых предметов из атрибутики данного образа богини. Учитывая прямую связь Кибелы с деторождением, а также способность богини и сопровождающих ее льва и особых предметов воскрешать умерших, указывая и освящая путь их душам в потустороннем мире и в новую жизнь, авторы приходят к выводу, что данный культ напоминал религиозную практику одушевления новорожденных тел младенцев душами умерших предков, известную у других народов. Этому способствовало то, что именно в данный период в античном мире усилились идеологические трансформации, проявившиеся, в том числе и в виде развития апофеоза умерших предков.

Ключевые слова: античная цивилизация, богиня Кибела, бог Аттис, лев, культ плодородия, хтонические культы, культ предков, апофеоз умерших.

В античное время культ богини Кибелы, был хорошо знаком населению причерноморских поселений и городов. На северных берегах Черного моря, начиная уже с V в. до н.э., судя по граффити на чернолаковой чаше, Кибела почиталась как владычица Гилеи [31, с. 214]. Приблизительно с этого же времени культ богини фиксируется в Тире [22, с. 78, рис. 33, 9–10] Ольвии [19, с. 37; 31, с. 253], в Херсонесе [4, с. 103; 31, с. 275] и на Боспоре [8, с. 224–227; 31, с. 351–352; 26, с. 144–149]. Известен данный культ был также в западных [20, с. 83] и восточных [12, с. 180–179] причерноморских районах античного мира.

По мнению большинства исследователей, изначально Кибела являлась фригийской богиней плодородия, почитание которой восходило еще к древним религиозным представлениям Анатолии эпохи неолита VII–VI тыс.

до н.э. [3]. При этом культ формировался здесь на основе религиозного синтеза [28, с. 220], и в дальнейшем распространялся в соседних Пафлагонии, Каппадокии, Галатии и других регионах Малой Азии [23, с. 224–231]. По всей вероятности, отсюда же, из районов Малой Азии, культ Кибелы проник и в Северное Причерноморье [2, с. 78, 31, с. 353].

В процессе почитания Кибелы, постепенно сложилась устойчивая иконография изображения богини. Считается, что она прошла сложную трансформацию от вида стоящего божества к фигуре богини, сидящей на троне. Вероятно, такие изменения были связаны с довольно удачным образом последней, созданным в конце V в. до н.э. Агоракритом. Греческий скульптор изобразил Кибелу сидящей, в башенной короне, с тимпаном и фиалой в руках и львенком у ног. Именно данный тип, вместе с ука-

занными атрибутами богини, вскоре стал классическим [23, с. 224; 26, с. 144–149; 16, с. 280–283]. Теперь, если что-то и менялось в нем, например появление в руках плода или птицы (голубя), то объяснялось влиянием образов других греческих богинь Деметры, Коры–Персефоны, Афродиты [23, с. 224]. В таком устоявшемся иконографическом виде Кибела справедливо связывается с культом плодородия [32, с. 321–327], а также с верой в божество–защитника [16, с. 280]. В более широком плане, Кибела представлялась в величественном образе Великой Матери всего сущего – природы, животных растений и т.д. [23, с. 229]. При этом, судя по тому, что из цилиндрической хлебной меры, головной убор богини развился в башенную корону, именно функция божественной защиты, постепенно стала выходить на ведущую роль в ее культе [33, с. 507].

Тем не менее, один из самых устоявшихся и характерных именно для Кибелы атрибутов – лев стоящий или лежащий у ног богини, до сих пор не находит однозначной интерпретации. Однако очевидно, что это животное совершенно не случайно занимало почетное место возле богини. В основе такого сочетания божественного и природного, которое олицетворяло животное, безусловно, лежал глубокий религиозный символизм, смысл которого сейчас чрезвычайно трудно восстановить. Ясным представляется только одно, лев в данном иконографическом образе богини, явно представлял не только силы живой природы. Не случайно лев был связан с почитанием солнечных божеств, такими как Дионис [18, с. 281], Митра, и даже Иао иудейской и каббалистической традиции. Скорее всего, причиной такого духовного родства, являлось то, что данное животное однозначно символизировало солнце [11, с. 216–217; 34, р. 35–36, 136, 150–151]. На примере египетского культа Кибелы, мы знаем, что египтяне украшали «львиными пастями» двери храмов, по причине выхода Нила из берегов, «когда впервые солнце встречается со львом» [Plut. De Is. Et Os., 38]. Похоже, что древние астрологи действительно помещали дом солнца в созвездии льва [29, с. 62], то есть в той части неба, где солнце больше всего пышет жаром. Именно здесь размещалось созвездие, которое ассоциировалось в древности со львом, так как «это животное получает сущность от природы солнца». Объяснялось это превосходством льва над остальными животными «напором и пылом», напоминающим господство солнца среди других звезд [Macr. Sat., I, 21, 16–17].

Такое отношение ко льву, находит свои параллели и в отождествлении царя зверей, как это делал Гомер, с басилеями. Следовательно, лев как символ солнца, также олицетворял царственную силу, власть и связанные с ними благородство и смелость [27, с. 27–29]. С одной стороны, такие верования хорошо сочетаются с древними представлениями, что лев «нужен тем, кто нуждается в защите» [Plut. De Is. Et Os., 19], но с другой стороны,

находят свои параллели с подобными же защитными функциями Кибелы. Укрепляет нас в возможности такого отождествления религиозной сущности богини и царственного животного, также и то, что сидящая на троне Кибела, представлялась не просто обоженной Землей, а богиней верховной власти той земли, на которую власть в данном случае распространялась. Другими словами, Кибела, не только персонифицировала ту или иную землю (город или государство), но и предоставляла, посредством священного брака, право вступления, того или иного, правителя на престол [33, с. 507]. Все это, казалось бы, вполне убедительно свидетельствует о вполне обоснованном вхождении льва в постоянную атрибутику иконографического образа Кибелы, на основе наличия у животного, схожей с богиней функциональной и смысловой нагрузки в виде сакральной защиты людей, олицетворения верховной власти и необходимости ее божественной поддержки.

Тем не менее, не все здесь выглядит так однозначно. Дело в том, что богиня на троне, судя по всему, символизировала не только силу и власть, но и бессмертие [35, с. 28]. В таком случае, если она действительно являлась защитницей мертвых, то львы могли подчеркивать, именно эту хтоническую сущность Кибелы, уходящую своими корнями еще в хетто-вавилонскую эпоху [36, р. 545–553; 23, с. 229]. Такое предположение подтверждается тем, что лев, как у эллинов, так и у варваров, считался животным с амбивалентной семантической нагрузкой, так как он одновременно был связан и с солнцем, и с хтоническим миром [31, с. 242]. Не исключено, что среди прочих атрибутов Кибелы, именно лев обеспечивал, какую-то специфическую связь богини с потусторонним миром, которая явно отличалась от аналогичных контактов в схожих культурах. На это непосредственно указывает факт отсутствия льва в обрядовой практике почитания других женских божеств, несмотря на то что хтоническая сущность большинства из них не подвергается сомнению. Связь же Кибелы со львом установилась до того прочная, что изображение богини, сидящей на троне без животного, сразу вызывает сомнения в правильной идентификации божества. Нередко в таких случаях предлагается ассоциация Кибелы, например, с Анаит, Артемидой или Афродитой [23, с. 229], по причине которой, изображение льва становилось уже не нужным. Из этого следует вывод, что хтонические представления связанные с почитанием именно Кибелы, действительно обладали какой-то особой спецификой, не имеющей аналогов в культурах других женских божеств.

Мы считаем, что для решения данной проблемы, важно обратить внимание на нестандартные экземпляры статуэток Кибелы, отличающиеся от сложившегося традиционного иконографического образа божества. Так, например, у обнаруженных на Боспоре терракот Кибелы, почему-то исчез лев, зато на груди богини появился

медальон с Медузой Горгоной, а в руке странный конусовидный предмет. При этом ради размещения последнего, пришлось пожертвовать специальным музыкальным инструментом – тимпаном, который богиня обычно держала в руке в своем классическом иконографическом образе. Самые ранние образцы подобных терракот, датируются III–II вв. до н.э. и встречаются на многих боспорских городах и поселениях [5, с. 24–28]. Конечно, судя по размещению на груди богини медальона с изображением Медузы Горгоны, мы можем иметь дело, с уже упомянутой нами, ассоциацией Кибелы с другим женским божеством, в данном случае с Афиной, для которой эгида с горгонейноном являлась характерным атрибутом. Однако на Боспоре греческий культ Афины достоверно не был зафиксирован [31, с. 359–361; 5, с. 25], а местное варварское население активно использовало изображение Горгоны уже как своей Великой богини [31, с. 98]. Следовательно, вполне допустимо предположить, что и античное население Боспора могло использовать символизм Медузы Горгоны для подчеркивания, например, каких-то особых черт своего божества. При этом последнее явно имело отношение к подземному миру, так как Горгона настолько ярко хтонична и связана со всеми основными стихиями (солнцем, луной, растительностью, водой, конями) [31, с. 98–99], что не учитывать данный факт просто не представляется возможным. Именно поэтому античное население на Боспоре, скорее всего, использовало указанные выше статуэтки с оригинальной региональной спецификой, для почитания все той же богини Кибелы, но только концентрируя при этом внимание на неких особенных хтонических чертах данного культа.

К схожим выводам приходит А.В. Быковская, анализируя терракоту богини, найденную на Елизаветинском городище в помещении с алтарем, погибшем в огне не позднее 70-х гг. III в. до н.э. Статуэтка представляет собой сидящую на троне богиню с медальоном на груди и башенной короной на голове, в левой руке у которой находится конусообразный предмет, а в правой – фиала. То, что рядом была обнаружена терракота Аттиса – паредра фригийской богини [Ролыб., XXII, 20], позволило ученому, справедливо связать данную находку с культом Кибелы [5, с. 26]. Следовательно, если на Боспоре в образе богини с конусообразным предметом в руке, почиталась именно Кибела, то тогда последняя должна была обладать какими-то яркими специфическими чертами, которые, безусловно, нашли свое отражение, как в ритуальном аспекте, так и в восприятии образа божества [5, с. 26–27]. Замена же в иконографии Кибелы, льва на медальон Медузы Горгоны и конусовидный предмет, могла произойти по причине их схожих сакральных функций, что и позволило произвести небольшую трансформацию образа богини. Причиной таких изменений, по-видимому, стала необходимость концентрации внимания на каких-то особых функциях в культе Кибелы,

которые основательнее были выражены именно в образах Медузы Горгоны и конусовидном предмете. Все это позволяет с уверенностью предположить, что здесь мы имеем дело с усилением хтонической сущности богини Кибелы. Видимо на каком-то этапе, на ведущее место в религиозной жизни античного населения стали выходить особые взгляды, связанные с потусторонним миром и хорошо представленные именно в культе этой богини. Их символизм и обеспечивал лев, а в некоторых случаях, другие атрибуты Кибелы.

Самым сложным для интерпретации из таких сопровождающих богиню вещей, является указанный конусовидный предмет. А.В. Быковская оригинально связала его с головным убором богини с изображения на пластине из кургана меотской знати IV в. до н.э. – Карагагодеуаш (расположенного вблизи Крымска), а также с курильницами конической формы, обнаруженными на святилище «Полянка» и резиденции Хрисалиска [5, с. 25]. Такое сравнение, вполне возможно, тем более, если учитывать, что все эти предметы, скорее всего, восходят к какому-то первоначальному сакральному изделию, форма которого и послужила образцом и для курильниц и головного убора божества. По нашему мнению, данный культовый предмет хорошо известен и часто использовался в виде отдельных конусовидных пирамидок, обычно производимых из мела, так как им необходимо было придать белый цвет. Считается, что данные культовые предметы были более характерны для сарматских женских погребений [6, с. 139], однако встречаются и на античных поселениях Северного Причерноморья. Возможно, что обращению к указанным сакральным изделиям в ходе трансформации образа Кибелы, способствовало усилившееся в данное время сарматское воздействие на население Боспорского царства. Тем более что обратное влияние культа Кибелы на верования варварских племен Северного Причерноморья, также прослеживается [28, с. 218–224]. Однако даже если учитывать сарматское влияние, необходимо помнить, что собственно конус и в частности, конические камни, всегда являлись символом плодородия в восточных и средиземноморских религиях древности [17, с. 203]. По-видимому, отсюда происходят и древние представления о треугольнике, который у многих народов отождествлялся с женским полом и являлся символом Великой богини [1, с. 18], как правило, с сильно выраженными хтоническими чертами [7, с. 83–85]. Кроме того, предметы подобной формы также способствовали деторождению. Именно поэтому их часто использовали в соответствующих ритуалах, применяя даже в качестве элемента одежды [30, с. 30].

Белый же цвет конусовидных пирамидок, по нашему мнению, также не случаен. Его смысловая нагрузка хорошо прослеживается по нартскому эпосу, в основе которого, как известно, лежат древние предания скифо-сарматских племен. Так, обращает внимание, что

свечение «как солнце», и сияние «как луна» матери Нартов, означало ее появление в «ином» царстве, как бы освещение ею потустороннего мира [9, с. 100]. Более того, в нартских сказаниях нередко молодые девушки, к которым сватаются герои эпоса, излучают особый свет [9, с. 102–103, 111–112]. В одном же из сюжетов сошествия героя в потусторонний мир, при возвращении его из похода темной ночью, именно жена должна была освящать мужу путь домой. Стоило ей из-за ссоры, не освятить ему дорогу при перегоне табуна через мост, как герой вместе с лошадьми сорвался и упал в бушующий поток [9, с. 153].

Все вышесказанное, и в первую очередь, взаимосвязь конических пирамидок с культом плодородия, деторождением и потусторонним миром, по нашему мнению, свидетельствует о главной хтонической функции богини, достигаемой с помощью данных предметов – уравновешиванию преждевременной смерти, посредством появления новой жизни. Видимо, лев и другие предметы из иконографического образа Кибелы, должны были обеспечивать подобную связь божества с потусторонним миром, способствуя воскресению и рождению ребенка. Любопытно, но именно такую особенность льва, по-видимому, хорошо осознавали в древности. В сочинении «Физиолог» II – IV вв. н.э., в котором было собрано большинство античных сведений о чудесных свойствах животных, несмотря на возможные поздние исправления [24, с. 131, прим. 26], содержится достаточно оригинальная информация о льве, помогающая раскрыть сакральную сущность этого животного. Внимание здесь концентрируется на трех особых свойствах льва, на его таланте замечать следы от охотников, умении спать с открытыми глазами и способности воскрешать умершего детеныша. Последнего вначале рожала львица, после чего на третий день приходил отец и подув ему в лицо, пробуждал его [24, с. 131]. В этой связи, нет ничего удивительного, что в христианстве лев стал символизировать Воскресение [18, с. 281], или даже самого Иисуса Христа, если верно были интерпретированы изображения животного на амулетах [29, с. 65–66]. В любом случае, в тексте «Физиолог», лев однозначно связывался с Иисусом. Заметающий следы лев, символизировал здесь Христа, скрывавшего свою Божественность. Лев умеющий спать с открытыми глазами, отождествлялся с Иисусом физически мертвым после распятия, но духовно живым своей Божественной природой. Лев же, оживляющий мертвого львенка, представлялся Богом Отцом, воскрешающим Иисуса из мертвых [24, с. 131]. Связь Воскресения с образом льва прослеживается и в ряде других поздних сочинений позднеантичных и средневековых авторов [18, с. 281].

Надо сказать, что и образ самой Кибелы, не в меньшей степени, свидетельствует о достаточно противоречивых взаимоотношениях богини с потусторонним

миром. С одной стороны, богиня действительно являлась защитницей мертвых, что подтверждает, в том числе и зафиксированная надпись на ее статуэтке «памяти ради» [23, с. 228]. Однако, с другой стороны, именно ей, как Матери богов нередко делали посвящение за детей, а саму ее изображали с одной рукой на груди, а с другой на животе, что самым непосредственным образом символизировало воспроизводящие силы природы [23, с. 226–227]. Даже подробности мистерий в честь Кибелы, на которых разыгрывались сцены гибели и возрождения ее возлюбленного Аттиса [25, с. 107], безусловно, также свидетельствуют о сложных верованиях, связанных с бессмертием души в культе данного божества [14, с. 91]. Особенно важным здесь представляется то, что возрождение богиней умершего Аттиса, давало людям надежду после смерти на воскресение в другой жизни [25, с. 107–108]. Следовательно, у людей, у которых умерли, особенно преждевременно, ближайшие родственники, появлялась возможность обеспечить связь поколений и восстановить нарушенное смертью равновесие. Именно в этом им должна была помочь Кибела, которая в своем классическом иконографическом образе вместе со всеми своими атрибутами, включая льва, как раз и обеспечивала такую важную для людей божественную поддержку в тяжелые для них времена.

Таким образом, учитывая прямую связь Кибелы с деторождением, а также способность богини и сопровождающих ее льва и особых предметов воскрешать умерших, указывая и освящая путь их душам в потустороннем мире и в новую жизнь, можно допустить, что данный культ напоминал религиозную практику одушевления новорожденных тел младенцев душами умерших предков, известную у других народов [13, с. 36]. Может быть, именно благодаря развитию таких представлений, происходил неуклонный рост популярности культа Кибелы в эллинистический период [16, с. 280] и особенно в первые века нашей эры [26, с. 147–149]. Безусловно, этому способствовало то, что именно в данный период в античном мире усилились идеологические трансформации, проявившиеся, в том числе и в виде развития апофеоза умерших предков. Теперь каждый из таких родственников, в идеале мог достичь бессмертия и превратиться в героя (сына бога и смертной), что фактически отождествляло его с божеством [15, с. 38; 21, с. 381–385; 10, с. 58–81]. Логично, когда в этой ситуации, учитывая особые свойства Кибелы, душу предка стремились вернуть в мир живых, пытаясь одушевить ею новорожденных и достичь тем самым реального, по своим понятиям, бессмертия. На такую возможность явно указывает способность льва не просто воскресить мертвого львенка, но и вдохнуть в него чужую душу или даже отчасти отдать свою, что фактически означает передачу ее от ближайшего предка детеныша. Однако отметим, что лев здесь явно выступает в качестве божества, с которым, как известно, и отождествляется умерший предок в

процессе его апофеоза. Поэтому, то обстоятельство, что после оживления детеныша лев остается живым, может указывать не на свою, а на чужую душу, используемую божественной силой в качестве источника воскресения. В ситуации религиозных трансформаций, очевидно, что такой душой может быть только душа предка. Учитывая, что лев занимал прочную позицию возле Кибелы и, скорее всего, полностью ассоциировался с ней, вероятно именно богиня и являлась тем божеством, которое посредством одушевления душами предков новых жизней, восстанавливало нарушенное смертью мировое равновесие. Заметим, что все это хорошо сочеталось с сакральными свойствами конусовидных предметов, по-видимому, помогающих освещать дорогу и находить в потустороннем мире богиню Кибелу, а также облегчать путь душам в мир живых.

Наши выводы подтверждают и наметившиеся новые

тенденции в иконографии образа богини в первые века нашей эры. Так в это время, как в центрах греко-римского мира, так и на периферии (например, на Боспоре) получает распространение особый иконографический мотив Кибелы, в котором богиня изображается вместе с другими богами или их атрибутами. Здесь особый интерес вызывает то, что данными божествами являлись Гермес и Геката, отвечающие за границы зоны перехода и поэтому обладающие редкой способностью перемещаться между двумя мирами. В этой связи действительно уместно будет вспомнить о важной роли указанных богов, в возвращении Кору Персефоны из Аида на землю к своей матери Деметре [26, с. 148–149]. Такая особенность обновленного иконографического образа Кибелы, вполне соответствует нашим выводам о специфике религиозных представлений, связанных с почитанием данного божества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. 1965. №3. С. 14–27.
2. Бабинов Ю.А. Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. №4. С. 73–80.
3. Богатова О.В. Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности (к проблеме религиозного синкретизма в античности): автореф. дис. . . . к. ист. н. СПб., 1998. 25 с.
4. Бондаренко М.Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М.: Компания Спутник, 2003. 169 с.
5. Быковская А.В. Культ Кибелы на Боспоре: отдельные вопросы // Таврические студии. 2018. № 16. С. 24–28.
6. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
7. Голан А. Миф и символ. М.: Руслит; Иерусалим: Тарбут, 1993. 371 с.
8. Горончаровский В.А. К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н.э. // Stratum plus. 1999. № 3. С. 224–227.
9. Джапуа З.Д. Абхазский нартовый эпос: Текстология. Семантика. Поэтика. М.: Наука; Восточная лит-ра, 2016. 381 с.
10. Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М.: «Индрик», 2001. 160 с.
11. Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 326 с.
12. Капанадзе Д.Г. Археологические находки Пицундской археологической экспедиции за 1953–1959 гг. // ВДИ. 1966. №4. С.173–179.
13. Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 33–51.
14. Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве. СПб.: Изд-во «Евразия», 2017. 352 с.
15. Масленников А.А. Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков н.э. // СА. 1982. №1. С. 33–43.
16. Нессель В.А. Новые данные о культе Кибелы в Херсонесе в первые века н.э. // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. Вып. I. С. 280–283.
17. Носова Л.В. Греческие культы на западной окраине ольвийского полиса // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 201–206.
18. Ошарина О.В. Изображение льва в коптском искусстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 4. С. 281–286.
19. Русяева А.С. Культ Кибелы в Ольвии // Археология. 1972. Вып. 7. С. 35–45.
20. Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI-I вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1982. 165 с.
21. Русяева А.С., Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э.: Очерки истории и культуры. — Харьков: «Майдан», 2004. — С. 333–430.
22. Самойлова Т.Л. Тира в VI–I вв. до н.э. Киев: Наукова Думка, 1988. 120 с.
23. Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
24. Сафронова Н.В. Жанр бестиария между Востоком и Западом // Востоковедение: История и методология. 2019. Вып. I. С. 125–135.
25. Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладe и в Северном Причерноморье. Киев: НАН України, 2009. 365 с.
26. Толстикова В.П., Муратов М.Б. О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века н.э. в свете новейших археологических исследований // Таврические студии. 2017. № 12. С. 144–149.
27. Туманс Х. «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах» // Аристей. 2011. №4. С. 27–51.
28. Фидельский С.О. Культ Кибелы в Нижнем Поднепровье (по материалам раскопок многослойного поселения Чобручи) //

29. Емінак: наук. журн. / Н.-д. центр «Лукомор'є» Ін-ту археології НАН України. Миколаїв, 2016. № 4. С. 218–224.
30. Хайрединова Э.А. Византийские цельнолитые пряжки–апотропеи второй половины VII в. из Крыма // Античная древность и средние века. 2016. Вып. 44. С. 60–86.
31. Хоружая М.В. «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. Історія. 2009. №852. С. 28–42.
32. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
33. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Академический Проект, 2012. 676 с.
34. Ярцев С.В. Некоторые вопросы сакральной защиты городища Белинское в позднеантичный период // Древнее Причерноморье. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. Вып. IX. С. 505–511.
35. Bonner C. Studies in Magical Amulets, chiefly Graeco-Egyptian. Ann Arbor: University of Michigan Press (London: Geoffrey Cumberlege), 1950. 334 p.
36. Jung H. Thronende und sitzende Götter. Zum griechischen Menschenideal in geometrischer und früharchaischer Zeit / Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Klassische Archäologie, 17. Bonn: Habelt, 1982. 375 s.
37. Reinach S. Statues archaïques de Cybèle découvertes à Cymè (Éolide) // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1889. V. 13. P. 543–562.

© Ярцев Сергей Владимирович (s-yartsev@yandex.ru), Шушуннова Елена Валерьевна (schuschunova.elena@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА И ЕЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВОСПИТАННИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Андрянов Андрей Викторович

Аспирант, Пермский Государственный
Гуманитарно-Педагогический Университет
andrei-a1983@yandex.ru

MUSEUM PEDAGOGY AND ITS EDUCATIONAL OPPORTUNITIES IN THE DEVELOPMENT OF GENERAL CULTURAL COMPETENCE OF INMATES OF PENITENTIARY INSTITUTIONS

A. Andriyanov

Summary: The article examines the pedagogical, cultural and educational significance of museums, describes their positive impact on the level of culture and education of the people. The purpose of this study is to study the formation of the cultural and educational potential of a pupil of penitentiary institutions through the means of museum pedagogy. In the course of the study, it was found that with the help of museum pedagogy, the main goal of punishment is achieved - the correction of convicts by increasing general cultural competence and spiritual and moral development.

Keywords: museum, museum pedagogy, inmates of penitentiary institutions, educational opportunities, general cultural competence.

Аннотация: В статье исследуется педагогическое и культурно-воспитательное значение музеев, описывается их положительное влияние на уровне культуры и образования народа. Целью данного исследования является изучение формирования культурного и образовательного потенциала воспитанника пенитенциарных учреждений посредством средств музейной педагогики. В ходе исследования установлено, что с помощью музейной педагогики достигается главная цель исполнения наказания – исправление осужденных путем повышения общекультурной компетенции и духовно-нравственного развития.

Ключевые слова: музей, музейная педагогика, воспитанники пенитенциарных учреждений, образовательные возможности, общекультурная компетенция.

На сегодняшний день социокультурная сфера современного музея приобретает индивидуальный, личностный характер, в основе которого лежит интериоризация культурного пространства музея через эмоциональное восприятие и интеллектуальное понимание. В музейно-образовательной среде все построено на интересе, свободном выборе, позиции посетителя. Используя современные педагогические технологии, музей может и должен решать воспитательные задачи. В последнее время появилась тенденция использования музейной педагогики и ее образовательных возможностей для развития общекультурной компетенции воспитанников пенитенциарных учреждений [1].

Главной формой уголовного наказания в современном мире, как известно, является лишение свободы в виде тюремного заключения. В условиях изоляции от общества, лишения определенных прав и свобод, личность преступника изменяется, переоцениваются многие привычные для него ценности. Несмотря на все предпринимаемые усилия, у воспитанников пенитенциарных учреждений возникают серьезные проблемы социальной адаптации. Решить их, по мнению ученых-пенитенциар-

ристов, призвана работа, направленная на ресоциализацию лиц, находящихся в местах лишения свободы [2].

Одной из важнейших задач пенитенциарной педагогики является исправление осужденных. Исправление – противоречивый процесс изменения сложившихся стереотипов сознания и поведения осужденных, представляющий собой целенаправленное, а иногда и жесткое управление их жизнедеятельностью. Исправление выступает как цель и результат перевоспитания и как процесс самовоспитания, саморазвития личности [3]. Степени изменения личности вполне сопоставимы с общечеловеческими нормами, поскольку не существует отдельно взятой морали для правонарушителей и для законопослушных граждан. Но в процессе исправления такие нравственные нормы, как добросовестное отношение к своим обязанностям, труду, уважение к правилам пенитенциарного учреждения, бережное отношение к общественной и личной собственности приобретают статус правовых.

Процесс перевоспитания осужденных в колониях для несовершеннолетних является сложным и много-

плановым. Наряду с факторами дисциплины, которым является для несовершеннолетнего осужденного режим содержания, интеллектуального развития и профессионального самоопределения не менее весомую роль играет нравственно-эстетическое воспитание. Именно этот аспект воспитания часто оказывается упущенным [4].

Находящиеся в следственном изоляторе и отбывающие срок заключения граждане по понятным причинам ограничены в передвижениях и лишены возможности посещения музеев и иных культурных центров. Однако тенденция к гуманизации положения заключенных и развитие пенитенциарной психологии побуждает органы исполнения наказаний задумываться о воспитательном значении музейного дела [5].

В настоящее время музей является одним из самых доступных культурных учреждений. Музей совмещает в себе функции исследовательского центра, учебного заведения, места для отдыха и места для массовых мероприятий. Эта многофункциональность делает современный музей особенным местом для посещения.

В настоящее время музей - социальный институт, который:

- а) расширяет и дополняет деятельность всесторонней школы;
- б) вовлекает музейного педагога, гида и посетителя в единую межпредметную область связи;
- в) активно реализует свой культурно-образовательный потенциал [6].

Сегодня объективно важно использовать социальные и культурные ресурсы музея для нравственного воспитания не только подрастающего поколения, но и воспитанников пенитенциарных учреждений.

С этой целью в основу деятельности музея положены следующие принципы:

- Формирование активной гражданской позиции;
- Утверждение патриотических ценностей и идеалов;
- Воспитание и уважение к старшему поколению, к его боевым и трудовым подвигам;
- Формирование у воспитанников пенитенциарных учреждений объективного подхода к событиям в жизни страны;
- Привлечение воспитанников пенитенциарных учреждений к поиску материалов и экспонатов и на этой основе пополнение и создание новых экспозиций;
- Увековечивание памяти участников Великой Отечественной войны;
- Пробуждение интереса к истории Родного края;
- Проведение в музее торжественных акций, посвященных памятным датам в истории нашей Родины,

тематических занятий, уроков, с использованием материалов и экспонатов музея [7].

В западных странах музейные программы для заключенных постепенно вводятся в регулярную практику. Лувр устраивает передвижные выставки репродукций своих шедевров для заключенных, которые имеют хорошее поведение. При тюрьме Фелтхэм действует художественный кружок, в котором заключенные создают работы декоративно-прикладного искусства под влиянием полотен старых мастеров.

С 1971 г. при Бутырской тюрьме (Следственный изолятор № 2 УФСИ России по г. Москве) действует внутренний «корпоративный» музей в Пугачевской башне — бывшем отделении для политических заключенных. Аналогичные музеи действуют в других исторических тюрьмах — в изоляторе «Кресты» (Санкт-Петербург) и во Владимирском центральном, в ИК-2 (Казань). Свои «комнаты истории» открыты в некоторых региональных подразделениях ФСИН. Подобные музеи, как правило, закрыты для внешних посетителей (либо посещение строго регламентировано) и предназначены для сотрудников органов исполнения наказания, а также журналистов. Потенциал для работы с заключенными задействован в малой степени [8].

В материалах опыта Бийской воспитательной колонии по нравственному воспитанию, приобщению подростков к художественной культуре представлены формы нравственно-эстетического воспитания несовершеннолетних осужденных, проводимые педагогами школы колонии совместно с народным литературным музеем имени В.М. Шукшина.

Литературный музей был основан по инициативе педагога колонийской школы А.С. Пряжиной в 1983 году, ставшей его директором. В 1994 г. музею назначен титул народного. За годы существования музей стал частью жизни школы. Эта нетрадиционная форма работы хорошо зарекомендовала себя, так как подростки приобщаются к творчеству великого земляка, а также – к миру прекрасного, к вечным ценностям.

Большая роль музея в эстетическом воспитании - под воздействием музея совершается нравственный рост воспитанников, попавших в трудную жизненную ситуацию, переосмысливание своего отношения к жизни и находящимся вокруг людям. Воспитанники становятся передовиками учебы и производства. Как правило, члены Совета музея освобождаются условно-досрочно.

Также в музее проведены сотни классных часов, организованы десятки экскурсий лучших учащихся по Шукшинским местам города, нередко проводимые совместно с родителями воспитанников. Эти экскурсии стали одной из нетрадиционных форм поощрения воспитанников колонии за хорошую учебу и примерное по-

ведение.

С 1979 года в Бийской воспитательной колонии проходят малые Шукшинские чтения, собирающие гостей из разных уголков страны, на которых наравне с известными писателями и актерами, выступают воспитанники колонии.

Силами воспитанников оформлены альбомы, отреставрированы экспонаты, изготовлены макеты дома матери Шукшина, электрифицирован стенд «Шукшинские адреса на карте мира».

Результатом исследовательской работы и переписки с учеными из астрофизической обсерватории стали материалы о планете «В.М. Шукшин», найдены исторические сведения о теплоходе с одноименным названием. Итогом многолетней работы стала книга основателя музея Пряхиной А.С. «Родословная В.М. Шукшина».

На протяжении многих лет музей остается одним из центров воспитательной работы колонии, формирующих у воспитанников не просто интерес к творчеству их знаменитого земляка, но и чувство гордости за то, что их руками продолжает создаваться первый народный литературный музей имени В.М. Шукшина.

Изучая творчество и личность писателя, несовершеннолетние осужденные учатся отличать хорошее от дурного, оценивать свои поступки глазами окружающих, обретают веру в себя.

Нравственное и патриотическое воспитание в воспитательной колонии призвано выработать у осужденных активную жизненную позицию, преодолеть и предупредить у воспитанников различные отклонения от норм общественной морали, проявления безнравственности, развить в подростках чувство гражданского долга, любовь к Родине, готовность ее защищать [9].

Походы в музеи создают для положительно характеризующихся осужденных с целью культурно – нравственного и патриотического воспитания. К примеру осужденные, отбывающие наказание в мурманской колонии-поселении ИК-18, посетили Мурманский областной краеведческий музей.

Экскурсанты посмотрели практически все выставки и экспозиции музея. Максимальный интерес побудил выставочный зал, в коем показана флора и фауна Кольского полуострова. Впечатление на осужденных совершила и экспозиция, приуроченная к героической обороне Заполярья в годы Великой Отечественной войны.

По словам старшего инспектора группы воспитательной работы с осужденными регионального УФСИН Андрея Андреева, культпоход организован для положительно характеризующихся осужденных с целью куль-

турно - нравственного и патриотического воспитания.

Аналогичные акции по инициативе офицеров-педагогов проходят в УФСИН не в первый раз. До этого краеведческий музей уже посещала группа осужденных участка колонии-поселения ИК-17 [10].

Посещая музей, воспитанники пенитенциарных учреждений чувствуют глубину и разнообразие современного музейного мира, созданного людьми и для людей. Педагогические, методические и воспитательные преимущества данного заведения трудно переоценить. Коллекции и экспозиции показывают настоящую образовательно-интеграционную сущность народного творчества. Целенаправленная музейно-просветительская деятельность готовит основу для дальнейшего личного развития и способствует более высокому творчеству. Экскурсии, тематические семинары и открытые уроки, организованные в музейно-образовательном пространстве, позволяют воспитанникам пенитенциарных учреждений ознакомиться с русскими культурными традициями. Музейные коллекции и экспозиции придают уникальную возможность изучить творческие методы, технологии производства и исторические шедевры, а также сформировать собственную культурно-историческую позицию [11].

Таким образом, музейная педагогика представляет собой гармоничное единство всех образовательных и социокультурных достижений, обогащающих и удовлетворяющих потребности и интересы человека, она стимулирует развитие очевидных и скрытых творческих качеств, вовлекающих человека в процесс осмысления и воспроизведения духовных ценностей.

Исследования показывают, что методологические основы музейной педагогики гармонично объединяют фундаментальные принципы педагогической философии и специфику музейно-просветительского пространства. Также определено, что музейная педагогика как научная дисциплина учитывает особенности современного музея, где создается уникальная объектно-космическая среда и формируется на основе открытых культурно-цивилизационных диалог и взаимодействие с объектами духовного наследия. Поэтому приобретение и осмысление новых сложных идей музейной педагогики приводит к определенным стимулирующим, коррекционным, реабилитационным и оздоровительным эффектам [12].

Можно сделать вывод, что вовлечение заключенных в музейную жизнь — тяжелая практика, так как придется преодолевать как сопротивление самой тюремной среды, так и многочисленные институциональные ограничения. Однако заметен интерес к этой теме, начальные эксперименты в этом направлении достаточно результативны и, вероятно, повлияют на пенитенциарную систему в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюхова Е.С. Основные направления в формировании духовно-нравственной личности // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2012. № 3. С.26-28.
2. Mori R.C. (2016). Dermeval Saviani's thought and education in science museums. Educ. Pesqui., 42(2). Date View May 15, 2017 <http://dx.doi.org/10.1590/S1517-9702201604144612>.
3. Xanthoudaki M. Museums, innovative pedagogies and the twenty-first century learner: a question of methodology. Museum & Society, 2015, - №13 (2), 247-265.
4. Юсова М.Б. Организация деятельности психологических служб, их роль в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 193-196.
5. Юсова М.Б. Пути повышения эффективности деятельности психолога-практика уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С.147-155.
6. Демидова, Е.М. Роль музея как образовательного учреждения в формировании социокультурных компетенций у студентов / Е.М. Демидова. — Текст : непосредственный // Педагогика: традиции и инновации : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). — Челябинск : Два комсомольца, 2015. — С. 39-41.
7. Долгачева Е.А. Новое время для школьного музея // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 1. С.46-48.
8. Клепиков В.Н. Духовно-нравственное воспитание в урочной и внеурочной деятельности // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. № 1. С.44-50.
9. Клепиков В.Н. Интеграция образования в контексте духовно-нравственного воспитания школьников // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. № 5. С.13-18.
10. Клепиков В.Н. Потенциал социокультурной модернизации образования в ракурсе нравственно-этического воспитания детей, подростков и молодёжи // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. № 3. С.39-46.
11. Колокольникова З.У., Лобанова О.Б., Яковлева Е.Н. Формирование культурно-просветительской компетентности будущего учителя посредством музейной педагогики // Образование и наука. 2013. № 2. С.147-163.
12. Постникова И.М., Жиркова Н.А., Фирсова Е.С. Культурно-образовательная среда села // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2011. № 5. С.46-48.

© Андриянов Андрей Викторович (andrei-a1983@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Пермский Государственный Гуманитарно-Педагогический Университет

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОЙ ПРАКТИКИ¹

Бобкова Ольга Валерьевна

К.п.н., доцент, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск)
bobkova7@yandex.ru

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL BASES OF PREPARATION OF UNIVERSITY TEACHERS FOR EDUCATIONAL ACTIVITIES IN THE CONDITIONS OF INCLUSIVE PRACTICE

O. Bobkova

Summary: The article examines the essence of the concept of «inclusive readiness» of a university teacher and the scientific and methodological foundations of its formation. Based on the analysis of the survey data, the author draws conclusions about the level of readiness of the teaching staff to implement inclusive education and suggests ways to overcome the identified shortcomings.

Keywords: teachers, university, inclusive education, educational activities, inclusive readiness, formation, scientific and methodological foundations.

Аннотация: В статье рассматривается сущность понятия «инклюзивная готовность» преподавателя вуза и научно-методические основы ее формирования. На основе анализа данных анкетирования автором делаются выводы об уровне готовности профессорско-преподавательского состава к реализации инклюзивного обучения и предлагаются пути преодоления выявленных недостатков.

Ключевые слова: преподаватели, вуз, инклюзивное образование, образовательная деятельность, инклюзивная готовность, формирование, научно-методические основы.

Одной из важных тенденций современной социальной политики в России является стремление к созданию условий для повышения жизненной активности и независимости людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидов. Важнейшим фактором в этом процессе является обеспечение доступности получения образования всех уровней для этой категории граждан. В настоящее время обязанность каждой образовательной организации, в том числе вуза, – обеспечить необходимые условия для реализации особых образовательных потребностей обучающихся в ОВЗ и инвалидностью, закреплена Федеральным законом РФ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г.

Получение высшего образования значительно расширяет возможности для самореализации человека с ОВЗ и инвалидностью, повышает его социальный статус и материальную независимость. Вместе с тем, практическая реализация гарантируемой государством возможности, требует создания целого ряда специальных условий: педагогических, кадровых, материально-техни-

ческих и других, с учетом специфики данной категории обучающихся. Одной из наиболее ярко проявляющихся проблем в этом процессе является противоречие между возрастающей потребностью в специалистах, способных к реализации инклюзивного образования и комплексного сопровождения студентов с ОВЗ и инвалидностью, и недостаточной готовностью профессорско-преподавательского состава вузов к решению соответствующих задач. Одним из путей разрешения этого противоречия является создание системы целенаправленной подготовки преподавателей к образовательной деятельности в условиях инклюзивной практики и определение научно-методических основ этого процесса с учетом результатов современных научных исследований (С.В. Алехина, М.Н. Алексеева, Е.Л. Агафонова, И.А. Букина, О.А. Денисова, О.М. Жиганова, В.И. Кудрявцева, О.Л. Леханова, Е.А. Мартынова, В.Н. Поникарова, Л.И. Пургина и др.) и передового опыта вузов.

Статистические данные демонстрируют устойчивую положительную динамику поступления лиц с ОВЗ и инвалидностью в организации высшего образования. Это

¹ «Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева) по теме: «Научно-методические основы подготовки преподавателей вуза к образовательной деятельности в условиях инклюзивной практики»».

свидетельствует о постоянном повышении актуальности проблемы формирования готовности профессорско-преподавательского состава вузов к работе в условиях инклюзивной практики.

К числу специальных образовательных условий, обеспечивающих доступность высшего образования для лиц с ОВЗ и инвалидностью с учетом особенностей и возможностей обучающихся различных нозологических групп, относятся: использование специальных образовательных программ, методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов, специальных технических средств коллективного и индивидуального пользования. Их применение создает возможности для личностного развития, формирования учебного опыта, социального развития и социализации обучающихся с особыми образовательными потребностями.

Практическая реализация таких специальных условий определяет новые требования к компетентности профессорско-преподавательского состава вуза, которые были закреплены в Федеральных государственных образовательных стандартах третьего поколения. Установление обязательного характера этих требований впервые выявило острую проблему степени готовности преподавателей к работе в условиях инклюзивной практики.

Понятие «готовность» многозначно и многоаспектно. В наиболее общем виде оно определяется как «состояние человека готового, способного, подготовленного к выполнению какого-либо дела» [2].

Разносторонний и глубокий анализ понятия «готовность» применительно к различным видам деятельности, в том числе профессионально-педагогической, проводился многими авторами (Э.Ф. Зеер, Н.В. Кузьмина, А.М. Новиков, Г.М. Романцев, Л.З. Тенчурина, Н.Е. Эрганова и др.). Исследователи рассматривали его в различных аспектах: в качестве комплекса установок, развитой системы убеждений, позиций, мотивов, волевых и интеллектуальных качеств, знаний, умений и навыков; как характеристику отношения к деятельности; в качестве профессионально-значимого качества личности; как этап профессионального саморазвития и самореализации.

С психологической точки зрения, профессиональная готовность рассматривается как «субъективное состояние личности, считающей себя способной и подготовленной к выполнению определенной профессиональной деятельности и стремящейся ее выполнять» [4].

Включение лиц с ОВЗ в общую систему образования на всех его уровнях, привело к возникновению нового понятия – «инклюзивная готовность педагога». Под ин-

клюзивной готовностью педагога понимается системное интегральное качество его личности, которое обуславливает профессиональный выбор, направленность, поведенческие стратегии и методы профессионально-педагогической деятельности в условиях инклюзивного образования [6].

Исследователями (С.В. Алехина, В.В. Хитрюк, Е.Л. Агафонова, С.А. Черкасова, М.Н. Алексеева, С.И. Сабельникова, Э.А. Гафари и др.) выделяются различные компоненты готовности педагога к деятельности в условиях инклюзивной практики. К числу наиболее значимых из них авторы относят аксиологический, когнитивный и деятельностный.

Аксиологический компонент инклюзивного образования включает: ценностные ориентации, мотивацию к реализации идей инклюзивного образования, рефлексию. Его сформированность в целом обеспечивает готовность педагога к реализации инклюзивного образования [1].

Применительно к инклюзивной практике вуза, данный компонент обозначается О.В. Харитоновой, А.Б. Звоненко, К.С. Суходоевой как мотивационный. По мнению авторов, сущность мотивационного компонента составляет профессиональная и личностная готовность к работе с обучающимися с ОВЗ и инвалидностью [5].

Наличие у обучающихся специфических черт психофизического развития и связанных с ними особенностей приема-передачи и усвоения информации обуславливает необходимость дополнительных знаний для эффективной организации образовательно-воспитательного процесса в условиях инклюзии. В соответствии с этим исследователями выделяется когнитивный компонент готовности педагога к образовательной инклюзии. Он включает знания: о специфике инклюзивного образования, нормативно-правовых основах его организации; о принципах и подходах реализации инклюзивного образования; о психофизиологических особенностях лиц с ОВЗ; о технологии проектирования адаптированных образовательных программ и индивидуальных образовательных маршрутов; о роли и задачах психолого-педагогического сопровождения, об особенностях применения методов обучения и образовательных технологий в инклюзивном образовательном процессе.

Анализируя готовность профессорско-преподавательского состава вуза к реализации инклюзивного обучения, О.В. Харитонова, А.Б. Звоненко, К.С. Суходоева определяют данный компонент как информационный. Его сформированность обеспечивает адекватный выбор преподавателями форм, методов и средств обучения, учитывающих специфику развития и возможности обучающихся с ОВЗ и инвалидностью различных нозологических групп [5].

Сущность деятельностного компонента инклюзивной готовности выражается в умении: проектировать и осуществлять образовательный процесс с опорой на основные принципы и подходы инклюзивного образования; обоснованно применять методы и приемы развития социально-коммуникативных умений обучающихся с ОВЗ и инвалидностью; проектировать адаптированные образовательные программы и индивидуальные образовательные маршруты; осуществлять психолого-педагогическое сопровождение в образовательном процессе и т. д.

По своим характеристикам он может быть соотнесен с выделенным О.В. Харитоновой, А.Б. Звоненко, К.С. Суходоевой методическим компонентом готовности преподавателя вуза к реализации инклюзивного образования, который предполагает владение преподавателями средствами, методами, технологиями и формами индивидуализации образовательного процесса вуза для каждого обучающегося с ОВЗ и инвалидностью [5].

В своем исследовании М.А. Лаврентьева, Е.В. Золотова утверждают, что результативная модель готовности к сопровождению студентов с ОВЗ и инвалидностью в условиях инклюзивной практики вуза может быть представлена через совокупность таких компонентов, как мотивационно-ценностный, когнитивный, операционно-деятельностный и рефлексивно-оценочный, при установлении системного характера связи между ними [3].

Н.В. Рябовой и Е.В. Барцаевой подчеркивается значимость рефлексивно-оценочного компонента готовности педагога к осуществлению деятельности в условиях инклюзивной практики, в частности, таких его составляющих, как: умение анализировать характер затруднений обучающегося с ОВЗ, оценивать результат проектирования и реализации программы сопровождения, выявлять результативные способы взаимодействия субъектов сопровождения; экспертировать результаты собственной деятельности; проектировать и осуществлять профессиональное самообразование [4].

Каков же уровень инклюзивной готовности профессорско-преподавательского состава вузов в настоящее время?

Знакомство с позитивным опытом обучения студентов с ОВЗ и инвалидностью в зарубежных и отечественных вузах, примеры жизненной и профессиональной успешности «особых» выпускников, представляемые медиа-информационной средой (телевидение, радио, печать Интернет и др.), новые взгляды и социальные установки, транслируемые средствами массовой информации способствуют формированию мотивационно-ценностного компонента инклюзивной готовности преподавателей. Как показывают результаты исследования,

проведенного региональным РУМЦ ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина» университета в территориально-подведомственных вузах Поволжья, более половины представителей профессорско-преподавательского состава, участвовавших в анкетировании, имеют опыт общения или обучения студентов с ОВЗ и оценивают образовательную инклюзию положительно.

Необходимо отметить, что в настоящее время в рамках реализации социальной политики государством прилагаются большие усилия для информационного обеспечения процесса становления инклюзивной практики. Создание и поддержка специализированных сайтов (Портал информационной и методической поддержки инклюзивного среднего профессионального образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, Портал Инклюзивное образование) содействует получению актуальной информации в области нормативно-правового регулирования инклюзивной практики в организациях среднего профессионального и высшего образования, а также учебно-методических материалов. Данные порталы также предоставляют возможности для получения онлайн-консультаций по вопросам организации образовательного процесса для студентов с ОВЗ и инвалидностью, его учебно-методического обеспечения, осуществляют онлайн-обучение преподавателей, координируют проведение мероприятий (семинаров, конференций и др.), посвященных проблемам инклюзивного образования.

Другой важной составляющей процесса реализации социальной политики в области обеспечения доступности всех уровней образования для лиц с ОВЗ и инвалидностью стало создание сети Ресурсных учебно-методических центров на базе вузов и сузуов. Выполняя аналогичные функции по информированию преподавателей, формированию у них всех компонентов готовности к обучению лиц с особыми образовательными потребностями, повышению их квалификации посредством организации соответствующих курсов, обязательность которых для работников определена нормативно-правовыми документами (Письмо Министерства образования и науки РФ от 18 апреля 2008 г. № АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами»), они в тоже время осуществляют непосредственное психолого-педагогическое, научно-методическое и техническое сопровождение инклюзивного образовательного процесса, содействуют решению проблем с конкретными студентами. В целом, можно говорить о достаточной эффективности работы по обеспечению информированности и формированию когнитивной готовности профессорско-преподавательского состава к обучению студентов с ОВЗ и инвалидностью. Подобный вывод подтверждается данными ранее упомянутого анкетирования, согласно которым 83 % его

участников достаточно высоко оценивают уровень своих знаний о «философии» и сущности инклюзии в высшем образовании.

Вместе с тем, проведенное исследование выявило ряд проблем, которые демонстрируют недостаточную сформированность операционно-деятельностного компонента инклюзивной готовности преподавателей. В частности, 75 % участников анкетирования отмечают у себя трудности в разработке адаптированных рабочих программ учебных дисциплин и адаптированных учебно-методических материалов, проблемы методического характера при проведении занятий в группах, где есть обучающиеся с особыми образовательными потребностями. Также, большинство (72 %) опрошенных оценивают собственные компетенции в области применения специальных технических средств обучения, используемых студентами с ОВЗ и инвалидностью в образовательном процессе, как недостаточные. Сложным моментом для преподавателей, по их собственному заключению, является и организация процедур контроля и оценки знаний и умений обучающихся данной категории, разработки оценочных средств с учетом присущих им особенностей учебно-познавательной и коммуникативной деятельности. Таким образом, наблюдается дефицит практических умений в области учебно-методического оснащения и организации инклюзивного образовательного процесса в вузе, а также наличие определенных психологических барьеров и стереотипов.

Важнейшим средством решения обозначенных проблем является организация курсов повышения квалификации преподавателей непосредственно на базе вуза, а также совершенствование содержания существующих программ подобного вида с учетом динамики развития инклюзивной практики в высшем образовании. Характер выявленных проблем определяет необходимость при разработке или корректировке содержания курсов повышения квалификации и их учебно-методического оснащения сместить акцент в сторону организации практической деятельности по разработке адаптированных рабочих программ, выбора методов их реализации, создания фондов оценочных средств, соответствующих особенностям учебной деятельности лиц с ОВЗ и инвалидностью различной нозологии. При этом наиболее эффективным механизмом формирования соответствующих компетенций нам представляется моделирование процесса психолого-педагогического сопровождения студента с ОВЗ или инвалидностью определенной нозологической группы, обучающегося по конкретному направлению и профилю подготовки – разработка адаптированной основной образовательной программы и соответствующего учебного плана, адаптированных рабочих программ дисциплин и планов занятий, фондов оценочных средств и т. д.

Практическое решение задач, связанных с непосред-

ственным обучением реальных студентов с особыми образовательными потребностями, с нашей точки зрения, позволит преподавателям получать обратную связь – видеть непосредственный результат своих действий, оценивать дефициты собственного уровня владения соответствующими компетенциями и определять пути их преодоления, оценивать адекватность выбора средств и методов, их эффективность в отношении конкретных обучающихся, осуществлять своевременную корректировку выбранной стратегии. Следовательно, это будет способствовать формированию рефлексивно-оценочного компонента инклюзивной готовности преподавателей.

Таким образом, в настоящее время необходима модель организации повышения квалификации, отражающая современные требования к уровню инклюзивной готовности профессорско-преподавательского состава вуза. Структурными компонентами подобной модели являются целевой, содержательный, технологический и результативный.

Сущность целевого компонента определяется потребностями совершенствования подготовки преподавателей к работе в условиях практики совместного обучения лиц с ОВЗ и «обычных» студентов, и формирования его инклюзивной готовности. Основной целью является формирование готовности профессорско-преподавательского состава вуза к педагогической деятельности в условиях практики инклюзивного образования. Ее достижение предполагает решение комплекса задач:

1. формирование мотивационно-ценностного отношения к педагогической деятельности в условиях инклюзивной практики вуза;
2. формирование системы общих и специальных знаний для реализации инклюзивного подхода в обучении;
3. овладение необходимым комплексом умений и навыков в области организации инклюзивного образовательного процесса и разработки его учебно-методического оснащения с учетом индивидуальных образовательных потребностей студентов с ОВЗ и инвалидностью разной нозологии;
4. формирование у профессорско-преподавательского состава психологической готовности к совместному обучению в академических группах лиц с ОВЗ и «обычных» студентов.

Обозначенные задачи отражают общую сущность процесса формирования инклюзивной готовности преподавателей и характерны для сложившейся системы повышения квалификации по данному направлению. Вместе с тем, мы полагаем, что содержательный компонент модели на данном этапе развития инклюзивной практики вузов должен претерпеть определенные изменения.

Содержательный компонент модели повышения

квалификации преподавателей представляет собой систему теоретических, прикладных и методических знаний, гностических, организаторских и коммуникативных умений. Овладение ими обеспечивает повышение профессионализма в сфере инклюзивного образования. Мы полагаем, что на современном этапе становления системы инклюзивного образования в высшей школе, когда большинство преподавателей обладают базовыми представлениями об особенностях студентов с ОВЗ и основах образовательной инклюзии, задача формирования и обогащения теоретических знаний может решаться путем их ознакомления с информационными ресурсами (Интернет-ресурсами, сайтами), с помощью которых они самостоятельно и оперативно могут получать актуальную информацию по различным вопросам инклюзивной практики (нормативно-правовую, научно-методическую и др.).

Технологический компонент модели обеспечивает успешное формирование организационно-деятельностной составляющей инклюзивной готовности преподавателя. В соответствии с этим, организация деятельности участников программы предполагает моделирование практических видов деятельности преподавателя в условиях реализации инклюзивного обучения студентов – разработку адаптированных основных образовательных программ, адаптированных рабочих программ дисциплин, оценочных средств для проведения промежуточной и итоговой аттестации, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и специальных технических средств приема-передачи информации, применяемых студентами с ОВЗ и инвалидностью разных нозологических групп. Успешность формирования организационно-деятельностного компонента инклюзивной готовности определяется практико-ориентированным характером обучения, сочетанием групповых и индивидуальных форм работы.

Содержательный и технологический компонент модели повышения квалификации обеспечивает реализацию ее функций: образовательной (овладение знаниями основ общей и специальной педагогики и психологии, системой соответствующих умений и навыков), развивающей (совершенствование профессионального мышления и развитие способностей, необходимых для осуществления инклюзивного подхода к обучению, интегрирующей (интеграция предметных компетенций преподавателя с полученными специальными психолого-педагогическими знаниями для обеспечения междисциплинарного подхода к организации инклюзивного образовательного процесса). Компоненты и функции модели находятся в единстве и взаимосвязи, что обеспечивает системный характер подготовки и интеграцию компетенций, формируемых у преподавателей.

Таким образом, успешность работы преподавателя в условиях инклюзивной практики современного вуза зависит от уровня сформированности у него инклюзивной готовности – системного интегрального качества субъекта профессиональной педагогической деятельности, которое определяет поведенческие стратегии и методы его профессионально-педагогической деятельности. Анализ результатов анкетирования профессорско-преподавательского состава вузов продемонстрировал значительный дефицит уровня сформированности операционно-деятельностного компонента инклюзивной готовности у его участников. Предложенная модель организации повышения квалификации преподавателей, предполагающая активное использование моделирования практических видов деятельности преподавателя в условиях реализации инклюзивного обучения студентов способна обеспечить эффективное формирование профессиональных компетенций, а также преодоление имеющихся психологических барьеров и стереотипов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.В. Подготовка студентов педагогического вуза к тьюторскому сопровождению детей в условиях инклюзивной практики / И.В. Абрамова, Н.В. Рябова // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 4 (28). – С. 107–112.
2. Гамаюнова А.Н. Подготовка будущих педагогов-психологов к деятельности в условиях инклюзивного образования / А.Н. Гамаюнова, Т.М. Парватова // Проблемы современного педагогического образования: сборник научных трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2019. – Вып. 62. – Ч. 1. – С. 88–91.
3. Лаврентьева М.А. Готовность студентов-дефектологов к тьюторскому сопровождению первокурсников с ограниченными возможностями здоровья / М.А. Лаврентьева, Е.В. Золоткова // Гуманитарные науки и образование. – 2018. – Том 9, – № 2. – С. 57–63.
4. Рябова Н.В. Моделирование процесса формирования готовности к социально-бытовой ориентации детей старшего дошкольного возраста в организациях дополнительного образования / Н.В. Рябова, Е.В. Барцаева // Гуманитарные науки и образование. – 2019. – Том 11. – № 4. – С. 88–94.
5. Харитонов О.В. / Подготовка профессорско-преподавательского состава к реализации инклюзивного образования в вузе / О.В. Харитонов, А.Б. Звоненко, К.С. Суходоева // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 50–54.
6. Хитрюк В.В. Инклюзивная готовность педагогов: генезис, феноменология, концепция формирования: монография / В.В. Хитрюк. – Барановичи: БарГУ, 2015. – 276 с.

© Бобкова Ольга Валерьевна (bobkova7@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ ДЕТСКОГО ИНКЛЮЗИВНОГО ТАНЦЕВАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ПРЕДОЛЕЙ-КА»

Гонек Анна Олеговна

аспирант, Московский городской педагогический
университет, г. Москва
angonek@yandex.ru

ORGANIZATION AND CONTENT OF THE WORK OF THE CHILDREN'S INCLUSIVE DANCE PROJECT "PREDOLEY-KA"

A. Gonek

Summary: The article describes how the inclusive dance project «Preodoley-ka» for children and adolescents with disorders of the musculoskeletal system, with cerebral palsy in particular, is organized and also the methodological aspects of this work. The author defines the concept of inclusion and represents the personal experience of rehabilitating children with musculoskeletal disorders in this project. The system of rehabilitation by means of choreography, which is proposed in the article, makes it possible to consolidate children's with motor impairments personal resources, stimulates active life position in them, and helps them overcome personal deformation, i.e. the result of motor and social deprivation.

Keywords: inclusion, art therapy, dance, systemic choreography, vertical, musculoskeletal disorders, cerebral palsy, technology.

Аннотация: В статье освещаются организационно-методические аспекты работы инклюзивного танцевального проекта «Преодолей-ка» для детей и подростков с нарушением опорно-двигательного аппарата, в частности с детским церебральным параличом. Раскрывается понятие инклюзии. Представлен опыт личностной реабилитации детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата в рамках работы проекта. Предложенная система реабилитации средствами хореографии позволяет мобилизовать личностные ресурсы детей с двигательными нарушениями, способствует развитию у них активной жизненной позиции, позволяет преодолевать личностную деформацию, возникающую вследствие двигательной и социальной депривации.

Ключевые слова: инклюзия, арт-терапия, танец, системная хореография, вертикаль, нарушения опорно-двигательного аппарата, детский церебральный паралич, методика работы.

«Преодолей-ка» – это детский инклюзивный танцевальный коллектив, построенный по принципу инклюзивности. В нем участвуют как дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата, так и дети с нормальным двигательным развитием.

Инклюзивный проект «Преодолей-ка» был создан в 2010 году для социальной реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья – нарушениями опорно-двигательного аппарата. Рождению проекта во многом способствовал многолетний опыт работы Благотворительного Центра Активной Реабилитации Инвалидов «Преодоление» со взрослыми инвалидами с нарушениями опорно-двигательного аппарата, использующими для передвижения кресла-коляски активного типа.

Танец был выбран для работы проекта как дисциплина, которая имеет развитую и многоплановую методику, отшлифованную столетиями и постоянно совершенствующуюся. Танец задействует все тело одновременно в каждом движении. При этом танец – это всегда эмоционально окрашенное движение. Эмоции и чувства, которые человек переживает и переосмысливает, занимаясь танцем, дают сильную увлеченность и мотивацию к

саморазвитию. Также танец – это социально активное поведение, коллективное творчество, способствующее воспитанию ответственности и усилению активной жизненной позиции. Цели, которые ставятся перед ребенком с нарушением опорно-двигательного аппарата схожи с задачами обычного танцора. Верное понимание и исполнение своей роли в хореографической постановке в дальнейшем поможет ребенку с инвалидностью правильно понять и исполнить свое предназначение в жизни общества.

В работах И.Ю. Левченко, О.Г. Приходько (2001) И.Г. Синельниковой, А.Я. Абкович указывается на значительный полиморфизм нарушений у детей с поражением опорно-двигательного аппарата, в частности у детей с детским церебральным параличом. Основные виды интеллектуальных нарушений при детском церебральном параличе – это задержка психического развития (до 50%) и умственная отсталость (25%) что свидетельствует о сочетании психического дизонтогенеза дефицитарного типа с дизонтогенезом по типу задержанного развития или недоразвития. Вместе с тем не существует прямой зависимости между тяжестью двигательной патологии и степени интеллектуальной недостаточности при детском церебральном параличе. [6]

Также важно учитывать роль семьи и те деформации во внутренних взаимоотношениях и в социальных контактах, которые происходят с появлением в семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Деформации проявляются на психологическом, социальном и соматическом уровне. [2,4,12]

Системная хореография не только развивает физически и творчески любого человека с сохранным здоровьем, но также дает ему способы решения эмоциональных проблем, является базой накопленных логических и образных знаний, поднимает его интеллектуальный уровень обогащая двигательным интеллектом, но и также способна сыграть огромную роль в реабилитации патологических двигательных и психологических процессов у ребенка с инвалидностью.

Известная американская танцовщица-новатор, основоположница свободного танца А. Дункан считала, что движения человеческого тела могут быть красивы на всякой ступени его развития, лишь бы они сохраняли гармонию с определенной степенью зрелости. [5]

Инклюзивный танцевальный коллектив неоднороден – это его главная особенность. Приходит много уникальных детей, каждый из которых ищет самовыражения, понимания своих особенностей – как физических, так и связанных с ними психологических. По этой причине работа требует особого режима. Детям с физическими особенностями в равной степени нужна как индивидуальная работа, так и групповая. Детям без нарушений для полноценного развития больше подходит групповая работа, но с расширенными задачами. Хороший инклюзивный коллектив должен удовлетворить интересы всех своих участников.

Соответственно, детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата рекомендовано заниматься один-два раза в неделю на индивидуальных занятиях и одно-два групповых и мелкогрупповых инклюзивных занятия.

Для здоровых участников рекомендовано два групповых занятия полноценной системной хореографией, два занятия спортивными гимнастическими дисциплинами и одно инклюзивное занятие в общей группе.

В работе учитывается возраст детей и по возможности, группы разделяются на младший, средний и старший состав.

Индивидуальная работа большей частью направлена на реабилитацию и развитие через системную хореографию и освоение новых двигательных возможностей, а также на подготовку ребенка с инвалидностью к участию в групповой инклюзивной работе.

Литературный критик и искусствовед, балетовед Волынский А.Л. в своей «Книге ликований» обращенной к искусству балета глубоко раскрывает значение вертикали. «В балете артистки танцуют обычно на кончиках пальцев, и на первый взгляд может показаться, что такое положение тела является чем-то противоестественным и неразумным. Чтобы выяснить этот столь существенный для балета вопрос необходимо рассмотреть природу и значение вертикальности в человеческом быту. В процессе развития, по истечении многих тысячелетий, человек спустился с дерева, стал прямо на ноги и освободил свои руки для сознательной борьбы с окружающей средой. Это момент величайшей бескровной революции, произошедшей в истории человеческого рода. Человек перестал быть горизонтальным и сделался вертикальным. С вертикальностью начинается история человеческой культуры и медленное завоевание неба и земли». [1]

На начальном этапе работы с ребенком с нарушением опорно-двигательного аппарата нужно в первую очередь, сориентировать его по вертикали, опираясь на основной закон всемирного тяготения. Для этого могут потребоваться специально настроенные технические средства реабилитации.

В индивидуальной работе используются адаптированные методики следующих видов системной хореографии: джазовая хореография, бальный танец (принципы исполнения шагов в европейской и латиноамериканской программе), классический экзерсис у станка (понятие опорной и рабочей ноги, вертикаль, выворотность и т.д.). Также в индивидуальной работе используются уникальные комплексы упражнений, которые сформировались и показывают положительные результаты в работе коллектива на протяжении нескольких лет. [3]

Упражнения, учитывающие реабилитацию

Комплекс №1. Для неходящих детей с детским церебральным параличом.

Комплекс №2. Для ходящих детей с детским церебральным параличом.

Комплекс №3. Для детей, пользующихся активной коляской. Группа упражнений на работу рук.

Комплекс №4. Упражнения у станка. Группа упражнений на укрепление корпусных мышц для поддержания равновесия корпуса.

Комплекс №5. Группа танцевальных фигур и движений на коляске.

Комплекс №6. Группа движений на взаимодействие в

паре (ведение и следование).

Комплекс №7. Для детей, пользующихся подлокотными тростями.

Также ведется отдельная работа с участниками проекта, использующими протезы нижних конечностей.

Групповые упражнения

Упражнения для совместных инклюзивных занятий: универсальная хореографическая лексика.

Инклюзивный комплекс №1. Упражнения на индивидуальных ковриках.

Инклюзивный комплекс №2. Упражнения с обручем.

Инклюзивный комплекс №3. Упражнения со скакалкой.

Инклюзивный комплекс №4. Упражнения сидя на стуле.

Инклюзивный комплекс №5. Упражнения на ковровой дорожке.

Обязательной частью групповой работы являются инклюзивные игры.

Хореография как инструмент познания мира

Каждому возрасту присущи свои психологические особенности. Их необходимо учитывать при привлечении ребенка к какому-либо действию. Нельзя просто заставить ребенка учить практическую или научную дисциплину, а ребенка с инвалидностью выполнять задания по собственной реабилитации. Ребенка важно заинтересовать. Эту задачу успешно решает занятие творчеством. Творческие задачи должны соответствовать уровню развития ребенка. Поэтому в проекте тема хореографии для младших детей берется более широко. Она может включать в себя такие разделы, как просто статические позы, различные движения начального уровня развития, ритмические маховые движения даже без музыки, развивающие игры, общение на различные темы в широком диапазоне. Игры на развитие внимания, партнерства и чувство группы. [3]

Психология инклюзивного коллектива

Психология – одно из обязательных направлений в работе инклюзивного коллектива. Ее ведет специальный психолог, который присутствует на всех занятиях. В обязанности психолога входит отбор участников проекта. Консультирование родителей. Создание благоприятных психологических условий для работы педагогов-хореографов.

Психолог участвует во всех занятиях проекта, следит за эмоциональным состоянием участников с инвалидностью при индивидуальной работе, помогает солистам психологически справиться со своей ролью в хореографических номерах. Психолог в проекте «Преодолей-ка» входит в художественный состав коллектива. [7,10]

На групповых занятиях психолог следит за правильным психологическим климатом в коллективе. Поддерживает участников, только пришедших в коллектив, отслеживает участников, выпадающих из общей работы, выявляет причины. Проводит индивидуальные и групповые консультации для родителей.

Также психолог ведет работу с педагогами проекта и командообразующую работу.

На основании работы психолога был создан внутренний «Кодекс инклюзивного коллектива». Он закрепляет отработанные нормы поведения и включает в себе правила, помогающие сохранению коллектива.

Реабилитация детей с двигательными нарушениями осуществлялась в рамках детского инклюзивного танцевального проекта «Преодолей-ка» в период с 2010 по 2020 г.г. в г. Москве, и г. Санкт-Петербурге.

Всего в проекте участвуют 10 детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, это дети с детским церебральным параличом (спастическая диплегия, атонически-астатическая и гиперкинетическая формы), спина бифида (атрофия нижних конечностей), дети с орфанными заболеваниями, проявляющимися в виде различных дефектов костной, хрящевой и соединительной ткани и 16 детей без отклонений в развитии разного возраста.

Для выявления актуального уровня личностного развития детей с детским церебральным параличом и его динамических показателей на всех этапах исследования нами использовался диагностический комплекс, основанный на методических разработках таких авторов, как Т.И. Кузьмина, 2015, И.Ю. Левченко, 2008-2014, К.А. Э.И. Танюхина, Семенова, В.П. Шестаков, С.А. Стеценко. Е.М. Старобина, Т.А. Нилова, А.А. Дыскин, Э.Н. Демина, 1998, Т.Н. Симонова, 2002, И.И. Мамайчук, 2001, и др.

Для динамического изучения уровня толерантности и особенностей отношения нормально развивающихся детей к сверстникам с двигательными нарушениями нами использовалась анкета «Уровень сформированности толерантности у школьников».

По мере реализации каждого этапа данного проекта на первый план выступали задачи, связанные не только с расширением двигательных возможностей

Степень функциональной зависимости от окружающих детей с ДЦП до и после реализации экспериментальной программы

	Дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата				Нормально развивающиеся дети			
	До эксперимента		После эксперимента		До эксперимента		После эксперимента	
высокая	8	76,7%	2	23,23%	2	12,33%	-	-
средняя	2	23,23%	5	43,43%	10	67,61%	6	41,00%
низкая	-	-	3	33,33%	4	20,05%	10	59,00%
	10	100%	10	100%	16	100%	16	100%
	10				16			

детей с двигательными нарушениями, но и формирование партнерского взаимодействия со сверстниками при создании танцевальных номеров, совместного обмена достижениями, культуры ведения диалога в ситуациях различной интенсивности и содержательной направленности социального взаимодействия [8,9,11,].

В рамках проекта сформировалась особенная реабилитационная среда на основе успешно функционирующей социальной модели инклюзивной коммуникации, что позволяет осуществлять коррекцию социальных навыков и оказывает положительное влияние на процесс социализации детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с одной стороны, а также обеспечивает возможности формирования социальной толерантности, умения взаимодействовать со сверстниками с двигательными нарушениями, не имеющих отклонений в развитии.

Помимо задач, направленных на совершенствование и стимуляцию процесса социализации детей с тяжелыми двигательными нарушениями, в процессе работы над танцевальными номерами предоставлялись широкие возможности для осуществления коррекции нарушенных двигательных, психических и коммуникативно-речевых функций.

В 2020 году нами был проведен контрольный экспе-

римент, направленный на оценку эффективности проведенной работы, определение характера личностных изменений детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и их сверстников, уровня толерантности нормально развивающихся детей, показателей социальной дезадаптации детей с двигательными нарушениями и членов их семей.

Полученные данные указывают на высокую эффективность преодоления личностных деформаций в процессе занятий танцами. Отмечается улучшение показателей детей с ДЦП в развитии коммуникативно-речевых и социальных функций (36,97 % и 49,24 % соответственно). За десять лет экспериментальной работы существенно снизились и показатели функциональной зависимости детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата от окружающих, изменился характер взаимоотношений в семьях, воспитывающих детей с двигательными нарушениями.

Таким образом, описанный опыт детского инклюзивного танцевального проекта «Преодолей-ка» для преодоления личностной деформации и развития социальной адаптации детей с двигательными нарушениями в среде нормально развивающихся сверстников экспериментально доказал необходимость широкого внедрения подобных технологий в комплексную систему реабилитации детей с тяжелыми двигательными нарушениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волынский А.Л. Книга ликований Азбука классического танца. Издание хореографического техникума, Ленинград, 1925.
2. Вяяхуопус Е. Социальная реабилитация инвалидов с нарушениями сенсорной, двигательной и интеллектуальной сферы. Учебно-методический комплекс [Текст] / Е. Вяяхуопус, В. З. Кантор. — М. : Издательство «Папирус», 2009.
3. Гонек А.О. Ёлкин Е.А. Инклюзивный хореографический коллектив методика работы, г. Москва, Фонд президентских грантов, 2019.
4. Грибанова М.Б. Творческая реабилитация как путь адаптации детей-инвалидов в обществе [Текст] / М.Б. Грибанова. — М., 2004. С. 66.
5. Дункан А. Танец будущего. Моя жизнь И. Шнейдер. Встречи с Есениным. Ростов-на -Дону «Феникс» 1998.
6. Жигорева М.В. Левченко И.Ю. Дети с комплексными нарушениями развития, диагностика и сопровождение, Москва, 2016.
7. Левченко И.Ю. Детский церебральный паралич как смешанный вариант дизонтогенеза [Текст] / И.Ю. Левченко // Актуальные проблемы междисциплинарного подхода к этапной комплексной реабилитации детей с церебральным параличом: материалы научно-практического семинара с международным участием, 28-29 марта 2013 г. / ГОУ ВПО МГПУ. - М., 2013.
8. Левченко И.Ю. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании: учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений [Текст] / Е.А. Медведева,

- И.Ю. Левченко, Л.Н. Комиссарова, Т.А. Добровольская. – М.; Издательский центр «Академия», 2001 – 24с.
9. Левченко, И.Ю. Технологии обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата [Текст] / Левченко И.Ю., Приходько О.Г. – М.; Издательский центр «Академия», 2001 – 192с.
 10. Приходько О.Г. Концептуальные основы системы ранней комплексной дифференцированной коррекционно-развивающей помощи детям с церебральным параличом [Текст] / Приходько О.Г. // Специальная педагогика и специальная психология: современные проблемы теории, истории, методологии: материалы международного теоретико-методологического семинара / ГОУ ВПО МГПУ. — М., 2009.
 11. Семёнова К.А. Актуальные вопросы проблемы детского церебрального паралича [Текст] / Семёнова К.А., Левченкова И.Ю. // Актуальные проблемы междисциплинарного подхода к этапной комплексной реабилитации детей с церебральным параличом: материалы научно-практического семинара с международным участием, 28-29 марта 2013 г. / ГОУ ВПО МГПУ. - М., 2013.
 12. Ткачева В.В. Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья, Москва, 2014.

© Гонек Анна Олеговна (angonek@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московский городской педагогический университет

СИМУЛЯЦИОННЫЕ ДЕЛОВЫЕ ИГРЫ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

SIMULATION BUSINESS GAMES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER SCHOOL

**M. Dyuzheva
N. Rogovskaya**

Summary: The simulation game is one of the types of business games. Unlike business games, it is as close as possible to the real conditions of the organization's functioning, its individual business processes, management subsystems. The article discusses the requirements that must be met when organizing a simulation business game; its stages are indicated; the advantages and disadvantages are identified.

Keywords: simulation, simulation business game, participants of the business game, requirements for organizing and conducting a simulation business game, stages of implementation of a simulation business game.

Дюжева Марина Борисовна

*К.э.н., доцент, Омский государственный университет
путей сообщения
Dyzgeva@mail.ru*

Роговская Наталья Ивановна

*К.ф.н., доцент, Омский государственный университет
путей сообщения
rogovskaya_ni@mail.ru*

Аннотация: Симуляционная игра является одной из разновидностей деловых игр. В отличие от деловых игр она максимально приближена к реальным условиям функционирования организации, ее отдельным бизнес-процессам, подсистемам управления. В статье рассматриваются требования, которые необходимо соблюдать при организации симуляционной деловой игры; обозначены ее этапы проведения; определены преимущества и недостатки.

Ключевые слова: симуляция, симуляционная деловая игра, участники деловой игры, требования к организации и проведению симуляционной деловой игры, этапы реализации симуляционной деловой игры.

В условиях цифровизации образования симуляция становится современной технологией обучения в высшей школе. Симуляция способна не только эмоционально вовлечь обучающихся в учебный процесс, но и сформировать у них компетенции, необходимые для будущей профессиональной деятельности. В процессе симуляционного обучения нарабатываются умения выполнения повседневных стандартных операций и действий, а также практические навыки; накапливается и личный опыт решения управленческих задач.

Актуальность заявленной темы состоит в том, что симуляционная игра, максимально приближенная к реальным условиям функционирования организации, позволяет участникам получать необходимый практический опыт при решении профессиональных проблем. В ходе игры у обучающихся формируются общие и профессиональные компетенции, представленные в образовательном стандарте и необходимые в дальнейшем для выполнения должностных обязанностей в соответствии с должностью. Игра способствует формированию устойчивости мыслительного процесса, развитию профессиональной памяти в процессе обучения. Когда становится ясно, что для реализации поставленной цели недостаточно имеющихся теоретических знаний, практических умений, студенты начинают самостоятельно вырабатывать навык поиска иных способов ее разрешения. В подобной ситуации большинство участников приобретают самое главное и ценное – новый опыт, построенный на основе проб, достижений и ошибок.

С древнейших времен и по настоящее время игра остается одной из значимых технологий обучения людей. Известно, что в эпоху античности будущие цари и фараоны обучались секретам управления государством на их основе. В те годы игра была важнейшим способом передачи накопленного опыта от старшего поколения к младшему. Подражая взрослым, наследники престола при изучении проблемы находили свои пути ее разрешения, тем самым формировали где-то уникальный и неповторимый подход к управлению различными сферами деятельности государства [4, с. 71].

Первые деловые игры создавались исключительно для обучения офицеров правилам ведения боя (XVII – XVIII вв.). Военные действия разворачивались на шахматной доске имитирующей поле сражения, где король представлял крепость, ферзь – пехоту и т.д., а правила ведения игры описывались математическими формулами.

С 1798 г. возможные комбинации военных действий стали фиксировать на географической карте. К примеру, Наполеон проигрывал свои будущие сражения, используя булавки с разноцветными головками для обозначения мест размещения и передвижения военных частей французской армии и ее противников.

Что касается России, то подобные учебные военные игры впервые стал применять Петр I, тому способствовало его увлеченность западными идеями управления

государством. Русский царь организовал «потешное войско» и проводил с ним военные учения, прививая его участникам необходимые навыки ведения боевых операций, правила поведения на войне [5; 6].

В области управления первая деловая игра – «Перестройка производства в связи с резким изменением производственной программы» – была проведена в 1932 года. Ее автором стала преподаватель Ленинградского инженерно-экономического института – М.М. Бирштейн. Цель игры заключалась в отработке процесса запуска нового цеха. В период индустриализации производства в советской России сложилась такая ситуация, при которой заводы своевременно оснащались оборудованием, обеспечивались необходимым количеством специалистов, но их запуск затягивался и, соответственно, производственный план не выполнялся в полном объеме. Мария Мироновна Бирштейн выявила проблему запуска, связав ее с отсутствием личного опыта разворачивания масштабного производства у руководителей. Она первая выдвинула идею обучения руководителей по подобию обучения военных. Успех игры был определен. Стало очевидно, что решения, принятые в игровой форме, экономически эффективны и целесообразны, могут быть применены на практике.

В последующие годы на основе деловой игры М.М. Бирштейн было разработано и проведено более 40 деловых игр по различным направлениям управления предприятием. К примеру, результатом их применения стало внедрение диспетчерской службы в производство. Диспетчерами назначались специалисты, не имевшие опыта подобной работы. Для их вхождения в должность, получения представления о профессии, создания первичного опыта работы, проводились «диспетчерские» игры.

Однако с 1938 г. деловые игры в управлении оказались под запретом. Альтернативные варианты решения производственных и иных проблем организации, не всегда вписывались в принятую идеологию и расходились с единственным правильным курсом политической элиты. Помимо того, в конце 1930-х – до середины 1940-х гг. страна переживала тяжелые военные времена; игры были не уместны [2].

Возрождение деловых игр в России приходится на 1950-е гг., когда под руководством Г.П. Щедровицкого был создан Московский методологический кружок. Его подход к решению вопросов управления вписывался в идеологию советского общества. В игре решались не задачи участника игры, а государства в целом, учитывались интересы последнего, поскольку государство являлось главным заказчиком, источником финансирования предприятия.

В 1966 г. была проведена игра «Реформа», в 1968 г. –

«Астра», созданные профессором Ленинградского финансово-экономического института И.М. Сыроежкиным. В эти же года начинают функционировать научные центры в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и других городах страны, которые стали заниматься и разработкой деловых игр.

В 1975 г. под руководством Центрального экономического института АН СССР и Московского государственного университета, в частности его экономического факультета, в г. Звенигороде открывается школа «Деловые игры и их программное обеспечение». До этого времени школ, специализирующихся только на разработке игр, не было. Звенигородская школа «вырастила» и подарила мировому сообществу ученых известных теоретиков и практиков в области деловых игр: Ю.С. Арутюна, А.А. Вербицкого, Б.Н. Герасимова, Ц.Ф. Комарова, А.Л. Лифшица и многих др.

В дальнейшие годы подобные школы создаются в Таллине (школа В.К. Тарасова), Ленинграде (эмоционально-игровая методика Е.В. Гильбо) [2].

Общая особенность деловых игр, разработанных во второй половине XX века, заключалась в том, что они в первую очередь затрагивали производственные проблемы управления советских предприятий.

С середины 1980-х гг. стали разрабатываться имитационные (симуляционные) игры, затрагивающие не только экономические аспекты управления, но и медицинские, архитектурные, культурологические, экологические и другие направления. К примеру, в сфере экономики была проведена игра «Введение арендного подряда на пивоваренном заводе Омска», политики – «Выборы руководителя на ВАЗе», экологии – «Сохранения экологии озера Байкал» [5].

В 1990-е гг. из-за отсутствия финансирования многие работы ученых по разработке деловых игр и их внедрению в практику управления были приостановлены или прекратились вовсе. Вместе с тем, в эти годы начинается массовое внедрение персональных компьютеров, что способствовало развитию компьютерных игр, в том числе и в сфере управления. Так, в 1997 г. группа белорусских специалистов при поддержке немецкого фонда Х. Никсдорфа создала деловую игру «Никедорф Дельта». Эта игра актуальна и своевременна по сей день, в нее охотно играют студенты ОмГУПС в рамках дисциплин экономического профиля. В основе компьютерной игры лежит имитационная модель предприятия, функционирующего в условиях рыночной конкуренции.

В настоящее время выделяют такие направления в развитии игр, как: деловые игры (настольные, к примеру, «Монополия», «Антимонополия» и др. или в «гибридном»

состоянии); компьютерные симуляторы, наподобие раннее упомянутой игры «Никедорф Дельта»; On-line симуляции и конструкторы деловых игр; геймификация образования, когда обучающийся полностью погружается в мир игры или когда в процессе обучения используются отдельные ее элементы.

Профессиональные и бизнес-тренинги в сфере управления персоналом, производством, организацией в целом базируются на симуляционных деловых играх, а в последнее время еще и на основе цифровизации.

Отметим, что авторы статьи активно применяют в учебном процессе игровые прогрессивные технологии обучения. Опыт показывает, что студенты являются безграничным источником уникальных идей, которые можно и нужно воплощать в жизнь. Часть идей, разработанные в рамках теоретического изучения дисциплин «Менеджмент», «Управленческие решения», «Игровые технологии в коммерции» получили свою реализацию в практической жизни общества. К примеру, карты при оплате проезда в общественном транспорте и маршрутном такси; букеты из памперсов для новоиспеченных родителей; развивающие центры и игровые комнаты для детей; теплые остановки стали привычными и обыденными для жителей города Омска. Однако при разработке и обосновании этих идей на учебном занятии не всегда они воспринимались серьезно и зачастую вызвали смех и критику у самих обучающихся.

Успешный бизнесмен А.Г. Платонов на протяжении многих лет активно сотрудничал с Омским университетом путей сообщения, предоставляя места практик, в дальнейшем – рабочие места выпускникам кафедры «Менеджмент, маркетинг и коммерция». На одной из открытых встреч студентами в игровой форме была предложена идея названия салонов связи «Изюм», и как фирменный знак – изюм в блистере при покупке смартфона, телефона, планшета или какого-либо аксессуара. В дальнейшем эта идея была проработана специалистами компании и положена в основу ее ребрендинга.

В преподавании экономических дисциплин в большей степени используются симуляционные деловые игры. Симуляционная игра является разновидностью деловой игры. Это специально созданная игровая модель, максимально приближенная к реальным условиям работы конкретной компании. Она позволяет ее участникам отработать навыки управления в импровизированных условиях.

При проведении симуляционной деловой игры необходимо руководствоваться определенными требованиями [4, с. 72 – 73].

Первая группа из них носит методический характер.

Так, игра должна быть логически связана с темой учебной дисциплины, быть ее продолжением, дополнением или завершением; четко прописываться в рабочей программе и календарном плане. Для ее проведения необходимо подготовить учебно-методическую документацию, в которой проработать задачи, условия, правила, порядок проведения и оценки результатов игры, определить временные границы на каждый из ее этапов.

Определенные требования предъявляются модератору игры, в данном случае педагогу. Именно от него зависит то, насколько грамотно, точно подобран материал; отображает ли он суть поставленной проблемы в управлении организацией; актуален и своевременен; приближен к современным реалиям бизнеса; доступен для понимания студентов, способен вызвать интерес у них; вовлечь обучающихся в игровой процесс.

Регулярная работа с аудиторией позволяет преподавателю учесть состав группы, уровень сплоченности и конфликтности в ней; выявить индивидуальные особенности студентов, их готовность и желание участвовать в симуляционной игре. В одной студенческой группе игра может захватить всех участников, проходить эмоционально с отставанием и обоснованием наработанных решений в дискуссии. В другой группе на первых минутах ее проведения становится ясно, что игра не вызвала интерес у обучающихся. Для профилактики и предотвращения второго варианта группового поведения студентов в игре, педагогу-модератору необходимо дополнительно, на этапе ее подготовки поработать с группой, в открытом диалоге выяснить то, что для обучающихся будет значимо и интересно, сможет их замотивировать.

Симуляционная бизнес-игра эффективна тогда, когда в процессе ее проведения сочетаются различные формы работы: индивидуальная, групповая. Педагогу-модератору необходимо стремиться чередовать эти формы работы. Для этого на этапе игры «изучение ситуации» студентам можно предложить выполнить задание самостоятельно, затем – в микрогруппе, далее – в студенческой группе. По такому принципу построены многие игры, применяемые нами в рамках читаемых дисциплин.

Рабочая атмосфера в аудитории также предопределяет ход игры. Открытость и доброжелательность участников, честная конкуренция во время обсуждения задает позитивный тон игры, способствует выработке многообразия решений. Педагогу важно создавать и поддерживать такую атмосферу в аудитории, когда участники не только бы получали знания, но и удовлетворение от причастности к игре.

Любая учебная группа представляет собой совокупность микрогрупп, в которые студенты самостоятельно объединяются на основе общих целей, интересов. Таких

неформальных групп в формальной студенческой группе может быть много. Все зависит от размера последней. Чем больше обучающихся в учебной группе, тем больше и неформальных микрогрупп в ней. Преподавателю необходимо установить контакт с неформальными группами, активизировать деятельность их лидеров, чтобы те оказали влияние на студентов группы и побудили их к участию в игре.

Определенная группа требований предъявляется к участнику игры, т.е. к студенту. При проведении игры должны быть созданы условия, позволяющие направить обучающихся на творческую самостоятельную проработку материала. Информация, которую необходимо найти, изучить, проанализировать студенту в рамках самостоятельной работы (КСР), должна быть доступна в электронной информационно-образовательной среде вуза, понятна и вызывать у него интерес.

Последняя группа требований касается организационно-технических условий проведения симуляционной деловой игры: состояние аудитории, ее техническая оснащенность (возможность мобильной перестановки мебели в учебной аудитории; наличие мультимедийного проектора и компьютера для демонстрации хода и результатов игры в Power Point; персональные мобильные ПК с программным обеспечением (ноутбуки, нетбуки); доступ к сети Интернет); подборка раздаточного и демонстрационного материала, бланков для оценивания хода игры, ее участников, работы групп; определение временных границ на выполнение тех или иных этапов игры; распределение ролей студентов в игре, назначение экспертов и др.

Игнорирование тех или иных требований значительно понижает качество проведения игры, ее ценность при изучении темы дисциплины.

Игра – сложный динамический процесс, состоящий из определенных этапов [1; 3; 4].

Этап «введение в игру» помогает участникам понять цель, основные правила ее проведения. Если не проговорить последние, то можно получить разночтение и неправильное толкование ситуации для разбора во время групповых и коллективных дискуссий.

На втором этапе необходимо разделить учебную группу на подгруппы. Оптимальный размер подгруппы – четыре – пять человек. Если в группе двое и они находятся в дружеских отношениях, то на этапе обсуждений возможен выбор варианта решения более авторитетного участника без дискуссии. Слишком большое количество членов в микрогруппе – шесть, семь – приведет к тому, что мнения отдельных студентов могут не учитываться на этапе полемики, или, напротив, растянет процесс об-

суждения из-за невозможности выработать групповое решение, принимаемое большинством. При организации микрогрупп важно учесть особенности взаимодействия в студенческой аудитории. Ее участники должны быть психологически совместимы, но при этом разносторонними по взглядам. Последнее необходимо для выработки различных путей решения проблемы.

Третий этап – индивидуальное изучение проблемной ситуации. Исходная информация может быть дана как на занятии, так и заранее. Лучше если участники игры будут владеть информацией заранее, поскольку не затрачивается время на ее ознакомление на учебном занятии. В настоящее время это не вызывает сложностей. Каждая студенческая группа на первом году обучения в вузе создает свой электронный почтовый адрес, на который преподаватели высылают задания, необходимую информацию в течение четырех лет обучения. Активная переписка со студентами по учебным вопросам ведется посредством социальных сетей.

После изучения ситуации начинается активный процесс игры, заключающийся в выработке коллективных вариантов решений и формирования результата. Этот этап самый сложный, зачастую сопряженный с конфликтами, очень часто скрытыми или косвенными. В связи с этим педагогу-модератору необходимо направлять усилия участников групп на достижение результата, не отстраняться и не уходить в сторону при возникновении активных дискуссий и предконфликтных ситуаций, применять психолого-педагогические методы предотвращения и разрешения конфликта, направлять и координировать деятельность обучающихся по ходу игры, подчеркивать важность многообразия решений.

На этапе подведения итогов дается оценка принятых решений, подсчитываются баллы, сумма отклонений между индивидуальным и коллективным, а также групповым и общим решениями.

Анализ деятельности групп, оценка работы ее участников – следующие этапы игры. Для того чтобы такая оценка состоялась, рекомендуется вести протоколы во время игры. Информация, характеризующая активность группы, ее членов может заноситься в протоколы как самим преподавателем, так и назначенными им студентами, выступающими в роли экспертов. Как правило, экспертами назначаются студенты, вышедшие с большого, и в связи с этим не имеющие теоретической базы для прохождения игры. Экспертами могут быть и специально подготовленными студентами. Назначение экспертов зависит от конкретных обстоятельств игры. Типичный протокол для индивидуального оценивания студента в работе в группе представлен на рисунке 1.

Далее следует этап игры, где обсуждаются оптималь-

ные решения, выносятся единое, правильное, обоснованное, наиболее приближенное к реальным обстоятельствам и др.

Имя	Слушает	Задает вопросы	Высказывает мнение	Дает идеи, информацию	Выражает несогласие, критикует

Рис 1. Оценка участия членов группы в обсуждениях игры

На этапе – «общая дискуссия» – подводятся итоги встречи. Вопросами для оценки игры могут быть: Интересна ли игра? Что можно было сделать иначе, если бы Вы играли еще раз? Какими могли быть другие результаты игры? В силу каких причин? Ориентирована ли игра на имеющиеся у участников знания? Были ли учебные материалы, рекомендованные к подготовке игры, полезны, доступны? Какова эффективность игры? Что Вы можете предложить для совершенствования игры? и проч. Если возникает ограничение во времени для осуществления завершающего этапа игровой ситуации, то можно провести анкетирование участников. Результаты опроса обрабатываются, систематизируются преподавателем, выявляются слабые игровые стороны, которые в дальнейшем корректируются.

Важно не игнорировать такие этапы игры, как дискуссия, индивидуальная оценка участника и групп в целом. На основе рекомендаций студентов, обсуждения итогов в дальнейшем можно скорректировать ход игры, поработать с текстом, протоколами оценивания и многое др.

Значение и роль симуляционных деловых игр в учебном процессе обусловлена их положительными свойствами. В числе них то, что они позволяют:

- углубленно, всесторонне изучить управленческую проблему путем разработки всевозможных групповых решений в условиях значительного сокращения времени, отводимого на проведение учебного занятия;
- научиться работать с информацией, когда развиваются аналитические способности. Обучающиеся формируют умения, навыки находить нужный материал, отсекая лишнее, анализировать, соотносить, синтезировать его;
- устанавливая причинно-следственные связи при выявлении проблемы управления, выработке решений, обосновании их целесообразности и эффективности;
- помимо теоретического мышления в ходе игры формируются профессиональные навыки выполнения должностных обязанностей, при повторяющихся ситуациях они могут быть доведены до автоматизма;

- формируется и личный опыт принятия решений. Игра полезна тем, что ошибки, совершенные ее участниками, осмысливаются и это дает возможность их избежать в будущем – в профессиональной деятельности;
- игра не просто обучает студентов, но развивает их. Прорабатывая конспект лекции, представленный преподавателем раздаточный и демонстрационный материал, участник игры обращается к дополнительной литературе для поиска новых идей и решений;
- в ходе игры обучающиеся получают навыки коммуникативного общения, происходит процесс социализации отдельно взятого студента в группе. Игра учит не просто слушать позицию другого, а слышать и принимать ее, особенно если та верна [1; 3; 4].

Помимо весомых преимуществ симуляционных деловых игр, у них есть и недостатки. Игровая форма ослабляет отдельных студентов, так как оценка их работы на практическом занятии может базироваться на результатах микрогруппы. Это приводит к пренебрежительному отношению к самостоятельной проработке теоретического материала или пассивному поведению при обсуждениях, соглашательской позиции при выработке коллективного решения.

Отсутствие качественной, доступной цифровой платформы, позволяющей преподавателю самостоятельно формировать цели и условия симуляционной деловой игры, не всегда позволяет дать более объективную оценку проблемы и принимаемых решений; сравнить ожидаемый результат с реальной действительностью.

Трудности при организации симуляционной игры возникают при установлении критериев и этапов ее проведения. Зачастую игнорируется обратная связь при оценивании игры, когда не учитываются пожелания и рекомендации студентов для ее корректировки; из-за ограниченности во времени проводится поверхностный анализ результатов работы студентов.

Для того, чтобы провести полтора часовую симуляционную деловую игру, педагог вынужден потратить куда больше времени на ее подготовку: установить контакт с аудиторией; выявить их интересы, особенности коммуникации и взаимодействия в учебной группе; заручиться поддержкой неформальных лидеров. Очень много времени отводится на проработку самого материала для игры; подготовку демонстрационного и раздаточного материала, доведения его до обучающихся; согласования с диспетчерской по выбору аудитории, оснащенной необходимой техникой для проведения игры и т.д. Все это приводит к тому, что ряд преподавателей уделяют предпочтение решению задач, разбору практи-

ческих ситуаций и case-study.

Однако имеющие недостатки при организации, проведении и оценки игры не умаляют ее ценности и значимости. На сегодняшний день деловые игры остаются одной из важных образовательных технологий обучения студентов, отраженной в рабочей программе учебной дисциплины. Симуляционные деловые игры способны оказать практическую помощь не только в процессе обучения студентов, персонала компании, но и содействовать успешному внедрению профессиональных стандартов на предприятиях. Особенность симуляционной деловой игры состоит в том, что все участники обяза-

тельно проходят этап погружения в смоделированную ситуацию. Выполняя действия, аналогичные тем, которые реализуются в их профессиональной деятельности, они нарабатывают и накапливают опыт решения профессиональных и управленческих задач. Всестороннее изучение студентами вариантов решений, их экономическое обоснование, выявление приемлемых и целесообразных, отсеивание ошибочных, неэффективных, позволяет в будущем снизить вероятность их повторения в профессиональной деятельности. Самоанализ поведения и оценка других членов группы, сравнение результатов, позволяет сформировать тактику взаимодействия с окружающими в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёшина О.Г. Деловая игра как средство развития профессиональных компетенций студентов / О.Г. Алёшина // Молодой ученый. – 2014. – № 4 (63). – С. 908 – 910. – URL: <https://moluch.ru/archive/63/9313/> (дата обращения: 08.10.2020).
2. Бельчиков Я.М. Деловые игры / Я.М. Бельчиков, М.М. Бирштейн. – Рига: Авотс, 1989. – 304 с.
3. Бургат В.В. Деловая игра как метод активного обучения / В.В. Бургат // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2014. – №1 (19). – С. 48 – 51.
4. Дюжева М.Б. Обучение бакалавров вуза на основе деловых игр / М.Б. Дюжева, Н.И. Роговская. – Сибирский торгово-экономический журнал. – 2016. – № 3 (24). – С. 71 – 73.
5. Панова А.Н. История развития деловой игры как одного из методов активного обучения / А.Н. Панова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – № 17. – С. 327 – 332.
6. Рыжик Н. Деловая игра как метод активного обучения / Н. Рыжик, О. Молотова – Кадровик. «Кадровый менеджмент (управление персоналом)». – 2013. – № 2. – URL: <http://hrportal.ru/article/delovaya-igra-kak-metod-aktivnogo-obucheniya> (дата обращения: 08.11.2020).

© Дюжева Марина Борисовна (Duzgeva@mail.ru), Роговская Наталья Ивановна (rogovskaya_ni@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Омский государственный университет путей сообщения

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ПРИ ПЕРВОМ АНГЛИЙСКОМ СТУДЕНТОВ ВУЗА

BASIC PRINCIPLES OF TEACHING FRENCH VOCABULARY AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE TO UNIVERSITY STUDENTS LEARNING ENGLISH AS A FIRST FOREIGN LANGUAGE

*E. Efremova
M. Efremova*

Summary: The present article is devoted to the problem of teaching French as a second foreign language to university students learning English as a first foreign language. Special attention is paid to teaching French vocabulary. The author of the article suggests to organise second foreign language classes on the basis of the general methodological principles: the principle of differentiated approach in teaching; the principle of setting concrete targets; the principle of the supervision of the educational process; the principle of the complex approach to motivation in teaching foreign language. General methodological principles are regarded as standing rules of teaching foreign languages, lexical aspect of the language in particular. The author of the article identifies the main difficulties that Russian-speaking students face in mastering vocabulary in a context of trilingualism and suggests how to overcome them. The article includes samples of tasks aimed at developing lexical habits.

Keywords: second foreign language, trilingualism, general methodological principles, teaching vocabulary, lexical habit.

Ефремова Екатерина Михайловна

к.филол., н., доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва
ECatherine1@yandex.ru

Ефремова Марина Владимировна

к.п.н., доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва
EMarine@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме обучения лексике французского языка как второго иностранного при первом английском студентов языкового вуза. Обучение французской лексике на занятиях по второму иностранному языку предлагается строить на основе общих методических принципов: принципа дифференцированного подхода в обучении, принципа выделения конкретных ориентиров, принципа управления процессом обучения, принципа комплексного подхода к мотивации в обучении иностранному языку. Общие методические принципы рассматриваются как постоянно действующие закономерности обучения иностранному языку, в частности лексическому аспекту языка. Выявлены основные трудности, возникающие у русскоязычных учащихся в процессе овладения лексикой в условиях трилингвизма, и предложены пути их преодоления. Приведены примеры заданий, направленных на формирование иноязычных лексических навыков.

Ключевые слова: второй иностранный язык, трилингвизм, общие методические принципы, обучение лексике, лексический навык.

В современном мире, в эпоху интеграции во всех областях деятельности человека, владение только одним иностранным языком становится явно недостаточным. В системе высшего образования все больше внимания уделяется изучению двух и более иностранных языков. Успешное решение коммуникативных задач в иноязычной среде возможно при условии владения участниками коммуникации лексикой языка общения. Лексика, как словарный состав языка, является ведущим компонентом речевого общения, выступает в речи во взаимодействии с фонетикой и грамматикой. Овладение лексикой второго иностранного языка в условиях трилингвизма, т.е. при контакте родного языка и двух иностранных языков, представляет трудность в теории и на практике.

В настоящее время отсутствует единая общепринятая классификация методических принципов обучения ино-

странному языку. Принципы обучения основному иностранному языку, выделяемые учеными-методистами, отличаются от принципов обучения второму иностранному языку. В свою очередь, это осложняет деятельность преподавателя в плане подготовки и проведения занятий по языку. Классификация методических принципов, предложенная Р.К. Миньяр-Белоручевым, на наш взгляд, носит универсальный характер и актуальна как для процесса обучения основному, так и второму иностранному языку. Выделяются следующие общие методические принципы: принцип дифференцированного подхода в обучении, принцип выделения конкретных ориентиров, принцип управления процессом обучения, принцип комплексного подхода к мотивации в обучении иностранному языку [5, с. 26]. Рассмотрим на конкретных примерах реализацию вышеназванных принципов в процессе обучения студентов лексике французского языка как второго иностранного при первом англий-

ском.

Принцип дифференцированного подхода в обучении представляет собой развитие важнейшего дидактического принципа доступности и посильности, отражает реально существующее многообразие целей и условий обучения. Данный принцип реализуется в двух направлениях.

С одной стороны, учитываются общие возрастные особенности и способности учащихся. Студенты, приступающие к изучению второго иностранного языка, обладают значительным лингвистическим опытом в изучении первого иностранного языка, в использовании разных стратегий учения. Б.В. Беляев отмечает, что «если при овладении первым иностранным языком человек с большим трудом начинает улавливать лексическое и грамматическое своеобразие двух языков (родного и иностранного), то при овладении вторым иностранным языком он уже наперед чувствует возможное своеобразие этого языка и поэтому легче схватывает как его лексические, так и грамматические особенности» [1, с.22]. Изучающие второй иностранный язык характеризуются высоким уровнем «обучаемости» [4].

С другой стороны, учитывается неоднородность лексических единиц, т.е. единиц языка, способных выполнять функции единиц речи. Лексическая единица может быть представлена словом, устойчивым словосочетанием, готовой фразой. Лексические единицы дифференцируются по частям речи, относятся к разным функциональным стилям. Французские и английские слова, совпадающие по форме (преимущественно графической) и значению, усваиваются путем положительного переноса: франц. attention (f), page (f), exercice (m) / англ. attention, page, exercise. При изучении слов, совпадающих или практически совпадающих по форме, но отличающихся по значению, следует учитывать возможность возникновения межъязыковой лексической интерференции. Речь идет о так называемых «ложных друзьях переводчика», например:

франц. demander - англ. ask / франц. exiger – англ. demand;
франц. librairie (f) - англ. bookshop / франц. bibliothèque (f) - англ. library;
франц. lecture (f) - англ. reading / франц. conférence (f) – англ. lecture.

Неоднородность лексического материала обуславливает использование разных приемов обучения.

Принцип выделения конкретных ориентиров, являясь развитием дидактического принципа наглядности, заключается в выделении хорошо известных объектов в качестве ориентиров, определяющих и стимулирующих

последовательные речевые действия учащихся. Идея использовать ориентиры в обучении положена в основу теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина [2]. При выделении конкретных ориентиров следует учитывать уровень обученности учащихся, а также характер языкового материала. Например, при знакомстве с новой лексикой выявляются трудности, связанные с формой лексических единиц. Велико значение конкретных ориентиров в обучении графической форме французских слов. При изучении accents во французском языке, явлении, не имеющем аналогов в русском и английском языках, можно выделить следующие ориентиры: Accents над e не ставится в сочетаниях букв:

- ***e+x** (lexique, flexible);
- ***e+**удвоенная согласная (effacer, lettre);
- ***e+**конечная согласная, -ye (cher, aspect), кроме незначительных исключений.

Отметим: данные конкретные ориентиры имеют теоретическое обоснование в виде общего правила постановки accents во французском языке, которое заключается в том, что accents возможен лишь в графически открытом слоге [3].

Для усвоения звуковой формы французских слов важным является ориентир, связанный с ударением в слове. Во французском языке, в отличие от русского и английского языков, в отдельно взятом слове ударение всегда падает на последний произносимый слог. Запомнить удлиняющие согласные звуки [r], [z], [v], [ʒ], перед которыми любой гласный звук под ударением становится долгим, поможет ориентир в виде словосочетания: **розовый еж**.

Принцип управления процессом обучения является развитием дидактического принципа систематичности, последовательности, прочности усвоения.

Обучение лексике связано с формированием лексических навыков и осуществляется поэтапно. Семантизация новой лексики, раскрытие значения, предполагает последовательное становление системы денотативных, знаковых, ситуационных, семантических, сигнификативных и фоновых связей лексической единицы [5].

Денотативная связь, т.е. связь лексической единицы с денотатом, объектом действительности. Указывая на предмет, лицо, явление, и называя его на иностранном языке, мы устанавливаем денотативную связь лексической единицы. Денотативные связи лежат в основе беспереводного способа семантизации лексики. Знаковые связи – это связи лексической единицы изучаемого языка и ее эквивалентом (квазиэквивалентом) в родном и/или первом иностранном языке: франц. ordonnance

(m) – русск. компьютер – англ. computer. Знаковые связи лежат в основе переводного способа семантизации лексических единиц. Важно отметить, что вопрос о доминировании первого иностранного языка или родного языка в условиях трилингвизма все еще остается открытым. В процессе становления ситуационных связей лексической единицы определяется речевая ситуация, в которой принято ее употребление, например: *voyageur* (m) – пассажир, в основном поезда / *passager* (m) – пассажир самолета, парохода, машины. Или еще один пример: *être malade* – быть больным, часто тяжело / для обозначения легкого недомогания используются выражения *être souffrant(e)*, *se sentir fatigué(e)*. Семантические связи, т.е. связи лексической единицы с другими лексическими единицами, входящими в одну семантическую систему, тематически объединенную группу слов. Традиционно членение лексического материала на дозы осуществляется в соответствии с разговорными темами учебника. Например, в рамках темы «Ecole» изучаются лексические единицы, обозначающие учебные предметы, виды деятельности учителя и учащихся, названия предметов в классе, формулы классного обихода и т.д. Наблюдения показывают, что слова, сгруппированные по темам, запоминаются легче, чем слова, не объединенные тематическим единством. Сигнификативная связь представляют собой связь лексической единицы с понятием. Так например, понятие «стол» (предмет мебели) охватывает его реально существующие виды, такие как: *table* (f) *de cuisine*, *table* (f) *de jardin*, *table* (f) *gigogne*, *table* (f) *pliant*, *bureau* (m), *table* (f) *de jeu*, *guéridon* (m), *pupitre* (m) и т.д.. Возникновению сигнификативных связей предшествуют денотативные связи, т.е. осуществляется переход от конкретного к абстрактному. И наконец, фоновые связи – ассоциации национально-культурного характера, возникающие в связи с новой лексической единицей, например, касающиеся нумерации этажей в доме или обозначения времени суток. Французское слово *rez-de-chaussée* (m) ассоциируется с английским *ground floor* – первый этаж. Соответственно словосочетание *maison* (f) *sans étages* (букв. дом без этажей) означает: одноэтажный дом. Французское выражение *deux heures du matin* соответствует английскому *two o'clock a.m.* (*two o'clock in the morning*) – два часа ночи.

Организация тренировки в процессе формирования лексических навыков на занятиях по второму иностранному языку имеет целью закрепление установленных связей новых лексических единиц и мало чем отличается от соответствующей тренировки при обучении лексике первого иностранного языка. Обычно тренировка начинается с рецептивных упражнений, например: узнавание новых слов в тексте для чтения / аудирования; упражнения с синонимами / антонимами и др. Затем выполняются репродуктивные упражнения, например, вопросно-ответные. При работе с лексикой второго ино-

странного языка особую роль играют межъязыковые контрастирующие упражнения, например:

- Найдите различия во французских и английских словах и сформулируйте правило трансформации.
- Соедините французские и английские слова, выражающие одно понятие и др.

Совершенствование лексических навыков завершается на этапе речевой практики, предусмотренной для различных видов речевой деятельности: аудирования, говорения, чтения, письма. Понятие управления процессом обучения включает систематическое повторение пройденного, организацию контроля и самоконтроля.

Принцип комплексного подхода к мотивации в обучении иностранному языку представляет собой развитие дидактического принципа активности. Мотивация рассматривается как «система побудительных причин человеческого поведения, источник активности, организующий и направляющий деятельность человека» [6, с.57]. Применительно к процессу обучения второму иностранному языку в вузе можно говорить о взаимодействии нескольких разновидностей мотивации. Коммуникативная мотивация основана на стремлении студентов общаться с носителями языка в устной и письменной форме. Инструментальная мотивация связана с необходимостью использования языка в последующей деятельности, например учебе или работе. Познавательная мотивация основана на потребности расширения общего кругозора, увеличении знаний о стране изучаемого языка. Вызов эстетической мотивации определяется стремлением изучать иностранный язык для удовольствия, получаемого, например, от мелодичности звучащей речи.

Данный принцип учитывает многообразие стимулов, побуждающих к работе над иностранным языком. К таким стимулам относятся: наличие речевой перспективы, аутентичный лексический материал, учет межпредметных связей, разные режимы работы (индивидуальные и коллективные) на занятиях и др. Чтобы вызвать интерес, создать у студентов ощущение достигнутого успеха сокращается временной разрыв между ознакомлением с новой лексикой и ее применением в речи. С самых первых занятий усваиваются коммуникативно полезные фразы, микродиалоги, позволяющие осуществлять речевую деятельность. Отбор лексики играет важную роль в достижении аутентичности высказывания. В процессе обучения студенты знакомятся с аутентичной лексикой разнообразной по тематике и принадлежащей к разным стилям речи. С этой целью используются устные и письменные тексты зарубежных авторов – носителей языка.

Традиционно в практике обучения студентов французскому языку как второму иностранному используют

ся те же учебники, что и при обучении французскому как первому иностранному языку. Соответственно не учитывается мотивационный потенциал соизучения двух иностранных языков. Слова второго языка у обучающихся связываются не с системой понятий, а со словами родного языка, что характерно для несвободного владения языком. Работа над новой лексикой второго иностранного языка должна включать упражнения по сопоставлению родного, первого иностранного и второго иностранного языка, в том числе переводные упражнения, формирующие навык переключения с одного языка на другой. Стимулы, обеспечивающие вызов мотивации, можно варьировать в зависимости от интересов, уровня

обученности учащихся, а также характера учебного материала.

В заключение отметим, что комплексная реализация рассмотренных в статье принципов на занятиях по второму иностранному языку позволяет повысить эффективность процесса обучения лексическому аспекту языка. Применяя методические приемы и упражнения с учетом специфики обучения в условиях трилингвизма, преподаватель закладывает у студентов основы владения языками в равной степени, что, в свою очередь, отвечает потребности общества в специалистах, всесторонне владеющих иностранными языками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1965. - 227 с.
2. Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т.1. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. – С. 441-469.
3. Ефремова М.В. Методика обучения узуальной орфографии французского языка в языковом вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Московский пед. гос. ун-т. М., 1999. 16 с.
4. Лapidус Б.А. Обучение второму иностранному языку как специальности. М.: Высшая школа, 1980. - 173 с.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку. М.: Альянс, 2012. - 224 с.
6. Миньяр-Белоручев Р.К. Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М.: Стела, 1996. - 144 с.

© Ефремова Екатерина Михайловна (ECatherine1@yandex.ru), Ефремова Марина Владимировна (EMarine@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московский педагогический государственный университет

SELF-DEVELOPMENT OF A CHILD IN THE FAMILY

M. Zemsh

Summary: This article examines the role of the child, the article summarizes the experience of family education in the era of the Russian Empire and analyzes the experience of the modern family, analyzes the causes and factors that hinder the process of self-development of children in the family, examines the importance of the social status of the family, which, due to the lack of compulsory preschool education, should prepare the child for entering the collective school life, adapt it to the environment.

The author draws attention to the fact that with all the variety of pedagogical studies devoted to the study of the importance of the family in the formation of the child's self, modern pedagogical theory shows an underestimation of the domestic experience of implementing the educational potential of the family as a socio-cultural system that affects the formation of the worldview and worldview of a growing personality. The article presents an analysis of pedagogical researchers on the problem of child self-development in the family. The author examines the issues of the educational role that exist in modern families, describes the concept of educational opportunities for family education and provides conditions that affect this process.

The author of the article notes that the modern family plays a primary role in the creative and cognitive self-development of children. The main task in this process should be to create conditions that maximize the growth and self-development of the child's personality. This process will be more effective if we can understand the experience of successful socio-cultural education on the example of the Russian nobility, which makes it possible to model models of modern family educational systems that combine the experience of past generations and modern educational technologies.

Keywords: family, upbringing, self-development, personality, factors, success, influence, parents, environment, education, conditions.

Введение

Большую часть своей жизни дети проводят в кругу семьи, где получает первичные навыки социализации, ценностные установки и моральные взгляды, поэтому, на протяжении столетий именно семье отдавалась роль в воспитании ребенка. Неоспорим тот факт, что семья играет важнейшую роль, в сравнении с детским садом, школой, кругом друзей, интернетом, телевидением и т.п. Навыки и знания, которые ребенку с первых дней прививаются в семье, а позже – в образовательных учреждениях, внешкольных организациях, среди друзей и есть тем фундаментом, который формируют личность ребенка и определяют его жизненную позицию.

САМОРАЗВИТИЕ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ

Земш Марина Борисовна

*К.п.н., доцент, Государственный гуманитарно-технологический университет,
mz-ped@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматривается роль семьи в процессе самореализации ребенка, обобщается опыт семейного воспитания в эпоху Российской Империи и анализируется опыт современной семьи, анализируются причины и факторы, мешающие процессу саморазвития детей в семье, изучается важность социального статуса семьи, которая из-за отсутствия обязательного дошкольного образования должна подготовить ребенка к поступлению в коллективную школьную жизнь, адаптировать его к окружению. Автор обращает внимание на тот факт, что при всем многообразии педагогических исследований, посвященных изучению значения семьи в формировании самости ребенка, в современной педагогической теории наблюдается недооценка отечественного опыта реализации воспитательного потенциала семьи как социокультурной системы, влияющей на становление мировосприятия и миропонимания растущей личности. В статье приведен анализ педагогических исследователей на проблему саморазвития ребенка в семье. Автором рассматриваются вопросы воспитательной роли, существующие в современных семьях, охарактеризовано понятие воспитательных возможностей семейного воспитания и приводятся условия, которые воздействуют на этот процесс.

Автор статьи отмечает, что современная семья играет первостепенную роль в творческом и познавательном саморазвитии детей. Главной задачей в этом процессе должно стать создание условий, максимально способствующих росту и саморазвитию личности ребенка. Этот процесс станет эффективнее, если удастся осмыслить опыт успешного социокультурного воспитания на примере русского дворянства, что дает возможность моделировать модели современных семейных воспитательных систем, соединяющих в себе опыт прошлых поколений и современные воспитательные технологии.

Ключевые слова: семья, воспитание, саморазвитие, личность, влияние, среда, условия.

Между семьей и детьми существует невидимая прочная связь. В раннем детстве и, даже в юношеском возрасте, дети копируют поведение родных. Еще не понимая и не осознавая многих поступков, маленький ребенок неосознанно стремится быть похожим на своих родных, подражая и копируя их поведение, которые на подсознательном уровне остаются в его памяти, формируя мировоззрение, на взгляды которого он будет ориентироваться и во взрослой жизни [3].

Влияние семейного воспитания на формирование детской личности сильнее других воспитательных воздействий, которые он получает в саду, школе, на улице [2]. Конечно, с течением времени и при взрослении

ребенка это воздействие становится слабее, однако полностью никогда не утрачивается. Семья закладывает в детскую личность те качества, которые не могут быть сформированы больше нигде и никем. К таким качествам также относится уровень образованности и воспитанности детей [1].

При этом стоит отметить, что несколько лет назад не было столь актуальным исследование воспитательно-го влияния семьи на развитие будущей личности. Это вопрос стал на современном этапе объектом многих общественных и научных дискуссий [1]. Многие выводы современных исследований являются настолько пессимистичными, что становится очевидным тот факт, что традиционной семье все больше необходима психолого-педагогическая помощь.

Цели статьи

Целью исследования, представленного в статье, является обзор отечественного опыта семейного воспитания в дворянских семьях в историко-культурном и педагогическом аспектах. Исследование направлено на выявление социо-культурных элементов организации семейной воспитательной системы, воздействующих на процесс саморазвития растущей личности, а также анализ значимости социального статуса современной семьи, призванной обеспечить адаптацию растущей личности к условиям динамичной социальной среды.

Актуальность исследования заключается, прежде всего, в том, что при всем многообразии педагогических исследований, посвященных изучению значения семьи в формировании самости ребенка, в современной педагогической теории наблюдается недооценка отечественного опыта реализации воспитательного потенциала семьи как социокультурной системы, влияющей на становление мировосприятия и миропонимания растущей личности.

Изложение основного материала статьи

Глобальные изменения развития мирового сообщества влечет за собой сдвиг морально-нравственных, национальных, образовательных ценностей во всех уголках мира. Гуманистические ценности и идеалы свободы выбора личностью индивидуального пути саморазвития и своей жизни декларируются в качестве доминант при организации современных правовых, дипломатических и даже экономических отношений на внутригосударственном и межгосударственном уровнях.

Современное образовательное пространство строится в условиях единой системы, в процессе чего происходит модернизация и отечественного образования. Формирование и внедрение новых государственных

образовательных стандартов касается не только самого образования, но и воспитания в целом [7].

В историко-педагогических исследованиях советского периода под влиянием марксистско-ленинской теории вопросы освещения отечественного опыта семейного воспитания были существенно идеологизированы [2]. Это привело к тому, что в советской педагогике интерес к вопросу о воспитании детей в семьях эпохи Российской Империи был утрачен. Однако изучение взглядов на воспитание в дворянских семьях возобновилось в постсоветский период, и сегодня относится к числу фундаментальных направлений историко-педагогических исследований, позволяющих обосновать предпосылки развития социокультурной парадигмы семейного воспитания.

Неоспоримым является тот факт, что дворянина считали не только человеком, имеющего понятие чести и достоинства, но он обладал качествами безупречного хозяина: был бережлив, скромнен, трудолюбив, образован, учтив, воспитан [2, с. 8-13]. Именно для дворянства были присущи качества собственного достоинства, чести, нравственности. Эти качества специально закладывались в сознание растущей личности с самого детства, параллельно с нравами обыденной жизни. Чтобы ребенку с самого детства были знакомы и приняты им нравственные ценности окружающего общества, чтобы он соблюдал установленные традиции и порядки, ему необходимо было эти знания прививать с самого раннего возраста на протяжении продолжительного времени. Этим занимались гувернеры, которых специально приглашали в дворянские семьи. С французского языка «гувернер» означает «воспитатель детей, приглашаемый в буржуазные семьи» [2].

В эпоху правления Екатерины такая система образования получила широкое распространение. В этот период идет активное переселение иностранцев из Европы в Россию. В результате почти все дворянские семьи имеют гувернеров, в основном немцев и французов. Эти иностранцы могли обучать дворянских детей правилам этикета, вежливости, нравственности. Также, в круг их функций входило обучение танцам, пению, музыке, чтению литературы, письму, грамоте, иностранным языкам [5].

Практика воспитания и обучения под наблюдением специального наставника обладала, кроме всего прочего, еще несколькими преимуществами: все время ребенка контролировалось его учителем, нравственными пояснениями и воспитанием в любое время дня. Свободное время ребенок проводил за чтением книг, танцами и музыкой. Именно это метод в обучении и воспитании детей дал возможность индивидуального подхода к каждому ребенку.

Отметим, что воспитанники семей тех времен уже в раннем юношеском возрасте могли свободно общаться на двух и более иностранных языках, играли на нескольких музыкальных инструментах, в том числе и на фортепиано, хорошо разбирались в искусстве и литературе, владели знаниями в военном деле.

Представители той эпохи смогли не только перенять европейский опыт семейного воспитания, но и сохранить свою национальную самобытность, не потерять национальное самосознание. Воспитание будущих поколений в российских семьях сочетало в себе нравственные, духовные, интеллектуальные условия развития личности ребенка.

При царствовании Анны Иоанновны деятельность гувернеров попала под усиленный контроль, функции которого возлагали на Греко-латинскую Академию. Только с ее позволения в семье разрешалось держать гувернера, при этом, владеющего греческим, латинским языком под страхом конфискации имущества [2, с. 60].

Этот факт способствовал тому, что в государстве образование и воспитание в семье отошло от европейских ценностей и стандартов, а качество семейного воспитания вышло на новый качественный уровень. На этом этапе система образования в России выстраивалась по принципу взаимодействия: русская самобытность + гувернёр + религия (преимущественно православие).

Такое взаимодействие дало возможность воспитывать развитую, с привитыми духовно-нравственными ценностями личность, которая была способна к адаптации в любом обществе, что предполагало распространение зарубежных форм воспитания и образования [5]. В этот же момент, православие занимало важное место в содержании и организации семейного воспитания, что способствовало укреплению в мировоззрении подрастающего поколения чувства национальной идентичности.

Таким образом, как показал исторический опыт, среда семейного воспитания, основанная на соединении передовых зарубежных практик и глубоко воспринимаемых растущей личностью национальных традициях, является примером успешной модели взращивания социально активной личности с высокоразвитыми нравственными качествами, способной к адаптации в социокультурной среде и творческому ее преобразованию.

В современном обществе отмечается наличие двух крайностей в семейном воспитании: педагогически запущенные дети и дети, с которыми родители занимаются с самого рождения. При этом роль семьи в саморазвитии растущей личности трудно переоценить.

Очевидно, что процесс саморазвития успешнее происходит в семейной обстановке, когда ребенок начинает проявлять интерес к какой-нибудь творческой деятельности взрослого члена семьи, например, к рисованию или музыке [10]. Одаренные от природы дети лучше воспринимают гармонию и красоту в природе, что дает им возможность иногда раскрыться быстрее и лучше. Однако и в этом случае саморазвитие ребенка должно контролироваться родителями, которые будут направлять, и регулировать необходимую информацию для этого развития и для самореализации в обществе в целом [12].

Для саморазвития ребенка в современной семье стоит уделять внимание в первую очередь правильной организации семейного досуга. К ней можно отнести, например: чтение литературы, разгадывание кроссвордов, просмотр разно жанровых фильмов и обсуждение их сюжета, совместный отдых с родственниками, друзьями, посещение театров, музеев; посещение парков, экскурсии, прогулки на природу; занятия спортом, участие в соревнованиях, в проведении праздников [5].

Все эти занятия помогают ребенку раскрыть многообразие окружающего мира, увидеть различие между людьми и их образом жизни. Дети узнают много нового и полезного. У них появляется интерес к познанию еще чего-нибудь нового, пропадает желание остановиться на достигнутых знаниях, их ум постоянно ищет интересное занятие, помогая проявиться и найти реализацию различным личностным способностям и талантам. Все это способствует расширению кругозора детей. А родители могут сделать так, чтобы этот интерес был устойчивым и не угасал с возрастом.

Последние исследования содержат, к сожалению, факты неспособности современных родителей в полной мере обеспечить духовное развитие своих детей [10]. На первый план выходит обеспечение материально-технического характера, забывая о важности и первоочередности морально-духовных ценностей. Семейный досуг, в особенности в условиях пандемии, практически не содержит таких форм как совместный поход в театр, музей, церковь; все чаще семья выбирает теле-развлекательные средства, чем разговор в теплой семейной обстановке, результатом чего является резкое снижение воспитательного духовного потенциала семьи.

Современная жизнь очень стремительна и, часто родителям легче сделать и решить все за ребенка самостоятельно (собрать игрушки, застегнуть пуговицу), лишая его проявления инициативы, развития самостоятельности и уверенности в своих поступках. Научить ребенка многим действиям требует времени и терпения, которых часто не хватает родителям. Нехватка времени, опасения за жизнь или здоровье своего ребенка, гиперосторожность родителей приводит к тому, что при посещении

детского сада ребенок не приучен к самостоятельности, и желание его научиться чему-нибудь пресекается такими запретами, как, например «Ты не умеешь», «Я сделаю быстрее, не трогай». В дальнейшем эти дети становятся неуверенными, нерешительными как в дошкольном, так и в школьном детстве. В этом случае родители, не понимая сами, сдерживают саморазвитие и познавательную мотивацию у своих детей.

Выводы

В заключении хотелось бы отметить, что родителям необходимо помнить о том, что детям просто необходимо создавать такую среду, в которой ребенок смог бы чувствовать себя комфортно не только физиологически, но и психологически [14]. Необходимо помогать ему развивать свои потенциальные таланты, не перегружая детскую психику стремлениями сделать из него вундеркинда. Ребенок, который мотивирован своими родителями, который стремится к познанию, сможет добиться высоких результатов в саморазвитии и образовании.

Стремясь дать лучшее образование и развитие своим детям, родителям стоит уделять внимание развитию всех его качеств и черт: художественных, морально-эстетических, нравственных, эмоциональных, творческих и

социальных. Наличие благоприятной атмосферы, ранее приобщение ребенка к труду, чтению, самообслуживанию, культуре и привитию национальных, морально-нравственных ценностей и является залогом успеха воспитания и саморазвития детей в семье.

Ребенок, имеющий высокие способности, но, не мотивируемый своими родителями к познанию и саморазвитию, растет в страхе за непослушание, за плохой результат в какой-то выбранной им деятельности очень часто не проявляет себя во взрослой жизни, когда авторитет родителей уже не имеет подавляющего влияния, а интерес к саморазвитию так и не привит ребенку родителями в детстве.

Современной семье отводится особая роль в творческом и познавательном саморазвитии детей. Главной задачей в этом процессе должно стать создание условий, максимально способствующих росту и саморазвитию личности ребенка. Этот процесс станет эффективнее, если удастся осмыслить опыт успешного социокультурного воспитания в семьях русской культурной элиты, что дает возможность выстраивать эффективные модели современных семейных воспитательных систем, соединяющих в себе опыт прошлых поколений и современные воспитательные технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарагимова В.К. Актуальные проблемы семейной педагогики в контексте современных социокультурных реалий // Научные исследования и образование. – 2016. – № 3(23). – с. 79-82.
2. Акимова Е.А. Духовно-нравственные традиции воспитания в русской семье // Наука и технологии в современном обществе. – 2016. – № 1 – с. 21-25.
3. Амонашвили, Ш.А. Основы гуманной педагогики. Книга 8. Искусство семейного воспитания / Ш.А. Амонашвили. – М.: Амрита-Русь, 2017. – 952 с.
4. Бочарова Н.И. Педагогика досуга. Организация досуга детей в семье: учеб. пособие для академического бакалавриата / Н.И. Бочарова, О.Г. Тихонова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 218 с.
5. Измайлова А.Б. Традиция русской народной педагогики в современном семейном воспитании. Современные проблемы психологии и образования в контексте работы с различными категориями детей и молодежи: материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., Москва, 26-27 апр. 2018 г. – Москва, 2018. – с. 315-320.
6. Мартынова О.В. Семья и ее роль в воспитании личности дошкольников. Методы партнерского взаимодействия детского сада с родителями / О.В. Мартынова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 27 (265) – с. 266-268.
7. Михашенко А.Л. Современное состояние семейной педагогики. Педагогическая мысль о семейном воспитании в Российской Федерации. Семейная педагогика: антология педагогической мысли: учеб. пособие / А.Л. Михашенко. – Курган: 2011. – с.162-180.
8. Островская Л.Ф. Педагогические ситуации в семейном воспитании дошкольников / Л.Ф. Островская. – М.: Просвещение, 2020. – 160 с.
9. Селезнева Е.В. Саморазвитие личности как акмеологическая категория // Акмеология – 2002. – №1-с.18-25
10. Сергеева, В.П. Основы семейного воспитания. Учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования / В.П. Сергеева. – М.: Академия (Academia), 2019. – 698 с.
11. Сорокоумова Е.А. Психология детей младшего школьного возраста. Самопознание в процессе обучения: учеб. пособие для СПО / Е.А. Сорокоумова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 216 с.
12. Хухлаева О.В. Психология развития и возрастная психология: учебник для СПО / О.В. Хухлаева, Е.В. Зыков, Г.В. Базаева; под ред. О.В. Хухлаевой. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 367 с.
13. Щукина М.А. Саморазвитие личности сквозь призму антропологизма // Вестник УДК 159.9.01 СПбГУ. Сер. 12. 2011.
14. Lesgaft P.F. Family upbringing of a child and its significance / P.F. Lesgaft. – Moscow: KD Librokom, 2019. – 216 p.
15. Pere B. The first three years of a child's life: Etude of experimental psychology. With the Appendix of the article by A. Ben «Education as a science». Per. with FR. / B. Peer. – М.: CD Librocom, 2019. – 320 p.

16. Gritsay L.A. Family pedagogy: the history of family education: textbook. manual / L.A. Gritsay. - Saratov: AI PI er Media, 2019. - 154 p.
17. Jafarova D.T. Study of the problem of family education in modern pedagogical research // World of science, culture, education. – 2016. – № 4 (59). – Pp. 134-136.
18. Carol A.D. Family Life Education: Working with Families across the Lifespan. – Third Edition. – Long Grove, Illinois: Waveland Press, Inc., [2014]. – 403 p.
19. Ryder V. Parents and their children / Verdene Ryder, Celia A. Decker. – Tinley Park, Illinois: Goodheart-Willcox Company, Inc., [2015]. – 624 p.
20. Steinberg L.D. You and your adolescent: the essential guide for ages 10-25. – New York: Simon & Schuster, 2011. – 415 p.

© Земш Марина Борисовна (mz-ped@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Государственный гуманитарно-технологический университет

МОТИВАЦИЯ ПОДРОСТКОВ 11-13 ЛЕТ К ЗАНЯТИЯМ МИНИ-ФУТБОЛОМ

MOTIVATION OF TEENAGERS AGED 11-13 TO PLAY MINI-FOOTBALL

**M. Leont'ev
E. Mikhailova
E. Derevleva**

Summary: The article is devoted to the study of motivation to play mini-football in adolescents aged 11-13 years. It is shown that the motivation of training and competitive activities determines the success of the training process. The concept of motivation of sports activity from the position of the activity approach is revealed. It is shown that motivation of sports activity is a system formation of the athlete's personality, which includes a number of motives and is characterized by a certain dynamics. The conclusion is made about the importance of developing a high level of sports motivation of young football players in terms of achieving high results of the training process. A study of sports motivation in young football players aged 11-13 years, depending on the effectiveness of training and competitive activities. Analysis of the motives of sports activity revealed the motivational profile in groups of football players with high and low levels of sports performance. The results showed that highly effective football players aged 11-13 years are distinguished by a high level of commitment to the success of their team, to sports improvement for successful performance in competitions and to maintain the prestige of the team. Football players with reduced effectiveness of sports activities are characterized by a predominance of social and emotional motivation associated with the emotional intensity of sports events in the process of playing sports.

Keywords: mini-football, sports activity, sports motivation, sports activity motives, competitive motives.

Проблема повышения эффективности учебно-тренировочной деятельности в процессе обучения юных спортсменов 11-13 лет умениям и навыкам техники и тактики мини-футбола решается в контексте исследования особенностей мотивации к занятиям мини-футболом. Мотивация учебно-тренировочной и соревновательной деятельности определяет успешность учебно-тренировочного процесса, поэтому одной из ключевых задач в системе подготовки юных футболистов является развитие мотивации к занятиям мини-футболом.

В спортивной психологии изучение спортивной мотивации исследуется с позиции деятельностного под-

Леонтьев Максим Игоревич
Аспирант, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
maxim.leontiev2014@yandex.ru

Михайлова Эльвира Ивановна
К.п.н., профессор, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Деревлева Елена Борисовна
К.п.н., доцент, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Аннотация: Статья посвящена проблеме исследования мотивации к занятиям мини-футболом у подростков 11-13 лет. Показано, что мотивация учебно-тренировочной и соревновательной деятельности определяет успешность учебно-тренировочного процесса. Раскрыто понятие мотивация спортивной деятельности с позиции деятельностного подхода. Показано, что мотивация спортивной деятельности является системным образованием личности спортсмена, которая включает ряд мотивов и характеризуется определенной динамикой. Сделан вывод о важности развития высокого уровня спортивной мотивации юных футболистов с точки зрения достижений высоких результатов учебно-тренировочного процесса. Проведено исследование спортивной мотивации у юных футболистов 11-13 лет в зависимости от эффективности учебно-тренировочной и соревновательной деятельности. Анализ мотивов спортивной деятельности позволил выявить мотивационный профиль в группах футболистов с высоким и пониженным уровнем эффективности спортивной деятельности. Полученные результаты показали, что высокоэффективные футболисты 11-13 лет отличаются высоким уровнем стремления к успеху своей команды, к спортивному совершенствованию для успешного выступления на соревнованиях и для поддержания престижа коллектива. Футболисты с пониженной эффективностью спортивной деятельности отличаются преобладанием социально-эмоционального мотива, связанного с эмоциональной насыщенностью спортивных событий в процессе занятия спортом.

Ключевые слова: мини-футбол, спортивная деятельность, спортивная мотивация, мотивы спортивной деятельности, соревновательные мотивы.

хода в контексте анализа различных видов спортивной деятельности – учебно-тренировочной и соревновательной. Основным направлением анализа предметного содержания спортивной деятельности, согласно С.Д. Невверкович, является определение ее потребностей-мотивов, входящих в нее задач и действий-операций, составляющих целостную спортивную деятельность [5].

Научно-прикладные исследования в области спортивной психологии показывают, что при одинаковом уровне спортивной подготовленности юных спортсменов фактор спортивной мотивации может играть значительную роль. Так, в исследовании Е.Р. Биспен, в основе которого лежит концепция спортивно-важных психиче-

ских свойств, влияющих на результативность спортивной деятельности, важную роль играют мотивационные механизмы, определяющие характерные особенности действий и поведения спортсмена в соответствующих ситуациях спортивной деятельности [1].

Мотивация спортивной деятельности является системным образованием личности и определяется как актуальное состояние личности спортсмена, служащее основой для постановки и осуществления целей, направленных на достижение максимально возможного на данный момент спортивного результата [4]. Мотивация спортивной деятельности включает ряд мотивов, которые с точки зрения субъектно-деятельностных критериев имеют следующую классификацию: по направленности на процесс или результат деятельности; по степени устойчивости; по связям с целями спортивной деятельности; по месту в системе «Другие Я»; по доминирующей установке [6, с. 32-37]. Мотивация спортивной деятельности у подростков-спортсменов, обучающихся в детско-юношеских спортивных школах, согласно исследованию И.И. Бойко, характеризуется определенной динамикой: у начинающих спортсменов преобладают опосредованные мотивы, у опытных спортсменов ведущими являются мотивы собственно спортивной деятельности. Развитие спортивной мотивации происходит под влиянием учебно-тренировочных занятий и участия в соревнованиях, в ходе которых подростки обретают необходимый опыт, добиваются высоких спортивных результатов и обретают уверенность в своих силах [2]. Поэтому одной из приоритетных задач учебно-тренировочного процесса является создание условий для развития высокого уровня спортивной мотивации юных футболистов.

Признавая важность спортивной мотивации юных футболистов с точки зрения достижений высоких результатов учебно-тренировочного процесса, было проведено исследование особенностей мотивации подростков 11-13 лет к занятиям мини-футболом.

Цель исследования: выявление уровня и содержания спортивной мотивации у юных футболистов 11-13 лет в зависимости от эффективности учебно-тренировочной и соревновательной деятельности.

Методы исследования: в качестве методов сбора данных для исследования мотивов спортивной деятельности применялась стандартизированная методика А.В. Шаболтас. В качестве статистических методов применялись описательная статистика для проведения уровня анализа; t-критерий Стьюдента для проведения сравнительного анализа и выявления статистически значимых различий исследуемых показателей.

Исследуемые группы: в ходе исследования по кри-

терию эффективности учебно-тренировочной и соревновательной деятельности было сформировано 2 группы футболистов 11-13 лет в количестве по 26 человек, всего 52 человека. Оценка эффективности учебно-тренировочной и соревновательной деятельности включала тестирование по следующим критериям: общая и специальная физическая подготовка; техническая и тактическая подготовленность; рейтинг соревновательной деятельности.

Анализ результатов исследования

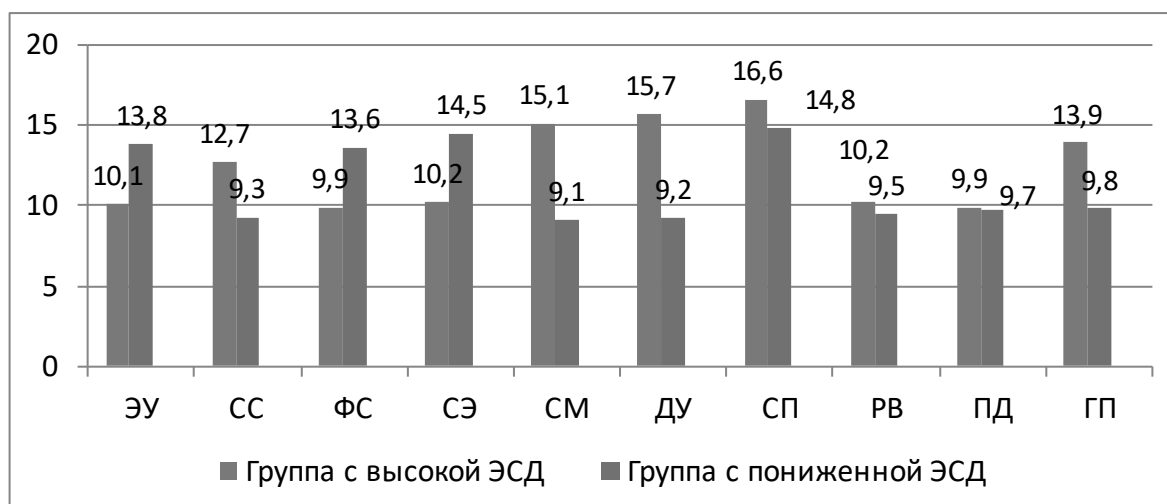
В основе исследования содержания мотивации спортивной деятельности у футболистов 11-13 лет положены уровневый и сравнительный анализ показателей мотивов спортивной деятельности в группах спортсменов с разным уровнем эффективности спортивной деятельности.

Анализ мотивов спортивной деятельности позволил выявить ведущие и малозначимые мотивы в группах футболистов с высоким и пониженным уровнем эффективности спортивной деятельности (рис. 1).

Как показывают результаты, мотивационный профиль футболистов имеет отличия в зависимости от уровня эффективности спортивной деятельности. В группе футболистов 11-13 лет с высоким уровнем эффективности спортивной деятельности ведущими мотивами являются спортивно-познавательный мотив, мотивы достижения успеха в спорте, социально-моральный мотив. Малозначимыми мотивами являются мотив подготовки к профессиональной деятельности и мотив физического самоутверждения.

Таким образом, спортивная мотивация футболистов с высокой эффективностью спортивной деятельности характеризуется доминированием познавательной мотивации к изучению вопросов технической и тактической подготовки, доминированием мотивации к достижению успеха в спортивной деятельности и социальной мотивацией на успех своей команды. Мотивация физического самоутверждения у высокоэффективных футболистов на этапе базовой подготовки уже не является значимой. Малозначимым является стремление заниматься спортом для подготовки к требованиям избранной профессиональной деятельности, что связано, на наш взгляд, с тем фактом, что профессиональное самоопределение и развитие профессиональной мотивации, а также процессы включения мотивов спортивной деятельности в профессиональную мотивацию личности начинает складываться в старшем подростковом возрасте.

У футболистов с пониженным уровнем эффективности спортивной деятельности ведущими мотивами являются спортивно-познавательный мотив и мотивы,



Показатели: ЭСД – эффективность спортивной деятельности. ЭУ - мотив эмоционального удовольствия, СС - мотив социального самоутверждения, ФС - мотив физического самоутверждения, СЭ - социально-эмоциональный мотив, СМ - социально - моральный мотив, ДУ - мотив достижения успеха в спорте, СП - спортивно - познавательный мотив, РВ - рационально-волевой мотив, ПД - мотив подготовки к профессиональной деятельности, ГП - гражданско-патриотический мотив.

Рис. 1. Мотивы спортивной деятельности у футболистов 11-13 лет с разным уровнем эффективности спортивной деятельности

связанные с эмоциональными переживаниями в спортивной деятельности: социально-эмоциональный мотив и мотив эмоционального удовольствия. Малозначимыми мотивами являются социально-моральный мотив и мотив достижения успеха в спорте. Таким образом, спортивная мотивация футболистов с пониженной эффективностью спортивной деятельности характеризуется доминированием познавательной мотивации к изучению вопросов технической и тактической подготовки, мотивов, связанных с эмоциональными переживаниями в спортивной деятельности. Мотивация к достижению успеха в спортивной деятельности и социальная мотивация на успех своей команды не является значимой для футболистов с пониженной эффективностью спортивной деятельности.

В ходе сравнительного анализа с помощью t-критерия Стьюдента выявлены достоверные различия ($p < 0,05$) в группах футболистов с разной эффективностью спортивной деятельности по социально-эмоциональному мотиву, социально-моральному мотиву, мотиву достижения успеха в спорте, спортивно-познавательному мотиву, гражданско-патриотическому мотиву. Полученные

результаты можно проинтерпретировать следующим образом. Высокоэффективные футболисты 11-13 лет статистически отличаются высоким уровнем развития мотивов достижения успеха в спорте, спортивно-познавательных мотивов, социально-моральных и гражданско-патриотических мотивов, которые находят свое выражение в стремлении к успеху своей команды, к спортивному совершенствованию для успешного выступления на соревнованиях, для поддержания престижа коллектива. Футболисты с пониженной эффективностью спортивной деятельности отличаются статистически значимым преобладанием социально-эмоционального мотива, связанного с эмоциональной насыщенностью спортивных событий в процессе занятия спортом.

Итак, результаты исследования позволили выявить особенности содержательного компонента спортивной мотивации у футболистов 11-13 лет с разной эффективностью спортивной деятельности, что важно учитывать при организации учебно-тренировочного и соревновательного процессов с целью повышения их эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биспен Е.Р. Воспитание смелости и решительности в процессе спортивной тренировки футболистов 13-15 лет: автореферат дис... канд. пед. наук. - СПб, 1992. – 23 с.
2. Бойко И.И. Мотивация достижения у подростков-спортсменов и ее развитие в процессе проведения коррекционно-тренировочных занятий: дис. ... канд.

- психол. наук. - Иркутск, 2006. - 161 с.
3. Кузьмин Е.Б. Формирование спортивной мотивации как психолого-педагогическая проблема / Е.Б. Кузьмин, Ю.П. Денисенко, Г.Л. Драндров // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. - 2010. - № 1. - С. 57-61.
 4. Неверкович С.Д. Общепедагогические и социально – педагогические аспекты ролевых и функциональных характеристик психологической науки в спортивной деятельности // Материалы Всеросс. науч. конф. «Методология современной общей и спортивной педагогики». - Москва, 2004. - С. 82-94.
 5. Стамбулова Н.Б. Психологическая структура спортивной деятельности // Спортивная психология в трудах отечественных специалистов / Сост. и общая редакция И.П. Волкова; - СПб.: Питер, 2002. - 384 с.
 6. Деревлев С.К., Михайлова Э.И., Деревлева Е.Б. К вопросу о повышении мотивации к занятиям спортом // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 4– С.40-42.

© Леонтьев Максим Игоревич (maxim.leontiev2014@yandex.ru), Михайлова Эльвира Ивановна, Деревлева Елена Борисовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



МОДЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НЕФТЯНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ И КИТАЯ: ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ¹

Ли Гэнвэй

К.п.н., Старший преподаватель, Сианьский нефтяной
университет, г.Сиань КНР
elmakli@yandex.ru

MODELS AND DIRECTIONS OF SCIENTIFIC COOPERATION OF OIL UNIVERSITIES OF RUSSIA AND CHINA: ONE BELT, ONE ROAD²

Li Gengwei

Summary: The article actualizes the problem of studying the models and directions developed within the framework of the "One Belt, One Road" initiative. The author approaches the solution of the task by identifying aspects of scientific cooperation between oil universities of Russia and China. The article substantiates the importance of the "One Belt, One Road" initiative for the successful interaction of countries and mutually beneficial economic development. The author substantiates the importance of the role of the conditions for the implementation of models and directions of international cooperation of oil universities of the two states, reveals the dependence of the need to analyze the specifics of implementation in the structure of the activities of higher education institutions, within which he reveals the universality of the structure of the specifics reflected in the components listed in the article. Speaking about the models of interaction between the China and Russia in the system of "university-production-cooperation" in the sphere of ensuring the strategic development of the oil and gas industry, it is necessary to consider the existing areas of cooperation and the main concepts that determine the international relations of oil universities of countries, among which the author highlights: the direction of comprehensive development within energy cooperation; a new stage of joint energy interaction; cooperation of oil universities on new projects, etc.

Keywords: Russian-Chinese cooperation, oil production and oil refining industry, interaction of universities, the "One Belt, One Road" initiative.

Аннотация: В статье актуализируется проблематика изучения моделей и направлений, разрабатываемых в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Автор подходит к решению поставленной задачи через выявление аспектов научного сотрудничества нефтяных университетов России и Китая. В статье обосновывается значимость инициативы «Один пояс, один путь» для успешного взаимодействия стран и взаимовыгодного экономического развития. Автор дает обоснование значения роли условий реализации моделей и направлений международного сотрудничества нефтяных университетов двух государств, выявляет зависимость необходимости анализа специфики реализации в структуре деятельности учреждений высшего образования, в рамках чего выявляет универсальность структуры специфики, отраженной в перечисленных в статье составляющих. Говоря о моделях взаимодействия КНР и России в системе «вуз-производство-сотрудничество» в сфере обеспечения стратегического развития нефтегазовой отрасли, необходимо рассмотреть имеющиеся направления сотрудничества и основные концепты, определяющие международные взаимоотношения нефтяных университетов стран, среди которых автор выделяет: направление всестороннего развития в рамках энергетического сотрудничества; новую стадию совместного энергетического взаимодействия; сотрудничество нефтяных университетов по новым проектам и др.

Ключевые слова: Российско-Китайское сотрудничество, нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность, взаимодействие университетов, инициатива «Один пояс, один путь».

Сотрудничество России и Китая имеет достаточно богатую историю развития, которая в последние десятилетия ознаменовывалась разработкой совместных зон экономического развития и укрепления на данной основе международного образовательного, производственного и научно-исследовательского сотрудничества [4; 8].

2013 год ознаменовался концептуально новым витком развития перспективных направлений международного взаимодействия, а именно выдвинутой Си Цзиньпином (Председатель КНР) инициативы «Один пояс, один путь». Данная концепция представляет собой эскалационно значимый прогрессивный международный проект, в рамках которого осуществляется углубленная экономическая региональная интеграция, происходит

1 Публикация подготовлена в рамках реализации Научного проекта в провинции Шэньси 2019KRM017 "Модели и направления научного сотрудничества нефтяных университетов Китая и России на фоне "Один пояс один путь".

2 The publication was prepared as part of the implementation Of the scientific project in Shaanxi province 2019KRM017 « Models and directions of scientific cooperation between oil universities in China and Russia on the background of "one belt one road"»

снижение/устранение барьерности в различных сферах (включая привлечение инвестиций, торговые отношения), среди которых приоритетное внимание было уделено разработке единой транспортной инфраструктуры, усиление валютной позиции, расширение сферы сотрудничества в образовательной и гуманитарной областях, а также выведение международного взаимодействия учреждений высшего образования на новый перспективный уровень [3; 7].

Необходимо отметить, что основными фундаментальными основами концепции «Один пояс, один путь» стали такие проекты «Экономического пояса Шелкового пути», а также «Морского Шелкового пути XXI-го века», в цели и задачи которых вошли различные направления и модели международного консолидированного сотрудничества и сотрудничества с рядом стран, в том числе и с Россией. Создание евразийской экономической зоны, в функции которой входит обеспечение связи со странами Запада и Востока для налаживания товаропоставок в европейские территории, является одной из ключевых задач/целей концепции. Это позволит сформировать специфическую платформу единого гармоничного существования государств, цивилизаций, что предполагает полную автономность стран в политическом и культурном отношении, но взаимозависимость – в экономическом [6].

Официально задокументированные принципы ведения совместного развития в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в документе «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века»³ определяют непрерывность и систематичность проекта в контексте взаимности ведения бизнеса и перспективного прогрессивного развития [2].

Непосредственно Китайская народная республика усматривает в функциях данного проекта механизм приложения экономического и финансового капитала, оборудования, технологических решений, а также человеческого капитала и др., т.е. всего того, что является, в рамках концепции, необходимым для «строительства» инфраструктуры различных сфер.

Необходимо также отметить, что одной из основных интенций в контексте инициативы, а именно «Совместное строительство «Одного пояса, одного пути», стал задокументированная КНР информация о спектре и масштабах тех усилий, которые предполагает предпринять Китай для продвижения данного проекта, чем призывает к достижению понимающего мирового сообщества и укреплению, а также расширению связей.

Расширение этих связей рассматривается на сегодняшний день и в рамках взаимодействия России и Китая. Так, например, определены несколько главных областей (необходимо отметить, что развитие международного сотрудничества согласно концепции инициативы ведется в таких сферах как инфраструктурный взаимодействие и взаимосвязь, осуществление непрерывных и систематических торговых обменов, координирование сферы политических отношений, усиление духовного единства наций, народов, этносов, цивилизаций, а также свободное капиталодвижение), в которых Россия и Китай планируют тесное взаимодействие на основе сотрудничества.

В рамках рассматриваемой инициативы области российско-китайского сотрудничества лежат в плоскости двухсторонних транспортных отношений, логистики и транзита и др. Немаловажную роль в условиях современных экономических и политических реалий отводят совместному развитию энергетической отрасли, которая, также как иные партнерские взаимоотношения двух государств, открывает богатейшие новые возможности с позиций укрепления стратегических направлений взаимодействия [5; 10].

Важнейшей сферой, определяющей перспективы сотрудничества России и Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в системе «сотрудничество университетов-промышленное производство-развитие экономического пояса «Нового шелкового пути», является взаимодействие двух государств на основе сотрудничества в нефтяной промышленности. Это играет важнейшую роль в активизации и стабилизации развития торговых отношений и экономических связей. Помимо этого, отмечается, что для Китайской народной республики главным и перспективным является расширение инвестиционного потока в нефтегазовую экономическую отрасль России, в связи с чем содействие КНР в добыче и переработке российской нефти значительно увеличивает и усиливает взаимосвязи стран в данной отрасли [9].

Однако, тем не менее, исследователи отмечают, что участие и заинтересованность Китая развитию модели взаимодействия в нефтяной отрасли не ограничивается лишь только в приобретении готовой продукции и инвестициях в нефтяную промышленность России. КНР заинтересована во взаимодействии на многих этапах, касающихся развития нефтяной отрасли, включая участие в производстве, процессах переработки российской нефти, а также в сотрудничестве, касающемся процесса подготовки кадров для функционирования и перспективного развития нефтяной промышленности, что ведет к усилению взаимозаинтересованности Китая и России в

³ «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». Интернет-ресурс: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm> (Дата обращения 19.08.2020).

поступательном, а главное непрерывном и преемственным развитием данной экономической отрасли.

На фоне новых трансформаций в реализации международной энергетической стратегии и условий взаимодействия КНР стремится наиболее быстрыми мерами решить проблему снабжения страны энергоносителями, в связи с чем обновление динамики российско-китайского сотрудничества должно послужить срочной интеграции китайской инициативы «Пояс и дороги», в основе которых лежит необходимость научно-исследовательской поддержки китайско-российских энергетических проектов [1].

Актуальность стоящей проблемы перед КНР обуславливает усиление международного сотрудничества по направлениям международного взаимодействия нефтяных университетов России и Китая с целью активизации исследований новых областей научного и производственного сотрудничества в нефтегазовой отрасли.

Обоснование значения роли условий моделей и направлений международного сотрудничества нефтяных университетов двух государств диктует необходимость анализа специфики реализации в структуре деятельности учреждений высшего образования. Нужно отметить, что структура специфики достаточно универсальна и отражена в таких ее составляющих как: 1) обучающиеся (студенты), выступающие так называемыми звеньями организации обменных образовательных программ, индивидуальной академической мобильности и т.п.; 2) профессорско-преподавательский состав вуза, реализующий потенциал международного сотрудничества учреждения в совместной научно-исследовательской деятельности, индивидуальной мобильности (обмен преподавателями), разработке совместных учебных программ, организации профориентационной деятельности, интенсивных образовательных курсов, летних школ, включающих также и научно-исследовательские практики на базе нефтедобывающих и перерабатывающих объектов и т.п.; 3) процесс сертификации, достижения необходимого рейтингового положения, уровня достижений, что выражается в таких показателях как способность выдачи «двойных дипломов» по специализациям, связанным с нефтегазовым производством и переработкой энергетических ресурсов, уровень и качество образования, рейтинг документов об образовании на международном рынке образовательных услуг и профессий, спрос и трудоустройство выпускаемых специалистов (как в Китае, так и в России) и пр.; 4) ряд аспектов международного сотрудничества, раскрывающие сущность и характер сопутствующей деятельности иных структур, как, например, управление рисками в нефтегазовой отрасли, программы сотрудничества и обмена для административного и вспомогательного персонала, а также вопросы организации управления инфраструк-

турами в нефтедобывающей и перерабатывающей отрасли и т.д.

Говоря о моделях взаимодействия КНР и России в системе «вуз-производство-сотрудничество» в сфере обеспечения стратегического развития нефтегазовой отрасли, необходимо рассмотреть имеющиеся направления сотрудничества и основные концепты, определяющие международные взаимоотношения нефтяных университетов стран:

- направление всестороннего развития в рамках энергетического сотрудничества, определяющее продолжительность поставок нефти, увеличение внутреннего развития добычи энергоресурсов; в рамках данного направления существенными аспектами взаимодействия нефтяных университетов стран являются геополитические факторы, среди которых «взаимодополняемость между Китаем и Россией» [1], географическая близость, общие стратегические интересы, развитие технологий переработки и импорта энергоносителей в КНР; в контексте данного направления сотрудничество нефтяных университетов содействует перспективной проработке таких ключевых проектов как китайско-российская газопроводная линия (Западная линия, Дальневосточный газопровод);
- новая стадия совместного энергетического взаимодействия – развитие программ, охватывающих новые нефтедобывающие районы, такие как Дальний Восток, Арктика Сибирь;
- сотрудничество нефтяных университетов по новым проектам: расширение китайско-российского нефтепровода, проект «Китайско-Российская Восточная линия», «Ямал СПГ», включая значительную роль университетов в «Энергетической стратегии России до 2035 года» на основе учета корректировок международной энергетической стратегии; данное направление также подразумевает совместные исследования российских и китайских энергетических агентств, нефтяных университетов, исследовательских отделов и пр.

Среди основных моделей расширения сотрудничества и реализации энергетических проектов следует отметить:

- сотрудничество с провинцией Хэйлуцзян, что реализуется наряду с взаимодействием по программам совместно с крупными компаниями на государственном уровне, а также сотрудничество с другими северо-восточными провинциями;
- разработка новых технологий в рамках энергетических проектов, а также технологий обслуживания нефтедобывающей отрасли, включая старт программ подготовки представительских проектов сотрудничества, которые ориентированы на российские и китайские места;

- взаимодействие по проектам энергетического сотрудничества в Северном море, включая укрепление взаимосвязей нефтяных объектов, исследование новых способов кооперации в сфере энергетики между двумя странами, а также активное исследование новых областей сотрудничества, которое можно усилить на основе связей между нефтяными университетами;
- содействие развитию модели двустороннего энергетического сотрудничества России и Китая и др.

Перечисленные основные аспекты регулирования взаимоотношений обозначили объективность следующих принципов организации международного сотрудничества нефтяных университетов и реализации его условий: принцип приоритетности, раскрывающийся в направленности образовательной политики международного сотрудничества на обеспечение высокого качества и престижа образования в сфере нефтедобывающей и перерабатывающей промышленности, позволяющего удовлетворять конкурентоспособности и спросу международного рынка услуг и труда; принцип равноправности, заключающийся в равноправии университетов-партнеров, характеризующихся спецификой международного сотрудничества, определяющейся различными факторами: вузовской специализацией, ресурсами образовательного учреждения, имеющегося опыта интернационализации, регионально-географиче-

ской локализации и др.; принцип гостеприимства, который выражается в привлечении как можно большего количества иностранных студентов, их поддержке, совершенствовании качества образовательных программ, улучшении инфраструктуры и условий пребывания студентов, а также развитию программ обмена и пр.

Таким образом, условия современных реалий, определяющих специфику сотрудничества Китая и России, предопределяют расширение сфер взаимодействия по различным направлениям, среди которых развитие нефтяной отрасли имеет одной из наиболее приоритетных значений. Стратегия взаимодействия нефтяных университетов России и Китая направлена на взаимовыгодное энергетическое сотрудничество, позволяющее странам не только поддержать друг друга в сложной ситуации, но и наметить возможные прогрессивные пути перспективного развития, которые будут поддержаны системой «вуз-производство-сотрудничество» и обеспечат преемственность в поступательном развитии секторов добычи, разведки нефти и газа, переработки, транспортировки, технологий и перераспределения инвестиционного фонда для развития взаимовыгодных ситуаций.

Сотрудничество нефтяных университетов позволяет обеспечить максимальность наращивания мощности проектов на научном уровне, что позволит еще более углубить сотрудничество государств в областях энергетики, а именно нефти и газ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ань Чжао Чжэнь. Новая ситуация и новые меры китайско-российского энергетического сотрудничества / Чжэнь Ань Чжао // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 1. – С. 7-14.
2. Глиттова Я. Политико-правовые основы сопряжения Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути: процесс формирования и перспективы взаимодействия / Я. Глиттова, А.В. Торпыгин // Управленческое консультирование. – 2018. – № 12 (120). – С. 33-47. doi: 10.22394/1726-1139-2018-12-33-47
3. Гревцева Г.Я. Сотрудничество России и Китая в сфере образования / Г.Я. Гревцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2017. – № 2. – С. 43-52.
4. Давыдова А.С. Российско-китайское сотрудничество на современном этапе / А.С. Давыдова // Молодой ученый. – 2016. – № 2 (106). – С. 471-474.
5. Дмитриева М.О. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество / М.О. Дмитриева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 1. – С. 139-146.
6. Ли На. Инициатива «Один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии / На Ли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2018. – № 4. – С. 382-392.
7. Ло Ваньци. Проблемы реализации совместных образовательных программ в условиях сотрудничества российских и китайских вузов / Ваньци Ло, Е.Л. Болотова // Наука и школа. – 2019. – № 1. – С. 16-21.
8. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IX международной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Друзяка. – Том. Выпуск 9. Часть 2. – Благовещенск, 2019. – 202 с.
9. Чжан Пяоляо. Международное сотрудничество в нефтяной отрасли России на фоне динамичного развития торговли между Россией и Китаем / Пяоляо Чжан // Научный диалог. – 2017. – № 7. – С. 188-195.
10. Чистякова Е.А. ЕАЭС - Китай: новый этап сотрудничества / Е.А. Чистякова, О.Ю. Соколова, С.В. Захарова, В.А. Скворцова, А.О. Скворцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 141-149.

© Ли Гэнвэй (elmakli@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

PSYCHOLINGUISTIC BASES OF TEACHING ENGLISH LANGUAGE AT ELEMENTARY SCHOOL

**O. Litvyak
E. Klimenko**

Summary: Knowledge of two or more languages for the current period is not only the norm, but also a necessity of modern life. In this regard, the relevance of the issue of teaching methods of this subject is increasing. The article presents the main provisions of psycholinguistics, a number of characteristics of the cognitive style that affect the way, speed and quality of assimilation of new material. The main methods of teaching English are considered. Gaming technologies are proposed to increase the quality of memorizing new information and to increase cognitive interest.

Keywords: psycholinguistics, cognitive style, teaching methods, game technologies, English.

Литвяк Олеся Валерьевна

к.ф.н., доцент, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
ole.litviak@yandex.ru

Клименко Екатерина Владимировна

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
klimenko.kateryna.22.04@mail.ru

Аннотация: Владение двумя и более языками на текущий период является не только нормой, но и необходимостью современной жизни. В связи с этим, увеличивается актуальность вопроса методов преподавания данного предмета. В статье представлены основные положения психолингвистики, ряд характеристик когнитивного стиля, влияющих на способ, скорость и качество усвоения нового материала. Рассмотрены основные методики обучения английскому языку. Предложены игровые технологии для увеличения качества запоминания новой информации и повышения познавательного интереса.

Ключевые слова: психолингвистика, когнитивный стиль, методики обучения, игровые технологии, английский язык.

Возрастание необходимости в знаниях английского языка ставит перед педагогами вопрос о подборе методик, с помощью которых будет осуществляться обучение детей различного возраста. Крайне важно подбирать способы работы в соответствии с возрастными особенностями ребенка и его уровнем знаний. При подборе упражнений также необходимо владеть знаниями о психологических закономерностях, на основе которых осуществляется процесс восприятия и воспроизведения английской речи [17]. Проблему описанных закономерностей решает наука психолингвистика.

Данная наука помогает ответить на два вопроса, которые касаются обучения иностранному языку. Во-первых, становится известным тот факт, что для свободной речевой деятельности учащемуся нужно овладеть лексико-грамматическим и фонетическим материалом совместно с приобретением специальных навыков коммуникации [10]. То есть необходима не только теоретическая подготовка, но и деятельность, направленная на отработку механизмов речевого общения. В этом случае могут помочь такие методы, как: письмо, говорение, чтение и аудирование. С помощью чтения и аудирования ребенок развивает навыки опознания языкового материала, а при письме и говорении обучается быстрому оформлению мыслей на английском языке [13]. Во-вторых, психолингвистика позволяет подобрать индивидуальный подход к учащимся, исходя из когнитивного стиля ребенка.

Психолингвистика выделяет следующие основные характеристики когнитивного стиля, которые влияют на способ, скорость и качество усвоения нового материала [18]:

1. Полезависимость/полenezависимость.

Полезависимость характеризуется высокой общительностью, зависимостью от группы. В таком случае желательно вовлекать ребенка в групповые упражнения, где бы он мог получить одобрение от группы в случае успеха и поддержку при неудаче [18].

В учебнике английского языка для вторых классов приводится упражнение на знакомство, при котором ученик взаимодействует с группой для отработки навыка знакомства на иностранном языке [1]. Данное задание наилучшим образом подходит для детей с выраженной полезависимостью характера.

Полenezависимость характеризуется высокой личной автономностью, низким уровнем интереса к другим людям, отчужденностью. Детям такого типа желательно давать задания для индивидуальной работы [18].

Например, подходящим заданием будет самостоятельная работа с учебником. Задания типа: перепиши слова, найди определения предметов в учебнике, заполни пропуски и т.д.



Рис. 1. Упражнение: знакомство. [Virginia Evans]



Рис. 2. Упражнение: словарная работа. [Virginia Evans]

2. Ригидность/гибкость познавательного контроля.

Ребёнок с ригидным познавательным контролем с трудом справляется с концентрацией внимания на деятельности при постоянном воздействии помех. Например, при шуме или других разнородных воздействиях на органы чувств, ребёнок чаще отвлекается от основного занятия. Дети же с гибкостью познавательного контроля легко усваивают информацию независимо от различного воздействия на органы чувств [18].

Для ребёнка с ригидным познавательным контролем будут полезными задания на тренировку концентрации внимания. Например, поиск лишнего предмета среди других по заданному признаку.

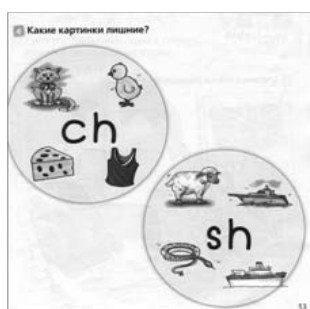


Рис. 3. Упражнение: поиск предмета. [Virginia Evans]

3. Импульсивность/рефлексивность.

Учащиеся импульсивного типа быстро реагируют на поступающие вопросы и также быстро дают ответ. Им подойдет работа в режиме вопрос-ответ в печатном или аудио формате, в зависимости от стиля восприятия информации [18].

При рефлексивном когнитивном стиле рекомендуется давать задания, где нужно проанализировать и сопоставить несколько данных и выдать конечный ответ. Примером таких заданий является аудирование, при котором в тестовой форме ученику необходимо сопоставить несколько вариантов ответа исходя из прослушанного текста. Также будут уместны задания на сопоставление иностранных слов с их характеристикой или выбором правильного варианта среди предложенного перечня слов.



Рис. 4. Упражнение: правильный выбор. [Virginia Evans]

4. Необходимо учитывать стиль восприятия информации: аудиальный, визуальный или кинестетический.

Так как определение стиля восприятия у каждого учащегося может вызвать трудности у педагога, то рекомендуется использовать различные виды предоставления и закрепления информации. Желательно использовать таблицы, рисунки, сопровождая их собственными объяснениями, после чего побуждать учащихся повторять услышанное или увиденное ранее [3].

В упражнениях, направленных на аудиальный тип восприятия, предлагается прослушать или повторить текст.

В упражнениях, направленных на визуальный тип восприятия, предлагается прочитать или написать текст, рассмотреть картинку или перерисовать её.

Лучше всего использовать упражнения, направленные сразу на несколько типов восприятия.



Рис. 5. Упражнения на аудиальное восприятие. [Virginia Evans]



Рис. 6. Упражнения на визуальное восприятие. [Virginia Evans]



Рис. 7 Упражнения на различные виды восприятия. [Virginia Evans]

При обучении английскому языку необходимо развивать четыре основных вида речевой деятельности, которые выделяются в психолингвистике: аудирование (слушание), говорение, чтение и письмо [12]. К устной речи относят говорение и аудирование, к письменной — чтение и письмо. Ко вторичным видам речевой деятельности — перевод. Исходя из этого, необходимо подбирать упражнения на развитие каждого вида речевой деятельности. Это можно сделать не только путём выполнения упражнений из учебника, но и через игровую деятельность.

Для того, чтобы учащиеся овладевали новым языком, необходимо постепенно увеличивать уровень творчества говорящего. Однако, необходимо опираться на уровень знаний учащегося. Выделяют три уровня творчества говорящего.

Первый уровень — репродуктивный: человек повторяет услышанные слова или предложения.

На данном этапе, обычно, проходит подготовка к чтению текста на английском языке или его прослушиванию. Учителю необходимо дать около десяти новых слов и предложить их записать в словарь, а затем, повторить вслух.



Рис. 8. Повторение слов. [Virginia Evans]

Второй уровень — репродуктивно-продуктивный: для того, чтобы передать мысль, необходимо использовать готовые блоки (слова или фразы).

Здесь подойдут упражнения на составление предложений из готовых слов или фраз. Например, можно предложить упражнение на описание какого-либо предмета предложениями из прочитанного текста.



Рис. 9. Упражнение: составление предложений. [Virginia Evans]

Третий уровень — продуктивный: характеризуется тем, что говорящий формулирует фразы самостоятельно, творчески строит высказывание.

Примером упражнений на данном уровне является самостоятельное составление текста о чём-либо. На

начальных этапах предлагается составить рассказ из нескольких предложений с описанием себя или семьи. Также можно предложить составить небольшой диалог по образцу.



Рис. 10. Упражнение: диалог. [Virginia Evans]

Несмотря на результативность традиционных упражнений, эффективнее сочетать их с игровыми [8]. В связи с тем, что в младшем школьном возрасте только начинает происходить переход ведущей деятельности от игровой — к учебной, поэтому игровая форма ускорит процесс усвоения материала и сделает его более качественным. При этом игра сопровождается положительными эмоциями и не вызывает сопротивления, что в большей мере поможет закрепить знания не только в кратковременной, но и в долговременной памяти [7].

Одним из известных исследователей психологии игры является Эльконин Даниил Борисович, внёсший огромный вклад как в педагогику, так и в психологию. В своей книге «Психология игры», Эльконин Д.Б. пишет о том, что процесс превращения обязательного задания в игровую задачу позволяет снять сопротивление, благодаря чему, дети с удовольствием выполняют то, что необходимо, развивая при этом мышление и воображение [8].

В изучении английского языка, особенно с детьми младшего школьного возраста, можно применять игровые методы для изучения, закрепления новой информации и для проверки степени её усвоения [3].

Для закрепления и проверки уровня усвоения информации можно использовать игру: «Горячая картошка». Суть игры состоит в том, что дети бросают друг другу мяч по кругу или хаотично. Поймав мяч, ребёнок должен вспомнить и воспроизвести запомнившееся слово на английском и воспроизвести русскоязычный аналог [6].

Для получения и отработки навыков речевого общения можно использовать игры, связанные с описанием предметов. Как правило, такие упражнения даются тогда, когда учащиеся достигают третьего уровня творчества говорящего и владеют достаточным словарным запасом, соответствующим классу обучения. Примером может служить: «Игра в слова». Игровая задача заключается в описании свойств загаданного предмета одним из участников, а также необходимостью отвечать на вопросы от одноклассников в ходе игры. Благодаря данной игре, учащиеся овладевают фонетическим материалом и навыками коммуникации на английском языке. Предложенная игра снимает барьер общения на иностранном языке в границах заданной темы. При этом формируется положительный опыт свободного общения на английском языке, что в будущем поможет использовать имеющиеся навыки в случае столкновения с новой, но сходной задачей в реальном взаимодействии [5].

При изучении цветов, названий предметов, животных или частей тела, можно предлагать детям приносить по одной любимой игрушке на урок. Такой формат урока поможет снизить тревогу, вызвать интерес к изучению нового языка и охватит все стили восприятия новой информации. Также игрушка, несомненно, вызовет положительные эмоции, что будет способствовать, как лучшему запоминанию новой информации, так и установлению доброжелательных, доверительных отношений с учителем, что особенно важно в первые годы обучения [16].

Подводя итог, стоит отметить значительный вклад психолингвистики в процесс обучения иностранному языку, который проявляется в аспектах методологии преподавания в младших классах. Данная наука позволяет выявить то, на что должно быть направлено обучение и какими способами оно должно осуществляться, исходя из протекания речевых и когнитивных процессов индивидуума. Необходимо отметить высокую эффективность упражнений, проводимых в игровой форме. Результативность такой работы обусловлена снятием внутренних барьеров учащихся, появлением положительных эмоций, что повышает интерес к познанию языка, степень запоминания новой информации и уровень доверия к учителю и процессу обучения в целом.

Перспективой дальнейшей научной деятельности является поиск новых современных методов обучения детей различного возраста иностранным языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английский язык 2 класс / Virginia Evans [и др.] // Учебник для общеобразовательных учреждений. – 2011. – 149 с.
2. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. / В.П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.

3. Игры на уроках английского языка: Метод. пособие. / под ред. Ю.Я. Пучкова – М.: ООО «Издательство АСТ», 2005. – 78 с.
4. Калмыкова Е.В. Игровые технологии обучения в начальной школе / Е.В. Калмыкова. – М.: АРКТИ, 2007. – 60 с.
5. Маклаков А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков – СПб.: Питер 2019. – 580 с.
6. Овчинникова Т.Е. Учимся работать в команде, г. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 100 с.
7. Хомская Е.Д. Мозг и эмоции / Е.Д. Хомская, Н.Я. Батова // Нейропсихологическое исследование. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 67 с.
8. Эльконин Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин – М.: Педагогика, 1978. – 360 с.
9. Игры на уроках английского языка: Метод. пособие. / под ред. Ю.Я. Пучкова – М.: ООО «Издательство АСТ», 2005. – 78 с.
10. Минский Е.М. От игры к знаниям: развивающие и познавательные игры мл. школьников. Пособие для учителей. / Е.М. Минский. – М.: Просвещение, 1982. – 192 с.
11. Психокоррекционная программа для младших школьников, испытывающих трудности в обучении поведению на начальном этапе обучения / Авт.-сост. Е.О. Студинская. [Подред. Т.В. Волосовец, Е.Н. Кутеповой]. – М.: РУДН, 2007. – 38 с.
12. Балина Л. Особенности обучения английскому языку в начальной школе // Научно-методический электронный журнал. – 2015. – Т. 30. – С. 535.
13. Гильбиг Герхард. Возникновение и тематическая область психолингвистики / Н.А. Воробьева // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2004. - №2, С. 250-3.
14. Дейк Т.А. Стратегии понимания связного текста / Новое в зарубежной лингвистике. Т.А. Дейк, В. Кинч. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-211.
15. Раджабова Р.В. Психолингвистический эксперимент: требования, условия, методика проведения // Психолингвистический эксперимент: требования, условия, методика проведения. – 2018. - №10 (37). – С. 2.
16. Афанасьева М.Е. влияние эмоций на память человека [Электронный ресурс] / М.Е. Афанасьева – Электрон. текстовые дан. – с. Михайличенково, Республика Казахстан, 2000. – Режим доступа: <https://interactive-plus.ru/e-articles/165/Action165-10100.pdf>, свободный.
17. Раджабова Р.В., Раджабова И.П. [Электронный ресурс]: Психолингвистические аспекты в изучении английского языка. – / Р.В Раджабова, И.П. Раджабова. – Электрон. текстовые дан. – Ташкент: [б.и.], 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskie-aspekty-v-izuchenii-anglijskogo-yazyka/viewer>, свободный.
18. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума [Электронный ресурс] / М.А. Холодная. – Электрон. текстовые дан. – Москва: [б.и.], 2000. – Режим доступа: <https://educ.wikireading.ru/13217>, свободный.

© Литвяк Олеся Валерьевна (ole.litviak@yandex.ru), Клименко Екатерина Владимировна (klimenko.kateryna.22.04@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова

МЕЖВУЗОВСКИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СЕМИНАР КАК ФОРМА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

INTER-UNIVERSAL INTERDISCIPLINARY SEMINAR AS A FORM OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

O. Litovchenko

Summary: The purpose of this study is to analyze the activities of a scientific seminar at the university, determine its role and main functions, the importance of the seminar in building scientific communication, as well as its importance in working with young scientists. The main functions of the scientific seminar, its forms, methods of organization, the role in the organization of scientific work of young scientists are considered, the experience of the interuniversity interdisciplinary scientific seminar «Actual problems of human adaptation» is described. Scientific is an effective form of scientific communication both at the level of the university and the region.

Keywords: scientific seminar; scientific communication; forms of a scientific seminar, functions of a scientific seminar, human adaptation, young scientists.

Литовченко Ольга Геннадьевна
Д.б.н., доцент, БУ ВО «Сургутский
государственный университет»
olgalitovchenko@mail.ru

Аннотация: Целью данного исследования: анализ деятельности научного семинара в университете, определение его роли и основных функций, значение семинара в выстраивании научной коммуникации, а также значения в работе с молодыми учеными. Рассматриваются основные функции научного семинара, его формы, способы организации, роль в организации научной работы молодых ученых, описан опыт работы межвузовского междисциплинарного научного семинара «Актуальные вопросы адаптации человека». Научный является эффективной формой научной коммуникации как на уровне вуза, так и региона.

Ключевые слова: научный семинар; научная коммуникация; формы научного семинара, функции научного семинара, адаптация человека, молодые ученые.

Центральная роль научных коммуникаций в профессии ученого обусловлена необходимостью обмена знаниями, поисками партнеров [5, 6]. Результаты и эффективность исследовательских коллективов зависят сегодня от уровня информационного обеспечения и взаимодействия участников научного процесса, поскольку новое знание носит кумулятивный характер, оно может развиваться, лишь опираясь на достижения предшественников и современников в данной науке [3, 5]. Научная коммуникация является одним из главных механизмов развития науки, осуществления взаимодействия как молодых исследователей, так и видных ученых.

Выстраивание системной научной работы в университете является одним из главных приоритетов современного вуза. Для Сургутского государственного университета остается актуальным развитие форм взаимодействия ведущих исследователей и обучающихся вокруг междисциплинарного научного направления, а также положительное позиционирования во внешней среде, развитие межрегиональных партнерств [2].

Научный семинар «Актуальные вопросы адаптации человека» является регулярно действующей площадкой научной коммуникации, организованной Сургутским государственным университетом. Тема такого семинара выбрана не случайно, в университете сформирован ис-

следовательский задел по данному направлению, сложились коллективы ученых.

Проблема изучения адаптации человека к различным условиям жизнедеятельности является междисциплинарной и в настоящее время приобретает особую актуальность. Рассмотрение вопросов адаптации человека на межвузовском междисциплинарном семинаре позволяет найти новые грани данной научной темы. Научный семинар привлек к обсуждению разнообразных вопросов адаптации студентов, магистрантов, аспирантов, научных сотрудников, ведущих исследователей вузов и научных организаций, что дает участникам возможность получить полезный опыт и компетенции. Осуществление межвузовского взаимодействия приводит к консолидации имеющихся материальных и интеллектуальных ресурсов, направить их на решение актуальных научных задач, связанных со сохранением здоровья организма человека, рассмотреть адаптационные стратегии в профессиональной, спортивной и учебной деятельности, при физической и психической нагрузке, в различных социальных, экологических, климатических условиях, в том числе и при действии суровых климатогеографических факторов северного региона нашей страны [2].

Научный семинар «Актуальные вопросы адаптации человека» способствует выстраиванию партнерских от-

ношений с вузами и научными организациями Югры, Тюмени, Ямала.

Основными **целями** научного семинара «Актуальные вопросы адаптации человека» является:

- анализ, обобщение и обмен знаниями и опытом в области научного знания об адаптации организма человека;
- апробация полученных результатов научной деятельности;
- координация научных исследований в рамках темы семинара.

Функциями научного семинара «Актуальные вопросы адаптации человека» являются:

- вовлечение в обсуждение актуальных научных проблем аспирантов, магистрантов, преподавателей вузов, научных сотрудников Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, Тюменской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, заинтересованных специалистов других территорий;
- развитие межвузовской научной кооперации;
- выявление интересных совместных исследовательских проектов для их дальнейшей реализации;
- апробация результатов научных исследований, развернутое обсуждение теоретических вопросов, связанных с адаптацией человека;
- экспертное сопровождение исследовательских проектов;
- стимулирование творческой активности и побуждение к решению научных проблем.

Формы проведения семинара:

- дискуссии по современным проблемам научного знания;
- тренинги;
- коллоквиумы по обсуждению материалов периодических отечественных и зарубежных научных изданий;
- презентации по результатам собственных исследований;
- мастер-классы и презентации, приглашенных к участию в семинаре сторонних исследователей;
- кейсы, деловые игры и дискуссии по актуальным проблемам соответствующей области науки;
- предварительная защита диссертаций магистрантов и аспирантов.
- представление результатов индивидуальных научных исследований;
- теоретические исследования, литературные обзоры;
- обсуждение теоретических проблем, основных положений монографий, учебных пособий, статей и т.д.;

- подготовка обзоров по новинкам специальной литературы и архивным материалам по профилю обучения;
- подготовка докладов и научных сообщений для участия в теоретических и научно-практических конференциях;
- подготовка научных работ для участия в конкурсах научных работ обучающихся;
- обсуждение публикаций по результатам проведенных исследований.

Роль **руководителя научного семинара** состоит в организации и координации научной работы слушателей, а также формирования дискуссионного пространства.

Основные функции руководителя семинара:

- разработка содержательной и организационной части программы семинара;
- организация и проведение научных и научно-практических круглых столов, и мини-конференций, мастер-классов;
- участие в организации и проведении конкурсов научных работ;
- проведение консультаций по проводимому научному исследованию.

Научный семинар – это форма работы в вузе, которая позволяет ведущим исследователям, аспирантам, студентам, магистрантам выстроить эффективную научную коммуникацию для проработки актуальных научных тем. Научный семинар может являться важным средством сплочения исследовательского коллектива, выработки у его членов общих подходов, воззрений. Обсуждение на кафедрах научно-исследовательских работ, проведение **научных семинаров** и научных дискуссий создают ту питательную среду, которая обеспечивает непрерывный научный рост профессорско-преподавательского состава. Научные семинары проводятся, как правило, в рамках одной научной организации или одного учебного заведения, хотя на их заседания могут приглашаться и представители других организаций [1, 4].

Семинар ориентирован на развитие у слушателей мотивации к включению в реальные исследовательские проекты. Научный семинар представляет собой площадку для развития ключевых навыков, которыми должны овладеть обучающиеся (студенты, магистранты, аспиранты) [1, 2].

Каждый слушатель участвует в работе научного семинара, представляя доклад, сообщение, презентацию, аннотацию монографию, анализ новых публикаций по направлению работы семинара. Характер исследовательской работы в рамках семинара может носить научно-исследовательский, научно-методический и, в ред-

ких случаях, реферативный характер.

Научные семинары играют важную роль в подготовке молодых специалистов [4, 7]. Проведение семинаров способствует успешному использованию сложных теоретических проблем в учебном процессе, расширению научных связей, формированию навыков академического письма и создания, а также представления презентаций, развитию научно-исследовательской компетенции обучающихся, становлению у них совокупности знаний, умений, свойств и качеств личности, необходимых для выполнения научной деятельности, а так же способствует формированию психологической готовности к публичному выступлению, воспитывает культуру ведения научной дискуссии, оказывает научно-методическую поддержку молодым ученым.

Заключение

Таким образом, научный семинар «Актуальные вопросы адаптации человека» является эффективной формой научной коммуникации. Семинар позволяет сделать научную работу аспирантов и магистрантов постоянным и систематическим элементом образовательного процесса, включить обучающихся в среду научного сообщества кафедры и университета, реализовать потребности начинающих исследователей в знакомстве с широким кругом научно-исследовательских проблем, формировании актуального стиля научно-исследовательской деятельности на основе изучения опыта ученых, ознакомлении с методами и формами научно-исследовательской работы, вовлечь состоявшихся ученых и специалистов в экспертную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрощук В.А. Современный семинар в высшей школе и его особенности // Альманах современной науки и образования. - 2009. - №10-2. - С. 17-18.
2. Косенок С.М., Литовченко О.Г. Стратегическое развитие севера России – приоритет научной и инновационной деятельности высшей школы Югры // Сб «Север и Арктика в новой парадигме мирового развития». Лузинские чтения, Магадан, 2016. - С. 459-466.
3. Лаврушин О.И., Соколинская Н.Э. О научной работе и о научно-исследовательских семинарах в высшей школе // Экономика. Бизнес. Банки, 2020. - №1(39). - с. 64-85.
4. Миронова М.Н. Научно-методический семинар как форма организации научно-исследовательской работы магистрантов и формирования профессиональных компетенций // Alma mater (Вестник высшей школы), 2014. - №2. - С. 63-67.
5. Розанова Н.М. Трансформация высшего образования: ключевые закономерности и долгосрочные тенденции // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. - № 5. С. 64-78.
6. Фирстов В.Г. Роль и функции научных семинаров в развитии инновационной деятельности университетов // Инновации и инвестиции. 2019. № 4. С.27-30.
7. Шибкова Д.З. Роль «научного семинара» в подготовке магистров к научно-исследовательской деятельности по эколого-биологическому образованию // Экология в средней и высшей школе: синтез науки и образования. Челябинск, 18-19 февраля, 2016. - С. 171-175.

© Литовченко Ольга Геннадьевна (olgalitovchenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕХАНИЗМ ВОСПИТАНИЯ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ ПРАВИЛЬНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЗГЛЯДА¹

EDUCATIONAL MECHANISM OF MODERN STUDENTS WITH THE RIGHT CONSUMER'S VIEW

**Liu Zhentao
Bai Yuntao
Xu Bing**

Summary: The transition to the principles of sustainable development based on taking into account the environmental component, which today can be observed in many countries of the world, becomes possible only if the efforts of the state, business community and the population are well-coordinated. In this process, higher education institutions play the role of integrator of economic, social and environmental aspects, which are the basis for sustainable consumption and a «green» economy. Due to the large number of scientific studies in this direction, there is no longer any need to prove that the state, enterprises, and society are interested in creating and maintaining favorable environmental conditions, however, in practice, short-term interests often prevail over long-term ones. This leads to the adoption of economic decisions by these entities that correspond to current interests, but do not take into account their consequences in the future.

In this article, the authors argue that fostering the correct consumer outlook among modern students is a basic condition for the formation of a «green» economy and moderate, rational consumption. The authors offered their recommendations and mechanisms for the implementation of this educational process.

Keywords: moderate consumption, education of students, rational consumer behavior.

Лю Чжэньтао

помощник н.с., Хэйхэский университет КНР
714913879@qq.com

Бай Юньтао

М.н.с., Хэйхэский университет КНР

Сюй Бин

помощник н.с., Хэйхэский университет КНР

Аннотация: Переход к принципам устойчивого развития на основе учета экологической составляющей, который сегодня можно наблюдать во многих странах мира, становится возможным только при условии слаженной консолидации усилий государства, бизнес-сообщества и населения. В этом процессе роль интегратора экономических, социальных и экологических аспектов, являющихся базой рационального потребления и «зеленой» экономики, выполняют высшие учебные заведения. За счет большого количества научных исследований в этом направлении, уже нет необходимости доказывать, что государство, предприятия, и общество заинтересованы в создании и сохранении благоприятных экологических условий, однако на практике краткосрочные интересы нередко преобладают над долгосрочными. Это приводит к принятию указанными субъектами хозяйственных решений, которые соответствуют текущим интересам, но не учитывают их последствия в будущем. В этой статье авторы доказывают, что воспитание правильного потребительского взгляда у современных студентов является базовым условием формирования «зеленой» экономики и умеренного, рационального потребления. Авторы предложили свои рекомендации и механизмы для реализации данного воспитательного процесса.

Ключевые слова: умеренное потребление, воспитание студентов, рациональное потребительское поведение.

Введение

Китайская нация издревле является приверженцем экологической культуры, построенное на глубоких и всесторонних экологических традициях. Об этом свидетельствует многовековая китайская философия, основным вектором в которой выступает единство человека и окружающей природы:

1. Конфуций был убежден, что провидение и природа неразрывно связаны друг с другом.
2. Лао-Цзы поддерживал истинную природу тех или

иных вещей и призывал всех действовать и жить в соответствии с природными законами.

3. Чжуан-Цзы пропагандировал мнение, что человечество не должно применять технологические достижения с целью разрушения естественных природных основ и процессов.
4. Мэн-Цзы придерживался мнения, что любой человек может познать свою сущность и натуру только путем понимания природы.
5. Сюнь-Цзы многократно говорил о том, что просвещенным можно называть только того челове-

¹ Исследование осуществлено при поддержке Проекта специального фонда Хэйхэского университета 2019 г., направленного на основные научно-исследовательские расходы вузов провинции Хэйлуцзян: «Исследование по потребительской концепции студентов с точки зрения явления онлайн-займов» (номер проекта:2019-KYYWF-0469).

ка, который познал роль человека в природе [1].

Все перечисленные и прочие философские размышления привели к формированию и развитию такого направления как даосизм, в котором «Дао» необходимо воспринимать как «закон природы», базирующийся на естественных закономерностях и природе явлений.

Однако современное китайское общество является потребительскими, что продиктовано сегодняшними условиями и реалиями. Нынешнее общество было сформировано на основании западных ценностей и ориентиров, что осложняет воспитание ограниченного консьюризма у молодежи. Общество стимулирует его членом потреблять как можно больше, получать все доступные удовольствия «здесь и сейчас», не задумываясь о последствиях. Нельзя недооценивать влияние рекламы, которая создает иллюзию доступности и возможности приобретения всего угодно.

Следующая трудность обусловлена тем, что предшествующие поколения часто сталкивались с дефицитом, возникшим в результате Второй мировой войны и ряда мировых экономических потрясений. В результате старшее поколение не может передать позитивный опыт и приемлемые образцы существования в условиях в условиях общества, где потребительству стоит во главе угла.

Воспитание правильного потребительского поведения, которое реализуется сегодня, тесно переплетается с концепцией «зеленого» потребления и эковоспитания. В школах, колледжах. Высших учебных заведениях изучается и обсуждается решение проблем малой родины, зачастую теоретические знания не продолжают в практике и прикладных решениях. Решение локальных проблем имеет высокую важность, однако глобальный подход в решении экологических проблем и формировании соответствующего поведения поможет добиться более высокой эффективности.

На фоне интенсивно развивающихся средств массовой информации, социальных сетей и коммуникаций в ходе глобализации, воспитание правильного потребительского поведения обретает особую значимость. СМИ являются основным источником получения сведений о жизни и устройстве других стран, культурах, народах, традициях. Зачастую СМИ представляют не лучшие образцы мирового наследия, а худшие примеры массовой зарубежной культуры.

Из вышесказанного вытекает вывод о необходимости формирования и развития современной экологической цивилизации, построенной посредством предлагаемых механизмов и образованных с экологической точки зрения граждан. Именно такая молодежь, обладающая экологическими знаниями и навыками правильного потребительства, построит экологическое общество с

«зеленым» потреблением. Целями и основными критериями эффективности воспитания надлежащего консьюризма при этом являются следующие индикаторы:

1. Знание собственных экологических прав.
2. Знание собственных экологических обязанностей.
3. Знание и принятие принципов экологической этики, внедрение их в свой образ жизни.
4. Знание и соблюдение законов об охране окружающей среды.
5. Пропаганда умеренного потребления.
6. Стремление к гармонии природы и человека.

При реализации политики потребительского воспитания необходимо принимать во внимание тенденции и реалии индустриальной цивилизации, основными нарративами которой являются массовое потребление, массовое производство. Однако накопленный опыт и прогностическая оценка реальности позволяет сделать вывод о том, что индустриальная цивилизация представляет собой неустойчивую систему [2].

Основная часть

Чтобы сформировать общество со зрелой позицией относительно потребительского поведения, разделяющее принципы концепции «зеленого» потребления и экономики, чтобы внедрить принципы и стандарты умеренного рационального потребления, необходимо развивать человеческий капитал, который будет консолидировать совокупность необходимых знаний, умений и навыков для достижения поставленной цели. Оптимизация эксплуатации природного капитала возможна посредством рационального использования и распределения человеческого капитала.

Таким образом, становление и последующее развитие рационального общественного потребления в совокупности с зеленой экономикой не представляется возможным при отсутствии необходимого развития человеческого капитала. Это объясняется тем, что базой данного процесса является повышение уровня экологической грамотности населения, одним из механизмов которой является формирование трезвого надлежащего взгляда на консьюризм у современных студентов. Ключевая роль в данном процессе отводится образовательным и научным центрам, где происходит формирование и развитие человеческого капитала, ведущего к развитию государства как с экономической, так и с экологической стороны [3].

Рассматривая через призму экологического и потребительского потенциала страны процесс формирования человеческого капитала, необходимо выделить роль ВУЗов, как в образовательном, так и в воспитательном плане.

В качестве основы для формирования обсуждаемых механизмов должны выступать следующие условия и принципы:

1. Комплексность.
2. Универсальность.
3. Непрерывность знаний [4].

Реализация данных принципов способствует проникновению обозначенной направленности в образовательную, профориентационную, воспитательную и научную деятельности высшего учебного заведения, что создает условия для наиболее полного и широкого охвата субъектов воспитания данного типа. Организация процесса должна раскрывать следующие аспекты:

1. Экономический. Обретенные знания и навыки должны способствовать формированию обоснованных с позиции потребления решений специалистов, занятых в различных отраслях национальной экономики.
2. Социальный. Способствует формированию и укреплению экологичного потребительского сознания, что является необходимым условием для рационального решения имеющихся социальных проблем и повышения текущего уровня жизни населения посредством соблюдения норм и принципов концепции «зеленого» потребления.
3. Воспитательный. Подразумевает реализацию совокупности мер, направленных на повышение уровня потребительской культуры населения.

Выполненный анализ ведущих аспектов воспитательного процесса говорит о тесном взаимодействии социального и экономического факторов, что в конечном итоге ведет к повышению уровня культуры не только каждого отдельного индивида, но и всего населения страны [5].

Таким образом, формирование и развитие потребительской культуры не представляется возможным без сознания, которое будет изменять и совершенствовать сознание потребителей, их отношение к ресурсосбережению. Функционирующая сегодня структура эколого-экономического образования и воспитания совершенствуется, однако сохраняется необходимость развития социоэкологических дисциплин и практической экологии [6].

Профессорско-преподавательский состав должен быть ориентирован на использование активных методов обучения для формирования обозначенных целевых умений и навыков. Наиболее эффективными методами при этом является привлечение практиков для освещения актуальных вопросов, имеющих проблем и консультирования, а также использование специализированной методики кейс-стади. Используемые средства и программы должны отвечать текущим требованиям и положениям образовательных стандартов. Перечислен-

ные компоненты должны быть ориентированы на изучение основ ряда векторов через призму рационального потребления и экологичного поведения в рамках дисциплин с эколого-экономической направленностью:

1. Аудит и менеджмент.
2. Экология.
3. Законодательство.
4. Современные технологии.

Интегрированные современные программы экологического и потребительского воспитания и/или образования в дальнейшем будет способствовать обретению необходимой совокупности знаний, комплекса специализированных навыков и умений [7].

Механизмы воспитания правильного потребительского взгляда также в обязательном порядке должны включать комплекс специализированных мероприятий, в котором должны быть задействованы не только сами современные студенты и профессорско-преподавательский состав ВУЗов, но также общественные деятели и общественные организации, деятельность которых осуществляется в данном направлении.

Следующим обязательным элементом механизма является привлечение студентов к участию в деятельности волонтерских организаций и движений, ориентированных на пропаганду экологических знаний, проведение разъяснительных встреч и бесед, участие в организации раздельного сбора мусора и отходов [8].

Механизм воспитания и образования должен включать в себя решение отдельных профессиональных задач:

1. Разработка системы экономических и социальных показателей субъектов хозяйствования.
2. Обоснование социальных и экономических показателей, которые сегодня используются для характеристики деятельности субъектов экономики и усовершенствованных методик их расчета.
3. Прогнозирование социально-экономических индикаторов деятельности объекта промышленности, региона и национальной экономики в целом.
4. Подготовка стратегий развития и функционирования отдельных промышленных объектов [9].

Такой подход позволит студентам лучше понять текущее положение дел и оценить масштабы последствий, если каждое отдельное промышленное производственное предприятие в частности и вся национальная экономика в целом не перейдет на пропаганду принципом рационального потребления и принципов «зеленой» экономики [10].

Реализация механизма воспитания у современных студентов правильного потребительского взгляда возможна в рамках новой дисциплины, которая предпола-

гала бы изучение следующих аспектов:

1. Основы прогнозирования и планирования потребления ресурсов и природопользования.
2. Инструменты экономического и других видов стимулирования рационального умеренного пользования природными ресурсами и деятельности, направленной на охрану природных ресурсов.
3. Управление и регулирование потребления различных ресурсов с акцентом на природопользование.
4. Правовая защита естественной природной среды.
5. Привлечение финансирования для выполнения мероприятий, направленных на охрану окружающей среды.
6. Мониторинг, контроль и учет текущего потребления ресурсов и состояния окружающей среды.

Заключение

Механизмы воспитания современных студентов с целью формирования правильного потребительского поведения фактически не отличаются от механизмов воспитания в рамках концепция устойчивого развития и «зеленой» экономики, которые в качестве базиса содержат экологический компонент.

Соответствие высшего учебного заведения критериям зеленых стандартов образования напрямую зависит от результатов его функционирования в качестве физической среды, построенной на таких принципах как:

1. Устойчивость, построенная на реализации правил энергоэффективности и ресурсоэффективности.

2. Рациональное умеренное потребление как готовых товаров различных категорий, так и материалов, энергии, необходимых для их производства и последующей реализации.
3. Организация специализированных зон.

Выполненное исследование продемонстрировало, что текущая система образования и воспитания в высших учебных заведениях нуждается в совершенствовании и корректировке. Это обусловлено актуальностью и необходимостью выделения экологической, экономической и эколого-экономической деятельности как отдельного вида профессиональной деятельности, обязательного для обучающихся всех специальностей.

Выполнение данной рекомендации даст возможность учитывать экологическую составляющую и воспитательный механизм во всех программах дисциплин, а также это даст возможность укрепить знания и навыки в пределах ряда специализированных дисциплин.

Особое значение обретает комплексная поддержка ВУЗов и научно-исследовательских центров, где сегодня реализуется активная научная деятельность в области изучения и внедрения основ и принципов рационального потребления, а также концепции «зеленого» потребления. Исследования, которые проводятся в данном направлении могут стать фундаментом экологического воспитания кампаний с широким масштабом, направленных на формирование у населения мышления правильного потребительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах / под ред. Л.В. Литвиновой. М.: Мысль, 1972–1973.
2. Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay; with a Foreword by M. Gorbachev. Amsterdam; New York, NY: Editions Rodopi B.V., 2014.
3. Traditional Culture Promotes Ecological Civilization // The 6th International Symposium on Traditional Culture and Eco-Civilization (September 16–18, 2015). Jiamusi, 2015.
4. Анисимов С.П., Бобылев С.Н., Комарова И.И., Куртеев В.В., Назарова В.О., Перелет Р.А., Приймак О.А., Чикалов А.Б., Шевчук А.В., Шумихин О.В., Щербаков Е.Т., Ямилов Н.Х. Зеленая экономика: перезагрузка: коллективная моногр. – М.: Зимородок, 2017. – 448 с.
5. Тяглов С.Г., Киселева Н.Н., Тимченко В.А. Современные аспекты развития зеленой экономики в Российской Федерации. – Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2017. – 104 с.
6. Autio M., Heiskanen E., & Heinonen V. (2009). Narratives of 'green' consumers – The antihero, the environmental hero and the anarchist. *Journal of Consumer Behaviour*, 8, 40–53.
7. Dupré S., Sauvage J., Dupal T., Laville E., Deveaux R., Marchand A.L., et al. (2005). Talk the walk: Advancing sustainable lifestyles through marketing and communications. Paris: UNEP, UN Global Compact Office and Utopies.
8. Gilg A., Barr S., & Ford N. (2005). Green consumption or sustainable lifestyles? Identifying the sustainable consumer. *Futures*, 37, 481–504.
9. McDonald S., & Oates C.J. (2006). Sustainability: Consumer Perceptions and Marketing Strategies, *Business Strategy and the Environment Special Issue on Marketing Sustainability*, 15(3), 157–170.
10. Newholm T. (2000). Consumer exit, voice and loyalty: Indicative, legitimation and regulatory role in agricultural and food economics. *Journal of Agricultural and Environmental Ethics*, 12, 153–164.

© Лю Чжэньтао (714913879@qq.com), Бай Юньтао, Сюй Бин.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ИСТОРИЗМА НА УРОКАХ ХИМИИ

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF HISTORISM IN THE LESSONS OF CHEMISTRY

E. Nelyubina
L. Panfilova

Summary: The historical approach in the practice of teaching chemistry at school is little used, despite the understanding of its role in increasing the motivation for studying chemistry, as well as the formation of a worldview and the development of general cultural competence of students.

The solution to the problem of increasing cognitive interest in the study of chemistry in the modern school is hampered by the lack of a unified approach to understanding it. To master the basics of any science, it is necessary to become familiar not only with its current state, but also with the history of its origin and development prospects, which shows the need to use historical material in chemistry lessons.

The problem is the degree of elaboration of recommendations and requirements for the inclusion of historical material in the system of school chemistry education.

Purpose: the goal is to develop guidelines for the use of historical material in chemistry lessons, aimed at developing student motivation.

Method or methodology of the work: the methodological, theoretical and informational foundations of the research were:

- student-centered learning (Sh.A. Amonashvili, L.G. Vyatkin, V.V. Serikov, V.S. Sukhomlinsky, I.S. Yakimanskaya),
- psychological theory of activity (A.V. Brushlinsky, P.Ya. Galperin, V.V. Davydov, V.P. Zinchenko, A.V. Leontiev, S.L. Rubenstein, etc.), etc.
- the theory of selection of the content of education is disclosed in the works of: Yu.K. Babansky, S.Ya. Batsyhev, V.I. Ginetsensky, V.V. Davydov, G.A. Ilyin, G.P. Kornev, S.V. Lednev, M.N. Skatkin, G.F. Khasanova, etc.
- the theory of lifelong education and pedagogical integration is considered in the works of A.S. Asmolov, V.S. Bezrukov, A.P. Belyaev, M.N. Berulava, A.L. Busygina, A.A. Verbitsky, I.T. Gerasimov, S.N. Glazachev, S.B. Eltsov, A.P. Zaitsev, I.D. Zverev, V.S. Lednev, O.M. Kuznetsova, Yu. A. Kustov, M.I. Makhmutov, V.M. Monakhov, I.V. Neprokina, N.F. Reimers, N.V. Savina, Yu.S. Tyunnikov, V.V. Fedorova, N.K. Chapaev, G.A. Yagodin, etc.

Results: the practical significance of the research is determined by the high level of readiness of the results obtained for implementation in pedagogical practice, since all design procedures are formalized in methodological recommendations and can be used by organizers, methodologists, teachers of the vocational education system for conducting classes in elective chemical courses, as well as when conducting chemistry lessons or when organizing extracurricular chemistry activities.

The developed methodological recommendations for the study of chemistry based on the use of historical material in classroom and extracurricular time, aimed at the formation of motivation, are tested and used in the organization of teaching students MBOU School No. 69 g. Samara.

Practical implications: the results obtained are advisable to apply in educational institutions.

Keywords: methods of teaching chemistry, teaching, historical material, rebus.

Нелюбина Елена Георгиевна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара
nelubina.elena@pgsga.ru

Панфилова Людмила Владимировна

Д.п.н., профессор, ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара
panfilova@pgsga.ru

Аннотация: Исторический подход в практике обучения химии в школе мало используется, несмотря на понимание его роли в повышении мотивации изучения химии, а также формировании мировоззрения и развитии общекультурной компетентности учащихся.

Решение проблемы повышения познавательного интереса к изучению химии в современной школе затрудняется отсутствием единого подхода к её пониманию. Для овладения основами любой науки необходимо знакомство не только с её современным состоянием, но и с историей возникновения и перспективами развития, что и показывает необходимость применения исторического материала на уроках химии.

Проблема – степень разработанности рекомендаций и требований, предъявляемых к включению исторического материала в систему школьного химического образования.

Цель – разработать методические рекомендации по применению исторического материала на уроках химии, направленные на формирование мотивации учащихся.

Метод или методология проведения работы: методологическими, теоретическими и информационными основами исследования явились:

- личностно-ориентированное обучение (Ш.А. Амонашвили, Л.Г. Вяткин, В.В. Сериков, В.С. Сухомлинский, И.С. Якиманская),
- психологическая теория деятельности (А.В. Брушлинский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, А.В. Леонтьев, С.Л. Рубенштейн и др.) и т.д.
- теория отбора содержания образования раскрыта в работах: Ю.К. Бабанский, С.Я. Батышев, В.И. Гинеценский, В.В. Давыдов, Г.А. Ильин, Г.П. Корнев, С.В. Леднев, М.Н. Скаткин, Г.Ф. Хасанова и т.д.
- теория непрерывного образования и педагогической интеграции рассмотрена в работах А.С. Асмолов, В.С. Безрукова, А.П. Беляева, М.Н. Берулава, А.Л. Бусыгина, А.А. Вербицкий, И.Т. Герасимов, С.Н. Глазачев, С.Б. Ельцов, А.П. Зайцев, И.Д. Зверев, В.С. Леднев, О.М. Кузнецова, Ю.А. Кустов, М.И. Махмутов, В.М. Монахов, И.В. Непрокина, Н.Ф. Реймерс, Н.В. Савина, Ю.С. Тюнников, В.Н. Федорова, Н.К. Чапаев, Г.А. Ягодин и т.д.

Результаты: практическая значимость исследования определяется высоким уровнем готовности полученных результатов к внедрению в педагогическую практику, поскольку все процедуры проектирования оформлены в методические рекомендации и могут быть использованы организаторами, методистами, преподавателями системы профессионального образования для проведения занятий по химическим элективным курсам, а также при проведении уроков химии или при организации внеклассной деятельности по химии.

Разработанные методические рекомендации по изучению химии на основе использования исторического материала в учебное и внеучебное время, направленные на формирование мотивации, апробированы и используются при организации обучения учащихся МБОУ Школа №69 г. Самара.

Область применения результатов: полученные результаты целесообразно применять в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: методика преподавания химии, обучение, исторический материал, ребус.

Исторические сведения, используемые на уроках химии, делают учебный материал более содержательным, облегчают его восприятие, вызывают интерес к предмету. Вопросы истории химической науки можно рассматривать не только на уроках, но и во внеурочное время, а также на занятиях химического кружка по истории химии. Особенно важно вводить исторические сведения на первом этапе обучения химии. Они формируют мотивацию, интерес к предмету, пробуждают любознательность, что в свою очередь способствует развитию познавательной потребности, мотивации изучения предмета. [1,2]

В действующих базовых программах по химии исторические сведения специально (за исключением истории открытия периодического закона химических элементов) не предусмотрены.

Время урока ограничено, поэтому включением в него большого объема исторической информации злоупотреблять не допустимо. Исторические сведения не должны быть самоцелью и занимать много места на уроке. [5,6]

Использование исторических сведений в процессе обучения является важным элементом гуманизации образования, способствует развитию познавательного интереса. [3]

Задача применения исторического материала - повысить интерес используя не только фактический материал, но и разнообразную интересную и познавательную информацию как о жизни ученых, так и о веществах их истории и методах открытия. Назначение историзма в методике заключается не только в том, чтобы раскрыть диалектику научного познания, например, раскрыть сущность теории органических веществ, но и показать методы А.М. Бутлерова, которые лежали в основе его открытия. [4]

Методисты отмечают, что использование принципа историзма в освоении курса химии имеет воспитательное значение. К таким методистам относится С.Г. Шаповаленко, по его мнению, огромное воспитательное значение имеет описание роли выдающихся ученых [10].

Д.М. Кирюшкин и В.С. Полосин считали, что включение в содержание учебного предмета некоторых сведений из истории науки имеет большое образовательное и воспитательное значение. По их мнению, главная задача методики состоит в правильном определении объема исторического материала и способов его использования [8].

Таким образом, исходя из всего выше сказанного можно сделать вывод, о том, что использование в про-

цессе обучения химии исторического материала позволяет эффективнее достичь познавательные, развивающие и воспитательные цели современного урока.

Связь обучения химии с историческим содержанием химии позволяет конкретизировать и уточнять общенаучные знания, делает теоретические положения более понятными, способствует лучшему усвоению материала программы, повышает качество знаний и развивает интерес к науке. [9,11]

Для того чтобы учитель мог выбрать наиболее подходящий вариант включения сведений из истории химии в урок, можно предложить следующую систематизацию приёмов использования исторического материала при обучении химии в средней школе. [7]

1. Дидактические игры.

Данный прием развивает мышление, вызывает творческую активность, повышает интерес к предмету. Урок проходит в виде игры, содержащей исторический материал.

2. Исторический эксперимент.

Исторический подход помогает учащимся правильно оценить роль эксперимента в познании вещества и применении его на производственной деятельности человека, понять деятельность ученого, требующую зачастую самоотверженности исследователя, проникнуться уважением к труду, видеть, что современными достижениями химическая наука обязана в большей мере успехам, достигнутым химиками разных стран в прошлом.

В очень редких случаях исторические эксперименты в оригинальной конструкции могут быть проведены в курсе школьного преподавания. Не говоря уже о трудностях в установке аппаратуры, проведение опытов во многих случаях противоречит современным правилам техники безопасности. Поэтому в развитии исторически ориентированного экспериментального преподавания химии наблюдается растущая адаптация именно экспериментальной аппаратуры к современному лабораторному оборудованию.

В целом, можно сказать, что правильно распределенные в преподавании химии исторические эксперименты не только сообщают учащимся знания о прошедшем (исторический аспект, но одновременно воспитывают уважение к достижениям исследователей прошлого. Наглядно изображают трудный путь развития, который проделали химия и химическое производство за прошедшие столетия.

3. Задачи с историческим содержанием.

Ещё одним методом обучения химии является решение химических задач [11]. Решение химических задач - важная сторона овладения знаниями основ науки химии. Включение задач в учебный процесс позволяет реализовать следующие дидактические принципы:

- 1) обеспечение самостоятельности и активности учащихся;
- 2) достижение прочности знаний и умений;
- 3) осуществление связи обучения с жизнью;
- 4) реализация политехнического обучения химии, профессиональной ориентации.

Помимо этого, задачи, содержащие сведения из истории химии, ставят учащихся в ситуацию открытия, показывают его качественную и количественную стороны. Всё это способствует увеличению познавательного интереса и, как следствие, интереса к науке в целом.

4. Первоначальные (исторические) формулировки законов.

В сравнение их с современными формулировками, можно проследить развитие науки.

5. Этимологические начала в формировании химических понятий.

Например, сообщение учащимся этимологии названия химических элементов, изучения веществ, именных реакций позволяет одновременно ознакомить их с учёным, сделавшим открытие, датой его открытия, обстоятельством открытия, свойствами веществ.

6. Сообщение основных этапов возникновения теорий (хронографы).

Эту информацию можно использовать, например, при изготовлении стендов «К уроку» для того, чтобы учащиеся наглядно представляли путь развития той или иной теории, а также знали, какие учёные внесли в это наибольший вклад.

7. Высказывания учёных-химиков, носящие воспитательное значение.

Их можно использовать не только на уроках химии, но и в целом процессе обучения.

8. Занимательные сведения из жизни и творчества выдающихся учёных-химиков.

К сожалению, на уроках химии из-за малого количества времени и большого объёма изучаемого материала,

зачастую не всегда представляется возможным использовать исторические сведения. Поэтому большую роль приобретают внеклассные мероприятия, связанные с историей химии. Методические разработки этих мероприятий печатаются не только в книгах и учебных пособиях, но и в периодической литературе.

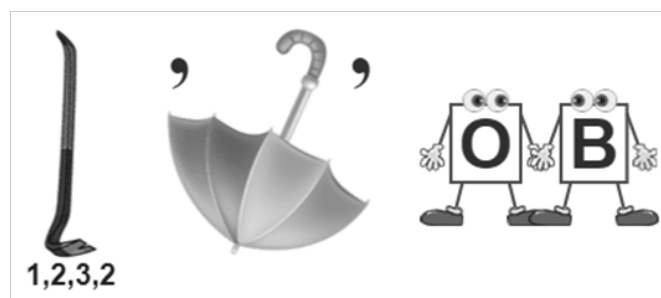
Для сокращения времени на реализацию принципа историзма на уроках химии нами предлагается такой подход как использование ребусов, направленных на запоминание фамилий великих ученых химиков. приведем несколько примеров ребусов, которые можно использовать при изучении химии в школе:

Ребусы «Фамилии ученых-химиков»

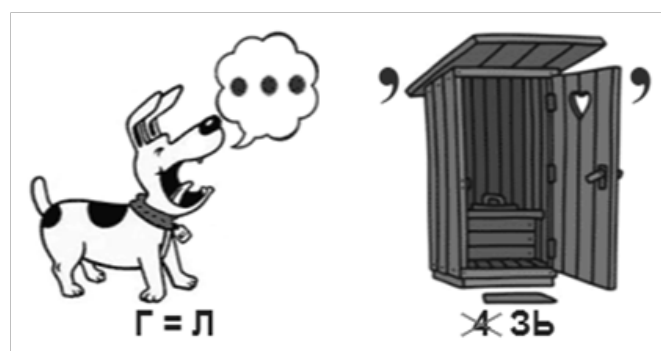
1. Менделеев



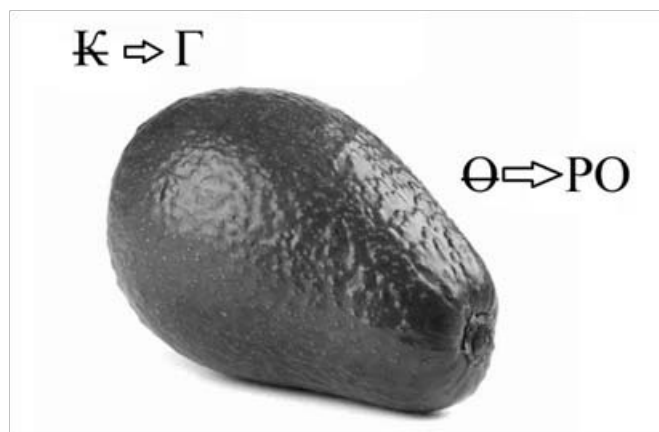
2. Ломоносов



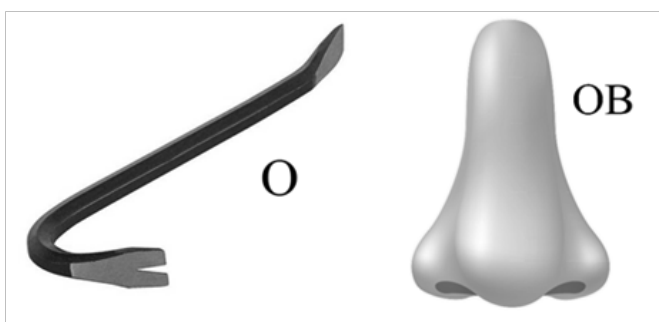
3. Лавуазье



4. Авогадро



5. Ломоносов



6. Марковников



Таким образом, применение исторического материала в обучении химии расширяет горизонт предметного обучения, стимулирует интерес учащихся к предмету, способствует саморазвитию личности, создает атмосферу творческого сотрудничества не только между учителем и учащимися, но и среди учеников в группах. И все это приводит к значительному повышению качества знаний учащихся.

Применение исторического материала в обучении химии расширяет горизонт предметного обучения, стимулирует интерес учащихся к предмету, способствует саморазвитию личности, создает атмосферу творческого сотрудничества не только между учителем и учащимися, но и среди учеников в группах. И все это приводит к значительному повышению качества знаний учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов А. Краткая история химии: Развитие идей и представлений в химии / Пер. с англ., предисл. З. Гельмана. - СПб.: Амфора, 2012. - 281с.
2. Биографии великих химиков / под ред. К. Хайниг. - М.: Мир, 1981. - 386с.
3. Всеобщая история химии. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. - М.: Наука, 1980. - 399 с.
4. Джуа М. История химии. - М.: Мир, 1966. 452 с.
5. Еремин В.В., Кузьменко Н.Е., Дроздов А.А., Лунин В.В. Химия 9 класс: учеб. для общеобразоват. учрежд. - М.: Дрофа, 2013. - 256 с.
6. Корощенко А.С. Химия. 8-9 классы. Тематические тестовые задания. - М.: Дрофа, 2011. - 172 с.
7. Миттова И.Я., Самойлов А.М. История химии с древнейших времен до конца XX века: учебное пособие в 2-х томах. Т. 1. - Долгопрудный: Интеллект, 2009. - 416 с.
8. Соловьев Ю.И. История химии. Развитие химии с древнейших времён до конца XIX века. - М.: Просвещение, 1983. 368 с.
9. Степин Б.Д. Занимательные задания и эффектные опыты по химии. - М.: Дрофа, 2002. - 432 с.
10. Фигуровский Н.А. История химии. - М.: Просвещение, 1979. -311 с.
11. Штремплер Г.И., Хохлова А. И. Методика решения расчетных задач по химии. - М.: Просвещение, 2001. - 208 с.

© Нелюбина Елена Георгиевна (nelubina.elena@pgsga.ru), Панфилова Людмила Владимировна (panfilova@pgsga.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ ГАНДБОЛИСТОВ В ПРОГРАММЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОЛИМПИАДЫ

TECHNICAL PERFORMANCE OF HANDBALL PLAYERS IN THE SPECIAL OLYMPIAD PROGRAM

M. Obivalina

Summary: The object of the research is the requirements of competitive activity to the level of technical training of handball players for participation in the Special Olympics. The subject of the research is the technical preparation of Russian handball players for participation in the Special Olympics. The purpose of the study is to assess the general technical preparation of Russian handball players for participation in the Special Olympics, as well as to substantiate compliance with the requirements of the competition rules and the specifics of the games being played. To achieve the above goal, it is necessary to perform the following tasks: determination of the basic requirements and assessment of the competition in the technical training of athletes, as well as in different playing roles; identification of criteria for the effectiveness of throws in the basic directions of technical training of handball players for participation in the Special Olympics.

Keywords: handball player, handball, Special Olympics, competition, athletes.

Обивалина Мария Сергеевна

*Старший преподаватель, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма
m7m13@mail.ru*

Аннотация: Объект исследования – требования соревновательной деятельности к уровню технической подготовки гандболистов для участия в Специальной Олимпиаде. Предмет исследования – техническая подготовка российских гандболистов к участию в Специальной Олимпиаде. Цель исследования заключается в оценке общей технической подготовки российских гандболистов к участию в Специальной Олимпиаде, а также в обосновании соответствия требованиям правил соревнований и особенностям проводимых игр. Для достижения вышеуказанной цели необходимо выполнить следующие задачи: определение основных требований и оценка соревнований при технической подготовке спортсменов, а также при различных игровых амплуа; выявление критериев эффективности бросков по базовым направлениям технической подготовки гандболистов к участию в Специальной Олимпиаде.

Ключевые слова: гандболист, гандбол, Специальная Олимпиада, соревнования, спортсмены.

Гандбол является одной из распространенных спортивных игр, которая зачастую применяется в соревновательной деятельности. В данном виде спорта принимают участие не только обычные люди, но и люди с ограниченными возможностями здоровья и различными особенностями развития (аутизм, синдром Дауна, ДЦП и др.). Стоит отметить, что особенности такого рода нельзя относить к заболеваниям, поскольку люди рождаются такими. Они также играют в гандбол, несмотря на сложность и особенности данной спортивной игры. Регулярные занятия физической активностью и различными видами спорта, в том числе и гандболом, способствуют улучшению психологического и эмоционального состояния людей. Участие в соревнованиях Специальной Олимпиады дает людям возможность ощутить себя принятыми в обществе, а также добиться успеха в спортивной сфере.

В настоящее время проблема участия людей с ограниченными возможностями здоровья в Специальной Олимпиаде является недостаточно рассматриваемой в отечественных СМИ. Тем не менее, первый опыт участия отечественных гандболистов в соревнованиях Специальной Олимпиады является весьма успешным, что под-

тверждается полученными золотыми медалями 2014 года в Лос-Анджелесе. Между тем, обоснованной методики проведения занятий с данной группой спортсменов в нашей стране на текущий момент не существует.

Результаты проведенных исследований технической подготовки гандболистов разных игровых амплуа при помощи СГТ представлены в табл. 1 и на рис. 1, 2.

Полученные результаты показали, что точность бросков на первых ступенях подготовки, проходившей в июне, практически не отличалась. Средние показатели точности бросков не достигали 50%. Так, среднее число попаданий с расстояния 9 м в контрольной группе II во время выполнения СГТ составило 4,075 на 10 бросков (коэффициент вариативности группы – 0,408). Число попаданий в I группе в прошлом сезоне в среднем составляло 3,97 попаданий на 10 бросков (коэффициент вариативности группы – 0,398).

Тем самым, значительные расхождения не наблюдаются.

После проведенного нами педагогического экспери-

Таблица 1

Показатели технических действий в нападении (точность бросков по воротам) гандболистов разных игровых амплуа в I –м и II-м сезонах

Показатели	Группы	месяц	Амплуа				
			Разыгр. п- 10	Линейный п-10	Полусред. п-10	Край п-10	Средн.знач.
10 бросков	II	июнь	3,8	3,9	4,2	4,4	4,07
	I	июнь	2,5	5,2	3,4	4,8	3,97
10 бросков	II	август	8,2	8,4	9,1	7,8	8,37
	I	август	2,7	5,4	3,7	5,1	4,22

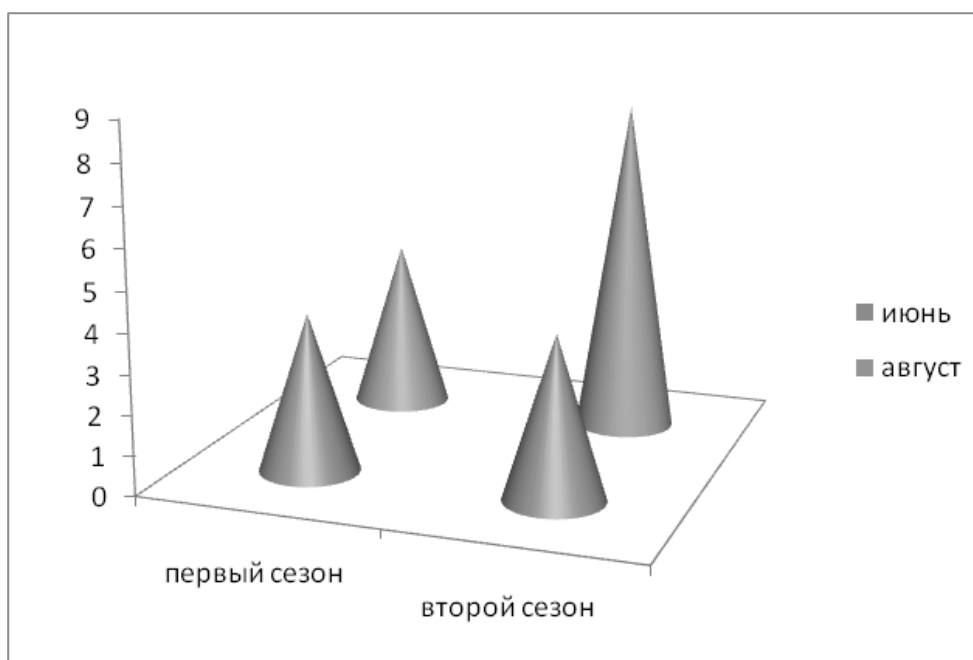


Рис. 1. Среднее значение точности бросков по воротам гандболистов в I-й и II-й исследуемых группах

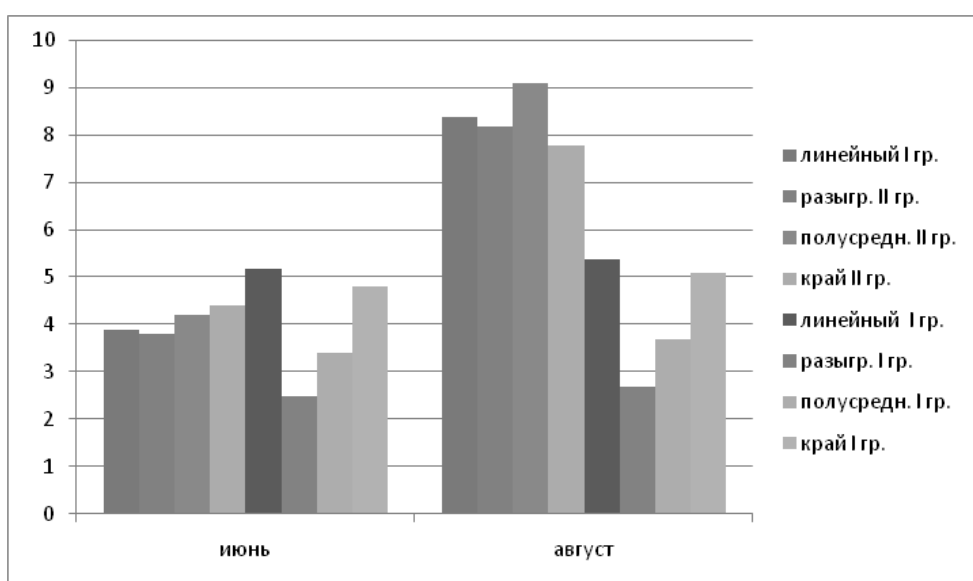


Рис. 2. Динамика показателей технической подготовленности (точность бросков по воротам) гандболистов разных игровых амплуа

мента, который длился в течение года и заключался во введении в тренировочный процесс специальной программы, направленной на повышение точности бросков, у спортсменов II группы произошли значительные изменения. Так, существенным образом изменились показатели точности бросков в сравнении с прошлогодними результатами данной исследуемой группы, что показано в табл. 1.

В августе следующего года среднее число попаданий с расстояния 9 м составляло уже 8,37 на 10 бросков. Стоит отметить, что год назад среднее количество попаданий с расстояния 9 м в группе I достигло только 4,22 попаданий на 10 бросков (см. рис. 2). Коэффициент вариативности группы при этом составил 0,42.

Динамика показателей технической подготовки спортсменов разных игровых амплуа в I и II группах представлена на рис. 2. В июне лидерами по точности бросков во II группе были разыгрывающие (8,2 попадания), а в I группе – линейные игроки (5,2 попадания). Уже в августе лидерами стали угловые игроки (9,1 попаданий) во II группе и те же линейные (5,4 попадания) в I группе. Снижение точности бросков разыгрывающих игроков II группы в августе говорит о необходимости в изменении индивидуальной программы их физической подготовки. Повышение интенсивности нагрузок в матче выдвигает важные требования к уровню физической подготовки гандболистов. Это является особенно важным в конце матча, когда на общем фоне значительной усталости спортсменов, неточность броска может негативным образом повлиять на достижение победного результата, вследствие чего все командные усилия останутся напрасными. Итоговые показатели точности бросков свидетельствуют о положительных изменениях в показателях технической подготовки обеих исследуемых групп спортсменов и эффективности разработанной тренировочной программы, направленной на улучшение точности бросков, что в значительной степени воздействует на результативность соревнований. Тем самым, результаты комплексных исследований посредством использования специального гандбольного теста подтверждают эффективность и качество предлагаемой тренировочной программы, которая была разработана с целью существенного улучшения технической подготовки спортсменов для формирования наиболее высокой точности бросков.

Выводы

1. Исследование соревнований гандболистов дает возможность выделить основные факторы, которые в значительной степени воздействуют на результат матча, а также позволяет сформировать определенные модели игры для спортсменов разных амплуа. Кроме того, в результате исследо-

ваний становится возможным выявление тенденций развития спортивной игры и её технических составляющих. Также при исследовании данной соревновательной деятельности удалось определить точные сведения о преимуществах и недостатках подготовленности каждого игрока команды и осуществить коррекцию тренировочного процесса при учёте анализа спортивной игры. Обследование соревнований считается значимым элементом в комплексном педагогическом контроле. Для управления подготовкой гандболистов крайне важно иметь объективные сведения об уровне реализации их подготовки в условиях соревновательной деятельности. Как показала практика, процесс подготовки к игре следует выстраивать согласно запросам соревнований. В гандболе соревнование представляет собой один из методов интегральной подготовки, а средством данной подготовки выступает специально организованная и управляемая учебная игра. Собственно исследования соревнований гандболистов ведутся в нескольких направлениях. Прежде всего, исследование осуществляется для получения информации для формирования модели соревнований с целью её моделирования в тренировочных условиях. Помимо этого, исследования необходимы для получения сведений о динамике показателей каких-либо отдельных спортсменов с целью контроля эффективности их подготовки. Стоит отметить, что незначительная разработка количественных характеристик становится тормозом общей оценки проводимых соревнований. Значительная трудность получения данной информации заключается непосредственно в том, что итоговый результат выступления команды достигается в разных соревнованиях с самыми разными соперниками.

2. Гандболисты из экспериментальной группы обладали более высоким уровнем развития технической подготовки, нежели их сверстники из контрольной группы. В свою очередь, в контрольной группе также наблюдались положительные результаты в показателях технической подготовки, но они не имели статистическую значимость в отличие от спортсменов экспериментальной группы.
3. На точность броска и передачи в гандболе воздействует способность спортсмена осуществлять воспроизведение ранее освоенных движений, а также навык правильного определения точного направления и расстояния до партнера по команде или до ворот. В тренировке используются самые разные техники и методы с изменением дистанции при передачах мяча. Наиболее эффективными такими методами являются следующие:

«точный», метод «контрастных заданий» и техника «сближаемых заданий».

Важно указать, что при выполнении «точного» метода броски осуществляются с постоянного места, но при этом изменяются способы выполнения приема. Так, изменяются ограничения размеров ворот, высота передачи и т.д.

Критерии эффективности бросков.

Игрок должен:

1. выяснить, в какое время и каким именно способом бросать мяч, когда необходимо осуществить бросок, а когда стоит передать мяч партнеру, который находится в наиболее удобной позиции для броска. Кроме того, игроку необходимо овладеть базовыми способами бросков и развить все те, которые в наибольшей степени подходят лично для него;
2. иметь способность расслабляться при осуществлении броска, развивать это на всех тренировках;
3. иметь уверенность в собственных способностях. Необходимо воспитывать в себе ощущение способности осуществлять каждый бросок мяча. На тренировках стоит начинать выполнять броски с близкого расстояния и постепенно увеличивать дистанцию. Такая техника позволит усовершенствовать уверенность в своих бросках;
4. обладать равновесием и сохранять основную позицию. Несмотря на то, что каждый способ броска определяется своей позицией, спортсмены при любом броске должны находиться в равновесии, удерживать мяч двумя руками и сохранять основную позицию. Исключительно после этого гандболист может сделать бросок. При этом существует ряд исключений из данного правила, однако оно остается базовым при осуществлении бросков;
5. использовать различные способы разбега при выполнении бросков. При разбеге обычными шагами замах и метание должны проводиться при обязательной опоре на одну ногу. Для повышения точности и ускорения броска стоит применять так называемые встречные силы махов бросающей руки и разноименной ноги;
6. выполнять тренировки в таких условиях, которые наиболее приближены к соревновательным. При отработке бросков необходимо работать в так называемой ситуации «один против одного», с включением нейтрального игрока, который будет

подавать мяч;

7. после освоения конкретных методов бросков игрок должен учиться бросать мяч в ворота максимально быстро, при этом не просто бросать, а контролировать мяч и собственные движения в течение всего времени выполнения броска;
8. выявлять направление броска мяча. Данное направление имеет зависимость от выпуска мяча по прямой линии, а также от корпуса нападающего к воротам. Когда при броске одной рукой спортсмен непрерывно направляет мяч в одну сторону, он должен убедиться в том, придается ли мячу небольшое обратное вращение и плавным ли образом он уходит с кончиков пальцев. В том случае, если этого не происходит, тогда собственно техника броска мяча является неправильной.

Общие ошибки при выполнении бросков:

1. отсутствие умения сосредоточения внимания на цели в завершающей стадии броска мяча;
2. низкая эффективность применения встречных сил махов бросающей руки и разноименной ноги;
3. излишне сильное вращение мяча;
4. низкий уровень равновесия тела;
5. спешка при осуществлении броска мяча;
6. отсутствие применения различных финтов перед броском мяча, в особенности при значительно плотной опеке;
7. разведение локтей при осуществлении броска мяча;
8. неумение принять определенную позицию после броска мяча непосредственно для перехода в защиту.

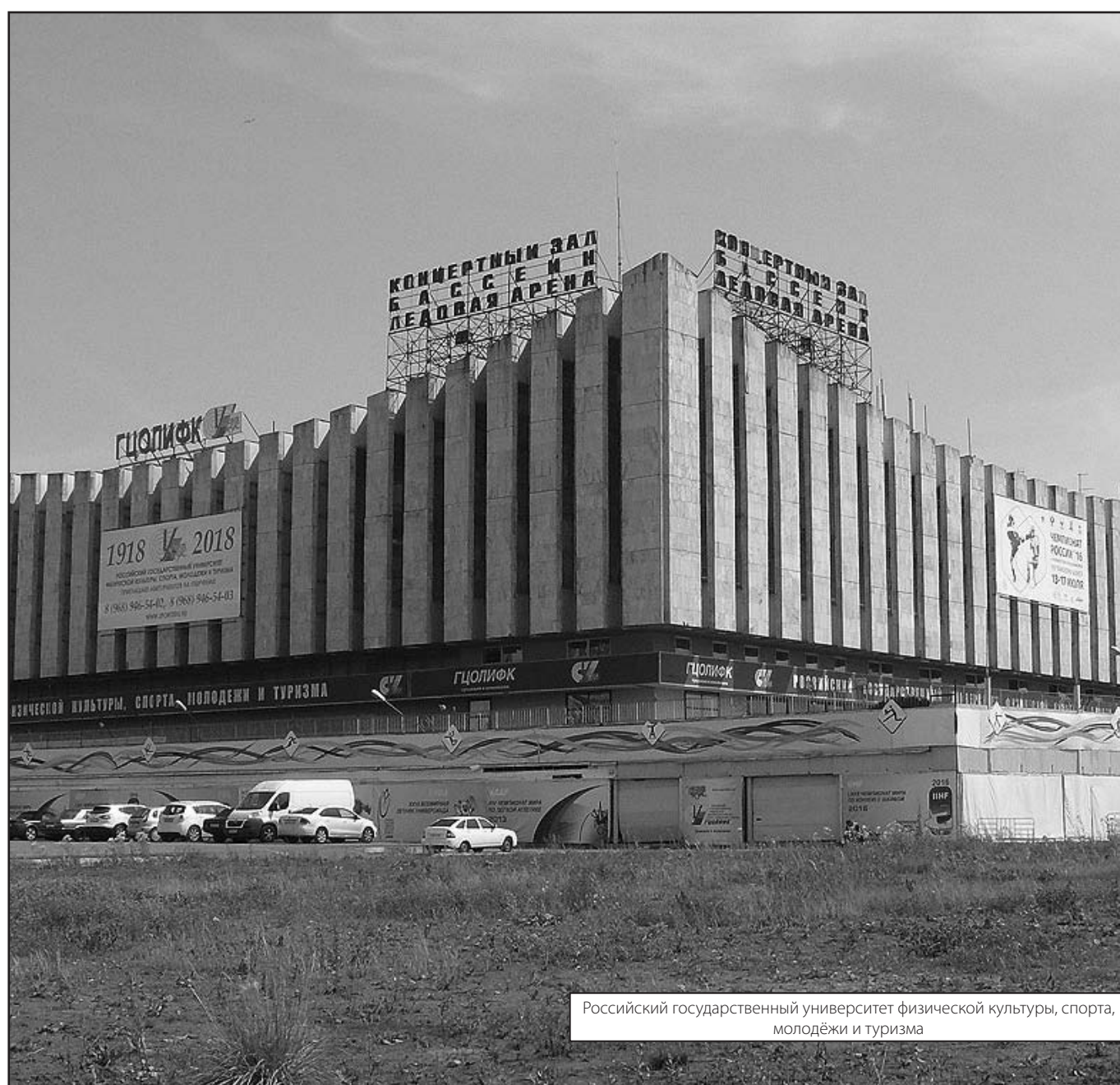
Весь процесс технической подготовки спортсменов должен быть основан на формировании наиболее оптимальных условий, необходимых для развития и совершенствования точного броска мяча. Это обусловлено тем, что именно выполнение точного броска в существенной степени зависит от используемых методов и правильной техники. Собственно обучение начинается с полного овладения верного исходного положения для игры. Далее происходит изучение согласованности движений рук и ног. Особенно значимым фактором являются умения прицеливания, что необходимо развивать одновременно с изучением движений броска мяча. Кроме того, следует сразу обучить спортсменов навыку одновременного видения цели и мяча, осуществляемого при контроле собственных движений до момента их завершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елеусизова С.К. Наука и практика социализации лиц с ограниченными возможностями // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – 2015. – № 4 (17). С. 222-224.
2. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г., № 761 // Логопед. – 2012. – № 9. – С. 96-110.
3. О соблюдении прав детей-инвалидов в Российской Федерации: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ // Официальные документы в образовании. – 2006. – № 31 (243). – С. 27–53.

© Обивалина Мария Сергеевна (m7m13@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма

СОСТОЯНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РАЗВИТИЯ БОРЬБЫ НА ПОЯСАХ В РОССИИ

STATE AND RECOMMENDATIONS FOR IMPROVING THE DEVELOPMENT OF BELT WRESTLING IN RUSSIA

**S. Sevodin
I. Zemlenuhin
I. Maksimenko
G. Suleimanov
N. Abramov**

Summary: The results of the analysis of the performances of athletes representing various regions of the Russian Federation are presented. The recommendation of the future development of Russian wrestling based on the study of the results of the Russian championship were formulated.

Keywords: belt wrestling, development prospects, Russian Championship, ranking, wrestlers, competitions.

Севодин Сергей Васильевич

*К.п.н., доцент, Казанский государственный энергетический университет (Казань)
sevodins@mail.ru*

Земленухин Илья Андреевич

*аспирант, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма (Казань)
ilya.zemlenuhin@yandex.ru*

Максименко Игорь Георгиевич

Д.п.н., профессор, Государственный гуманитарно-технологический университет (Орехово-Зуево); Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Сулейманов Габдыжалил Бариевич

Старший преподаватель, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма (Казань)

Абрамов Николай Анатольевич

К.э.н., доцент, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма (Казань)

Аннотация: Представлены результаты анализа выступлений спортсменов, представляющих различные регионы Российской Федерации, на Чемпионате России по борьбе на поясах 2019 года. На основе изучения итогов Чемпионата России, а также ряда документов Министерства спорта Российской Федерации сформулированы рекомендации для перспективного развития борьбы на поясах в России.

Ключевые слова: борьба на поясах, перспективы, рейтинг, соревнования, Чемпионат России.

Иntenсивный рост глобальной конкуренции борьбы на поясах в России, странах СНГ, странах Евразийского сотрудничества и Латинской Америки вызывает беспокойство специалистов по спортивным видам борьбы в России и требует сосредоточение усилий государства и сообщества в области спорта по разработке новейших и эффективных методик в подготовке сборных команд [1, 5, 6].

Именно поэтому в настоящее время в борьбе на поясах детальный анализ основных положений тренировочного процесса, связанных с подготовкой юных и высококвалифицированных спортсменов к крупным спортивным событиям, является особенно актуальным. Изложенное выше обусловило цель исследования – провести анализ выступлений спортсменов на Чемпионате России (ЧР) по борьбе на поясах 2019 года и представить перспективные направления развития данного вида спорта в России.

В исследовании представлен анализ результатов ЧР по борьбе на поясах 2019 года. Собственно, на этих спортивных событиях собираются лучшие борцы со всей страны, а результаты выступлений на ЧР отражают уровень подготовки спортивного резерва в отдельно взятых регионах.

Для проведения углубленного анализа был составлен рейтинг регионов-участников Чемпионата России по борьбе на поясах 2019 года (таблица). В основе формирования рейтинга – принцип, который используется для распределения мест среди стран-участниц Игр Олимпиад в общем медальном зачете.

В данном Чемпионате участвовало 262 спортсмена из 28 регионов России. По результатам соревнований выделен список лидирующих регионов по результативности выступления своих воспитанников:

1. Республика Татарстан;
2. Москва;

Таблица 1

Результаты выступлений сборных команд регионов на Чемпионате России 2019 года по борьбе на поясах (медальный зачет)

Регион	В/С			КЛ			Ж			Всего медалей			Место
	З	С	Б	З	С	Б	З	С	Б	З	С	Б	
Р. Татарстан	2	2	1	3	3	2	2	1	5	7	6	8	1
Москва	1	3	2	1	-	-	2	-	-	4	3	2	2
Р. Башкортостан	1	-	3	2	-	3	-	-	3	3	-	9	3
КЧР	2	1	4	-	2	1	-	-	-	2	3	4	4
КБР	1	1	1	1	2	1	-	-	-	2	3	2	5
Р. Калмыкия	1	-	-	-	1	1	-	-	-	1	1	1	6
Мордовия	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	7-8
Челябинская обл.	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	7-8
РСО-Алания	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-	2	1	9-10
ХМАО	-	-	-	-	-	2	-	1	-	-	2	1	9-10
Ставропольский край	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	11
Хакасия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	12
Чеченская Р.	-	-	2	-	-	1	-	-	-	-	-	3	13
Рязанская обл.	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	2	14-15
Пермский край	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	14-15
Волгоградская обл.	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	16-19
Астраханская обл.	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	16-19
Нижегородская обл.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	16-19
Тамбовская обл.	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	16-19
Липецкая обл.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20-25
Оренбургская обл.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20-25
Свердловская обл.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20-25
Ульяновская обл.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20-25
ЯНАО	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20-25
Владимирская обл.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20-25

Примечание: В/С - Вольный стиль (мужчины), КЛ – Классический стиль, Ж- Вольный стиль (женщины).
 В таблице рейтинг регионов составлен в первую очередь по наибольшему количеству золотых медалей, во вторую - серебряных наград и третью - бронзовых.

3. Республика Башкортостан;
4. Карачаево-Черкесская Республика;
5. Кабардино-Балкарская Республика.

Безоговорочное лидерство занимает в общем зачете Республика Татарстан, из 21 весовой категории воспитанники татарстанской школы борьбы выиграли 7 золотых, 6 серебрянных, 8 бронзовых медалей.

Стоит отметить удачное выступление сборной команды Москвы: на прошедшем Чемпионате из 23 спортсменов 4 выиграли медали золотого достоинства, 3 – серебряных и 2 – бронзовых. Такие положительные

результаты говорят о точечной и качественной системе подготовки московской школы борьбы.

Анализируя выступления команды из Республики Башкортостан, можно отметить наличие ошибок в системе подготовки спортсменов, о чем свидетельствует тот факт, что из 51 спортсмена всего трое удостоились золотых наград и девять – бронзовых. На наш взгляд, одной из таких ошибок является недостаточный годичный объём общей физической и технико-тактической подготовки команды Республики Башкортостан. Из рисунка 1 видно, что москвичи тратят в год на 54 часа больше времени на технико-тактическую подготовку и в 2 раза

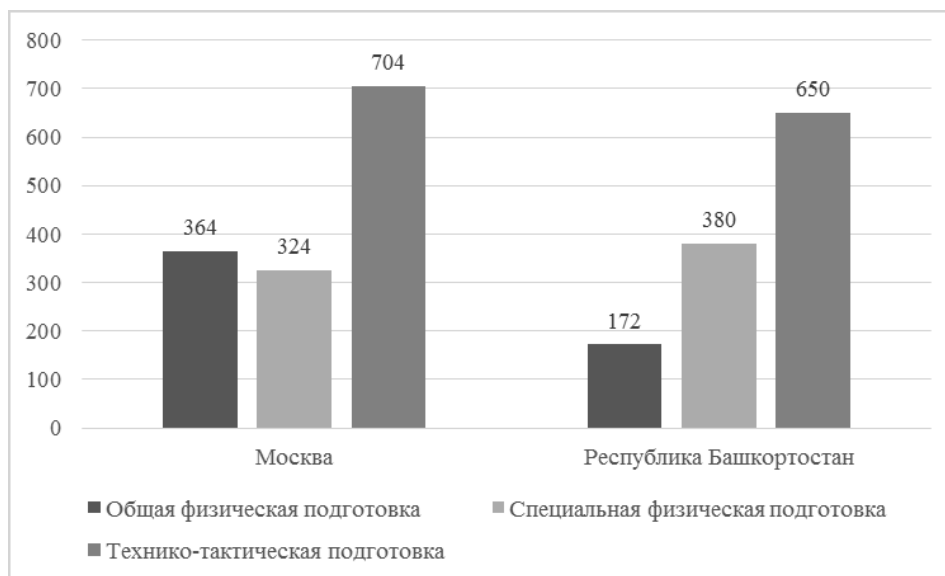


Рис. 1. Годичные объёмы тренировочного процесса в ведущих школах Москвы и Республики Башкортостан, в часах

больше времени на общую физическую подготовку, чем уроженцы Башкортостана.

Исследуя тройку лидеров, мы выявили, что в данных регионах сложилась рациональная система обеспечения подготовки спортсменов, которая состоит в:

- *Эффективной системе детско-юношеского спорта.* В рассматриваемых регионах сосредоточена качественная система отбора и подготовки спортивного резерва для спортивной сборной команды.

- *Рациональном календаре соревнований.* Распространённым среди научного сообщества является мнение, что спортивные старты в системе подготовки спортсменов выступают как способом выявления победителя и средством контроля уровня подготовленности, так и важнейшим средством повышения спортивного мастерства и тренированности [2, 8].

Исходя из анализа календарного плана соревнований по борьбе на поясах, следует отметить рационально выстроенную систему многолетней тренировки, связанную с подготовкой к соревнованиям и их организацией (соревновательный процесс, судейство, организация и информационное сопровождение) трех сильнейших регионов: Республики Татарстан, Москвы, Республики Башкортостан. Качественное наполнение содержания соревновательной системы дает поступательный рост спортивных результатов, начиная юношами и заканчивая уже взрослыми спортсменами.

- *Эффективной административной системе обеспечения подготовки,* что выражается в достаточном финансировании, которое обеспечивает участие спор-

тсменов спортивных школ в различных соревнованиях. Достаточное финансирование воспитанников ведущих спортивных школ дает возможность спортсменам лидирующих команд выступать на соревнованиях. Тем самым повышается конкуренция на муниципальном и региональном уровне и улучшается качество спортивной подготовки, что позволяет данным регионам занимать лидирующие позиции в борьбе на поясах.

- *Оптимальном материально-техническом обеспечении.* Крупные спортивные мероприятия дают мощный толчок развитию массового и профессионального спорта в регионе, который принимает эти соревнования. Несомненно, проведение крупных соревнований дает мощный толчок к развитию материально-технической базы. В качестве примера стоит отметить Республику Татарстан, проводившую Универсиаду (2013 года), где борьба на поясах первый раз была включена в программу игр, что обеспечило мощное развитие современной спортивной инфраструктуры [4].

- *Эффективном научно-методическом и кадровом обеспечении.* На сегодняшний день в Казани, Москве и Уфе при профильных ВУЗах существуют кафедры, осуществляющие подготовку спортивных специалистов по борьбе на поясах. Становление научных школ дает возможность подготовки тренерских кадров, а также обеспечивает изучение и внедрение передового опыта подготовки спортсменов, что, в свою очередь, повышает эффективность подготовки спортивного резерва [9].

Особое внимание необходимо обратить на то, что в борьбе разрешен двойной зачет (параллельный зачет, при котором спортивные команды из разных субъектов договорились, что обе спортивные организации, уча-

ствующие в подготовке спортсмена, в течение времени, установленного в договоре, получают одинаковый зачет по очкам и медалям). Однако, на чемпионате РФ 2019 года было всего четыре спортсмена, выступающих за два региона одновременно. Незначительное количество борцов, имеющих параллельный зачет, дает достоверное распределение мест среди региональных команд в рейтинговой таблице.

Вышеизложенное подчеркивает необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса в Федерации борьбы на поясах России (ФБНПР) следующих вопросов:

- модернизации системы, направленной на подготовку и переподготовку тренерского и судейского состава;
- разработки слаженной системы научного, методического и медицинского обеспечения подготовки борцов на поясах;
- увеличении количества подростков и молодежи, занимающихся борьбой на поясах в регионах;
- усовершенствование действующей материально-технической базы для занятий борьбой на поясах в регионах, где высокий потенциал для занятий данным видом спорта;
- совершенствовании деятельности Федерации;
- наращивание коммерческой и инвестиционной привлекательности борьбы на поясах, которая создаст условия для заинтересованности частного бизнеса и органов исполнительной власти в развитии борьбы на поясах.

Данные вопросы рассматриваются, в том числе, Федерацией спортивной борьбы России (ФСБР) в рамках разработанной и действующей федеральной целевой программы «Борись и побеждай», также они отражены в отчетах Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта «Об итогах реализации стратегических и программных документов в области физической культуры и спорта и о проекте стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» [3, 7].

Вероятно, что для улучшения спортивной подготовки спортсменов в регионах можно использовать простые и информативные тесты, позволяющие проводить оценку

уровня скоростно-силовой подготовленности борцов. Разработанные тесты для оценки уровня подготовленности борцов на поясах позволят контролировать уровень проявления ведущих в борьбе качеств и оптимизировать процесс подготовки.

На наш взгляд, создание простых и информативных тестов поможет спортивным школам выявлять оптимальные параметры подготовленности борцов, обеспечивающие постепенный рост квалификации с целевой направленностью к высшему спортивному мастерству.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. На основе анализа данных Чемпионата России по борьбе на поясах 2019 года выявили, что лидерами по результативности выступления своих воспитанников среди региональных команд стали: Республика Татарстан, Москва, Республика Башкортостан, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика. Рациональная система обеспечения спортивной подготовки тройки победителей помогает им удерживать лидирующие позиции в общем командном зачете.
2. На наш взгляд, дальнейшее качественное развитие борьбы на поясах в России может быть связано с оптимизацией деятельности ФБНПР в следующих направлениях:
 - совершенствования системы подготовки и переподготовки тренерского и судейского состава, создание системы научного, методического и медицинского обеспечения подготовки борцов на поясах;
 - увеличения количества занимающихся борьбой на поясах;
 - модернизация существующей материально-технической базы;
3. Одним из перспективных направлений совершенствования системы подготовки борьбы на поясах в России выступает обоснование простых и информативных тестов для оценки уровня скоростно-силовой подготовленности атлетов, использование которых обеспечит контроль за развитием ведущих в борьбе качеств и постепенный рост квалификации с целевой направленностью к высшему спортивному мастерству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашкинази С.М. Военно-педагогические основы обучения военнослужащих рукопашному бою: дисс. на соиск учен. степ докт. пед. наук / С.М. Ашкинази; Воен. ин-т физ. культуры. – СПб., 1994. – 459 с.
2. Бойко В.Ф. Соревновательная деятельность высококвалифицированных борцов вольного стиля на современном этапе / В.Ф. Бойко, И.И. Малинский, В.А. Андрейцев, В.В. Яременко // Физическое воспитание студентов. – 2014. № 4. – С. 13-19.
3. Брюсов Г.П. Программа развития спортивной борьбы и механизмы ее реализации в отдельных регионах России // Современные проблемы подготовки борцов высокого класса: материалы науч.-практ. конф. ФИЛА. - М.: Русь-Олимп, 2010. – С. 3-7.

4. Зотова Ф.Р. Социально-культурное и экономическое значение Универсиады-2013 (по данным социологического опроса жителей региона и гостей Универсиады-2013) / Ф.Р. Зотова, Ч.Р. Бухараева, И.Г. Герасимова, Н.Х. Давлетова, Т.В. Заячук, Ф.А. Мавлиев, Н.Н. Мугаллимова, С.В. Садыкова, Г.Р. Шамгуллина // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2013. – № 10 (104). – С. 70-75.
5. Кузнецов А.С. «Борьба на поясах» как национальный и международный вид спорта / А.С. Кузнецов, И.В. Мулюкова // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2018. – Т. 13. – № 3. – С. 41-49.
6. Латышев С.В. Анализ выступлений сборных команд России по видам борьбы за шесть последних олимпийских циклов / С.В. Латышев, Г.В. Коробейников, И.Г. Максименко // сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современные проблемы физического воспитания и безопасности жизнедеятельности в системе образования». В 2 т. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2019. – Т. 1. – С. 124-129.
7. Маmiaшвили М.Г. Программа развития спортивной борьбы и механизмы ее реализации в отдельных регионах России / М.Г. Маmiaшвили, Г.П. Брюсов, О.М. Муртазалиев // Олимпийский бюллетень. № 11. – М.: Русь-Олимп, 2010. – С. 191-203.
8. Платонов В.Н. Теория периодизации спортивной тренировки в течение года: история вопроса, состояние, дискуссии, пути модернизации / В.Н. Платонов // Теория и практика физической культуры. – 2009. – № 9. – С. 18-34.
9. Карелин А.А. Спортивная борьба как приоритетное направление исследовательской деятельности научно-педагогической школы НГУ имени П.Ф. Лесгафта / А.А. Карелин, А.Б. Таймазов, Б.И. Тараканов, Р.Н. Апойко // Теория и практика физической культуры. – 2016. – № 10. – С. 16-19.

© Севодин Сергей Васильевич (sevodins@mail.ru), Земленухин Илья Андреевич (ilya.zemlenuhin@yandex.ru), Максименко Игорь Георгиевич, Сулейманов Габдыжалил Бариевич, Абрамов Николай Анатольевич.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Казанский государственный энергетический университет

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА ПЕДАГОГА ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Солнцев Илья Сергеевич

Соискатель, Институт педагогики, психологии и
социальных проблем
school-teatr@mail.ru

THEATRICAL PEDAGOGY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL SKILLS OF A TEACHER AT A CREATIVE UNIVERSITY

I. Solntsev

Summary: The article considers theatrical pedagogy as one of the elements of pedagogical activity, which is a creative process. It is revealed what skills of theatrical pedagogy a modern teacher should possess. The signs of creativity as the basis of pedagogical activity and the conditions for its occurrence are highlighted. The structure of theatrical pedagogy is considered as the basis of the creative pedagogical process. The basic principles of the process of preparing future teachers for professional activities by means of theatrical pedagogy are named.

Keywords: theatrical pedagogy, pedagogical activity, pedagogical creativity, creative activity, creative process, principles of teacher training.

Аннотация: В статье рассматривается театральная педагогика как один из компонентов педагогической деятельности, представляющей собой целостный творческий процесс. Выявлено, какими компетенциями в части театральной педагогики должен обладать современный педагог с позиции базовых составляющих творчества и условий их возникновения и развития. Рассмотрена структура театральной педагогики как основы творческого педагогического процесса. Представлены ведущие принципы процесса подготовки будущих педагогов к профессиональной деятельности средствами театральной педагогики.

Ключевые слова: театральная педагогика, педагогическая деятельность, педагогическое творчество, творческая деятельность, творческий процесс, принципы, реализуемые в процессе подготовки педагога.

Введение

Характерной особенностью стратегической тенденции развития образования выступает технологизация, с позиции которой современная педагогическая деятельность нередко представляется как чётко спланированный, технологичный, результативный процесс [1]. Вместе с тем, профессиональная сфера образования традиционно считается одной из самых творческих. Это обусловлено спецификой педагогической деятельности: педагог оказывает влияние на формирование личности в соответствии с запросами общества, государства и самой личности, что согласуется с понятиями обучения, воспитания и развития. Современный педагог должен не только владеть теоретическими знаниями, но и уметь эффективно их использовать в педагогической практике.

Основной целью творчества педагога, в первую очередь, является не формирование чего-то нового, оригинального в свойствах и качественной характеристике личности, а прежде всего развитие ее творческого ресурса, поскольку это традиционно в ходе педагогических цивилизаций являлось основным результатом продуктивной профессиональной деятельности педагога.

Кроме того, без необходимой непрерывной подготовки, обеспечивающей пополнение теоретических знаний и основ методики успешное педагогическое творчество невозможно. Только глубокие знания преподаваемой предметной области и знание особенностей современной дидактики, анализ определенных ситуаций, связанных с целями и задачами педагогической деятельности и осознанием сущности проблем способом творческого воображения и мысленного эксперимента, может обеспечить оригинальные пути и необходимые способы их решения. Формирование данных способностей в профессиональной деятельности педагога возможно посредством использования элементов театральной педагогики.

Материалы и методы

В качестве приоритетной задачи образовательного процесса высшего учебного заведения целесообразно определить технологию формирования ценностного отношения будущего специалиста к педагогической деятельности [6, с. 67].

Педагогическая деятельность – это деятельность, способная организовать отношения, зарождающиеся

между людьми при передаче действенно-практического опыта от поколения к поколению [11].

Педагогическую деятельность принято считать самой творческой сферой деятельности, так как в ней существуют своеобразные черты, присущие только этой сфере - в ней фиксируются закономерности и характерные особенности участников данной деятельности. Особенности репродуктивных и творческих качеств действия личности проявляются в ситуации, когда субъекту образовательного процесса необходимо решить какую-либо задачу: учебную, игровую или же производственную [2].

Главной проблемой, которая может быть препятствием для проявления творческих способностей в любой деятельности является то, что в таких ситуациях субъект деятельности полагается на уже существующие знания о решении конкретной проблемы. Залог успеха же заключается в том, чтобы педагог смог наладить взаимосвязь между имеющимся решением и своим личным опытом, которая заложена глубоко в проблеме и, казалось бы, ничего общего не имеет с данной педагогической ситуацией. Для этого необходим изначально творческий подход к решению профессиональной проблемы, что согласуется с сущностью театральной педагогики, ресурсно-содержащей относительную свободу профессиональных действий, при этом отметим, что при умении креативно мыслить, творчески подходить к решению сложностей педагог сможет разрешить практически любую проблемную задачу.

Театральная педагогическая деятельность требует от педагога высокой степени активности, способности управлять, а также умений организовывать, контролировать, оценивать своё собственное поведение и деятельность в связи с возникающими педагогическими задачами. Таким образом, педагогическая деятельность - это процесс непрерывного творчества.

В свою очередь, творчество в театральной педагогической деятельности – это форма деятельности, в которой проявляется профессионально-педагогическое мастерство педагога творческого ВУЗа, которая направлена на улучшение качества учебного процесса, решения разнообразных педагогических задач. Кроме того, творчество - процесс, в котором личность реализует и совершенствует свои способности. Творчество не обязательно должно быть связано с каким-либо научным открытием. Оно предполагает привнесение чего-то нового: новое видение определенной ситуации, новое решение, новый подход, иными словами готовность к отказу от привычных схем, решений и стереотипов поведения, восприятия и мышления, готовность к самосовершенствованию и самообразованию.

Педагогическое творчество должно опираться на

высокую профессионально-педагогическую компетентность педагога [7, с. 14]. Современному преподавателю творческого ВУЗа необходимо уметь находить и использовать эффективные способы коммуникации, действенные механизмы формирования ценностных мотивационных основ личности, направляя деятельность в творческий аспект деятельности.

Литературный обзор

Существует большое количество концепций, научных исследований в области интересующей нас темы, в нашей работе мы опираемся на классические подходы и взгляды ученых педагогов. Важно, что с развитием общества растёт ведущее значение педагогического процесса по отношению к общесоциальному. Массовая воспитательная деятельность выражает социальную закономерность, и она неразрывно связана со всеми сторонами жизни общества [10, с. 14].

М.В. Таранова отмечает, что особую значимость в современном образовательном процессе имеет творческая, исследовательская деятельность обучающихся, которая предоставляет им свободу творчества в открытии и достижении истины. Кроме того, создаются необходимые условия для продуктивного развития их интеллектуального, культурного и творческого потенциала [9, с. 42]. Педагогическая деятельность напрямую связана с творчеством, так как она не может быть повседневной в силу постоянной изменчивости ее протекания. Поэтому для того, чтобы избежать этой повседневности, педагог должен стремиться к творчеству. Однако познать все секреты педагогического процесса невозможно в силу того, что он подвижен, динамичен и диалектичен. В связи с этим, приходится «переоткрывать» его снова и снова, так как новизна педагогических средств, приёмов и технологий со временем изменяется.

Творчество называют педагогическим, если это - целенаправленная, преобразующая деятельность педагога творческого ВУЗа, который способен и обнаружить педагогическую задачу в какой-либо проблемной ситуации и продуктивно решить ее [7].

П.И. Пидкасистый выделяет несколько признаков педагогической деятельности, которые существуют и развиваются благодаря театральной педагогике:

- настоящее творчество педагога творческого ВУЗа всегда обосновано теоретически;
- творчество - планомерный, направленный и осознанный процесс;
- педагогическое творчество - это всегда хорошие взаимоотношения с обучающимися;
- творчество - непрерывный процесс;
- объектом педагогического творчества выступает человек [7, с. 24].

Исходя из этого, чтобы творчество педагога реализовалось, необходимы определенные условия его формирования:

- определенная творческая задача, или проблемная ситуация;
- особые условия для творчества;
- развитие личностных качеств педагога, его знаний и умений.

Структуру педагогического творчества составляют компоненты, связь и отношения которых в реальной педагогической деятельности представляются весьма своеобразно. Педагогическое творчество состоит из мотивации к творчеству; профессионально-личностных особенностей педагога; квалификационных компетентностей. Безусловно, без особой подготовки и необходимых знаний успешное педагогическое творчество практически невозможно.

Несмотря на множество подходов и методов реализации педагогической деятельности, в ней неизменным остается то, что педагогический труд всегда является творческим, так как обучаемые всегда разные и требуют к себе особого подхода, учета обстоятельств, учета особенностей личности самого педагога, вследствие чего любое педагогическое решение должно исходить из необходимости в этом решении и нестандартных факторов.

«Творческий процесс педагога принято считать деятельностью, которая направлена на непрерывное решение бесконечного множества учебно-воспитательных задач в различных ситуациях, во время которых педагогом развиваются и выражаются в общении необходимые, органичные для данной индивидуальности, не стандартные педагогические решения, опосредованные особенностями объекта - субъекта педагогического воздействия», – утверждает В.А. Кан-Калик [4, с. 36].

Творчество в педагогической деятельности довольно разнообразно. Оно проявляется в индивидуальных подходах, в обнаружении новых методов, форм, средств, приемов и их специфическом сочетании; в умении видеть разнообразные варианты решения для одной и той же проблемы [4]. Так как современные особенности социальной действительности обуславливают непрерывный профессиональный рост, творческое, инновационное по своей сути, отношение к осуществляемой деятельности, самоотдачи. Все проявления педагогического творчества зависят от того, насколько творческой является деятельность педагога творческого ВУЗа, которая направлена на главный объект – субъектов образовательного процесса.

На сегодняшний день развиты средства информационных технологий, которые способны помочь в разви-

тии творческого потенциала педагога, т.к. педагог может использовать видеоматериалы, аудиоматериалы, др. Однако творчество - это деятельность, которая является украшением для природного и социального мира в связи с целями и нуждами человека и человечества на основе справедливых законов действительности [7]. В связи с этим, можно принять допущение, что понятие «творчество» является синонимом понятия «творческая деятельность».

Творческая педагогическая деятельность педагога различных предметных областей имеет общие и специфические характеристики. К примеру, творческая деятельность педагога творческого ВУЗа иностранного языка, как показало изучение ряда научных публикаций по данной проблематике (Е.Г. Кашиной, В.В. Мжачих, Т.В. Тюлениной, А.Ю. Швацкого и др.), отличается следующими основными признаками проявления:

- наличие лингвистической креативности;
- речевое разнообразие лексики классного обихода;
- умения творческой отработки и подачи языкового и речевого материала;
- применение творческих приёмов при организации и активизации иноязычного общения;
- способность корректировки системы приемов и способов, используемых в процессе обучения иностранному языку.

Результаты

Делая выводы, можно сказать, что, результативность деятельности педагога творческого ВУЗа во многом зависит от того, насколько он стремится достичь поставленных целей с помощью педагогической взаимосвязи и творческого подхода к инновационной педагогической деятельности. Усилия педагога имеют место быть сфокусированы на том, чтобы в полной мере мотивировать студента усвоить материал в процессе инициативной работы над ним, наполняя данную деятельность различными элементами активной и творческой деятельности. Для этого самому педагогу необходимо обладать рядом творческих компетенций, которые возможно сформировать средствами театральной педагогики.

Стоит подчеркнуть, что задачи и функции театральной педагогики выходят далеко за рамки существующих программ художественного обучения, ее целью является - развитие способностей к самовыражению, самопознанию, к приобретению коммуникативных навыков [8].

Обсуждение

В целях решения проблемы развития деятельности педагога творческого ВУЗа важно придерживаться основных принципов процесса подготовки будущих педа-

гогов к творческой педагогической деятельности. Здесь наиболее приемлемыми представляются принципы, обозначенные П.И. Пидкасистым, а именно принципами:

- индивидуальности: механизмом реализации данного принципа является инициативность студентов и педагогов в процессе профессионального становления. Важной составляющей в данном принципе является мотивация и готовность к сотрудничеству участников процесса творческой педагогической деятельности.
- комплексности, чередования условий и целей развития творческой педагогической деятельности. Все подсистемы образовательного процесса должны соответствовать определенным условиям. Кроме того, эффективность системы зависит от того, в каких отношениях находятся педагоги и студенты, т.к. их отношения должны развиваться.
- совокупного подхода всех участников обучения и воспитания. Этапы развития творческой педагогической деятельности студентов - это не только труд педагогов, но и плод труда всего коллектива, который является необходимым компонентом образовательной системы.
- понимания, а также творческой активности и самостоятельности студентов. Реализации данного принципа можно достичь только путем включения студентов в разнообразную творческую деятельность, т.е. допускать участие студентов в проблемных ситуациях, кроме того, возможность использовать дидактические игры, как метод обучения, способствовать развитию коллективных форм работы.
- единства: суть данного принципа в том, что для его реализации необходимо влияние как учебных, так и воспитательных программ; средств, методов и форм воспитания; сотрудничества учителей и учащихся.

— взаимоотношений практической и теоретической деятельности студента. Основой данного принципа является практика, на которой студенты могут показать знания, навыки и умения, которые они получают в образовательной организации.

— развития личности студентов. Суть данного принципа заключается в обращении ценности к «Я» студента. Без реализации этого принципа невозможно представить настоящего творческого человека и педагога [9].

По мнению ученого О.А. Калимуллиной «студенчество, по сравнению с другими группами населения, отличается наиболее высоким образовательным уровнем, активным присвоением ценностей культуры и высоким уровнем учебно-познавательной деятельности» [3].

Будущая сфера профессиональной деятельности студента предусматривает непрерывное развитие его профессионализма, компетентности и способностей, важных качеств его личности согласно культурным и нравственным идеалам [9].

Заключение

В заключении важно заметить, что реализация творческой педагогической деятельности во многом зависит от того, насколько сам педагог стремится достичь поставленных целей с помощью педагогического взаимодействия и творческого подхода к осуществляемой им деятельности в условиях трансформационных процессов в образовании. Усилия педагога творческого ВУЗа должны быть сфокусированы на том, чтобы в полной мере мотивировать студента усвоить содержание образовательной программы в процессе инициативной работы над ним, наполнить собственную деятельность различными элементами активной и творческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игна О.Н. Концептуальные основы технологизации профессионально-методической подготовки учителя: Дис. ... докт. пед. наук. Томск, 2014. 389 с.
2. Игна О.Н. Современные классификации учебных методических задач // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 177-182.
3. Калимуллина О.А. Сущностные характеристики молодежи в контексте социокультурной реальности // Сборник: Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. Материалы Международной научно-практической конференции. Научные редакторы: П.П. Терехов, Д.В. Шамсутдинова, Л.Ф. Мустафина. 2016. С. 228-231.
4. Кан-Калик В.А., Никандров Н.Д. Педагогическое творчество. М.: Педагогика, 1990. 250 с.
5. Масленникова В.Ш., Шигапова Л.П. Концепции проектно-развивающего подхода к воспитательному процессу // Казанский педагогический журнал. 2014. № 3.
6. Орешкина А.К. Развитие образовательного пространства в условиях интеграционных процессов / учебное пособие. М.: МГОУ, 2013. 67 с.
7. Пидкасистый П.И., Воробьева Н.А. Подготовка студентов к творческой педагогической деятельности. М.: Пед. общество России, 2007. 192 с.
8. Солнцев И.С. Взаимосвязь эстрадного и циркового искусства в современной России: традиции и инновации // Музыка и время. 2019. № 5. С. 33-37.
9. Таранова М.В. Сравнительный анализ компонентов структуры творческой, исследовательской и учебной деятельности // Народное образование. Педагогика. 2009. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-komponentov-struktury-tvorcheskoy-issledovatel'skoy-i-uchebnoy>

- deyatelnostey-1.
10. Трегубова Т.М. Теория и практика социальной работы с учащейся молодежью в профессиональных учебных заведениях США. Режим доступа: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/teorija-i-praktika-socialnoj-raboty-s-uchawejsja-molodezhju-v-professionalnyh.html>.
11. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. Режим доступа: https://psychology_pedagogy.academic.ru.

© Солнцев Илья Сергеевич (school-teatr@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Институт педагогики, психологии и социальных проблем

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО КУРСУ «ОСНОВЫ СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

IMPROVEMENT ISSUES OF CONTROL ACTIVITIES FOR THE COURSE "FUNDAMENTALS OF NETWORK TECHNOLOGIES"

**S. Tulinov
E. Golubkova
A. Kruglov**

Summary: This article examines the composition and purpose of the course «Fundamentals of network technologies» for RTU MIREA students, reveals its relevance and the main advantages of studying. To improve the control activities for the course and rationalize the work of the teacher and students, the authors redesigned the existing materials and created their own set of questions.

A new algorithm for setting off the practical works is presented in detail, including the processes of motivation and control of student learning in the semester.

Solutions are proposed to improve the quality of control activities and the number of students who reach the required level of competence in the field of principles of construction and administration of computer networks.

Keywords: fundamentals of network technologies, practical work, quality of the educational process, Cisco NetAcad.

Тулинов Сергей Владимирович

Руководитель сетевой академии Cisco, РТУ МИРЭА
tulinov@mirea.ru

Голубкова Екатерина Михайловна

Инструктор сетевой академии Cisco, РТУ МИРЭА
golubkova@mirea.ru

Круглов Анатолий Михайлович

Инструктор сетевой академии Cisco, РТУ МИРЭА
kruglov@mirea.ru

Аннотация: В настоящей статье рассмотрен состав и назначение курса «Основы сетевых технологий» для студентов РТУ МИРЭА, раскрывается его востребованность и основные преимущества изучения. Для совершенствования контрольных мероприятий по курсу и рационализации работы преподавателя и студентов авторами проводится переработка имеющихся материалов и создание собственного банка вопросов.

Подробно представлен новый алгоритм защиты практических работ, включающий в себя процессы мотивации и контроля обучения студентов в семестре.

Предложены решения для повышения качества контрольных мероприятий и числа студентов, достигающих необходимого уровня компетенций в области принципов построения и администрирования компьютерных сетей.

Ключевые слова: основы сетевых технологий, практическая работа, качество образовательного процесса, Cisco NetAcad.

Учебным планом для студентов 3 курса Института ИТ РТУ МИРЭА предусмотрен двухсеместровый курс «Основы сетевых технологий» объемом 144 акад. час., каждая часть изучается в течении одного семестра. В состав курса входит 21 тема лекций и 21 практическая работа форма промежуточной аттестации в каждом семестре – зачет. Начиная с 2016-го года обучение проходит более 2500 студентов.

В основе курса лежит международная образовательная программа CCNA R&S (Introduction to Networks и Routing and Switching Essentials) сетевой академии Cisco Netacad, которая объединяет партнерские учебные заведения по всему миру [1]. Программа постоянно совершенствуется для актуализации востребованных компетенций в таких сферах, как построение локальных сетей, сетевое администрирование, сетевая безопасность. Для всех студентов академии бесплатно предоставляется разработанный компанией Cisco симулятор Packet Tracer (PT) – это многофункциональная программа моделирования сетей, которая позволяет студентам экспериментировать с поведением сети и оценивать возможные

сценарии, а также облегчает преподавание и изучение сложных технологических принципов [2].

Немаловажной частью курса является самостоятельная работа студентов, включающая в себя изучение теоретического материала и освоение принципов работы ряда сетевых технологий благодаря практике конфигурирования реального сетевого оборудования и работы в программе PT для эмуляции и проектирования любой сетевой инфраструктуры.

О востребованности курса CCNA R&S свидетельствует тот факт, что он преподается в 180 странах и охватывает 7,8 миллионов студентов. После прохождения этого курса студенты приобретают компетенции сетевых технических специалистов и сетевых администраторов. В рамках курса студенты учатся самостоятельно создавать простые локальные сети, получают практические знания о схемах IP-адресации, базовых понятиях сетевой безопасности и настройке основных параметров маршрутизаторов и коммутаторов [3].

Рассматриваемый курс готовит студентов к сдаче сертификационного экзамена CCNA (200-301). Многолетняя практика показывает, что обладатели такого сертификата имеют существенные преимущества на конкурентном рынке труда.

В образовательном процессе контрольные мероприятия служат важным показателем достижения необходимого уровня компетенций. Проблематика их совершенствования рассмотрена, в частности, в [4, 5, 6]. В [7] упор делается на проведение сравнительного анализа оценок после тестирования двух групп студентов и применение методик, включающих практику самообучения и повышающих качество образования. В [8] предлагается подход, состоящий в применении регулярных письменных экспресс-опросов без предварительного предупреждения, что побуждает студентов при изучении курса активизировать самостоятельную подготовку и самообучение.

Авторами внедрена следующая структура прохождения курса «Основы сетевых технологий», рисунок 1.

Стрелками на рисунке 1 показано взаимодействие работы преподавателя и студента, которое состоит в:

- изучении студентами лекционного материала по курсу CCNA R&S, к которому они имеют доступ через портал сетевой академии Cisco Netacad;
- в просмотре видео-лекций по всем темам двухсеместрового курса, доступные в интернет-лаборатории lms.termilab.ru [9] и позволяющие студентам более полно подготовиться к защите практических работ и зачету;
- доступе к удаленному стенду в интернет-лаборатории Termilab для выполнения практических за-

даний с использованием комплексов инфокоммуникационного оборудования;

- отчете о проделанных практических заданиях в виде проекта в симуляторе РТ с проверкой теоретических знаний и практических навыков по главам курса;
- выполнении типового итогового задания на зачете.

При защите отчета по практическим работам особое внимание уделяется последовательности конфигурации сетевых сегментов, умению идентифицировать ошибки конфигурации различных устройств. В целом, в осеннем семестре на 3-м курсе студентами изучается 11 тем и предлагается выполнение 9 практических работ. В весеннем семестре – 10 тем и 12 практических работ, которые углубляют теоретические сведения предыдущего семестра.

Поскольку курс является многопоточным и преподаватели одновременно обучают сотни студентов, то основная проблематика, рассматриваемая в настоящей статье, – это улучшение этапа «контроль» при защите работ. При сохранении элементов традиционных форматов предлагаются дополнения, основанные на следующих подходах:

Прежде всего необходимо рационализировать защиту практических работ и повысить эффективность использования бюджета времени непосредственного общения студента с преподавателем в аудиторном или дистанционном режимах. Это было реализовано с помощью составления тестовых вопросов по каждой практической работе и теории из соответствующей главы курса для второго семестра. Всего было составлено 550 тестовых

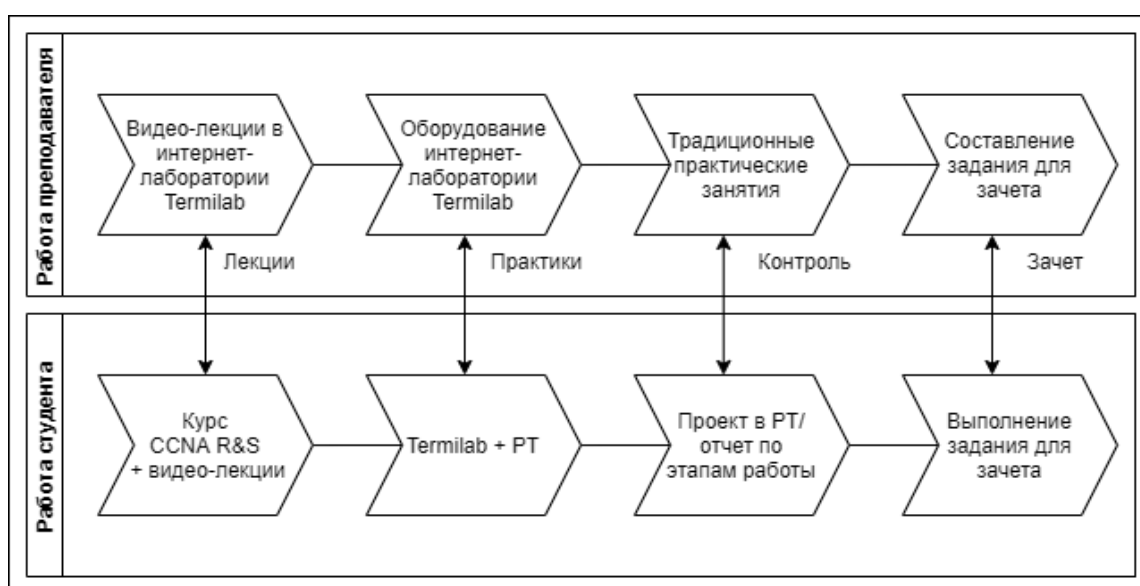


Рис. 1. Структура прохождения курса «Основы сетевых технологий» [Разработано авторами]

вых вопросов для 12-ти практических работ.

Кроме того, были существенно переработаны задания по практическим работам. Студентам предстоит проверить, насколько хорошо они запомнили конфигурационные команды, т.к. в новой редакции заданий они были по больше части удалены. Это сделано с целью мотивации студентов внимательнее изучать теоретическим материал и обращаться к другим ресурсам курса для достижения требуемого уровня компетенций.

Еще одним методом контроля является индивидуализация заданий, которые теперь выполняются по вариантам. В качестве примера такой индивидуализации можно привести необходимость указания фамилии студента в имени сетевого устройства, а также сетевая конфигурация, настраиваемая в зависимости от номера студента в группе. Данные контрольные мероприятия позволят выяснить, действительно ли задание выполнено самостоятельно.

Алгоритм защиты теперь выглядит следующим образом:

1. Прежде всего каждому студенту необходимо показать результат выполнения практической работы, которым может являться: настроенная топология сети в симуляторе RT, расчет и скриншоты основных этапов работы. Также можно отобразить результаты задания непосредственно на реальном оборудовании в лаборатории;
2. После проверки индивидуального задания необходимо выполнить тестовый вариант с вопросами. Так как во 2-й части курса всего 12 практических работ (при этом две их них тесно связаны), то было решено составить для каждой практической работы по 10 различных вариантов;
3. Количество вопросов по каждой практической работе устанавливается равным 5, охватывающим основные конфигурационные команды и теоретические вопросы по главе, к которой относится данная работа. Для успешной сдачи практической работы необходимо ответить на 3 вопроса из 5, не обращаясь к материалам курса. Каждый вопрос имеет только один правильный ответ из четырех. Студенту предлагается самостоятельно решить свой вариант, но допускается уточнение вопроса у преподавателя в случае затруднения восприятия формулировки вопроса.

При хорошей подготовке студента такие правила приема рационализируют и ускоряют процесс защиты.

Если студент не смог с первой попытки ответить хотя бы на 3 вопроса из 5, то на этом этапе работа не засчитывается и студенту предлагается сдать ее на следующем занятии после устранения пробелов в подготовке.

Допускается сдача сразу нескольких практических работ на одном занятии. Хорошая подготовка студентов и защита работы поощряется в виде дополнительных баллов на зачете (2 балла за 1 защищенную работу).

Такая организация контрольных мероприятий для процесса промежуточной аттестации потребовала существенного расширения фонда оценочных средств (ФОС). С этой целью авторами был разработан набор из 550 вопросов.

Здесь следует отметить, что для разработки ФОС были задействованы, в основном, необходимые теоретические сведения по конфигурационным командам и результаты их выполнения. Кроме того, были добавлены вопросы, которые присутствуют в электронном курсе CCNA R&S в контрольных работах и в различных источниках, где собраны проверочные материалы по главам курса.

Проведенный анализ с целью развития дополнения имеющихся контрольных материалов позволил выявить темы, вызвавшие наибольшие затруднения при выполнении практических работ. Это потребовало существенного увеличения числа контрольных вопросов относительно присутствующих в официальном курсе. Большая часть вопросов из ФОС была разработана авторами для того, чтобы избежать возможности поиска студентами готовых решений в различных источниках.

Сводная информация по составу вопросов из ФОС представлена в табл.1, а пример разработанного авторами вопроса – на рисунке 2.

Таблица 1.

Сводная информация по составу вопросов из ФОС

Тема курса	Имеющиеся вопросы	Вопросы, разработанные авторами
1. Концепция маршрутизации	0	50
2. Статическая маршрутизация	8	42
3. Динамическая маршрутизация	15	35
4. Коммутируемые сети	8	42
5. Конфигурация коммутатора	1	49
6. Сети VLAN	21	79
7. Списки контроля доступа	10	40
8. DHCP	12	38
9. Преобразование NAT для IPv4	18	32
10. Устройства – обнаружение, управление и обслуживание	16	34

Таким образом, удалось получить непересекающийся спектр инвариантных заданий, отражающий все ключевые темы курса.

1. На маршрутизаторе ввели следующую конфигурацию:

```
R1(config)# line vty 0 4
R1(config-line)# password ciscovtypass|
R1(config-line)# exec-timeout 5 0
R1(config-line)# login
R1(config-line)# logging synchronous
```

Отсутствие какой команды позволит войти на маршрутизатор без запрашивания пароля?

A – logging synchronous

B – password ciscovtypass

C – login

D – exec-timeout 5 0

Рис. 2. Пример тестового вопроса из ФОС [Разработано авторами]

чевые тематики курса, которые предлагаются для студентов, выполнивших индивидуальную практическую работу дома или в лаборатории.

Вся информация о порядке приема и защиты практических работ заблаговременно публикуется на сайте курса [10] и доводится до студентов посредством других каналов коммуникаций.

После апробации ФОС было проведено анкетирование, которое показало оценку студентов данных контрольных мероприятий и позволило выявить преимущества и недостатки для того, чтобы продолжить совершенствовать методы обучения в рамках курса «Основы сетевых технологий».

Первый опыт внедрения рассмотренных контрольных мероприятий показал положительные результаты. Очередная задача состоит в их анализе и совершенствовании, в том числе по итогам опроса студентов с помощью анкетирования.

Заключение

Для повышения качества учебного процесса по курсу «Основы сетевых технологий» было разработано комплексное решение, основанное на индивидуализации практических работ для студентов и создания большого количества тестовых вариантов вопросов теоретического и практического характера.

В статье представлены ключевые правила и требования по приему практических работ, а также приведена сводная информация по составу переработанных авторами вопросов из ФОС. Все решения являются основным результатом работы авторов и позволяют рационализировать бюджет времени преподавателя и студентов.

В конце каждого семестра предусмотрено проведение анкетирования, позволяющего оценить результативность новой методики. Анализ этих результатов представляет направление дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Одом Уэнделл. Официальное руководство Cisco по подготовке к сертификационным экзаменам CCENT/CCNA ICND1 1 00-101, акад. изд.: Пер. с англ. - М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2015. - 912 с.: ил. - П арал. тит. англ.
2. Cisco Packet Tracer [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cisco.com/c/ru_ua/training-events/netacad/training-courses/cisco-packet-tracer.html (дата обращения: 20.12.19)
3. Cisco Networking Academy [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.netacad.com/ru> (дата обращения: 20.12.19)
4. Мерлина Н.И., Селиверстова Л.В., Ярдухина С.А. Балльно-рейтинговая система оценки качества успеваемости студентов // БГЖ. 2015. №3 (12). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/balлно-rejtingovaya-sistema-otsenki-kachestva-uspevaemosti-studentov> (дата обращения: 24.07.2020).
5. Баляева С.А. Развитие дистанционной образовательной среды в морском университете // Colloquium-journal. 2019. №3-3 (27). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-distantionnoy-obrazovatelnoy-sredy-v-morskom-universitete> (дата обращения: 24.07.2020).
6. Папуткова Г.А., Седых Е.П., Орлова О.А. Проектирование системы независимой оценки качества деятельности студентов в процессе промежуточной аттестации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21240> (дата обращения: 24.07.2020).
7. Цибилова Т.Ю., Постников В.М., Спиридонов С.Б. Анализ влияния технологий лекций-визуализаций на результаты контрольных мероприятий по учебным дисциплинам // ПНиО. 2018. №3 (33). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-tehnologiy-lektsiy-vizualizatsiy-na-rezultaty-kontrolnyh-meropriyatij-po-uchebnym-distiplinam> (дата обращения: 24.07.2020).
8. Горшкова О.О. Совершенствование контроля знаний как условие формирования познавательного потенциала студента // Фундаментальные исследова-

- ния. – 2005. – № 3. – Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5889> (дата обращения: 24.07.2020).
9. TERMILAB – Интернет-лаборатория [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lms.termilab.ru/> (дата обращения: 1.09.2020).
10. Основы сетевых технологий для студентов РТУ МИРЭА [Электронный ресурс] – Режим доступа: termilab.ru/mirea (дата обращения: 1.09.2020).

© Тулинов Сергей Владимирович (tulinov@mirea.ru), Голубкова Екатерина Михайловна (golubkova@mirea.ru),
Круглов Анатолий Михайлович (kruglov@mirea.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



СОПРЯЖЕННОЕ РАЗВИТИЕ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ВОЛЕЙБОЛЕ ГЛУХИХ

Шнейдер Виктор Юдович

доцент, заслуженный тренер России, Сургутский
государственный университет, Сургут
shv.53@mail.ru

CONJUGATE DEVELOPMENT OF COORDINATION ABILITIES IN THE WILL OF THE DEAF

V. Schneider

Summary: The purpose of the study presented in this article was to substantiate the effectiveness of the conjugate method in deaf volleyball. It is assumed that the conjugate method, implemented in the training of deaf and hard of hearing athletes, will increase the level of their coordination abilities and at the same time optimize the educational and training process. A set of exercises with the use of a conjugate method for specialized warm-up of deaf and hearing impaired, volleyball players has been developed and tested, the dynamics of the development of coordination abilities of deaf and hearing impaired, athletes has been investigated.

Keywords: coupled method, development of coordination abilities, specialized warm-up in volleyball, especially deaf and hard of hearing athletes.

Аннотация: Целью исследования, представленного в настоящей статье, явилось обоснование эффективности сопряженного метода в волейболе глухих. Предполагается, что сопряженный метод, реализуемый в тренировке глухих и слабослышащих спортсменов, позволит повысить уровень их координационных способностей и одновременно оптимизировать учебно-тренировочный процесс. Разработан и апробирован комплекс упражнений с использованием сопряженного метода для специализированной разминки глухих и слабослышащих волейболистов, исследована динамика развития координационных способностей глухих и слабослышащих спортсменов.

Ключевые слова: сопряженный метод, развитие координационных способностей, специализированная разминка в волейболе, особенности глухих и слабослышащих спортсменов.

Одной из важнейших задач, стоящих перед тренерами-преподавателями, является развитие двигательной координации как фундамента для создания благоприятных возможностей более динамичного освоения практического материала и создания двигательного потенциала для повышения мастерства в избранном виде спорта [1]. Отсутствие должного внимания со стороны спортивных педагогов к вопросу совершенствования координационных способностей и качеств детей и подростков приводит к тому, что юные спортсмены недостаточно владеют своим телом, в значительной степени нерационально управляют своими движениями, плохо ориентируются в пространстве, неточно взаимодействуют с внешними предметами [2]. Интенсивная и многоступенчатая координационная подготовка оказывает существенное влияние на качество и динамику овладения новыми движениями [6], но при этом в работе с глухими и слабослышащими спортсменами встает вопрос экономии времени, в связи со сложностью коммуникации при обучении, поэтому главный акцент в работе тренеры делают на кондиционную, техническую и тактическую подготовку.

Перенос методов подготовки квалифицированных спортсменов в адаптивный спорт эффект дает не всегда, и поэтому недопустим без переработки методики под недостаточно подготовленный контингент. Специализированная разминка позволяет не только подготовить

организм волейболиста к освоению техники и тактики игры, но и позволяет одновременно с подготовкой к основной части занятия, развивать и совершенствовать координационные способности и специальную ловкость спортсменов.

Целью исследования явилось обоснование эффективности сопряженного метода в тренировке глухих и слабослышащих волейболистов. Предполагается, что сопряженный метод, реализуемый в тренировке глухих и слабослышащих спортсменов в виде специализированной волейбольной разминки, позволит повысить уровень их координационных способностей (КС) и одновременно оптимизировать учебно-тренировочный процесс.

Были поставлены задачи исследования:

1. Изучить состояние вопроса по данным научно-методической литературы;
2. Определить исходный уровень развития координационных способностей у глухих и слабослышащих волейболистов;
3. Разработать и апробировать комплекс упражнений с использованием сопряженного метода для специализированной разминки глухих и слабослышащих волейболистов;
4. Определить итоговый уровень развития координационных способностей глухих и слабослышащих

щих волейболистов и провести сравнительный анализ динамики показателей координационных способностей глухих и слабослышащих волейболистов в экспериментальной и контрольной группах.

В работах, посвященных КС ранее использовался термин «ловкость» [2, 10], который встречается и в современных исследованиях. Кроме того, используются и другие терминологические понятия: «способность управлять движениями», «общее равновесие», а также более узкие: «мелкая моторика», «ручная координация», «прыжковая ловкость» «динамическое равновесие», и др. [7, 8, 11].

Критерием сформированности координационных способностей человека служит его умение решать разнообразие двигательные задачи с высокой эффективностью (быстро и точно). Эти умения проявляются в повседневных бытовых и спортивных двигательных навыках. Именно поэтому формирование, развитие и коррекция координационных качеств у детей и подростков с такой патологией, как нарушение слуха, имеет для них значение, позволяя им лучше адаптироваться и реализоваться в социуме [3].

Координационные способности эффективно развиваются с помощью упражнений, которые предъявляют высокие требования к согласованности и упорядоченности двигательных актов, синергии их в единую систему.

Эти упражнения должны отвечать следующим требованиям:

- достаточная координационная трудность для спортсмена;
- отличие от стандартных, часто применяемых действий;
- большое разнообразие форм, вариативность движений и их составляющих (темпо-ритм, амплитуда, время, направление, интенсивность мышечного усилия) [8].

Системообразующим элементом здесь является высокая различающая способность по отношению ко всем параметрам выполняемого движения.

Способности к тонкому дифференцированию отдельных признаков движения в значительной степени детерминируются уровнем развития восприятия и ощущений различной модальности (тактильные, зрительные и, прежде всего, мышечно-двигательные).

По мере совершенствования этих способностей формируются представляющие собой комбинацию восприятий и ощущений специализированные чувства: «чувство пространства», «чувство времени», «чувство мяча», «чув-

ство прилагаемой силы» и т.п. Уровень развития специализированных чувств, определяет динамику освоения технико-тактического арсенала и эффективность его применения, а также способности к управлению двигательной деятельностью и отдельными движениями в целом.

Положение о многоуровневом строении психомоторной деятельности человека обосновано Н.А. Бернштейном. По его мнению, это является основной причиной, по которой один ребенок в результате тренировок, а то и без них, показывает лучший результат в циклических видах спорта, другой более успешен в спортивных играх, третий опережает сверстников в упражнениях, связанных с точностью движений и т.д. [4, 5].

Многолетние исследования КС позволили сделать вывод, что различные показатели разных КС в подавляющем большинстве случаев не коррелируют между собой и достоверно не связаны с уровнем показателей перцептивных, сенсомоторных и других психофизиологических функций. Чтобы обеспечить более высокий уровень КС, недостаточно развития одной какой-то функции, даже если она имеет высокие показатели развития. Необходим высокий уровень развития всех функций, или определенного их сочетания [5].

Средства развития КС должны отвечать определенным требованиям, основными являются следующие:

- преодоление трудностей по координации движений;
- рациональность выполнения;
- точность и быстрота в сложной обстановке;
- соответствие модели (эталону) двигательного действия;
- находчивость при выборе способа действий;
- новизна и необычность условий исполнения;
- выполнение вариативных, измененных движений.

При дефиците тренировочного времени для сопряженного воздействия на координацию и кондицию можно комбинировать обще-подготовительные упражнения и специально-подготовительные упражнения в различных сочетаниях. Например, попеременное метания в мишень мячей разного веса; прыжки в полную силу или вполсилу от максимального усилия, прыжки с поворотами на определенный угол, чередование бега по прямой в сочетании с изменением направления или скорости и т.д.

В модифицированном виде сочетание обще-подготовительных и специально-подготовительных координационных упражнений небольшой интенсивности можно использовать при проведении специализированной разминки, решая сразу задачи растяжки, разогрева, настроя и развития КС, кондиций и овладения элементами техники.

Если проводить такую разминку сопряженным методом в игровой форме, то эффективность ее использования может многократно возрасти.

Метод направленного сопряжения имеет хорошие перспективы в адаптивном спорте, где существует острая проблема нехватки времени в тренировке на обучение и совершенствование.

Кроме игрового, важное место в тренировке при совершенствовании КС занимает соревновательный метод. Многие упражнения на развитие КС можно выполнять с использованием этого принципа.

Кроме того, необходимо использовать специализированные средства, оказывающие воздействие на системы, участвующие в управлении и регулировке движениями, а также получение информации о параметрах этих движений.

Таковыми специализированными средствами и методами являются видео для анализа техники движений; идеомоторные упражнения, лидирование, применение тренажеров и технических средств, направленных на тренировку необходимых КС, приборы, регистрирующие параметры движений, приборы биологической обратной связи (БОС), сигнализирующие об отклонении от параметров движения и т.п.

Мы проанализировали и обобщили КС и методы их развития, являющиеся наиболее важными для волейболистов в силу своего влияния на характер специфической двигательной деятельности в условиях игры.

Для волейболиста важны следующие координационные качества:

Способность к ориентированию, способность к дифференцированию параметров движений, способность к перестроению двигательных действий, способность к реагированию, способность к согласованию.

Способность к ориентированию в пространстве ярко проявляется в волейболе. Упражнения на ориентирование в пространстве: бег с преодолением препятствий, бег и ведение мяча по линиям, прыжки на точность и через предметы, метания в цель.

Чувство темпа-ритма показывает степень точности прилагаемого усилия, чередования напряжения и расслабления. Оно, как и любые другие КС, является специфическим, тренировать его следует в условиях, адекватных модели вида спорта. [12].

Способность спортсмена к перестроению двигательных действий ранее характеризовалась как составляющая ловкости. Сейчас она классифицируется как

обобщенная КС. Она важна в спортивных играх, в волейболе, в частности, в котором содержанием двигательной деятельности является быстрая и точная перестройка действий.

Для формирования этой способности служат упражнения на реагирование в изменяющихся ситуациях, где требуются антиципирующие реакции. Полезными являются упражнения на развитие интеллектуальных, перцептивных, сенсомоторных и волевых качеств и процессов.

Способность к произвольному расслаблению мышц. Координационная напряженность может возникать при совершении простых, привычных движений из-за неумения расслабляться, а также по причине утомления или повышения ситуативной тревожности в стрессовой обстановке соревнований и т.д. Снять напряженность можно по-разному. Во многих случаях помогает психическая регуляция, повышающая устойчивость к стрессовым ситуациям [9].

Способность к реакции имеет большое значение в спортивных играх. В волейболе невозможно добиться успехов без достаточного уровня развития способности к реакции.

Наблюдения позволяют получить информацию о том, как спортсмен овладевает упражнениями, как координирует свои движения, как перестраивает двигательные действия при смене ситуации. Точные количественные оценки КС с помощью метода наблюдения получить нельзя. Оценивать КС можно на основании метода экспертных оценок. Наиболее подходящим является способ предпочтения (ранжирования), при котором эксперты расставляют КС оцениваемых спортсменов по рангам. Инструментальные методы дают достаточно точные количественные оценки уровня КС.

В тренировочном процессе в волейболе глухих и слабослышащих на стадии начальной подготовки все тренеры сталкиваются с проблемой нехватки времени на освоение техники. Вопрос экономии времени частично решается путем использования современных технологий обучения [14, 15, 16].

Как было отмечено выше, для динамичного освоения техники у занимающихся нужно создать достаточную координационную базу. Но для этого тоже нужно время. Где же его взять? Выход в использовании сопряженного метода во время разминки. У большинства детей с поражением слуха уровень развития координационных способностей недостаточный.

Если в каждой тренировке во время разминки кроме растяжки включать упражнения на координацию и элементы техники, то в течение нескольких месяцев можно

получить достаточно значительный прирост в уровне КС.

Из всех координационных способностей для освоения техники игры в волейбол на начальном этапе наиболее важна ручная координация. Специальная ловкость волейболиста тесно связана с выработкой чувства мяча, включающего качества: точное восприятие веса мяча, его упругости, инерции и скорости, а также дистанционное зрение. Эти качества вырабатываются при бросках и ловле мяча, жонглировании и балансировании. Также важна ориентировочная способность, ее можно развивать упражнениями с бросками, перемещениями и ловлей мяча, а также с помощью подвижных игр, с элементами волейбола. Эти упражнения можно включить во вторую половину разминки, в целях предупреждения травм [31].

Для людей с нарушением слуха, особенно детей, характерны различные нарушения двигательной сферы. В работах Т.В. Розановой и А.О. Костянина эти факты объясняются тем, что «...патология слухового анализатора изменяет не только функции вестибулярного аппарата, но и функции кинестезического анализатора, который определяет особенности двигательной деятельности глухих» [3]. Исследователи отмечают, что компенсировать недостаточность каналов обратной связи в процессе обучения и развития детей с нарушением слуховой функции можно за счет сохранных функций других сенсорных систем.

При работе с глухими и слабослышащими детьми в тренировочном процессе спортивный педагог должен учитывать следующие положения:

у занимающихся детей с патологией слуха работоспособность в процессе тренировки непостоянна, и часто снижается быстрее, чем у здоровых. Ухудшение внимания и памяти (особенно двигательной) проявляются тоже значительно чаще. Латентный период двигательной реакции удлинен. Время двигательной реакции и одиночного движения увеличены. Выражены снижения способности к сохранению равновесия всех видов (как статического, так и динамического) [3].

В тренировочном процессе у глухих и слабослышащих проявляются свои особенности: необходимо постоянно поддерживать визуальный контакт, важна хорошая артикуляция, поскольку они читают по губам. Очень важен качественный показ упражнений.

Сочетание общеразвивающих упражнений с мячом и упражнений на развитие специальной ловкости составляет основное содержание специализированной разминки в волейболе. В процессе тренировки с глухими детьми нельзя отказываться от вербального общения (устная речь). Включение речи в содержании трениров-

ки позволяет накапливать и осмысливать словарный запас, связанный с двигательными навыками, и положительно влияет на развитие интеллектуальной сферы ребенка с нарушением слуха.

Правильное психологически, педагогически, организационно и методически построенное занятие физической культурой компенсирует недостатки в двигательной сфере и физическом развитии глухих и слабослышащих детей.

Экспериментальное исследование проводилось на базе МБУ СП СШ «Аверс» г. Сургута в естественных условиях тренировочного процесса глухих и слабослышащих волейболистов-юношей. В исследовании принимали участие две спортивно-оздоровительные группы глухих и слабослышащих волейболистов-юношей возраста 13-17 лет в общем количестве 14 человек, которые были поделены на две подгруппы по 7 человек. Занятия проводились с обеими группами совместно. Тренировки проводились заслуженным тренером России С.Н. Руденко.

Был составлен комплекс специализированной разминки на основе сопряженного метода, включающий одновременно с типичными упражнениями разминки на растяжку и разогрев, упражнения на развитие КС.

Тестирование проводилось в начале и в конце учебного года.

Были отобраны тесты, которые по данным литературы отражают уровень общих и специальных координационных способностей волейболистов:

1. Бег к пронумерованным мячам (оценка ориентирования в пространстве).
2. Прыжок в длину с места лицом и спиной (способность к перестроению двигательного действия)
3. Бег в упоре сзади (оценка согласованности движений)
4. Бросок мяча в цель, стоя спиной к цели (оценка дифференцированного мышечного усилия).
5. Комплексный координационный тест (ККТ, оценивается ловкость).

Результаты первичного тестирования позволили сравнить уровень развития КС глухих и слабослышащих волейболистов в экспериментальной группе и контрольной группе. Средние показатели КС групп достоверно не различались по первым четырем КС, а в комплексном координационном тесте уровень КС в контрольной группе был достоверно выше, чем в экспериментальной. Исходные данные групп позволили начать запланированный педагогический эксперимент.

Во время эксперимента с октября 2019г. по апрель 2020г., контрольная группа в разминке выполняла стан-

Таблица 1.

Динамика развития координационных способностей у глухих и слабослышащих волейболистов за время эксперимента

Контрольные тесты	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Исходный уровень X+m	Итоговый уровень X+m	Исходный уровень X+m	Итоговый уровень X+m
Бег к пронумерованным мячам, сек	26,3±0,15 ниже среднего	24,8±0,22* высокий	25,8±0,26 средний	25,2±0,14 выше среднего
Прыжок в длину (соотношение ПДс:ПДл)	0,92±0,19 средний	0,95±0,19 средний	0,87±0,16 ниже среднего	0,90±0,22 ниже среднего
Бег в упоре сидя (лицом вперед), сек	6,24±0,58 ниже среднего	4,34±0,35* ниже среднего	6,12±0,18 ниже среднего	5,68±0,29 низкий
Бросок мяча в цель, стоя спиной к цели, баллы	8,1±0,07 ниже среднего	11,2±0,13* выше среднего	8,2±0,14 ниже среднего	8,6±0,09* средний
Комплексный координационный тест, сек	23,5±0,59 низкий	18,3±0,38* высокий	21,3±0,42 средний	20,5±0,33 выше среднего

* - изменения достоверны $p < 0.05$

дартный комплекс упражнений, предусмотренный типовой программой для ДЮСШ, включающий растяжку, статические и динамические упражнения для основных групп мышц, перемещения и беговые упражнения.

Для экспериментальной группы была составлена специализированная разминка на основе сопряженного метода, т.е. одновременно с типичными упражнениями разминки на растяжку и разогрев, выполнялись упражнения, направленные на развитие КС, все упражнения в разминке выполнялись сразу с мячом.

Сравнительные результаты (средние показатели групп) тестирования координационных способностей глухих и слабослышащих волейболистов представлены в таблице 1.

Выводы

1. Одной из важнейших задач, стоящих перед тренерами-преподавателями по волейболу, является развитие двигательной координации как фундамента для создания благоприятных возможностей более динамичного освоения практического материала и создания двигательного потенциала для повышения мастерства в избранном виде спорта. Данные научной литературы свидетельствуют, что интенсивная и многоступенчатая координационная подготовка оказывает существенное влияние на качество и динамику овладения новыми движениями. Специализированная разминка с использованием сопряженного метода, как средство интегральной подготовки и как педагогическая технология, направленная на оптимизацию тренировочного процесса, пока не нашла должного места в работе с глухими и слабослышащими волейболистами.
2. Уровень развития координационных способностей глухих и слабослышащих волейболистов в

спортивно-оздоровительной группе МБУ СП СШ «Аверс» г. Сургута в начале эксперимента находился в диапазоне от низкого уровня до среднего. Спортсмены обследуемых групп недостаточно владели своим телом, в значительной степени нерационально управляли своими движениями, плохо ориентировались в пространстве, неточно взаимодействовали с внешними предметами (ловля и броски мячей в цель, точность передач и ударов).

3. Составлен и апробирован комплекс упражнений с использованием сопряженного метода, как средства интегральной подготовки для специализированной разминки глухих и слабослышащих волейболистов, которая позволяет одновременно с подготовкой к основной части занятия, развивать и совершенствовать координационные способности и специальную ловкость занимающихся, что создает предпосылки для более динамичного освоения техники игры в условиях дефицита времени.
4. Прослеживается положительная динамика развития уровня КС за период эксперимента. Итоговый уровень развития КС у глухих и слабослышащих волейболистов в экспериментальной группе достоверно повысился по четырем тестам из пяти: способности к ориентированию в пространстве, способности к согласованию движений, способности к дифференцированию мышечных усилий и общей координации. В контрольной группе прирост недостоверен по четырем тестам, и только по одному тесту - способности к дифференцированию мышечных усилий - достоверный. В тесте на способность к перестроению движений изменения за время эксперимента недостоверны в обеих группах, что свидетельствует о недостаточности средств для развития данной КС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальсевич В.К. Физическая культура для всех и для каждого. – М.: ФкиС, 1988. – 264с.
2. Беймен В.Р. Искусство ловкости. – Брест, 1997. – 76с.
3. Бабенкова Р.Д., Трофимова Г.В. Занятия по развитию движений у детей с нарушением слуха в школьных учреждениях // Методические рекомендации. – М., 1973. – 32с.
4. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физической активности. – М.: Наука, 1990. – 496с.
5. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 228с.
6. Гурьев А.А. Методика специальной физической подготовки для повышения координационных способностей и вестибулярной устойчивости волейболистов с учетом их морфофункциональных особенностей. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Малаховка, 2010 – 151с.
7. Голомазов С.В. Теоретические основы биомеханики и точностных движений в спортивных играх / С.В. Голомазов, А.В. Ивойлов. – М., 2003. – 23 с., С. 20-23.
8. Донской Д.Д., Зациорский В.М. Три вида координации движений. – В кн.: Биомеханика. – М.: 1979. – С.28.
9. Евсеев С.П. Теория и организация адаптивной физической культуры. Том 1. М.: Советский спорт, 2007. — 291с.
10. Ильин Е.П. Ловкость – миф и реальность? // Теория и практика физической культуры, 1982. № 3 - С.48.
11. Карпеев А.Г. Двигательная координация человека в спортивных упражнениях баллистического типа. – Монография. – Омск: СибГАФК, 1998. – 324с.
12. Лях В.И. Координационные способности: диагностика и развитие. – М.: ТВТ Дивизион, 2006. – 290с.
13. Назаров В.П. Координация движений у детей школьного возраста. – М.: ФкиС, 1969. – 32с.
14. Рыцарев В.В. Волейбол: попытка причинного истолкования приёмов игры и процесса подготовки волейболистов / В.В. Рыцарев. — М.: Книга и бизнес, 2005. — 381с.
15. Шнейдер В.Ю. Методика обучения игре в волейбол: пособие для факультетов физической культуры. М.: Олимпия: Человек, 2009. 56с.
16. Шнейдер В.Ю. Психологические условия развития компетентности будущих тренеров, как организаторов инновационной стратегии обучения волейболу / В.Ю. Шнейдер, В.Ю. Лосев // Теория и практика физической культуры. 2015. № 11. С.89.

© Шнейдер Виктор Юдович (shv.53@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

ON THE PROBLEM OF SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Hu. Aliyeva

Summary: The article is devoted to the study of the semantic properties of the components of phraseological units (PU) of the modern language. When considering the semantic characteristics of phraseological units, we proceed from the functions of the ratio of their form and content. The purpose of the research is to study the semantic properties of phraseological units components and elements of phraseological meaning, to identify on this basis their pragmatic essence, cognitive and linguistic features. The tasks of the research included: to analyze and describe the conditions of the semantic characteristics of phraseological components, to determine the informative capacity of phraseological units, presented in their content structure.

Keywords: phraseological unit, semantics, component, stability, word metaphorization, word in free combination.

Алиева Усния Новруз гызы

*доктор философии по филологии, старший преподаватель, Бакинский славянский университет
al_hus@list.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию семантических свойств компонентов фразеологических единиц (ФЕ) в современном русском языке. При рассмотрении семантической характеристики ФЕ мы исходим из особенностей соотношения их формы и содержания. Целью является изучение семантических свойств компонентов ФЕ и элементов фразеологического значения, выявление на этой основе их прагматической сущности, когнитивных и лингвистических особенностей. В задачи исследования входило: проанализировать и описать условия семантической характеристики фразеологических компонентов, определить информативную емкость ФЕ, представленную в их содержательной структуре.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантика, компонент, устойчивость, метафоризация слова, слово в свободном сочетании.

В современной фразеологии значительное место отводится вопросам, связанным с семантикой ФЕ. Проблема элемента языковой структуры, участвующего в реализации фразеологического значения, степени его самостоятельности, является одной из тех, которые постоянно привлекают внимание фразеологов.

Фразеологизмы любого языка имеют свое особое специфическое значение, которое обычно называют фразеологическим. Это значение является обобщенно целостным, хотя степень целостности может быть различной. В.А. Архангельский отмечает: «Фразеологическая абстракция состоит в отвлечении от значения слов как компонентов ФЕ, обладающей единым целостным или единым расчлененным значением» [1, с. 37].

По мнению ряда лингвистов, в составе одних типов ФЕ компоненты теряют признаки слова, а в составе другой категории фразеологизмов сохраняют свои качества, так как существуют разные степени фразеологической абстракции, что обнаруживается в разной степени отвлечения от значения слов как компонентов ФЕ. Так, например, классификация Ш. Балли построена на учете степени семантической самостоятельности и слитности компонентов внутри фразеологизма [2]. Фразеологические категории, выделенные В.В. Виноградовым, представляют собой разные ступени фразеологической абстракции: «Наибольшая степень отвлечения и обобщения присуща фразеологическим сращениям, наимень-

шая – фразеологическим сочетаниям» [5, с. 123]. Некоторые ученые оставляют за рамками фразеологии такие единицы, в которых семантическая связь между значением фразеологического компонента и эквивалентным словом свободного употребления живо ощущается [8, с. 6; 12, с. 159]. В. Н. Телия, определяя объем фразеологии как все воспроизводимые обороты, составляющие, как и слова, инвентарь языка, отмечает: «... именно характер устойчивости есть искомое для фразеологии, так как воспроизводимость по традиции сама по себе не может считаться достаточным основанием для отнесения к языку, а не к речи каких-либо явлений» [16, с. 26].

Другие исследователи стремятся определить сущность понятия устойчивости независимо от воспроизводимости. Так, Т.М. Фильченко считает, что «под устойчивостью понимается мера ограничения сочетаемости лексем» [18, с. 88], причем признаком ограниченности сочетаемости является предсказуемость. Но если ФЕ называть устойчивыми в таком смысле термина, то это никак не отличает их от свободных, также являющихся «устойчивыми». Отсюда недостаточность критерия устойчивости и стремление исследователей опереться на дополнительные признаки. «Критерий устойчивости при всей своей основательности не может быть признан абсолютным при определении состава объекта фразеологии. Он нуждается в проверке и поддержке со стороны других, не менее основательных критериев, в частности, «семантического» [13, с. 15].

Итак, граница явлений, охватываемых понятием фразеологии, то почти беспредельно расширяется, то сужается до очень ограниченного круга, в связи с этим существует немалое число определений фразеологизма, берущих за основу различные его конститутивные признаки. В соответствии с представлениями о границах фразеологии формируются представления о статусе фразеологического компонента, о его лексических и фразеологических характеристиках.

В аспекте соотношения формы и содержания ФЕ важно выделить те элементы фразеологического значения, которые могут быть соотнесены с отдельными лексическими компонентами или сочетаниями компонентов, определить свойства и функции этих компонентов.

Возможности расчленения фразеологического значения на части, соотносящиеся с отдельными лексическими компонентами, заложены в грамматической структуре ФЕ. Во фразеологической семантике могут сочетаться такие абстрактные элементы значения, как предметность и качественность, процессуальность и обстоятельственность. Они соотносятся прежде всего с теми лексическими компонентами, для которых являются категориальными, определяющими их принадлежность к тому или иному лексико-грамматическому классу слов. На эти абстрактные грамматические значения при соотнесении их с лексическими компонентами наслаиваются элементы фразеологического значения, содержащие конкретизированное обозначение и характеристику определенного предмета, действия, атрибутивного признака и т.д. Взаимодействие семантических элементов разной степени абстрактности, ассоциирующихся с одним и тем же лексическим компонентом, создает внутрифразовое значение данного компонента, обладающие иерархической организацией.

Например, в ФЕ *дырявая память, дубовая голова, реветь белугой* компоненты *дырявая, дубовая, белугой* не соотносятся семантически с соответствующими словами свободного употребления. Но благодаря своей грамматической оформленности и живым синтаксическим связям они соотносятся с определенными частями речи и выполняют функцию определителей при именах и глаголах. Эти компоненты ассоциируются с той частью фразеологического значения, которая связана с качественной характеристикой. В составе ФЕ они осмысливаются как синонимы слов, с которыми при свободном употреблении в синонимические отношения не вступают. Так, компонент *дубовая* в ФЕ *дубовая голова* воспринимается как синоним слов *тупая, бестолковая*, компонент *дырявая (дырявая память)* как синоним прилагательного *плохая*. В таких образованиях явная семантическая автономность одного компонента обуславливает «остаточную» автономность другого компонента [9, с. 12]. В рассмотренных случаях семантическая структура ФЕ, их смыс-

ловое членение обусловлены характером их построения, семантикой структурных типов словосочетаний, являющихся их генетической основой. Определяя семантику компонентов ФЕ, необходимо последовательно учитывать первичность общего значения устойчивого сочетания по отношению к смысловому содержанию составляющих его слов.

Направление семантического анализа ФЕ, как и других знаков языка, от общего значения к смысловому содержанию составляющих компонентов мотивируется механизмом языковой номинации, исходным моментом которого является семантическая интенция, или общий замысел высказывания [11, с.126], обуславливающий выбор формы, в которой получает выражение определенное языковое значение. Семантический анализ языковых структур всегда сопряжен с параллельным членением их формы: форма и значение, образующие неразрывное единство, «должны определяться друг через друга, и повсюду в языке их членение совместно» [3, с. 136].

Важнейшим этапом семантического анализа ФЕ является определение ее значения и построение текста толкования – предложения или словосочетания, представляющего собой достаточное приближение к значению данной ФЕ. Далее должно следовать сопоставление структурной схемы ФЕ и ее семантического эквивалента. Обнаружение в этих структурах элементов изоморфизма свидетельствует о членимости фразеологического значения на части, соотносящиеся с отдельными лексическими компонентами или сочетаниями компонентов в составе ФЕ, и, следовательно, об определенной степени аналитизма значения данной ФЕ. Чем полнее изоморфизм сопоставляемых структур, тем более аналитическим является фразеологическое значение, тем менее оно абстрагировано от структурной схемы ФЕ, тем отчетливее членение ФЕ на компоненты знакового характера.

Приведем пример семантического анализа ФЕ *выносить сор из избы*. В «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова [19] ФЕ *выносить сор из избы* зафиксирована в двух значениях: 1) разглашать ссоры, дразни между близкими людьми; 2) разглашать то, что касается узкого круга лиц и чего не должны знать другие. Сопоставляя структуру данных текстов толкования со структурной схемой рассматриваемой ФЕ, обнаруживаем определенную степень изоморфизма, выражающуюся в следующем: сравниваемые конструкции являются глагольно-субстантивными образованиями, включающими грамматически господствующий глагол и зависимое существительное в винительном падеже без предлога. В соответствии с данным структурно-грамматическим членением общая часть сформулированных значений «разглашать» ассоциируется прежде всего с глаголом *выносить*.

Остальные лексические компоненты выражают в первом значении содержание «ссоры, дразги между близкими людьми», во втором – «то, что касается узкого круга лиц и чего не должны знать другие». Это семантическое членение мотивировано лексико-грамматическим характером части слов, образующих ФЕ, и синтаксическими отношениями между ними.

Подобные семантические ассоциации лексических компонентов не нарушают смысловую целостность ФЕ, так как вычленяемые части их значения не распределяются непосредственно и полностью между отдельными компонентами. Любой смысловой оттенок, соотносящийся с каким-либо компонентом, принадлежит ФЕ в целом [4, с. 1160]. Семантика лексических компонентов опосредована значением и грамматической структурой ФЕ.

В результате семантических ассоциаций компонентов фразеологизмов со словами в составе синонимичных и изоморфных им по грамматической структуре сочетаний компоненты ФЕ могут заменяться соответствующими словами. В этом проявляется тенденция к эксплицированию элементов фразеологического значения. Например, в следующем употреблении ФЕ *пить горькую чашу* компонент *пить* заменен словом *претерпевать* (ср. со словосочетанием *претерпевать тяжелые испытания, лишения*, являющимся синонимом данной ФЕ): *Ты можешь все употребить на красоту самого издания и таким образом доставить хлеб бедным художникам, которым приходится иногда претерпевать горькую чашу* (Н. Гоголь. О «Современнике»). Можно отметить также следующие окказиональные употребления ФЕ, в которых слова, заменяющие компоненты ФЕ, эксплицируют определенные узуальные или окказиональные элементы фразеологического значения: *говорить на ветер* (Г. Данилевский. Княжна Тараканова) – ср.: *бросать слова на ветер*; *падение с неба в жизнь* (М. Булгаков. Белая гвардия) – ср.: *падать с неба на землю*; *в мутной воде ловить свою презренную выгоду* (А. Новиков. Впереди идущие) – ср.: *ловить рыбу в мутной воде*.

Взаимодействие компонентов ФЕ со словами свободного употребления, выражающееся в их замене словами, значения которых в каком-либо плане сближаются со значениями этих компонентов, возможно лишь потому, что они интуитивно воспринимаются как слова с определенной смысловой структурой.

При рассмотрении семантических свойств компонентов ФЕ особый интерес представляет вопрос: может ли отдельный лексико-семантический вариант слова свободного употребления лечь в основу целой ФЕ, сохранив при этом свою семантическую наполненность?

Некоторые лингвисты отвечают на этот вопрос однозначно отрицательно. «Полная или частичная утрата

компонентами «смысловых» свойств по преимуществу вызывается метафоризацией всего переменного словосочетания, а не каждого слова в отдельности, так что между метафоризацией свободного словосочетания и метафоризацией слова существует качественное различие. Если при метафоризации слова реализуется одно или несколько переносных значений, то при метафоризации свободного словосочетания слова деактуализируются (и вследствие этого в них не могут быть выделены дифференциальные признаки значения), как бы растворяются в общем смысле фразеологизма, не приобретая при этом переносного значения» [8, с. 70-71].

Существуют и иные точки зрения. Намечая три группы фразеологизмов по характеру их взаимосвязи с данными лексического уровня, В.Н. Телия указывает на фразеологические обороты, одним из компонентов которых является слово в свободном употреблении, а другим – констатирующее оборот слово в его специфической форме существования. «Исторически такие компоненты возникли, как правило, «отпочковавшись» от многозначного слова или сохранив след былого, сейчас уже умершего употребления слова» [16, с. 46].

Последняя точка зрения нам кажется более убедительной, так как существует большое количество ФЕ, смыслообразующим компонентом которых может являться лексико-семантический вариант слова свободного употребления. Для подтверждения этой мысли целесообразно вернуться к проблеме различных типов устойчивости. Ш. Балли выделил два типа устойчивости фразеологизмов: фразеологические группы, устойчивость которых имеет узуально-стилистический характер, и фразеологические единства, устойчивость которых обусловлена тем, что «связи между элементами фразеологического оборота не осознаются говорящими точно так же, как и значения самих элементов – образно выражаясь, механизм заржавел» [2, с. 101].

Иллюстрируя положение о наличии двух типов устойчивости, В.М. Огольцев приводит в качестве примера такие ФЕ: *скоропостижно умереть, пить чай вприкуску, плакать навзрыд* – с одной стороны, и *махнуть рукой, обвести вокруг пальца* – с другой. И те и другие формируют, по мнению автора, устойчивые сочетания. Но устойчивость первых не имеет ничего общего с семантической неразложимостью вторых. А устойчивость вторых не содержит в себе какой-либо особой (в отличие от «свободных» словосочетаний) сочетаемости лексем. Первый тип автор называет «относительной устойчивостью», которая характеризуется определенной степенью сочетаемости лексем, т. е. ограниченной лексической валентностью. Второй тип устойчивости выступает как «безотносительная устойчивость» [10, с. 54-55]. Эта устойчивость возникает в результате метафорического переосмысления словосочетания, семантического сдвига.

Не менее важным является фактор, влияющий на характер устойчивости, – это различные типы лингвистической абстракции. Так, принципиально отличаются друг от друга ФЕ, образованные в результате целостного переосмысления всего словосочетания, а не всех его компонентов, т. е. при образном назывании определенного отрезка действительности словосочетанием, уже называющем другой отрезок действительности. Это называется совмещенным видением двух картин (*сестра в лужу, гонять собак*) и ФЕ, которые имеют в своем составе один или несколько семантически преобразованных компонентов (*черные мысли, белый день*).

Следует отметить, что речь идет вовсе не о полной или частичной десемантизации, ибо при таком подходе обе группы как бы ставятся в один ряд, – здесь речь идет о принципиально различных приемах метафоризации, качественно различных типах формирования фразеологического значения. Первое основано на метафорическом переосмыслении словосочетания, второе – на метафоризации одного или нескольких компонентов и их взаимодействии. Именно применительно к первой группе нельзя говорить о сумме значения компонентов, а применительно ко второй – это возможно.

По этому поводу И.И. Савогина пишет: «Целостное значение фразеологизма есть результат целостной семантической трансформации словесного комплекса-прототипа, а не следствие его последовательного покомпонентного переосмысления» [14, с. 160]. Следовательно, фразеологизм как неделимое устойчивое сочетание слов противопоставляется семантически делимым и обладающим различной степенью семантической устойчивости на лексическом и грамматическом уровне фразеологическим сочетаниям. Именно на примере второй группы можно доказать, что смыслообразующий компонент ФЕ имеет тесную связь со словом свободного употребления, так как этот компонент связывается лишь с одним из значений этого слова, с одним из его лексико-семантических вариантов, чем собственно и объясняется его ограниченная сочетаемость, т. е. компонент – это не слово во всей его семантической полноте, это лишь его лексико-семантический вариант, абстрагированный от остального семантического наполнения, присущего этому слову.

Продемонстрируем это примерами из художественных текстов.

Перед отъездом из Петрограда он получил наказ провести в европейской печати ряд статей, чтобы, сколько возможно, парализовать *желтую прессу* (А. Толстой. Эмигранты).

Нельзя сразу долбить читателя по башке вашими передовицами. Я его заинтересую. Что вы скажете о серии

очерков – «С фонарем по Парижу?». Пусть это будет *немного желто* – все же лучше, чем ваши осинового колья (А. Толстой. Эмигранты).

Да... Помешали кое-какие внешние причины, например, присутствие в Булони американской армии в миллион штыков... Но главное – это *желтая сволочь*... *желтая сволочь!*.. (А. Толстой. Эмигранты).

Теперь я верю, это просто промах реакции, – *заметка желтая* и помешена Митькой Рубинштейном. Вы знаете, что он играет на понижении курса? (А. Толстой. Эмигранты).

ФЕ *желтая пресса* зафиксирована в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [17] и имеет следующее пояснение – «беспринципный, бульварно-сенсационный». В этом словаре ФЕ *желтая пресса* приводится в качестве примера, иллюстрирующего переносное значение слова *желтый* – соглашательский, реформистский, продажный, предательский.

В «Словаре современного русского литературного языка» [15] слово *желтый* имеет среди прочих и такое толкование – перен. продажный, предательский, изменчивый.

Соответственно веяниям времени семантическое наполнение слова *желтый* в переносном значении несколько колебалось. Но суть оставалась прежней. Сема «беспринципный» реализуется как в раннем, так и более позднем толковании этого слова. Эта же сема реализуется в составе ФЕ *желтая пресса*.

В приведенных примерах существует практически полная семантическая адекватность лексико-семантического варианта слова *желтый* как в составе ФЕ, так и в свободных словосочетаниях. В каждом примере можно выделить некоторые дополнительные семы: так, в первом случае – это скорее, предательский, буржуазный (речь идет об эмигрантской прессе, рекламирующей ложные ура-патриотические настроения); во втором – беспринципный, бульварно-сенсационный; в третьем – соглашательский, продажный, предательский; и четвертом – беспринципный. Но это дополнительные семы, неизбежно возникающие в рамках определенного контекста, не меняют основного смысла анализируемого нами лексико-семантического варианта слова *желтый*.

Различие между лексико-семантическим вариантом слова в свободном употреблении и этим же лексико-семантическим вариантом в составе ФЕ заключается в том, что «фразеологически связанный лексико-семантический вариант воспринимается как нечто более самостоятельное, автономное, чем это же значение, реализованное в свободном контексте» [6, с. 173]. Иначе говоря,

переносное, образное значение слова в составе свободного сочетания накладывается на прямое и на возможные другие переносные значения этого же слова и воспринимается на их фоне, а компонент ФЕ иных значений не имеет и иметь не может.

Поэтому в художественном тексте можно встретить несколько ФЕ, включающих разные лексико-семантические варианты одного и того же слова, в одном синтаксическом целом, или даже в одном предложении.

1. К вечеру *Красная армия* ворвалась в Царское село, – дрались под столетними липами, у Фридендальских и Орловских ворот. Белые покатались на юг, цепляясь за *Красное село*, за Гатчину, за Лугу (А. Толстой. Простая душа).

В первом случае компонент *красная* имеет значение – революционная (и только!), а во втором – *красное* – красивое (и только!), потому что в составе ФЕ лексико-семантический вариант утрачивает свой «семантический» фон за счет фразеологической связанности.

2. Дожили, батенька мой, до *красного денечка!* – на другой день побежала Катя на *Красную площадь* глядеть, как пушки возят, как сдаются в Кремле запасные солдаты, как по Никольской ведут приставов без шапок, с порванными погонами, как вешают *Красный флаг* на Минина... (А. Толстой. Простая душа).

И здесь в первом случае – *красного* – счастливого, радостного; во втором – *красную* – красивую; в третьем – *красный* – революционный.

Аналогичного явления в употреблении лексико-семантических вариантов одного слова в составе свободных словосочетаний в художественных текстах не встречается.

Однако существует ФЕ, в составе которых реализуется такое значение слова, которое в свободных словосочетаниях не встречается. Например, ФЕ *желтый дом*, зафиксированная в отмеченных выше словарях, а также в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [7] и во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.Н. Молоткова [19] имеет везде одинаковое толкование, – дом для умалишенных, психиатрическая больница. В современных словарях имеет помету – устар., в более старых – помету разг. больница для умалишенных.

Тот факт, что значение психически больной, ненормальный, сумасшедший – реализуется у слова *желтый* только в составе ФЕ *желтый дом*, объясняется причинами исторически-бытовыми. Согласно данным словарей значение это не вышло за пределы ФЕ в виде лексико-семантического варианта слова *желтый*, следовательно, значение такого типа является фразеологически

обусловленным, так как оно уже не связано с системой значений омонимичного свободного эквивалента. Но примечателен факт употребления этого лексико-семантического варианта слова *желтый* в составе сочетания *желтая школа*, т. е. вспомогательная школа для умственно отсталых, психически неполноценных детей:

- А почему, собственно, пришли ко мне? Разве одни мои дети находятся в желтой школе?
- Почему желтая?
- Так ее называют в нашем городе (А. Толстой. Эмигранты).

Действительно, почему *желтая*? Наверное, потому что новое устойчивое сочетание образовалось по аналогии с уже существующей ФЕ *желтый дом*. Но две ФЕ *желтый дом* и *желтая школа* различаются только тем, что первая означает больницу определенного профиля, а вторая – учебное заведение аналогичной специализации. Тот факт, что один компонент ФЕ попал в другую ФЕ для выражения аналогичного понятия, свидетельствует об известной семантической самостоятельности этого компонента, о том, что он сохранил в составе ФЕ некую смысловую автономию. Освещение тех или иных семантических свойств компонентов ФЕ и элементов фразеологического значения открывает путь к установлению типов и свойств семантических отношений в рамках структуры фразеологического значения.

Основное свойство анализа ФЕ заключается в необходимости учета лексической и грамматической систем, а также особенностей их проявления. Фразеологически связанный лексико-семантический вариант слова воспринимается как нечто более самостоятельное, чем этот же лексико-семантический вариант слова, реализованный в свободном сочетании. Образное значение слова в составе свободного сочетания основывается на взаимодействии прямого и переносного значений этого же слова и воспринимается на их фоне.

Важным фактором, влияющим на характер устойчивости, являются различные типы лингвистической абстракции. Фразеологизм часто образуется вследствие метафорического переосмысления свободных словосочетаний такого же лексического состава. Семантическая связь между значением фразеологического компонента и эквивалентным словом в свободном сочетании четко ощущается.

При функционировании ФЕ в речи фразеологическое значение видоизменяется прежде всего в денотативном плане. При этом в зависимости от характера предметов и явлений, обозначаемых ФЕ в контексте, часто преобразуются лишь отдельные элементы фразеологического значения, те, которые способны передать специфику единичных явлений и ситуаций. Функция обозначения элементов определенной ситуации, выполняемая ФЕ и

их отдельными компонентами, создает условия для эксплицирования актуализируемых в данной ситуации элементов фразеологического значения.

Степень и характер изоморфизма грамматической и смысловой структуры ФЕ неразрывно связаны с особенностями фразеологической абстракции. Значение

ФЕ абстрагируется от семантических категорий, которые присущи словам и сочетаниям слов, являющимся ее генетической основой. Одно и то же слово в составе разных ФЕ не может полностью сохранять смысловое тождество, так как в каждом случае с ним ассоциируется часть определенного фразеологического значения, несущая на себе отпечаток целого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: РГУ, 1964, 315 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961, 394 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974, с. 136.
4. Ван, Синьцзюй. Фразеологизмы, характеризующие поведение человека, в русском и китайском языках // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №4. с. 1159-1164.
5. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977, с. 118-139.
6. Гамидов И.Г. Философия грамматики паремиио-фразео-логических единиц. Баку: Мутарджим, 2017, 368 с.
7. Даль. В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989, Т. I. 699 с.
8. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978, 160 с.
9. Максимец С.В. Ценности лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015, 23 с.
10. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: ЛГУ, 1978, 159 с.
11. Одинцова, И.В. Фреймовое моделирование семантической концептосферы, отраженной во фразеологизмах // Полипарадигмальные контексты фразеологии XXI века: Матер. междуна. научн. конф. Тула: ТППО, 2018, с. 124-128.
12. Ордин И.Ю. К вопросу о специфике образной основы эквивалентных фразеологизмов // Вавилонская башня – 2. Слово. Текст. Культура. Чтения 2002-2009. М., 2009, с. 154-162.
13. Постнова А.И. Роль контекста при определении значения и границ фразеологизма // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории филологии и философии, 1990. Вып. 3, с. 13-18.
14. Савогина. И.И. Функционирование трансформированных фразеологических единиц в массово-информационном дискурсе (на примере интернет-пресса) // Полипарадигмальные контексты фразеологии XXI века: Материалы междуна. научн. конф. Тула: ТППО, 2018, с. 159-163.
15. Словарь современного русского литературного языка. М-Л., 1948-1965.
16. Телия В.Н. Что такое фразеология? М.: Наука, 1966, 86 с.
17. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: «Сов. энцикл.», 1935-1940.
18. Фильченко Т.М. Фразеологический образ в языковой модели пространства // Филологические науки, 2006, № 2, с. 87-94.
19. Фразеологический словарь русского языка / Под. ред. А.Н. Молоткова. М.: «Сов. энцикл.», 1968, 543 с.

© Алиева Усния Новруз гызы (al_hus@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ТЕКСТА: ОСНОВЫ ТИПОЛОГИИ

SEMANTIC AND STYLISTIC CATEGORIES OF THE TEXT: TYPOLOGY BASICS

**M. Arsakhanova
T. Abdukadyrova
Kh. Alieva**

Summary: Here, in the article, was carried out the analysis of linguistic categories: semantic and stylistic, functional and semantic. These categories are explored by both functional grammar and stylistic of the text. It was found that the method of the stylistic categories' review ensued from the style's conditionality by the extralinguistic moments in the connection with correlates of the communicative situation and was in the midway of functional approach to the language in the characteristic of the stylistic. The article will be of interest to students and lecturers of the linguistic higher educational establishments.

Keywords: semantic and stylistic categories, functional and semantic categories, stylistic, extralinguistic correlates, typology.

Арсакханова Малютхан Абдул-Хаджиевна

К.филол.н., доцент,

arsahanova@mail.ru

Абдукадырова Тумиша Таштиевна

К.п.н., доцент, Чеченский государственный университет

tumischa-univ@mail.ru

Алиева Хава Лечаевна

Чеченский государственный университет

Аннотация: В данной статье проведен анализ лингвистических категорий: функционально-семантических и семантико-стилистических. Эти категории изучаются как функциональной грамматикой, так и стилистикой текста. Было установлено, что метод рассмотрения стилистических категорий в связи с коррелятами коммуникативной ситуации вытекает из обусловленности стилистики экстралингвистическими моментами и находится в русле характерного для стилистики функционального подхода к языку. Данная статья может быть интересна студентам и преподавателям лингвистических вузов.

Ключевые слова: семантико-стилистические категории, функционально-семантические категории, стилистика, функциональная грамматика, экстралингвистические корреляты, типология.

Функциональный подход к языку позволил выделить новые лингвистические категории – функционально-семантические, которые устанавливаются на основании общности и взаимодействия семантических функций, присущих элементам разных языковых аспектов. Эти категории изучаются как функциональной грамматикой, так и стилистикой текста, хотя последней еще без достаточного теоретического обоснования.

Впервые в понятие стилистической категории попыталась внести ясность М.Н. Кожина в своей работе «Теория функциональной стилистики» [16], используя опыт выделения семантических категорий в функциональной грамматике. Вопросами семантико-стилистической категории текста занимались Д.Н. Шмелев «Проблемы семантического анализа лексики» [25], Н.Д. Арутюнова [1], А.А. Леонтьев «О понятии формально-грамматического слова» [19], Ю.С. Степанов «Методы и принципы современной лингвистики» [22].

Цель статьи – провести анализ лингвистических категорий: функционально-семантических и семантико-стилистических, которые изучаются как функциональной грамматикой, так и стилистикой текста, рассмотреть стилистические категории в связи с коррелятами коммуникативной ситуации.

Понятие «стилистическая категория» использовалось в лингвистике давно (категория образа автора, категория экспрессивности, подтекст). Однако из-за нечеткого определения объема и границ оно не могло стать основой для однозначного стилистического термина, что способствовало существованию параллельно терминов «стилевая черта» и «стилистический прием», обозначающих приблизительно то же, что и «стилистическая категория».

М.Н. Кожина усматривает различие между функционально-семантической категорией (ФСК) и семантико-стилистической категорией (ССК) в докоммуникативном уровне первой и коммуникативном уровне последней. Если ФСК соотносится с понятийными категориями, шире – с понятийным полем сознания, то в ССК налицо соотношение с разными формами представления мысли. Установление корреляций между категориями обоих видов позволили ей рассматривать ССК как «продолжение ФСК» в тексте. Тем не менее разное отношение к коммуникации у ФСК и ССК побуждает искать особые основания для выделения и типологии ССК. Для этого следует обратиться прежде всего к некоторым основным моментам стилистики текста.

Стиль текста находит свое выражение в такой речевой организации, при которой между отдельными эле-

ментами языка (относящимися к различным языковым аспектам) устанавливается парадигматическая связь на основании выполнения ими общей функции в тексте. Возможность появления общей функции у различных языковых элементов текста обуславливается их целенаправленным отбором, который мотивирован целями и задачами общения.

Если исходить из общего понимания функции как назначения элемента в системе и как результата функционирования, то стилистическую функцию можно рассматривать как назначение каждого из элементов стилистической организации (стилистического средства) в создании стилистической организации (стилистического средства) в создании стилистической информации и как саму информацию, получаемую в результате взаимодействия этих средств. Стилистическая информация, которая формируется в тексте в результате дистантных парадигматических средств языка, является по своему характеру дополнительной. Она сопутствует основной информации текста, которая создается в результате контактных синтагматических связей языковых единиц.

При практическом использовании языка стилистическая информация, так же как и основная информация, не вычленяется из общего смысла высказывания. А.А. Леонтьев говорит о том, что мы воспринимаем смысл высказывания непосредственно, не останавливаясь на значении отдельных слов [17, с.157]. Точно так же мы не вычленяем отдельные стилистические значения и стилистическую информацию в целом. При теоретическом подходе к языку методологически оправданным является разграничение обоих видов информации, изучение языкового формирования каждого из них, а также их взаимодействия.

Лингвистическое исследование стилистической информации предполагает выявление состава и функции однонаправленных средств стиля и определение закономерностей стилистического функционирования с выведением его общих типовых категорий.

Указав на коммуникативный уровень ССК, т. е. на непосредственную зависимость их от конкретных коммуникативных целей, М.Н. Кожина усматривает их стилистический статус в том, что они специализированы с точки зрения сферы коммуникации (например, категория акцентности в научном стиле отличается по составу от той же категории в другой речевой сфере) [16, с. 342]. Безусловно, одно и то же содержание может быть представлено посредством языка по-разному. Эта исходная закономерность действует на двух уровнях функционального языка – от слова до текста. Поэтому задача исследовать действие этой закономерности на коммуникативном уровне вполне уместна. М.И. Кожина рассматривает стилистическое функционирование в уз-

ком смысле – как соотнесенность высказывания только с одним аспектом речевого акта – условиями коммуникации, т. е. в традиционных рамках так называемой стилистики функциональных стилей [16, с. 238].

Вместе с тем остальные аспекты речевого акта тоже находят свое отражение в речи и так же, как и узкофункциональный его аспект, могут передаваться посредством стилевой организации. Те ССК, которые приводит М.Н. Кожина (категория акцентности, оценки, гипотетичности, логичности, авторизации), как раз и свидетельствует о семантико-стилистических функциях текста, которые несут информацию о других аспектах акта коммуникации (категория гипотетичности, оценки, авторизации связаны с автором, остальные – с адресатом) [16, с. 322]. Поэтому представляется, что возможен другой подход к типологии стилистического функционирования в тексте, отражающий связь ССК с различными аспектами процесса коммуникации. Этот подход должен быть осуществлен не в узких рамках исследования функциональных стилей, а в масштабах стилистики текста. При этом возможны два направления исследования: первое отталкивается от плана выражения ССК, тех значений языковых элементов и категорий, которые участвуют в стилистической организации текста; второе ориентируется на план содержания ССК.

Иллюстрацией первого направления является, в частности, предложение М.Н. Кожиной считать, что ССК являются ресурсами ССК, а ССК, таким образом, есть функция функции. Даже беглое сопоставление с выявленными ССК показывает справедливость этого наблюдения. Так, ФСК персональности находит свое выражение на уровне текста как ССК авторизации и адресованности, ФСК ответственности развивается в тексте в ССК оценки и т. д. Некоторые ССК могут быть составлены конституентами различных ФСК. Так, в ССК логичности войдут конституенты ФСК причины, цели, следствия, связности. Приведем пример, который иллюстрирует развитие в тексте ФСК персональности, элементы которой (местоимения 1-го лица ед. числа и соответствующие личные формы финитных глаголов) конституирует в тексте ССК авторизации:

Ich sage dir, mein Schatz, wenn meine Sinne gar nicht mehr halten wollen, so lindert all den Tumult der Anblick eines solchen Geschöpfs, das in glücklicher Gelassenheit den engen Kreis seines Daseins hingeht, von einem Tage zum andern sich durchhilft, die Blätter abfallen sieht und nichts dabei denkt, als daß der Winter kommt. 6 Seit der Zeit bin ich oft draußen. Die Kinder sind ganz an mich gewöhnt, sie kriegen Zucker, wenn ich Kaffee trinke, und teilen das Butterbrot und die saure Milch mit mir des Abends. Sonntags fehlt ihnen der Kreuzer nie, und wenn ich nicht nach der Betstunde da bin, so hat die Wirtin Ordre, ihn auszuzahlen (J.W.Goethe, 13).

Однако ориентацию ФСК вряд ли можно считать

единственным и исчерпывающим предметом основанием для определения стилистической семантики, и прежде всего потому, что категории языка могут лежать в основе речевых категорий, но до их употребления в речи не могут исчерпывать всего их многообразия. Поэтому более совершенным основанием для выделения и типологизации ССК представляется второе направление, то есть ориентация на план содержания ССК, который является единицей стилистического смысла.

По мнению Ф. де Соссюра, субстанцией плана содержания является нерасчлененная масса мыслей и эмоций, общая для всех людей, вне зависимости от языка, на котором они говорят. Язык отражает эту субстанцию либо в виде развернутого вербального описания, либо в свернутой форме сопутствующих стилистических смыслов [20, с. 29]. Ю.С. Степанов называет стилистику «неявным» языковым аспектом («языковым уровнем» в его терминологии) и противопоставляет его «явным» аспектам – лексике и грамматике на том основании, что стилистика не имеет своего специфического плана выражения, а состоит из знаков. Делая этот вывод, Ю.С. Степанов имеет в виду уровень слова [22, с. 29]. Однако «надстроечный» характер стилистики проявляется также на других уровнях языкового функционирования, в частности, на уровне текста. Правда, на текстовом уровне явный (эксплицитный) и неявный (имплицитный) смыслы трудно различимы. Поэтому, вероятно, более оправданно в данном случае говорить об основном и сопутствующих смыслах, или видах информации, которые различаются способом языкового представления определенного мыслительного содержания. Оба способа обязательно участвуют в формировании речи, невозможны один без другого и, как говорилось выше, в практическом использовании языка неразделимы.

Языковая деятельность предоставляется зависимой не только от тактических задач выбора языковых средств, в том числе и средств стилистических, но и от стратегической задачи выбора того, каким способом могут быть представлены в речи те иные смыслы. Говорящий в зависимости от поставленных целей должен решать, какие из внутренних смыслов будут представлены в речи как основные, а какие как сопутствующие. От этого распределения во многом зависит характеристика текста.

При всей необъятности идеального фонда смыслов (субстанции плана содержания по Соссюру) оно упорядочивается в коммуникативном акте. Поэтому представляется, что типология этих смыслов как плана содержания речевых систем возможна, если исходить из коммуникативных обстоятельств их речевой организации, т. е. из связи этих смыслов с различными аспектами акта коммуникации (автор, адресат, текст). Эти экстралингвистические корреляты коммуникации яв-

ляются смыслоорганизующими факторами речи, вокруг которых концентрируются различного рода смыслы, реализующие вербально. Д.Н. Шмелев даже считает, что различные аспекты коммуникации «учтены» системой языка и выступают во взаимодействии друг с другом при ее реализации. Вне зависимости от того, будем ли мы считать эти корреляты внешними или внутренними, они могут быть общими критериями при типологизации основной и сопутствующей информации [25, с. 256]. Общность критериев дает возможность сопоставить оба способа передачи информации и сделать вывод о том, что каждый из них в силу своих специфических особенностей дополняется другим, но не может без существенных потерь использоваться вместо другого.

Возможности стилистического способа в передаче информации зависят, с одной стороны, от гибкости национального языка, его способности к применению в разветвленнейших условиях общественной коммуникации и от индивидуального умения пользоваться языком – с другой. Стилистический способ есть проявление языковой экономики, так как он всегда совмещается с основным, используя его вербальную основу.

Метод рассмотрения стилистических категорий в связи с коррелятами коммуникативной ситуации вытекает из обусловленности стиля экстралингвистическими моментами и находится в русле характерного для стилистики функционального подхода к языку. Этот метод был применен на высоком уровне обобщения стилистических явлений – при типологизации функциональных стилей, которая опирается на зависимость лингвистических факторов от экстралингвистического – сферы общения.

Типология функциональных стилей, не безусловная даже на таком высоком уровне обобщения (как известно, в определении объема и количества функциональных стилей нет единства мнений), сталкивается с неизбежными пересечениями стилистических характеристик у разных функциональных стилей. Так, например, эмоциональность считается стилевой чертой разговорного и публицистического стилей, точность – научного и официально-делового и т.д. Это свидетельствует о том, что сфера общения как экстралингвистический фактор не может быть единственным основанием для классификации стилистических явлений, что существуют еще другие категории, влияющие на стилевую систему текста. Речь идет, конечно, не о том, что выделение функциональных стилей ошибочно и неправомерно, а лишь о том, что рассмотрение текста с позиций сферы его образования не только не единственный, но и недостаточный подход при обобщении стилистического функционирования.

Ориентация на другие стилеобразующие факторы для систематизации стилистического функционирования была предложена Д.Н. Шмелевым. Он пытается

построить общую схему функциональных типов речи, учитывая три основных аспекта коммуникации (автор, адресат, текст) [25, с. 187]. Однако исходным основанием для него все же являются функциональные стили, и его систематизация, в конечном счете, лишь конкретизирует их некоторые признаки.

Экстралингвистические корреляты закономерно считаются стилеобразующими, т.е. факторами, которые отвечают за формальную и смысловую стороны стиля. Если исходить из того, что носителем стилистического смысла является стилистическая категория, то, очевидно, существует связь между различными стилистическими категориями и формирующими их внелингвистическими факторами – автор, адресат, текст. Для уточнения оснований этой связи целесообразно прибегнуть к модели отношений между коррелятами коммуникации между говорящим – Г, слушающим (читающим) – С, текстом – Т и референтом (фрагмент мира вещей или мира образов) – Р (в системе обозначений, которая используется И.П. Сусовым) [21, с. 302]. Эта динамическая модель представляет отношение автора к референту (Г – Р), автора к адресату (Г – С) и текста к референту (Т – Р). Использование этой динамической модели представляется в данном случае необходимым, поскольку с ее помощью можно увидеть различие между категориями автора и категориями адресата, связанного соответственно с экспрессивной и апеллятивной функцией.

Экспрессивную функцию в этой модели следует понимать как модальность текста, а апеллятивную – как отражение в стиле текста фактора адресата. Стилеобразующий характер фактора адресата отмечает Н.Д. Арутюнова, рассматривая художественный текст под углом зрения постулатов П. Грайса: «Если несоблюдение «мак-

симы количества» вытекает из самой природы художественного текста, то отступление от других коммуникативных принципов имеет стилеобразующий характер». В той же мере стилеобразующий характер имеет соблюдение или несоблюдение постулатов П. Грайса, т.е. ориентацию на адресата в нехудожественных текстах [8].

Опираясь на динамическую модель экстралингвистических факторов коммуникации, можно проследить связь с ними ССК. Так, с автором будут, очевидно, связаны ССК авторизации, эмоциональности, оценочности, с адресатом – ССК адресованности и логичности, с текстом – подтекст в его различных семантических формах.

Предлагаемый подход к семантической типологии стилевых закономерностей поможет, как представляется, преодолеть случайность и произвольность выделения ССК, определить объем и возможную иерархичность ССК одного коммуникативного типа.

Как видно, при такой классификации неучтенным оказывается отношение речи к сфере ее употребления.

ССК представляет собой узуальную языковую категорию, отражающую закономерности использования языка в стилистических целях. Формируясь в реальном высказывании, ССК включается в выполнение его основной коммуникативной задачи. На этой новой ступени функционирования (текстовая функция всей категории в целом) узуальный стилистический смысл семантически обогащается и превращается в окказиональный. Для того, чтобы разграничить узуальную и окказиональную ступени функционирования, можно назвать роль каждого элемента ССК стилистической функцией, а роль ССК в формировании коммуникативного смысла высказывания стилистическим эффектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Перевод художественных текстов в разные эпохи. М., 2012.
2. Бахтин М.М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных наук. Опыт философского анализа / Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. - С. 270-303.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
4. Берестнев Г.И. Синхроничность как объект когнитивной лингвистики / Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков. Липецк, 2017.
5. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 391 с.
6. Бубер М. Проблема человека. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1998. 132 с.
7. Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
8. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М, 1985
9. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. - 397 с.
10. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. - 452 с.
11. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. - 310 с.
12. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 1. - С. 264-389.
13. Зверева Е.Н. Основы культуры речи: Теоретический курс. - М: Евразийский открытый институт, 2009. - 218 с.

14. Каменская О.Л. Структура и функция текста как средства коммуникации. М.: Высшая школа, 1990.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2004. - 432 с.
16. Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. — 2-е изд., стер. — Москва: ФЛИНТА, 2015. - 624 с.
17. Козырев В.А. Современная языковая ситуация и речевая культура: учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2012. - 184 с.
18. Котюрова М.П. Некоторые функционально-семантические категории научного текста // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. — Пермь, 1994
19. Леонтьев А.А. О понятии формально-грамматического слова (на материале немецкого языка) // Проблемы морфологического строя германских языков. — М.: АН СССР, 1963. — С. 48-53.
20. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. - с.43
21. Сусов И.П. Введение в языкознание. М.: Восток - Запад, 2006. - 382 с.
22. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 2009
23. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2013. - 208 с.
24. Чурилина Л.Н. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / 6-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. - 416 с.
25. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. - 3-е изд. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 280 с.

© Арсаханова Малютхан Абдул-Хаджиевна (arsahanova@mail.ru), Абдукадырова Тумиша Таштиевна (tumischa-univ@mail.ru), Алиева Хава Лечаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЗУБЧАТЫХ ЗАЦЕПЛЕНИЙ КАК ВИД ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бармина Наталья Александровна

К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «ИжГТУ имени М.Т. Калашникова»

barmina-nat@mail.ru

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION IN THEORY AND PRACTICE OF GEARING AS PROFESSIONAL ACTIVITY

N. Barmina

Summary: The paper summarizes the practical experience of scientific and technical translation in the theory and practice of gearing at the scientific department of the technical university for the period of 1995-2020. Different kinds of translation activity are described; the main difficulties are discussed that arise within translating and interpreting. Special attention is paid to the main components of the translator's professional activity. Conclusions are made on the necessity to improve continuously the cognitive skills both in the subject area and the foreign language, along with the technical skills of translation.

Keywords: scientific and technical translation, components of translational activity, cognitive component, practical component, translating, interpreting.

Аннотация: В статье обобщен практический опыт научно-технического перевода в области зубчатых передач в рамках деятельности научного подразделения высшего учебного заведения за период с 1995 по 2020 годы. Описаны различные виды деятельности и перечислены основные трудности, с которыми сталкивается переводчик в процессе письменного и устного перевода. Особое внимание уделено основным компонентам профессиональной деятельности переводчика. Сделаны выводы о необходимости постоянного совершенствования когнитивных умений как в предметной области, так и в области иностранного языка, а также технических навыков работы переводчика.

Ключевые слова: научно-технический перевод, компоненты переводческой деятельности, когнитивный компонент, практический компонент, письменный перевод, устный перевод.

Введение

Профессиональная деятельность в области научно-технического перевода включает в себя когнитивно-содержательный, коммуникационный, практический и многие другие компоненты, необходимые для успешного выполнения поставленной переводчику задачи [1, 2]. В частности, когнитивно-содержательный компонент подразумевает знания основных положений теории перевода, вариантов переводческой стратегии и технических приемов перевода, а также предполагает сформированность лексических, грамматических, стилистических и переводческих знаний [3]. Кроме того, переводческая деятельность в техническом вузе предполагает наличие у переводчика соответствующих компетенций в определенной области науки и техники. Эти знания необходимы для понимания текста оригинала и создания текста перевода с учетом специфики профессиональной области.

Как отмечалось в [4], в последней трети XX века достижения советской науки в области машиностроения пользовались уважением в мире, и ведущие научно-технические журналы, такие как «Вестник машиностроения», «Станки и инструмент», «Машиноведение», полностью или частично переиздавались на английском

языке. К сожалению, существовавший в те годы «железный занавес» между Советским Союзом и западным миром существенно мешал общению российских авторов с их зарубежными издателями. Переводы статей выполнялись не специалистами в области теории механизмов и машин, они содержали терминологические ошибки и не были авторизованы. Первыми фундаментальными англоязычными работами в области теории зубчатых зацеплений были две статьи профессора Ф.Л. Литвина и его соавторов [5, 6], в которых зарубежному читателю были представлены важнейшие на тот момент достижения российской школы теории зацеплений. В 90-е годы с крушением «железного занавеса» российские исследователи начали активно участвовать в международных конференциях. В связи с выходом российских ученых на международную арену остро встал вопрос об обеспечении адекватного, профессионально грамотного перевода русских технических текстов на английский язык – язык международного общения ученых разных стран.

Целью данной работы является анализ основных видов переводческой деятельности в рамках технического вуза за период с 1995 по 2020 годы и выявление основных трудностей, с которыми сталкивается переводчик в рамках работы в области машиностроения, в частности, в области теории и практики зубчатых зацеплений.

Научное подразделение «Институт механики имени профессора Гольдфарба В.И.» – история, научные направления, основные направления деятельности

ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет (ИжГТУ) имени М.Т. Калашникова» является одним из ведущих технических вузов в Приволжском федеральном округе, обеспечивающим подготовку высококвалифицированных инженерных кадров. На протяжении уже нескольких десятилетий университет активно развивает международное сотрудничество в научной и образовательной сферах. Одной из ведущих в международном научно-техническом сообществе в области зубчатых передач и редукторостроения научных школ является «Институт механики», научное подразделение университета, основанное 1 февраля 1994 года под руководством доктора технических наук, активного международного деятеля в области зубчатых передач, профессора Вениамина Иосифовича Гольдфарба (1941-2019).

Основными направлениями научной и инновационной деятельности «Института механики» являются проектирование передач и редукторов червячного типа, синтез новых разновидностей передач, разработка конструкций и технологии их изготовления, теоретические и экспериментальные исследования передач и редукторов, а также производство, испытания и внедрение прогрессивных наукоемких передач и редукторов. Наряду с научной и производственной работой сотрудники «Института механики» активно занимаются организацией и проведением общероссийских и международных конференций по зубчатым передачам с публикацией их результатов на русском и английском языках и другой издательской деятельностью. Эта работа потребовала наличия научных кадров с базовым техническим образованием (когнитивный компонент) в области машиностроения, которые при этом владели бы английским языком в этой профессиональной области (практический компонент). Начиная с 1994 года, ИжГТУ имени М.Т. Калашникова ведет подготовку специалистов по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» с правом на осуществление профессиональной деятельности в области перевода. В 1995 году автора данной статьи пригласили к сотрудничеству в «Институт механики», и по настоящее время письменный и устный научно-технический перевод литературы в области зубчатых передач является основным видом профессиональной деятельности.

Аспекты научно-технического перевода в рамках профессиональной деятельности в научном подразделении вуза

Как уже говорилось выше, «Институт механики» с мо-

мента его основания активно занимается различными видами международной научной деятельности, которые требуют от переводчика постоянно совершенствовать когнитивные компетенции, как в области зубчатых передач, так и в области профессионального перевода. Поэтому на первый план выходит когнитивно-содержательный компонент профессиональной деятельности переводчика, который включает в себя умение постоянно обогащать свои знания, искать новую информацию, продуктивно использовать различные источники информации в самых разных направлениях, связанных с теорией и практикой исследования и производства зубчатых передач. Еще одним из важнейших компонентов языковых знаний является знание терминологии, то есть узнавание терминов на иностранном языке и употребление эквивалентов к ним для передачи терминов на языке перевода [1-3].

Далее подробно описываются основные виды научно-технического перевода, которые осуществлялись автором в рамках профессиональной деятельности в разные периоды времени.

Письменный перевод научных статей в научно-технический журнал «Передачи и трансмиссии»

В настоящее время журнал «Передачи и трансмиссии» стал уже историей, но он был первым и единственным в своем роде двуязычным журналом, где публиковались результаты научных исследований в области зубчатых передач и трансмиссий, выполненные иностранными учеными и учеными из России. Все статьи публиковались параллельно на русском, и на английском языке, что само по себе было пионерским решением и послужило мощным толчком к международному общению и сотрудничеству ученых, занимающихся зубчатыми передачами по всему миру. Журнал издавался с 1991 по 2004 годы до трех раз в год силами «Института механики» при поддержке Ассоциации инженеров механических трансмиссий (Россия), Технического университета Брно (Словакия) и Словацкого технического университета в Братиславе, Технического университета в Ноттингеме (Великобритания). Он рассылался в десятки российских и зарубежных вузов и на предприятия, и уже в 1994 году он стал официальным журналом Международной Федерации по Теории Механизмов и Машин – International Federation for the Promotion of Mechanism and Machine Science (IFTOMM, <http://iftomm.net/>).

Основные трудности переводчиков в 1990х годах были связаны с практически полным отсутствием на тот момент международного сотрудничества между отечественными и иностранными учеными в этой области, рассогласованностью и неоднозначностью научно-технических терминов и вкладываемых в них по-

нятий учеными-«зубчатниками» в России и за рубежом, отсутствием специальных словарей в области зубчатых передач в бумажном и тем более электронном виде, а также отсутствием какого-либо накопленного опыта перевода в этой области. Тем не менее, задачи обеспечения адекватного перевода, понятного как российским ученым (при переводе работ англоязычных авторов на русский язык), так и их зарубежным коллегам (при переводе работ русскоязычных авторов на английский язык) успешно решались при активном консультировании с российскими и иностранными специалистами. К слову, именно общение и консультирование со специалистами в области зубчатых передач (особая благодарность с.н.с., канд. техн. наук Сергею Абрамовичу Лагутину за многолетнее содействие и всестороннюю помощь в работе с англоязычной лексикой и терминологией в области зубчатых передач) и изучение специализированной научно-технической литературы на русском и английском языках стали самыми эффективными составляющими когнитивного познания.

Письменный перевод научных, учебных и учебно-методических изданий ученых ИжГТУ

На рубеже XX и XXI веков международная научная деятельность и публикационная активность в ИжГТУ имени М.Т. Калашникова развивались не только в рамках НП «Институт механики». Многие научные школы начали публиковать статьи и книги на английском языке. Но в связи с отсутствием опыта перевода технической литературы статьи российских ученых нередко возвращались из зарубежных издательств с отказом в публикации и формулировкой «слабый английский», а также с предложением отредактировать перевод за определенную плату. При этом заметим, что если авторы соглашались на редактирование перевода, то полученный перевод, как правило, удовлетворял требованиям английской грамматики, но содержал ошибки в терминологии, затруднявшие понимание существа работы. Таким образом, основной задачей переводчика в то время было накопление необходимого опыта работы с иностранными издательствами, изучение их требований к качеству предоставляемых научных работ и требований к их оформлению по международным стандартам. Грамотные переводы на английский язык научно-технических статей и монографий магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников ИжГТУ и других российских вузов сделали возможным не только публикации в международных изданиях, но и участие российских ученых в международных конференциях.

Кроме того, российские вузы, в том числе и ИжГТУ, начали развитие международных образовательных программ, что привлекло иностранных студентов в российские вузы и привело к необходимости издавать специализированные учебники на английском языке. Ниже

перечислены некоторые учебники, переведенные автором в рамках профессиональной переводческой деятельности.

1. Airapetov E.L. State of the Art and Prospects of Gear Strength and Loading Analysis Methods, 2000 (опубликовано в Словакии).
2. Abramov I.V., Ibragimov A.U., Golubkov N.S. Gears and Their Calculation, 2001 (опубликовано в Венгрии).
3. Korotkin V.I., Onishkov N.P., Kharitonov Yu.D. Novikov Gears. Achievements and Developments (Mechanical Engineering Theory and Applications), 388 p., 2010, ISBN-13: 978-1617611933 (опубликовано в США)
4. Yakimovich B.A., Tenenev V.A. Genetic Algorithms in System Simulation, 2012 (опубликовано в Словакии).
5. Dobrovolsky V.I., Dobrovolsky S.V. Mechanics of Materials. Text book - Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2012, – 408 p.
6. Dobrovolsky V.I., Dobrovolsky S.V. Strength, Rigidity and Stability Analyses of Construction Elements. Study Guide - Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2012, – 322 p.
7. Dobrovolsky V.I., Dobrovolsky S.V. Mechanical Tests of Materials. Study Guide - Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2012, – 266 p.
8. Russian State Standard 22850-77. Spiroid gears. Terms, definitions and designations.

Учебники и учебно-методические пособия (1, 5, 6, 7) переведены совместно со старшим преподавателем кафедры «Английский язык» ИжГТУ Волковой Д.А.

С 2014 года в рамках своей профессиональной деятельности автор наладил сотрудничество с Издательством ИжГТУ имени М.Т. Калашникова по научно-техническому переводу аннотаций статей и других информационных материалов с русского языка на английский для журналов «Вестник ИжГТУ» и «Интеллектуальные системы в производстве» и на сайте этих журналов (входят в перечень изданий, рекомендованных ВАК). Основными трудностями для переводчика в этой работе являются сжатые сроки подготовки материалов и многообразие тематик (педагогика, экономика, системный анализ и управление, машиностроение, приборостроение и др.).

Деятельность ученых ИжГТУ в Международной Федерации по Теории Механизмов и Машин (IFToMM)

Международная Федерация по Теории Механизмов и машин была основана в 1969 году по инициативе советского ученого, академика И.И. Артоболевского. Она объединяет 45 стран и включает в себя четыре Постоянные Комиссии и 14 Технических Комитетов <http://iftomm.net/>. Начиная с 1994 года, ученые ИжГТУ принимают активное участие в деятельности этой организации. В частности,

профессор В.И. Гольдфарб в период с 1994 по 2019 годы занимал в этой Федерации должности члена Технического Комитета по Зубчатым Передачам, председателя этого комитета, председателя Постоянной Комиссии по Коммуникациям, Публикациям и Архивингу, Вице-Президента Федерации. С 2014 года членом Постоянной Комиссии по Образованию является проф. Э.Г. Крылов. С 2013 года по настоящее время членом Постоянной Комиссии по Публикациям, Коммуникациям и Архивингу является с.н.с. Н.А. Бармина.

В обязанности представителя от «Института механики» в этой комиссии входят подготовка и публикация ежегодного Информационного отчета-бюллетеня (Newsletter) о деятельности IFToMM. Входят также: координирование графика проведения всемирных конгрессов, конференций и совещаний, информирование членов IFToMM о предстоящих мероприятиях, создание официальной страницы IFToMM на сайте wikipedia.org на русском и английском языках, сотрудничество с Техническими Комитетами, а также архивирование документации о деятельности IFToMM. Помимо перечисленных основных разнообразных обязанностей, в круг задач автора этой работы в период с 2011 по 2015 год входило регулярное сопровождение, обновление и модернизация официального сайта IFToMM на английском языке. При этом необходимо было вести активную переписку и Skype-переговоры с другими членами этой Федерации (на данный момент их порядка 500) как с носителями английского языка, так и с теми учеными, для которых этот язык был языком международного общения. С учетом трудностей социокультурного и психологического характера, разницы временных поясов и т.д. на первый план вышли технические компоненты профессиональной деятельности переводчика. Это, в первую очередь, знание различных интернет программ начала 2010х годов (Skype, videoconferences и пр.), необходимость интернет-поиска англоязычной научно-технической литературы и стандартов в области зубчатых передач, а также навыки опытного пользователя ПК с элементами программирования в области администрирования международного сайта.

Устный последовательный перевод в рамках организации и проведения НП «Институт механики» международных научных мероприятий в области зубчатых передач

С начала 21 века научное подразделение «Института механики» осталось практически единственным коллективом, который продолжил практику организации и проведения общероссийских и международных семинаров, конференций и симпозиумов по зубчатым передачам под общим названием «Теория и практика зубчатых передач и редукторостроения». В рамках подготовки международного мероприятия переводчик должен

осуществлять такие различные виды переводческой деятельности, как: переписка на английском языке, подготовка большого количества официальных документов на английском и русском языках, телефонные переговоры, подготовка двуязычного сборника трудов, перевод презентаций, а также обеспечение последовательного перевода с/на английский язык непосредственно во время проведения мероприятия. Основной трудностью при этом является необходимость выполнять эти виды одновременно и в сжатые сроки. Первым проведенным в Ижевске международным мероприятием был Международный симпозиум «Развитие геометрической теории зубчатых зацеплений» (1993 г.), далее конференции проводились регулярно (Международный симпозиум «Прогрессивные зубчатые передачи» в 1994 г., Международная конференция «Теория и практика зубчатых передач» в 1996, 1998, 2004, 2008 гг., Международный научный семинар «Современные информационные технологии. Проблемы проектирования, исследования и производства зубчатых передач» в 2001 г.). Это позволило накопить необходимый опыт устной переводческой деятельности в области зубчатых передач. В 2014 году состоялся Международный Симпозиум «Теория и практика зубчатых передач» – крупнейший международный научный форум по зубчатым передачам в России, который собрал 100 участников из 12 стран. Во время работы Симпозиума устный перевод обеспечивали шесть специалистов, имеющих как техническое образование в области машиностроения, так и диплом переводчика в сфере профессиональной коммуникации, то есть обладающих когнитивными умениями и практическими навыками в необходимой области знаний.

Издание англоязычных сборников научных статей по зубчатым передачам в серии TMM в международном издательстве Springer

По результатам успешного проведения в 2014 году Международного Симпозиума «Теория и практика зубчатых передач» сотрудникам «Института механики» поступило предложение от международного издательства Springer начать издание серии тематических сборников научных статей по вопросам исследования, проектирования, производства и испытаний зубчатых передач. Этот проект стал первым и во многом уникальным не только для научного подразделения и для вуза, но и для всего международного зубчатого сообщества. Авторы книг – ведущие ученые и начинающие исследователи из России и других стран, занимающиеся научными исследованиями и внедрением в реально производство зубчатых передач. Представленные в сборниках исследования охватывают традиционные цилиндрические, конические, червячные, спироидные, планетарные передачи, а также новые виды передач, в том числе передачи с пластмассовыми колесами. К настоящему времени уже опубликованы три сборника (2016 [7], 2018 [8],

2020 [9]), каждый из которых включает более 20 статей ведущих ученых в области зубчатых передач из России, Беларуси, Японии, Германии, Болгарии, США, Канады, Словении, Польши, Сербии, Италии, Испании и Китая.

Работа над всеми сборниками идет по одинаковому алгоритму, занимающему с момента подачи заявки до выхода книги в свет примерно год-полтора: переписка с издательством, оформление и подача заявки, работа с авторами, перевод статей, работа с техническим редактором от издательства и печать бумажной версии. Работа редакторов (проф. В.И. Гольдфарб, проф. Е.С. Трубачев, с. н. с. Н.А. Бармина) заключалась в тщательном отборе авторов и рецензировании статей, переводе части статей с русского на английский, редактирование переводов, сделанных некоторыми русскоязычными авторами самостоятельно, а также сотрудничество с издательством. Традиционно редакторы сборников отказываются от услуг переводчиков издательства Springer, взяв на себя обязательство предоставить грамотные переводы статей русскоязычных авторов. Область зубчатых передач имеет свою специфику и сложности в плане терминологии: многие понятия описываются разными учеными из разных стран по-разному, нет утвержденных единых стандартов для перевода терминов. Поэтому здесь переводчик в рамках своей профессиональной деятельности сталкивается с очень разнообразными задачами: переписка с ведущими специалистами из разных стран, обсуждение тех или иных терминов, «штудирование» англоязычных монографий и статей классиков в области зубчатых передач. Он должен иметь и применять многолетний накопленный опыт перевода и публикаций статей на английском языке в известных издательствах и

сборниках трудов международных конференций. Носитель языка (сотрудник издательства Springer), имеющий техническое образование, но не являющийся ученым в области зубчатых передач, лишь «причесывает» перевод и вносит стилистические правки для лучшей «читаемости» текста широким кругом читателей. В настоящее время одобрена заявка и начата работа по подготовке четвертого сборника в этой серии книг.

Заключение

Научно-технический перевод в области зубчатых передач как вид многолетней профессиональной деятельности является очень разносторонним творческим процессом, который нельзя ограничить или классифицировать как письменный или устный перевод. Переводчик постоянно сталкивается с разнообразными вызовами современной реальности. На этапе становления переводчика это было полное отсутствие когнитивной компетенции, доступной литературы и налаженных связей со специалистами в этой области в России и за рубежом. Затем потребовалось освоение разнообразных технических средств перевода и коммуникаций (интернет, Skype, электронные словари, всевозможные компьютерные программы и приложения) с постоянным совершенствованием когнитивных умений в сфере зубчатых передач и английского языка. В связи с постоянным развитием науки и техники, а также совершенствованием методов и средств перевода, процесс когнитивного познания является непрерывным как в предметной области (зубчатые передачи как раздел теории механизмов и машин), так и в области научно-технического перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкая М.В., Соловов М.Ю. Теория и практика перевода компоненты и уровни переводческой компетенции. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4.
2. Телешова Е.А. Когнитивный компонент профессиональной компетентности переводчика. Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 53 2016. Т. 13, № 3. С. 52–57.
3. Чиркова Е.В., Беккер И.Л. Структура и специфика профессиональной переводческой деятельности специалистов по связям с общественностью // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 856–861.
4. Бабичев Д.Т., Лагутин С.А., Бармина Н.А. Обзор работ русской школы теории и геометрии зацеплений. Часть 2: Развитие классической теории зацеплений и становление теории реальных зацеплений в 1976–2000 годы. // Теория механизмов и машин. С-Петербург, Том 15, №3(35), 2017, С. 86–130.
5. Litvin F.L., Petrov K.M., and Ganshin V.A., The Effect of Geometrical Parameters of Hypoid and Spiroid Gears on its Quality Characteristics, // ASME Journal of Engineering for Industry, Vol. 96, 1974, pp. 330–334.
6. Litvin F.L., Krylov N.N., and Erikhov M.L., Generation of Tooth Surfaces by Two-Parameter Enveloping, Mechanism and Machine Theory, Vol. 10, No. 5, 1975, pp. 365–373.
7. V. Goldfarb N. Barmina. Theory and Practice of Gearing and Transmissions: In Honor of Professor Faydor L. Litvin (2016) <https://www.springer.com/gp/book/9783319197395>
8. V. Goldfarb, E. Trubachev, N. Barmina. Advanced Gear Engineering (2018) <https://www.springer.com/gp/book/9783319603988>
9. V. Goldfarb, E. Trubachev, N. Barmina. New approaches to gear design and production (2020) <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-34945-5>

© Бармина Наталья Александровна (barmina-nat@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

COMPARATIVE LINGUISTICS, CONTRASTIVE LINGUISTICS AND LINGUODIDACTICS

K. Gafullina

Summary: The purpose of this article, related to comparative linguistics and learning technology, is to study the application of the results of theoretical research in the practice of teaching a foreign language. The result of this work shows that contrastive research in the context of comparative linguistics contributes to the effectiveness of teaching foreign languages. But a differentiated approach to the use of comparison is necessary depending on the stage of learning a new language. Currently, the acquisition of a foreign language by comparison is influenced by the knowledge of several languages, both related and unrelated.

Keywords: comparative linguistics, contrastive linguistics, native language, foreign language, bilingualism.

Гафиуллина Кадрия Накиповна

*к.филол.н., доцент, Казанский филиал ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
(г. Казань)*

Gafullina.kn@yandex.ru

Аннотация: Целью данной статьи, связанной с сопоставительной лингвистикой и технологией обучения, является изучение вопроса применения результатов теоретических исследований в практике преподавании иностранного языка. Результат проделанной работы показывает, что контрастивные исследования в контексте сопоставительного языкознания способствуют эффективности обучения иностранным языкам. Однако необходим дифференцированный подход к использованию сопоставления в зависимости от этапа изучения нового языка. В настоящее время на освоение иностранного языка методом сопоставления оказывает влияние владение несколькими языками, как родственными, так и неродственными.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, контрастивная лингвистика, родной язык, иностранный язык, билингвизм.

В активно развивающемся в направлении глобализации современном обществе оправдан рост интереса к сопоставительным исследованиям в языкознании. С каждым днем растет потребность людей в обмене социально значимой, профессиональной и научной информацией на разных языках и для этого требуются определенные навыки. В связи с этим увеличивается спрос на эффективные и понятные методики обучения иностранным языкам, учебники, разговорники, словари, способствующие оперативному и результативному усвоению нового языка.

Сравнение языков в общем языкознании осуществляется по двум направлениям: сравнительное языкознание (компаративистика) и сопоставительное языкознание (контрастивистика, контрастивная лингвистика, сопоставительная лингвистика). Первое направление связано со сравнением родственных языков главным образом в историческом ракурсе с определением языка-прародителя, общих корней, исторических изменений в фонетике, грамматике и т.п. Задачей второго направления является сопоставительное изучение нескольких (обычно двух) языков в синхронном ракурсе. Сравнительное языкознание является источником контрастивистики. С лингводидактикой больше связано сопоставительное языкознание.

Сопоставительное языкознание – лингвистическое направление, занимающееся изучением родственных

или неродственных языков методом сравнения (сопоставления) их друг с другом с целью обнаружения сходств и различий их языковых подсистем на всех языковых уровнях. Проф. И.А. Стернин отмечает, что, несмотря на указание лингвистов, работающих в рамках сопоставительного метода, на возможность практического применения результатов их исследований в преподавании соответствующих языков, данное направление по существу остается преимущественно теоретическим. «Практическое применение результатов автономного сопоставительного описания одноименных подсистем двух языков не может быть непосредственно использовано в практике преподавания», поскольку «...практику преподавания не интересует сама системная организация микросистем, иерархия единиц, так как все это не является предметом практического обучения языку», – отмечает он [Стернин И.А., 2006, с. 11]. Для использования результатов сопоставительного анализа языков, преподаватель должен полученный теоретический сопоставительный материал осмыслить и проработать для подачи в удобной для обучения форме исходя из целей, задач и этапов обучения.

В конце XX века как отдельное лингвистическое направление начинает обособляться контрастивная лингвистика, которая до этого считалась синонимом сопоставительного языкознания. Функция контрастивной лингвистики заключается в связи между фундаментальной теоретической лингвистикой и прикладными аспек-

тами языкознания, особенно лингводидактическими. Разграничение понятий контрастивного и сопоставительного языкознания основано на том, что сопоставительное языкознание имеет теоретический характер, в то время как контрастивная лингвистика в большей степени связана с прикладной отраслью языкознания – переводом и преподаванием иностранного языка, а именно, его лингводидактическим аспектом. Контрастивный анализ ограничивается только двумя языками – целевым (иностранном) и родным, тогда как при сопоставительном языкознании сравниваются любые языки в любом количестве для выявления как сходств, так и различий. Контрастивная лингвистика занимается выявлением лишь межъязыковых различий. На практике в лингводидактике для лучшего понимания и усвоения нового языка нельзя обойтись без учета языковых универсалий, сходств между новым и родным языками.

На стыке теории и практики обучения языку перед преподавателем встает множество вопросов: насколько достижения сопоставительного языкознания способствуют решению лингводидактических задач и как их эффективно использовать в процессе обучения иностранному языку; какие законы управляют процессами осмысления языковых контрастов в то время, когда теория языка пересекается с практикой его применения и преподавания; какова связь теоретических концепций контрастивной лингвистики с практикой межкультурных контактов; для каких целей может использоваться метод сравнения и что он может дать для решения проблем практического характера в освоении нового языка.

Научное специальное сопоставительное исследование языков профессиональными лингвистами нацелено на выяснение особенностей и контрастов языков, представление их обыденному пользователю, изучающему язык для реализации коммуникативных задач. Сравнение производится по отраслям сопоставительного языкознания. Наиболее развитым из них является сопоставительная грамматика (В.Н. Ярцева, В.Д. Аракин, В.Б. Кашкин и др.). Немало работ представлено по сопоставительной лексикологии, фонологии (В.Г. Гак, Р.О. Якобсон, И.А. Стернин, М.А. Стернина), развивается направление сопоставительной дискуртологии (З.Я. Тураева, В.Я. Мыркин, В.Б. Кашкин и др.). Несмотря на это нельзя сказать, что практическое использование результатов исследований контрастивной лингвистики относится к достаточно разработанным проблемам лингводидактики.

Сопоставление языков представляет интерес не только для лингвистов – профессионалов, как теоретиков, так и практиков, но часто происходит в быту: обыденный человек оказывается в ситуации, когда ему необходимо передать свою мысль иностранцу средствами чужого языка. Невольно он делает это, опираясь на средства своего родного языка, не всегда озабочиваясь тем, что-

бы усвоить и соблюдать все грамматические правила в целевом языке, узнавая о них что называется «на ходу», когда ему указывают на ошибки. Бытовое соотнесение языков также проводится при переводе и изучении иностранных языков. Таким образом, сопоставление языков происходит на трех разных плоскостях (уровнях), в зависимости от категории пользователя:

1. обыденным человеком;
 2. изучающим язык школьником, студентом и др.;
 3. профессиональным лингвистом-исследователем.
- Каждый из них качественно по-разному совершает это, исходя из своих целей и задач.

Прежде всего, следует отметить, что усвоение иностранного языка взрослым проходит иначе, нежели усвоение языка (иногда сразу двух и трех языков) ребенком. Последний это делает механически, без определенной цели и вне определенных временных рамок, тогда как взрослым человеком иностранный язык усваивается с осознанием потребности в изучении, с определенной целью и зачастую в ограниченных временных рамках. Поэтому у каждого начинающего изучать язык взрослого человека возникают вопросы о том, каков наиболее эффективный и результативный способ усвоения языка (чтение литературы, просмотр сериалов на изучаемом языке и т.п.), какой учебник лучше, с чего начать и т.д.

Значение сопоставительного изучения языков для усвоения иностранного языка лингвистами оценивается по-разному. Некоторые специалисты считают, что языковые контрасты мешают усвоению нового языка, другие – наоборот, что способствует. Академик Л.В. Щерба придавал этому большое значение и писал, что сопоставление языков способствует лучшему пониманию не только чужого, но и своего родного языка [Цитата по: Стернин И.А., 2006, С.12]. Он считал, что родной язык не может быть изгнан из голов учащихся, и не надо изгонять его с урока, но использовать там, где он полезен [Щерба, 2004, С.62]. Освоение целевого языка предусматривает овладение новыми способами выражения мыслей на неродном языке, поэтому в данном процессе необходим осмысленный, сознательный подход. Согласно исследованиям американского лингвиста Д. Болинджера, языковые контрасты родного и иностранного языков в определенных случаях мешают усвоению другого языка: «Контрастная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка знает, а каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык в определенных и предсказуемых случаях мешает усвоению второго языка. Запас преподавательских ухищрений сводится главным образом к преодолению таких помех». [Цит.по: Ярцева 1981, с. 4]. В практике преподавания бытует также мнение, что при изучении иностранного языка необходимо исключить использование родного языка для того, чтобы полностью погрузиться в новую языковую среду. С этой

целью к обучению языку привлекаются так называемые «носители языка» – «native speakers», необязательно с лингвистическим образованием, часто не владеющих или плохо владеющих родным языком обучающегося.

Однако практика показывает, что на начальном этапе освоения иностранного языка сопоставительный аспект особенно важен, он категорически необходим как база, опора. Но на более продвинутом этапе, когда уже усвоены основные правила целевого языка, излишнее обращение к родному языку начинает мешать, а не помогать в совершенствовании, в переходе на уровень мышления на изучаемом языке. На данном этапе целесообразно в обучении постепенно перейти на использование только целевого языка.

Путь формирования вторичной языковой личности в процессе освоения целевого языка неизбежно сопровождается совершением обучаемым так называемых «ошибок» и их исправлением преподавателем. Существуют разные точки зрения преподавателей на это явление. С целью не смутить обучающегося и не снизить его стремление выучить новый язык рекомендуется не акцентировать внимание на ошибках. М. Дебрэнн называет ошибки обучаемого даже положительным явлением в процессе изучения языка [Дебрэнн М., 2006, с. 5], и предлагает называть их «девиациями» (отклонениями от нормы) [цитата по Кашкин В.Б., 2007, с. 7]. Проф. В.Б. Кашкин отмечал, что «в последние годы в части лингвистических работ, связанных с технологией обучения и с сопоставительной лингвистикой, сформировалось направление, которое по-русски можно было бы назвать «ошибковедение» (error analysis). Он считал, что ошибки – это несовпадения двух сталкивающихся в сознании обучающегося языковых систем. [Кашкин В.Б., 2007, с. 7,8]. Таким образом, ошибки предлагаются рассматривать как девиантное (отклоняющееся) языковое поведение, отражающее языковые контрасты, расхождения двух языковых систем, а не «неуспеваемость» обучающегося. В итоге в процессе сопоставления языков на первый план выходит не сам язык, а индивид, точнее, индивиды, объединенные по сходству социальных языков, соответственно, и ошибок.

Процесс сопоставления при изучении нового языка сопровождается явлением лингвистической интерференции - последствием влияния одного языка на другой, т.е. применением норм одного языка в другом в письменной и/или устной речи. В зависимости от того, в какой области языкознания проявляется наложение норм, выделяются звуковая, орфографическая, грамматическая, лексическая, семантическая, стилистическая, внутриязыковая интерференции. Нередко в речи билингва происходят не только отклонения на целевом языке, происходящие под влиянием родного, но и интеркаляция - отклонения в речи на родном языке под влиянием иностранного.

В последнее время все большее распространение получает явление билингвизма и трилингвизма как в России, так и за рубежом. Как известно, Россия является страной с большим языковым многообразием. В решении задачи сохранения и развития межнационального и межкультурного согласия, воспитания подрастающего поколения быть готовым воспринимать разные языки и культуры в своей родной стране языковая проблема является одной из ключевых. В системе образования в России изучается около 100 языков. Государственная языковая политика РФ направлена на сохранение и развитие как государственного, так и родного языка всех народов, населяющих ее, а также создание условий для изучения языков международного значения.

В отечественном языкознании достаточно много теоретических и прикладных исследований, посвященных изучению языковых сходств и различий русского языка и языков национальных меньшинств в сопоставительном аспекте. В настоящее время все большее количество русскоязычного населения овладевает английским языком и изучает дополнительно, как правило, французский, немецкий, итальянский либо испанский языки. Поэтому при изучении нового языка на практике для лучшего усвоения материала возможно сопоставление языковых явлений трех (четырёх) языков.

В научной литературе приводятся данные о положительной связи между билингвизмом и изучением иностранного языка [Cenoz, 2013b]). Например, проведенные исследования на территории Республики Татарстан и Чувашии свидетельствуют о том, что двуязычие является позитивным фактором для образовательных достижений, особенно в изучении английского языка (Tovar-García E. D. (2014), Tovar-García, Alòs i Font, 2017,). Те же закономерности этими исследователями выявлены применительно к носителям каталанского, галисийского и баскского языков в Испании и носителям турецкого языка в Бельгии. Исследователи объясняют это тем, что у полилингвов лучше развиты определенные когнитивные способности, например, исполнительного контроля [Bialystok, 2011], производительности памяти (Brito N.H., Sebastián-Gallés N., Barr R. (2015), восприятия речи [Rutgers, Evans, 2017]. Это подтверждается и экспериментальными данными: в ходе когнитивно-скринингового тестирования мыслительных способностей пожилые мультилингвы показали более высокие результаты, чем трилингвы, которые, в свою очередь, превзошли билингвов [Kavé, 2008]. Позднее появилось исследование, опровергающее наличие убедительных доказательств положительной связи между трилингвизмом или билингвизмом и образовательными достижениями. (Hèctor Alòs i Font, Edgar Demetrio Tovar-García (2018). Однако авторы исследований, в которых результаты противоречат данным более ранних исследований об обнаружении положительной связи билингвизма и трилингвизма с ака-

демической успешностью, не твердо убеждены в своих заключениях. Они предполагают, что различия в результатах объясняются тем, что их исследование проведено в сельской среде, а предшествующие — на городских выборках. В то же время результаты свидетельствуют, что свободное владение двумя-тремя языками не оказывает негативного влияния и не снижает образовательные достижения обучающихся. Тем не менее, преимущество в освоении нового языка билингвами, трилингвами (полилингвами) есть и оно заключается в том, что у владеющих несколькими языками есть возможность сравнения языковых средств нового языка с более чем одним языком.

В целях обеспечения отвечающего современным требованиям, конкурентоспособного образования на трех языках (русском, татарском, английском) в Республике Татарстан планируется создать сеть шести новых полилингвальных образовательных комплексов, взаимодействующих с международной системой «Ассоциированных школ ЮНЕСКО» [https://sntat.ru/news/science/03-04-2019/polilingvalnye-shkoly-shaymieva-obuchenie-na-treh-yazykah-internat-dlya-vunderkindov-i-filosofiya-soglasiya-5646642]. Языки в данной сети рассматриваются не только как предмет, а как средство обучения. Для этого потребуются применение передовых образовательных практик, программы обмена опытом, единая методика

обучения, идущая с дошкольного полилингвального образования, учебно-методические комплексы, подготовленные педагогические кадры, способные компетентно вести образовательный процесс на иностранном языке, включая учителей-предметников неязыкового цикла. По словам зачинателей проекта, на начало реализации модели полилингвального образования основной проблемой является незнание английского языка как мирового языка общения. Наряду с образовательной, не менее важной задачей проекта является воспитание обучающихся в духе межнационального согласия.

В настоящее время на освоение иностранного языка методом сопоставления оказывает влияние владение несколькими языками, как родственными, так и неродственными. В этом случае сопоставительный анализ не ограничивается только двумя языками – целевым (иностранном) и родным (например, наряду с русским языком, при ознакомлении с оборотом *used to* или артиклями при изучении английского языка можно прибегнуть к схожим темам многократного прошедшего времени и винительного падежа в татарском языке). Таким образом, с интенсивным развитием явлений билингвизма, трилингвизма, полилингвизма ожидается, что вновь обратят на себя внимание вопросы сопоставительного языкознания, контрастивной лингвистики и лингводидактики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дебрэн М. Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиология / М. Дебрэн. – Новосибирск : Новосиб. Гос.ун-т, 2006. – 386 с.
2. Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика: Учебное пособие для вузов. – Воронеж: 2007. – 88 с.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: «Восток-Запад», 2006 г. – С. 11 (206 с.)
4. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
5. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981. – 111 с.
6. https://sntat.ru/news/science/03-04-2019/polilingvalnye-shkoly-shaymieva-obuchenie-na-treh-yazykah-internat-dlya-vunderkindov-i-filosofiya-soglasiya-5646642
7. Bialystok E. (2011) Reshaping the Mind: The Benefits of Bilingualism. *Canadian Journal of Experimental Psychology/Revue Canadienne de Psychologie Expérimentale*, vol. 65, no 4, pp. 229–235. doi:10.1037/a0025406
8. Brito N.H., Sebastián-Gallés N., Barr R. (2015) Differences in Language Exposure and its Effects on Memory Flexibility in Monolingual, Bilingual, and Trilingual Infants. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 18, no 4, pp. 670–682. doi:10.1017/S1366728914000789
9. Cenoz J. (2013b) The Influence of Bilingualism on Third Language Acquisition: Focus on Multilingualism. *Language Teaching*, vol. 46, no 1, pp. 71–86. doi:10.1017/S0261444811000218
10. Hèctor Alòs i Font & Edgar Tovar-García (2018) Trilingualism, Bilingualism and Educational Achievements: The Case of Chuvash and Tatar in Rural Russia,» *Educational Studies*, Higher School of Economics, issue 3, pages 8-35.
11. Kavé G., Eyal N., Shorek A., Cohen-Mansfield J. (2008) Multilingualism and Cognitive State in the Oldest Old. *Psychology and Aging*, vol. 23, no 1, pp. 70–78. doi:10.1037/0882-7974.23.1.70
12. Rutgers D, Evans M. (2017) Bilingual Education and L3 Learning: Metalinguistic Advantage or Not? *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 20, no 7, pp. 788–806. doi:10.1080/13670050.2015.1103698
13. Tovar-García E.D. (2014) Determinants of Educational Outcomes: Analysis of the Republic of Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 47, no 1, pp. 39–47. doi:10.1016/j.postcomstud.2014.01.001
14. Tovar-García E.D., Alòs i Font H. (2017) Bilingualism and Educational Achievements: The Impact of the Language Used at Home by Tatar School Students in Tatarstan, Russia. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 38, no 6, pp. 545–557. doi:10.1080/01434632.2016.1213847

© Гафиуллина Кадрия Накиповна (Gafullina.kn@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АНАФОРИЧЕСКОГО ПОВТОРА В РОМАНЕ ФРАНСУАЗЫ ЛЁФЕВР «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ –КАННИБАЛ»

STYLISTIC POTENTIAL OF ANAPHORIC REPETITION IN THE NOVEL "LE PETIT PRINCE CANNIBALE" BY FRANÇOISE LEFÈVRE

M. Gorelik
E. Novikova

Summary: The article analyses the expressive potential of anaphora - the syntactic figure of speech in emotional expressiveness sense. As one of the figures of addition, anaphora is intended to emphasize the constancy of the author's feelings. And as one of the figures of ordered repetition, anaphora emotionally highlights individual parts of the text, creates the effect of the culmination of events.

Keywords: anaphoric repetition, anaphora functions, lexico-grammatical anaphora, contact anaphora, distant anaphora, anadiplosis, frame construction.

Горелик Маргарита Алексеевна

Старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
ritagorelik@mail.ru

Новикова Елена Николаевна

Старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Аннотация: В статье предпринята попытка анализа выразительного потенциала синтаксической фигуры – анафорического повтора в экспрессивно-эмоциональном плане. Являясь одной из фигур прибавления, анафора призвана подчеркнуть постоянства испытываемых чувств автора и как одна из фигур упорядоченного повтора, эмоционально выделяет отдельные части текста, создаёт эффект кульминации событий.

Ключевые слова: анафорический повтор, функции анафоры, лексико-грамматическая анафора, контактная анафора, дистантная анафора, анадиплосис, рамочная конструкция.

В автобиографическом романе Франсуазы Лёфевр «Маленький принц – каннибал» повтор обеспечивает высокую эмоциональность повествования и детально отражает переживания автора-главной героини, женщины-писателя, не имеющей возможности, а иногда и потребности, желания писать, в силу обстоятельств, вынужденную всё своё время посвящать детям, в частности сыну, рождённому с синдромом Аспергера.

Mais, toi, aujourd' hui, *je te remercie* de me donner la possibilité de vivre un grand amour. *Je te remercie de m' avoir ouvert les yeux sur une part du monde et sur les autres enfants. Je te remercie de m' avoir fait violence, de m' avoir presque tuée* [1, с. 22].

В основе анафорического повтора может лежать звук, звукосочетание, морфема, слово, словосочетание, фраза, синтаксическая конструкция [5, с. 17; 6, с. 57]. В данном примере лексико-грамматическая контактная анафора – стилистическая фигура, подразумевающая повторение начальных частей, синтаксических конструкций в нескольких соседних предложениях, эмоционально выделяет чувства матери к сыну, с одной стороны, совершенно естественные, но с другой стороны, чувства выстраданные, прошедшие испытание психической болезнью ребёнка.

Сочетание в следующем примере лексико-грамматической анафоры, предложений неполного состава и супраграфемного средства выразительности, а именно употребление букв в верхнем регистре, придают абзацу сильную эмоциональную окраску, что является одной из основных функций анафоры [3, с. 94]:

Je ne te laisse jamais construire ta tour infernale. Je ne te laisse jamais t' y enfermer. Je n' ai pas lu d' ouvrage sur l' autisme. Je sens leurs auteurs pessimistes. Défaitistes. Je ne veux pas qu' ils entament ma belle foi. Ma rage de vaincre. Je ne veux pas que tu sois un cas parmi d' autres, car pour moi tu es UNIQUE. [1, с.79].

Mes journées ne sont faites que de *TOI. TOI.TOI.*

Mais je trouve de la force dans cet amour que nous avons noué ensemble. Colchiques dans les prés. *Je t' aime. Je t' aime* [1, с. 52].

В следующих примерах лексико-грамматическая анафора помогает почувствовать решимость матери бороться с болезнью сына:

Il me semblait que tu n' étais pas à ta place parmi ces malheureux gamins baveux, hébétés ou très agités. Il me semblait que tu étais moins atteint qu' eux, ou l' amour maternel me rendait-il aveugle? [1, с. 21].

Il faut, Sylvestre, que j' accepte d' être moins exaspérée par tes cris de violence, ces ornières où tu tombes si souvent. Il faut que j' accepte de ne plus écrire, de remettre mon

livre sans cesse à demain avec tout le malaise que cela fait naître en moi. *Il faut que j'accepte* enfin que tu me prennes beaucoup et ne me donnes presque rien. [1, c. 65].

Анафорический повтор передаёт чувство уверенности, надежду на позитивный исход событий:

Pour apprendre à aimer et tenter de guérir un enfant autiste, c'est beaucoup plus simple de l'imaginer comme un Petit Prince. *J'apprendrai* ton langage. *J'entrerai* dans ton silence. *J'oublierai* ce que je crois savoir. *Je t'aimerai*. *Te respecterai* infiniment [1, c. 36].

Анафора, связанная с симметрией элементов в следующем примере звучит возвышенно-мажорно и придаёт фрагменту особую ясность и яркость:

Je sentis la présence qui grandissait en moi et me tenait la tête hors du Temps. *Présence* qui me fait traverser des fleuves de boue sans que j'm'enlise. *Présence* qui arme mon bras d'une épée. *Présence* terrible et exigeante qui pourrait bien ressembler, quand j'ai la tentation de lui donner un visage, au Moïse de Michel-Ange... [1, c. 62].

Ещё одну функцию анафоры – создание эффекта кульминации событий, можно проиллюстрировать следующими примерами:

Te sortir de là. *Te tirer* de dessous ces pierres enchevêtrées. *T'arracher* à cette ville morte [1, c. 57].

Мать принимает осознанное, выстраданное решение бороться с болезнью своего ребёнка, методами найденными путем ежеминутного наблюдения за сыном-аутистом.

Одновременное использование лексико-грамматической контактной анафоры и анадиплосиса придаёт абзацу особый ритм, чётко, без лишних слов передаёт основную мысль автора – отныне именно она, мать ответственна за здоровье сына, пусть и в ущерб своей личной и творческой жизни:

Mais j'ai choisi. *Je T'Al choisi*. *J'ouvre la fenêtre* pour respirer comme avant d'affronter une douleur. *J'ouvre la fenêtre* pour évacuer tristesse, inquiétude, déchirement *de ne plus avoir le temps d'écrire*. *Ne plus avoir le temps* de réfléchir. *Ne plus avoir* le goût de respirer rien que pour moi [1, c. 57].

Je souffle sur ta vie. *Je souffle sur* tes doigts. Dans ton cou. C'est tout ce que je sais faire. *Souffler*. *Souffler* pour que la lueur minuscule qui s'allume parfois dans tes yeux ne s'éteigne pas [1, c. 65].

Следующий пример подчеркивает иконичность анафорического повтора, то как он передает продвижение вперёд от исходной точки [2, c. 46]:

Jean! Sylvestre! Écoute. *J't'aime*. *Tu parleras*. *Tu mâcheras*. Et à six ans, tu entreras au cours préparatoire de l'école du

village. *Je t'apprends* les couleurs. Les odeurs. *Je t'apprends* à ne plus avoir peur [1, c. 57].

Автор пытается употребить минимум слов, максимально упрощенные конструкции, мать пытается говорить с сыном на его «языке»:

Mais du jour où j'ai fait taire ces pulsions de malheur et où j't'ai regardé criant dans ton désert, je me suis servie de tout pour aller vers toi et que tu le sentes et le saches. Que tu me voies enfin. Je me suis servie de mes mains. *De* mes cheveux qui sont longs. *De* ma bouche. *De* ma langue. *De* l'esu tiède. *De* la douche. *Du* parfum. *De* Mozart. *De* mes bras. *De* mes larmes. *De* la mousse au chocolat. *De* ma force. *De* mon haleine. *De* mes dents [1, c. 57].

В следующем примере мы наблюдаем употребление автором рамочной конструкции совместно с контактной лексико-грамматической анафорой, что, безусловно, повышает эмоциональный накал повествования:

L'exil. L'exil en soi-même. Le double *exil*. *Celui de* l'écrivain. *Celui de* la mère d'un Petit Prince autiste qui veut sauver son enfant [1, c.78].

Лексико-грамматическая контактная анафора помогает автору создать эффект повторяющихся действий [4, c. 36]. Описания повседневной жизни ребёнка-аутиста, в течение дня повторяющего многократно одни и те же действия эмоционально воздействуют на читателя. В данном примере мы наблюдаем одну из основных функций анафоры: передача эффекта чередующихся событий:

Même le langage du sourire, tu ne l'acceptait pas. *Tu criais* quand on te souriait. *Tu criait* en te griffant le visage [1, c. 26].

De quoi me nourris-tu? De tes cris. *Tu cries*, et il faudrait que j'entende les oiseaux? *Tu cries* et je vois s'effiloche les premiers mots qui venaient si facilement. *Tu cries* et je vois s'écrouler ma pensée [1, c. 60].

Повторение личного местоимения «tu» в начале цепи предложений одного абзаца создаёт эффект доверительного разговора матери и сына. Мать рассказывает уже повзрослевшему сыну о тяжелых моментах, которые они вместе преодолели ценой невероятных усилий и самопожертвования.

Tu te griffes le visage. *Tu n'es qu'une* boule de rage, complètement folle, que rien ne peut arrêter. *Tu sanglotes*. Et *tu t'agites* comme si tu voulais enlever un invisible vêtement, tout tissé d'orties. *Tu ressembles* à ces gens dont les habits brûlent et qui pour éteindre les flammes se roulent à terre en hurlant. *Tu n'entends plus*. *Tu redoubles* tes cris. *Tu deviens fou* [1, c. 19].

Comme toujours quand tu as fait un progrès je te serre dans mes bras et te dis que je suis heureuse. *Comme toujours*

tu te retiens de sourire. [1, с.70].

Дистантная лексическая анафора, связанная с повторением словосочетания через несколько коротких предложений в следующем примере, как и другие фигуры прибавления, призвана создать эффект постоянства испытываемых чувств:

Il faudra aussi souffler sur ta vie. Mais qui soufflera sur la mienne? *Chaque matin*, je tente de renaître. J'essaie d'appeler le désir de vivre. *De sauver. De continuer. D'aimer. D'espérer. Chaque matin*, j'évacue la boue de mon cerveau [1, с. 59].

Сочетание в дистантной и контактной анафоры в одном абзаце создают мощный экспрессивный эффект:

J'ai peur. Je sens que mes forces diminuent. Mon énergie tout le camp. *J'ai peur* de ne plus pouvoir t'aimer. Je n'ai plus de réserves d'amour. *Je t'en veux. Je t'en veux* de saper ma vie à ce point [1,с. 80].

Анафора, относясь к стилистическим фигурам упорядоченного повтора, содержит тождественные элементы и именно их положение в тексте и определяет стилистический эффект. Различные виды анафоры в сочетании с другими фигурами такими как анадиплосис, рамочная конструкция, к которым прибегает автор, служат средством для передачи оттенков эмоционального состояния главной героини автобиографического романа «Маленький принц-каннибал».

ЛИТЕРАТУРА

1. Lefèvre F. Le petit prince cannibale/ F. Lefèvre. Actes Sud, Paris, 1990.-103 p.
2. Балли Ш. Французская стилистика. — М., Издательство иностранной литературы, 1961. — 394 с.
3. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемы // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сборник научно-аналитических обзоров. М.: Ин-т науч. информ. по обществ. Наукам СССР, 1989. С. 41–115.
4. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис. — Смоленск, СГПИ, 1984. —92 с.
5. Матвеева Т.В. Учебный словарь: Русский язык, культура речи, стилистика, риторика.-М.: Наука; Флинта, 2003. – 432 с.
6. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. – М.: Феникс, 2006. – 944 с.

© Горелик Маргарита Алексеевна (ritagorelik@mail.ru), Новикова Елена Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Тихоокеанский государственный университет

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД ГРАММАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Зененко Наталья Викторовна

*Д.филол.н., профессор, Военный университет
МО РФ, Москва
zenenko@mail.ru*

Бочарова Анна Владимировна

*к.филол.н., Военный университет МО РФ, Москва
global.world@list.ru*

POLYPARADIGM METHOD IN GRAMMATICAL RESEARCH OF THE XX - XXI CENTURIES

**N. Zenenko
A. Bocharova**

Summary: In the process of his creative path, the scientist is in search of models and research methods. Modern science is looking for a definition of the concept of «paradigm» and seeks to develop a common opinion about the number of scientific paradigms in the field of humanitarian knowledge. The polyparadigm approach is relevant and productive for many scientific research, it makes it possible to analyze the linguistic phenomenon in terms of different methodologies and paradigms. The purpose of this article is to determine the polyparadigm approach in grammatical research of the XX - XXI centuries. The most promising areas of grammatical research are those that take into account the symbiosis of the object and the subject of knowledge, in which the object is language, and the subject is a person.

Keywords: scientific paradigm, polyparadigmality, linguistics, grammatical description.

Аннотация: В процессе творческого пути ученый находится в поиске моделей и методов исследования. Современная наука ищет определение понятию «парадигма» и стремится выработать единое мнение о количестве научных парадигм в сфере гуманитарного знания. Актуальным и весьма продуктивным для многих научных исследований является полипарадигмальный подход, который дает возможность анализировать языковое явление в аспекте разных методологий и парадигм. Целью данной статьи является определение полипарадигмального подхода в грамматических исследованиях XX – XXI веков. Наиболее перспективным направлением грамматических исследований являются те, в которых учитывается симбиоз объекта и субъекта познания, в котором объектом выступает язык, а субъектом – человек.

Ключевые слова: научная парадигма, полипарадигмальность, языкознание, грамматическое описание.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «научная парадигма» напрямую связан с историей языкознания. В.А. Звягинцев, в работе по истории языкознания XIX-XX веков (1956), указывает на проблему выбора метода научного исследования, с которой сталкивается каждый ученый-лингвист [13, с. 3]. Автор Хрестоматии считает, что лишь в начале XIX века происходит становление науки о языке и формируются новые научные теории. Как ранее отмечал Э. Сепир (1929), творческий путь и поиск моделей исследования в языкознании начался с реорганизации и со сравнительного изучения индоевропейских языков [12, с. 166].

Среди ученых XXI века нет единого мнения о количестве научных парадигм в сфере гуманитарного знания. И это связано, среди прочего, с пониманием того, что есть «парадигма». В настоящее время наука ищет определения данному понятию.

Нередко исследователи смешивают термины: «парадигма», «метод», «теория», «методология» и др., что осложняет поиск определения. По мнению Т.Н. Хомутовой [15], лишь небольшое количество авторов научных статей (10%) вкладывают в понятие «парадигма» трактовку

американского специалиста в области истории науки Т. Куна, который считается автором концептов «парадигма» и «смена парадигм». В 1962 г. выходит в свет его книга «Структура научных революций» (Structure of Scientific Revolutions), которая посвящена анализу эволюционных процессов и теоретической методологии научного познания. Науку американский историограф языка рассматривает как «совокупность фактов, теорий и методов», а ученого как человека, который «вносит свою лепту в создание этой совокупности» [8, с.7]. По его мнению, парадигмой считается определенная модель решения поставленной проблемы, которая базируется на научных достижениях, признанных научным сообществом [8, с. 3].

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

В современном языкознании в изобилии представлены различные течения и школы. Многообразие лингвистических направлений может быть сведено к трем основным научным парадигмам: генетической (от греч. *genētikos* – относящийся к рождению, происхождению) или сравнительно-исторической; таксономической (от греч. *táxis* – расположение, строй, порядок и *pómos* – закон) или системно-структурной; антропоцентрической

(от греч. *anthropos* – человек, *kentron* – центр).

Номенклатуру лингвистических парадигм XX – начала XXI веков разрабатывали многие ученые, среди которых особо выделяются работы В.А. Масловой (2001); Ю.Н. Караулова (1987); А.М. Ломова (1994); Е.С. Кубряковой (1995) и др.

В данной статье мы сделаем попытку определить полипарадигмальность грамматических описаний, т.к. современные научные течения выходят за рамки одной научной парадигмы и совмещают параметры трех основных парадигм – антропоцентрической, системно-структурной и сравнительно-исторической. Полипарадигмальный подход дает возможность ученому успешно осуществить комплексное исследование проблемы, совместив в своем анализе достижения нескольких научных методологий.

С середины XX века наблюдается динамичность накопления человеком знаний, что привело к трансформации ключевых позиций в гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике. Человек и его социальная деятельность становится предметом научных изысканий.

Не только ученые гуманитарных наук группируются вокруг языка, ученые точных наук не остаются в стороне. Математики и логики неоднократно отмечали, что формальный язык математики глубокими корнями связан с обычным языком [16, с. 68], и, по нашему мнению, в большей степени с грамматикой, которая является определенным алгоритмом, ключом для понимания сущности естественного языка.

По мнению ученых, в математику следует внести раздел, исследующий те зависимости, которые существуют между математическими символами и смыслами слов разговорного языка [20, с. 118]. А, например, Л. Блумфилд утверждал, что «поскольку математика связана с языковой действительностью, то она предполагает существование лингвистики» [17, с. 55].

В отечественной и зарубежной науке середины XX в. отмечается появление большого количества междисциплинарных исследований, в составе которых присутствуют знания о языке, и в грамматических описаниях нередко ученые используют достижения других гуманитарных знаний.

НАУЧНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении многих десятилетий грамматика привлекает внимание лингвистов. Есть в ней какая-то загадка. Теоретики языка в своих исследованиях пытаются разгадать эту загадку, создавая разнообразные лингвистические школы. Надо отметить, что научные грамма-

тические исследования первой половины XX века базировались на осознании целостности и независимости языка, следуя принципам вдохновителя структурализма Ф. де Соссюра. Опираясь на структуральные методы изучения языка (работы Л. Блумфильда, Н. Трубецкого, В. Матезиуса, Л. Ельмслева и др.) ученые анализировали грамматический компонент языка, прежде всего, выявляя его взаимосвязь с другими элементами той же системы [13, с. 409]. Грамматика, как раздел языкознания, трактовалась как, до некоторой степени, изолированная система грамматических категорий, форм и значений, а грамматические исследования опирались лишь на интралингвистические факторы и не включали в свой арсенал экстралингвистические особенности исследуемого предмета. В научном анализе прослеживалось четкое разграничение плана содержания и плана выражения грамматических форм и значений.

Наряду с подобными работами в лингвистических исследованиях некоторых ученых этого временного диапазона появляются различные концепции, которых объединяет антропоцентрическая парадигма. Э. Сепир в работе «Положение лингвистики как науки (*The status of Linguistics as Science, 1929*)» пишет о том, что с развитием лингвистической мысли, «язык зарекомендовал себя как полезное средство в науках о человеке» [12, с. 232]. По мнению американского лингвиста, если современный языковед не лишен креативных помыслов, он будет связывать лингвистику с антропологией, культурой, социологией и психологией, философией и «в более отдаленной перспективе – физикой и физиологией» [12, с. 232].

В начале XX века выделяются представители немецкой школы психологии мышления (А. Марти, А. Гардинер, К. Бюлер). Так, А. Марти, занимающийся философией языка, в работе «Исследования к обоснованию всеобщей грамматики и философии языка» (1908) опирался на концепцию эмпирической психологии человека [13]. Исследователь сделал попытку создать логическую и универсальную грамматику, согласно заданному алгоритму, не применяя в своем анализе методы сравнительно-исторического языкознания.

В указанном научном русле можно отметить работу А. Гардинера «Теория речи и языка» (1932). Противопоставляя язык и речь, автор обращает внимание на тот факт, что предложение, будучи единицей речи, во многом зависит от субъективного фактора, т.е. от психологии мышления человека.

К. Бюлер в своей «Теория языка» (1934), касаясь вопросов грамматики, суммирует и компилирует идеи А. Марти, А. Гардинера, опираясь в первую очередь на логику и психологию языка. Работы К. Бюлера, по мнению В.А. Звегинцева, наполнены терминологией философского и психологического содержания [13, с. 6].

Наблюдается смена вектора лингвистических исследований в целом и грамматического анализа в частности. Внутренний кризис лингвистики, изолировавшей себя от других дисциплин научного знания, заставил ученых разрабатывать новые направления языкового анализа. Исследователи пришли к необходимости изучения языка на всех его уровнях (лексическом, грамматическом, семантическом, коммуникативном), используя данные психологии, социологии, культурологи, когнитивистики и других наук.

Языковеды отказываются от принципа упрощения предмета исследования, что приводит, в свою очередь, к тому, что размываются границы объекта исследования. На первый план выходит содержание (семантика), т.е. значение языкового элемента (лексическое, грамматическое) становится актуальным для любого лингвистического исследования. Развиваются несколько крупных лингвистических теорий – функционализм (Ш. Балли), генеративная грамматика (Н. Хомский), грамматика Р. Монтегю, порождающая семантика (Дж. Лакофф), фреймовая семантика (Ч. Филлмор), лингвистика текста (У. Чейф), когнитивная лингвистика (Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, А. Кибрик). Указанные течения создавали определенный теоретический климат в лингвистическом пространстве, оказывая, в целом, позитивное влияние на ход развития современной науки о языке.

Функционализм XX в., продолжая традиции структурализма, выделяет в качестве предпочтений для исследования функции элементов выражения, а не сами элементы: Ш. Балли (*Linguistique générale et linguistique française, 1932*), А.Е. Кибрик (*The methodology of field investigations in linguistics (setting up the problem, 1977)*) и др. Современный функционализм выступает антагонистом формализму грамматического учения Н. Хомского.

Ш. Балли в своей Лингвистике выявляет взаимосвязь грамматики, логики и психологии. Категории предикации, модальности, эмотивности и некоторые другие описываются автором на стыке синтаксиса с логикой и психологией.

Позднее выходит в свет работа Л. Теньера «Основы структурного синтаксиса» (*Eléments de syntaxe structurale, 1959*), которая является вариантом трансформационной (порождающей) грамматики. Анализируя организацию синтаксических структур внутри предложения, Л. Теньер оставляет без внимания анализ грамматических категорий предложения, эмфатизацию, характерную для актуального членения. Ученому удалось лишь наметить синтаксическую теорию, которая впоследствии стала альтернативой другой значимой теории синтаксических структур XX века – генеративной грамматики.

Н. Хомский, основатель особой системы грамматиче-

ского описания под названием генеративная грамматика, предложил свою модель «Синтаксических структур» (1960–1970 гг.). С помощью детерминированного набора грамматических средств ученый презентует язык как механизм, который в состоянии производить бесконечное количество синтаксических структур. По мнению сторонников генеративизма, грамматика должна содержать некий инструмент, производящий определенные выражения, которые этой же грамматикой трактуются как идеально сконструированные модели письменной речи. Данный проект встретил критику со стороны представителей порождающей семантики, создателем которой считается один из основателей когнитивной лингвистики Дж. Лакофф (1970–1980 гг.). Научное сообщество со временем потеряло интерес к теории Н. Хомского, ввиду несовершенства и недоработки, по мнению некоторых ученых, основных позиций данного метода грамматического описания.

Дж. Лакофф предложил иную концепцию, в основе которой – обобщение знаний о языке и их связь со знаниями об устройстве человеческого мышления и мозга. Согласно данной концепции, порождение синтаксических структур любого языка начинается с определенной семантической структуры, которая и является глубинной структурой. Таким образом, основатель порождающей семантики отрицал представление о существовании формального синтаксиса, который лишь впоследствии интерпретируется, т.е. наполняется некоторой семантикой.

В 70-е годы XX века появляется теория, под названием «грамматика Монтегю», являя собой реализацию грамматики категорий. Основатель данной концепции американский математик Р. Монтегю (*Richard Merett Montague*) предпринял попытку создать грамматику, которая строится на теории синтаксиса и семантики, т.е. в основу своих изысканий он положил понятийные и функциональные категории. Автор разработал определенный алгоритм, позволяющий понять механизм идентификации семантических характеристик любой грамматической конструкции. По мнению ученого, грамматика — это логика языковой системы [19].

В последнее десятилетие XX века американским лингвистом Ч. Филлмором (*Fillmore Charles J.*) разрабатывается система описания языка под названием конструкционная грамматика или фреймовая семантика, согласной которой фиксированный грамматический фрейм является базовым элементом любого языка и несет в себе одновременно семантическую, синтаксическую и грамматическую информацию. Термин фрейм, заимствованный из английского языка, означает «рамка, каркас», впервые был разработан американским ученым в области искусственного интеллекта М. Минским. Фреймы, по его теории, это особые структуры, с помощью которых

возможно более точное описание механизмов человеческого мышления [11].

Лингвистика текста, одно из направлений языкознания конца XX века, в основе которого лежит языковой анализ более значимых языковых единиц, чем предложение. Этот подход объясняется тем, что более крупные текстовые фрагменты обладают аутентичной композиционной структурой. Использование категорий текста способствовало решению определенных грамматических задач в результате грамматического анализа.

Так, по мнению Ю.С. Степанова, некоторые языковые феномены возможно объяснить лишь при помощи «текстовой теории падежа». Синтаксический анализ одного предложения не справиться с данной задачей [14].

Известно, что язык — это многофункциональное явление. Базисными функциями языка считаются: коммуникативная, познавательная и функция воздействия (волеуправляющая). В процессе коммуникации говорящий и реципиент используют не только лексические и экспрессивные средства языка, но и грамматические (морфологические и синтаксические).

Исходя из традиционного принципа системности языка, эти языковые средства составляют разные уровни, внутри которых выделяются определенные категории и языковые единицы, которые, в свою очередь, позволяют раскрыть специфику того или иного значения и формы. Подобный подход может позволить проводить анализ значений в рамках отдельно взятой грамматической категории или лексико-грамматического класса.

В середине XX века кристаллизуется новое лингвистическое направление, которое базируется на принципе неразрывного единства системно-структурного компонентов языка. Это направление языкознания исследует законы функционирования грамматических единиц в обязательном их взаимодействии с элементами различных языковых ярусов, используя при этом способ описания «от семантики к формальным средствам» в сочетании с подходом «от формы к значению (функции)». Функциональная грамматика, как особый тип грамматического описания и грамматической теории, приводит к переосмыслению прежних традиционных понятий, которые с развитием лингвистической мысли требуют более глубокого исследования и более точного определения явлений структуры языка.

Довольно много исследований в данном направлении проведено на материале русского языка. Большое влияние на развитие грамматических исследований конца XX – начала XXI веков в России оказала серия монографий «Теория функциональной грамматики» в шести томах, опубликованная под редакцией А.В. Бондарко

(1980–2001 гг.). Теория функциональной грамматики в большей степени связана с традициями Ленинградской грамматической школы и опирается на концепцию функционально-семантической категории и функционально-семантического поля.

В основе изучения грамматических явлений французского языка, в частности проведенных В.Г. Гаком, положен функционально-семантический подход, что, безусловно, подтверждает популярность и значительный интерес к данной области лингвистической науки.

Наряду с теорией функциональной грамматики авторский коллектив под научным руководством Г.А. Золотовой успешно занимается разработкой коммуникативной грамматики русского языка. Занимаясь проблемами синтаксиса, автор создает семантические структуры предложения, принимая за единицу синтаксиса синтаксему. В основе теории автора лежит принцип, позволяющий проводить функциональное исследование синтаксических структур языковой системы, учитывая структуру текста и коммуникативную типологию речи [4].

В начале XXI века возрастает интерес языковедов к анализу различных явлений языка в аспекте функционально-коммуникативной грамматики. Это направление в русистике разрабатывают М.В. Всеволодова, Э.И. Амиантова, Г.А. Битехтина, Л.П. Клобукова, Ф.И. Панков и др. Исследования этих авторов охватывают формальный, семантический, коммуникативный уровни языковой системы и их речевые воплощения, они изучают не только устроенность функционально-семантического поля, но и совокупность элементов языка, входящих в данное поле.

В русле антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания в конце XX – начале XXI веков формируется научная теория «языковая картина мира», согласно которой любой живой язык отражает способ восприятия мира, свойственный определенной нации – В.Н. Телия (1988), Г.В. Колшанский (1990), Е.С. Яковлева (1994), Ю.Д. Апресян (1995) и др. Со временем сформированное языком мировоззрение навязывается носителям языка, в большей степени через массмедиа. Семантика лексем, грамматические категории, синтаксические конструкции языка, по мнению таких ученых, как А.Д. Шмелев (2011), Т.Б. Родбиль «2014), Т.Н. Буцева (2011), Е.А. Левашов (2009) и др., способны отчасти передавать представления о мире, неся в себе определенные этнокультурные коды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результат проведенного исследования грамматических описаний XX – начала XXI веков показал, что независимая грамматика не в состоянии справиться с объяс-

нением глубинных процессов современного языка. Ей необходима информация других наук, связанных, так или иначе, с человеческой деятельностью, т.к. трудно добиться весомых результатов не используя данные окружающего нас мира и результаты неязыковых наук [3, с. 261].

Анализ научных исследований XX – XXI веков, вклю-

чающих грамматические аспекты естественного языка, показал, что ученые активно используют методы и приемы различных научных парадигм. Наиболее перспективным направлением грамматических исследований являются те, в которых учитывается симбиоз объекта и субъекта познания, в котором объектом выступает язык, а субъектом – человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Из-во МГУ, 2000. – 502 с.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.
3. Демьянков В.З. Формализация и интерпретация в семантике и синтаксисе: по материалам американской и английской лингвистики // ИАНСПЯ, 1979. Т.38. № 3. – С.261.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / отв.ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
6. Коммуникативная грамматика русского языка (коллективная монография) / под общ. ред. д.ф.н. Г.А. Золотовой. – М.: Наука, 2004. – 544 с.
7. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М. РГГУ, 1995. – С. 144-238.
8. Кун Т. «Структура научных революций». – М. Прогресс, 1975. – 288 с.
9. Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 277 с.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
11. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
13. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – 495 с.
14. Степанов Ю.С. Текстовая теория русских падежей в описательном и сравнительно-историческом языкознании // Русистика сегодня: Язык: система и ее функционирование. – М., 1988. – С. 31-57.
15. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. – Вып. 37. – С. 142-151.
16. Bohr N. Atomic Physics and Human Knowledge / N. Bohr. – N. Y., 1962. – 100 p.
17. Bloomfield L. Linguistic Aspects of Science / L. Bloomfield. – Chicago, 1939. – 90 p.
18. Fillmore Ch.J. Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. – Seoul: Hanshin, 1982. – P. 111- 137.
19. Montague R. Formal philosophy: Selected papers / Ed. by R. H. Thomason. – N. H.; L.: Yale UP, 1974. – 369 p.
20. Waismann F. Introduction to Mathematical Thinking. The Formation of Concepts in Modern Mathematics / F. Waismann. – N. Y., 1957. – 272 p.

© Зененко Наталья Викторовна (zenenko@mail.ru), Бочарова Анна Владимировна (global.world@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТЕКСТАХ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА ПАО «АЛРОСА»

TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF TEXTS IN THE OFFICIAL SITE OF ALROSA PJSC

*R. Ivanova
A. Salgynova*

Summary: The article is devoted to the study of translation transformations in the texts of the official website of Alrosa PJSC. The authors investigate the influence of transformations on the adequacy of the translation, and also consider the frequency of the translator's use of various types of transformations in order to identify the most successful techniques. The percentage of applied transformations is displayed and analyzed.

Keywords: translation transformations, translation adequacy, English, text.

Иванова Раиса Петровна

*К. филол. н., Политехнический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова» в г. Мирном
Raissa1@yandex.ru*

Салгынова Александра Александровна

*Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-
Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова» в г. Мирном
salgynova18@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена изучению переводческих трансформаций в текстах перевода официального сайта АК «Алроса» ПАО. Авторы исследуют влияние трансформаций на адекватность перевода, а также рассматривают частотность употребления переводчиком различных типов трансформаций с целью выявления наиболее успешных приемов. Выводится процентное соотношение применяемых трансформаций и приводится его анализ.

Ключевые слова: переводческие трансформации, адекватность перевода, английский язык, текст.

Целью статьи является анализ переводческих трансформаций в текстах перевода официального сайта АК «Алроса» ПАО.

Актуальность работы обусловлена интересом к адекватному переводу официальной информации предприятий в сетевом пространстве в свете глобализации и информатизации мирового сообщества.

Понятие «переводческая трансформация» имеет несколько определений. Так, В.Н. Комиссаров в своей работе называет переводческую трансформацию «преобразованием, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» [Комиссаров, 1990].

Л.С. Бархударов под трансформацией понимает «преобразование, которое может употребляться только тогда, когда преобразование используется в общем описании языка, например, если речь идет между языковыми и речевыми единицами, где одна является исходной, а другая основывается на первой» [Бархударов, 1975].

Понятие переводческой трансформации А.Д. Швейцера имеет схожесть с трактовкой Бархударова. В своей работе он писал, что «переводческая трансформация – это отношение между исходным и переводимым языками, в процессе которого меняется форма выражения с одной в другую» [Швейцер, 1973].

На основании трудов Л.С. Бархударова и А.Д. Швейцера, Г.К. Гарбовский определяет переводческую трансформацию как «процесс перевода, где переводчик воспринимает и понимает смысл исходного текста, затем трансформирует речевую форму естественным путем, с помощью межъязыковой асимметрии, и в итоге получает аналогичную по смыслу текст» [Гарбовский, 2004].

В своей работе мы рассматриваем переводческие трансформации на материале официального сайта АК «Алроса» ПАО.

Обратим внимание на репрезентативные примеры, в которых информация коррелирует в обоих вариантах и является равноценной.

1. *Основные объекты АЛРОСА по добыче и обработке алмазного сырья располагаются в двух российских регионах: в Республике Саха (Якутия), где Группа ведет добычу в карьерах, рудниках и на россыпях, а также в Архангельской области на северо-западе страны, где добыча ведется карьерным способом.*

ALROSA's main mining and processing operations are located in two Russian regions: the Republic of Sakha (Yakutia) and the Arkhangelsk region in the northwest of the Russian Federation. The company has open-pit and underground mining as well as alluvial operations in Yakutia, and there are only open-pit mines in the Arkhangelsk region.

При анализе данного абзаца были выявлены следующие переводческие трансформации: членение предложения, конкретизация, генерализация, замена типа предложения, транслитерация, транскрипционный способ.

Особенностью английского языка является фиксированный порядок слов, поэтому переводчик разделил предложение на две части, чтобы не нарушать его. Также при членении предложения произошла замена типа предложения, в русской версии предложение было сложноподчиненным. Конкретизация была применена, чтобы не было путаницы, так как английское слово «country» имеет 2 определения по кембриджскому словарю: страна и деревня (сельская местность) [15]. Генерализация слова «группа» на «company» связана с тем, что в английском языке слово «group», при обозначении группы компаний, требует дополнительного слова, поэтому переводчик применил слово «company», которое имеет более общее значение. Также наблюдаем транслитерацию слова «АЛРОСА», транскрипционный перевод названий регионов Российской Федерации «Саха (Якутия)» и «Архангельский», что является характерным приемом при переводе имен собственных.

Данный перевод немного искажает информацию, так как в переводе не указан вид сырья, которую компания добывает и перерабатывает. Поэтому в начале предложения после слова main следует добавить определение diamond, чтобы не было информационной потери.

Рассмотрим следующий пример:

2. МИРНИНСКИЙ ГОК

Является старейшим горно-обогатительным комбинатом АЛРОСА и осуществляет добычу алмазов на следующих объектах:

- Рудник «Интернациональный». Введен в эксплуатацию с 1999 года. Характеризуется очень высоким содержанием алмазов в руде (8,09 карата на тонну).
- Рудник «Мир». Введен в эксплуатацию в 2009 году.

MIRNY MPD

The oldest mining and processing division of ALROSA, conducts diamond mining at the following deposits:

- Internatsionalny underground mine (since 1999) at Internatsionalnoye deposit is characterized by very high diamond grade (8.09 carats per ton).
- Mir underground mine (since 2009) at Mir deposit.

В данном отрывке наблюдается использование таких переводческих трансформаций, как дословный перевод, объединение предложений, транслитерация и конкретизация.

Объединение трех предложений: третье предложение «Введен в эксплуатацию с 1999 года» перемещено в скобку, тем самым сократив объем предложения, но и сохранив информацию. Также применена конкретизация при переводе слова «объекты» на «deposits», что в переводе означает месторождения, так как в предложении перечислены месторождения. Дословный перевод был применен во второй части предложения: осуществляет добычу алмазов на следующих объектах - conducts diamond mining at the following deposits, так как данные отрывки идентичны по своей структуре.

Название компании АЛРОСА переведено с помощью транслитерации, также и наименование рудников «Internatsionalnoye» и «Mir». Применение трансформаций оправдано, потерь не наблюдается.

3. НЮРБИНСКИЙ ГОК

Один из самых молодых горно-обогатительных комбинатов Группы ведет работы на Накынском рудном поле. ГОК осуществляет разработку следующих объектов:

- Карьер «Нюрбинский» (с 2002 года).
- Трубка «Ботубинская». Открыта в 1994 году, находится в 3,3 км к юго-западу от трубки «Нюрбинская». Добыча руды открытым способом началась в 2015 году.

Alluvial deposits. Rosсыпное месторождение «Нюрбинское» располагается в околотрубочном пространстве коренного месторождения алмазов одноименной трубки; россыпь «Ботубинская» пространственно и генетически связана с одноименной трубкой и прилегает к ней с юго-западного фланга.

NYURBA MPD

One of the youngest MPD's of ALROSA Group, conducts mining at the Nakyn kimberlite field. Conducts diamond mining at the following deposits:

- Nyurbinsky open-pit (since 2001).
 - Botuobinskaya pipe. Was discovered in 1994; the pipe is located 3.3 km southwest from Nyurbinskaya pipe. Open-pit mining started here in 2015.
- Alluvial deposits. Nyurbinskoye placer deposit is located in the immediate vicinity of the primary kimberlite deposit of the same name; Botuobinskaya placer deposit is closely associated with the kimberlite pipe, both spatially and in origin, and adjoins the Botuobinskaya pipe on the southwest flank.

Переводческие трансформации: транслитерация, генерализация, конкретизация.

Наблюдается приём генерализации словосочетания «околотрубочном пространстве» на «the immediate vicinity», так как в английском языке нет эквивалента к слову «околотрубочном», в связи с этим, перевод-

чик заменил его на слово с более широким значением «immediate». Для перевода имен собственных «Нюрбинский, Ботубинская» применена транслитерация «Nyurbinsky, Botubinskaya». Конкретизация русского прилагательного «рудное» на английское «kimberlite», связана с тем, что помимо кимберлитовых, существуют и лампроитовые месторождения. Примененные трансформации удачны, переводческих потерь не наблюдается.

Таким образом, анализ переводческих трансформаций в текстах перевода официального сайта АК «АЛРОСА» ПАО позволил сделать следующие выводы:

Всего было проанализировано 42 предложения исходного текста: 1692 печатных знаков. Из выявленных 42 переводческих трансформаций, 24 – лексические трансформации, 18 – грамматические. Все переводческие трансформации были разобраны на примере 39 предложений текста перевода, так как при работе с текстом оригинала переводчик подверг объединению несколько предложений. Чаще всего переводчик использовал лексические трансформации (57% от 100%). Употребление данной трансформации связано с тем, что эквивалентных значений в языке перевода отсутствуют.

Из грамматических трансформаций больше всего была применена замена, что составляет 50% от общей суммы, что обусловлено тем, что в английском языке фиксированный порядок слов, и, чтобы придерживаться его, переводчик использовал замены типов предложения при переводе.

Объединение предложений занимает 22% от общей

суммы, как и дословный перевод, в русском тексте присутствуют короткие предложения, которые переводчик объединил при переводе, при этом сохранил структуру английского языка.

В тексте присутствует всего одно предложение, так как в исходном языке одно предложение было очень сложным для перевода, из-за чего переводчик разделил его на 2 части, для упрощения восприятия информации.

Из лексических трансформаций большую часть занимает транслитерация (39%). Такое большое использование транслитерации обусловлено тем, что в тексте было много имен собственных. Например, название компании, рудников и т.д.

При переводе с русского на английский чаще всего используется генерализация (26%), нежели чем конкретизация, так как лексика английского языка имеет более абстрактный характер. Конкретизация (11%) тем не менее, встречается в отдельных случаях.

Транскрипция (8%) в основном применена при переводе названий городов.

При анализе приемов модуляции и калькирования не наблюдается.

Проведенный анализ позволил выделить основные переводческие трансформации, помогающие переводчику осуществить адекватный перевод официальной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: 1975. – 240 с.
3. Швейцер А.М. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. – 215 с
4. Швейцер А.М. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск. Унта, 2004. – 544 с.
6. АЛРОСА | Корпоративный сайт: сайт. - URL: <http://www.alrosa.ru/> (дата обращения: 17.01.2020).

© Иванова Раиса Петровна (aissa1@yandex.ru), Салгынова Александра Александровна (salgynova18@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ GERONTOLOGICAL ФАКТОРОВ НА ИНТОНАЦИЮ

Инь Сяо

Аспирант, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, Москва
superazhen@hotmail.com

INFLUENCE OF GERONTOLOGICAL
FACTORS ON VOICE AND INTONATION

Yin Xiao

Summary: Age-related changes have a significant impact on the voice and intonation of a person, many different studies have shown that it is very easy to distinguish a «young» voice from an «old» one, this is largely due to physiological changes, for example, with a deterioration in lung function and degradation of the muscles of the larynx. All these physiological changes have a very strong effect on the formation and change of intonation in people at different ages. Using an experimental analysis of such prosodic parameters as the frequency of the main tone, intensity and analysis of the tempo of speech, a study of the influence of gerontological factors on intonation was carried out. The study analyzes sound recordings that were recorded by respondents aged 20 and over, all respondents were divided into four age groups: 20-30 years old, 40-50 years old, 50-60 years old and people over 65 years old. All research and experimental analyzes in this article are carried out using the PRAAT program developed by two Dutch scientists Paul Boersma and David Weenink at the Phonetic Research Institute of the University of Amsterdam, this program allows you to do, for example, spectral analysis or tone analysis.

Keywords: age, intonation, PRAAT, pitch, intensity, speech rate.

Аннотация: Возрастные изменения оказывают значительное влияние на голос и интонацию человека, множество разных исследований доказали, что очень легко отличить «молодой» голос от «старого», во многом это связано с физиологическими изменениями, например, с ухудшением легочных функций и деградацией мышц гортани. Все эти физиологические изменения оказывают очень сильное влияние на формирование и изменение интонации у людей в разном возрасте. Используя экспериментальный анализ таких просодических параметров, как частота основного тона, интенсивность и анализ темпа речи и было проведено исследование влияния геронтологических факторов на интонацию. В исследовании анализируются звукозаписи, которые записали респонденты от 20 лет и старше, все респонденты были поделены на четыре возрастные группы: 20-30 лет, 40-50 лет, 50-60 лет и люди старше 65 лет. Все исследования и экспериментальные анализы в данной статье проводятся с помощью использования программы PRAAT, разработанной двумя Нидерландскими учеными Полом Боерсма и Дэвидом Вининком в институте фонетических исследований Амстердамского университета, эта программа позволяет делать, например, спектральный анализ или анализ тона.

Ключевые слова: возраст, интонация, PRAAT, частота основного тона, интенсивность, темп речи.

Введение

Звуковая сторона речевой коммуникации чрезвычайно сложна и разнообразна, она состоит из нескольких этапов, которые изучаются в разных разделах фонетики. Один из разделов фонетики – это акустический раздел. «В акустической фонетике изучаются физические характеристики звуковых единиц» [1, с. 16], например, такие просодические параметры как интенсивность, частота основного тона и темп речи.

«Интенсивность речи – сила произнесения звуков, слов, речевых оборотов, зависящая от условий выступлений, от помещения (в комнате, зале, на площади) и связанная с особенностями речевого дыхания» [2].

Частота основного тона, которую еще обозначают как ЧОТ, Fundamental Frequency или F0 – это частота колебания голосовых связок при произнесении тоновых звуков» [3]. Частота основного тона голоса зависит от «1) напряженности связок, которая регулируется сокращением мышечной части связок (увеличение напряженности повышает ЧОТ) или подъемом перстневидного хряща (поэтому передние гласные более высокие).

2) перепада давлений по обе стороны глоттиса: повышение подсвязочного давления приводит к повышению ЧОТ (более громкие звуки являются и более высокими» [1, с.87].

Используя экспериментальный анализ этих просодических параметров и проводилось исследование влияния геронтологических факторов на интонацию.

Многие научные исследования доказали, что возрастные изменения оказывают сильное влияние на формирование голосовых и интонационных характеристик человека. С возрастом человеческое тело меняется, что, в свою очередь, провоцирует и изменение голоса, это станет особенно заметно, если сравнить голос подростка и голосом старика, любой человек с лёгкостью отличит «старый» голос от «молодого» на слух. Кроме влияния паталогических факторов (например, рака гортани или нейропатии гортани) голос пожилых людей подвергается и другим воздействиям, которые в дальнейшем сказываются на громкости и высоте голоса пожилых людей (когда начинается процесс старения, высоты голоса начинает повышаться, а вот его интенсивность, наоборот, падает). Эти изменения связаны с дегенерацией

функций легких. Людям в пожилом возрасте необходима более активная вентиляция, чтобы поддерживать речевую деятельность, это сказывается на скорости речи. Понижение громкости идёт вместе с усилением звуков дыхания, и это ведёт за собой деградацию мышц гортани. Все вышеописанные возрастные изменения, безусловно, сказываются на произношении и интонировании людей. Ниже будет исследовано, как именно возрастные изменения влияют на интонацию людей в разном возрасте.

Экспериментальный анализ

В данной статье будет представлен, проведённый экспериментальный анализ влияния геронтологических изменений на интонацию. Каким образом вышеописанные факторы проявляются и влияют на интонацию людей разного возраста.

Интонация (от лат. *intonare* — громко произносить) – это «ритмико-мелодическая сторона речи, служащая в предложении средством выражения синтаксических значений и эмоционально-экспрессивной окраски. Составными элементами интонации являются: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения» [4].

В исследовании участвовало 16 человек, по 4 человека в каждой возрастной группе: 20-30 лет, 40-50 лет, 50-60 лет и старше 65 лет. Такие группы были выделены в связи с тем, что до 20 лет организм её не до конца сформирован, с 20 до 40 лет не происходит никаких заметных физиологических изменений, способных оказывать влияние на интонацию, а дальше возрастные изменения начинают понемногу оказывать влияние на организм. Считается, что качественное изменение голоса происходит примерно каждые 10 лет [5, с. 8].

Респондентов попросили прочитать 3 предложения: «В доме коменданта я был принят как родной», «Блажен, кто молча был поэт», «Не приведи Бог увидеть русский бунт бессмысленный и беспощадный»

Полученные материалы были обработаны и проанализированы с помощью программы PRAAT. PRAAT – бесплатный компьютерный программный пакет для анализа речи в фонетике. Программа поддерживает синтез речи, в том числе артикуляционный синтез [6].

Для определения влияния геронтологических изменений на интонацию сначала было проанализировано время, которое потребовалось респондентам на прочтение каждого предложения (таблицы 1-3), средняя частота основного тона (таблица 4) и средняя интенсивность (таблица 5). В таблицах 4 и 5 указаны средние данные по всем трём предложениям.

Таблица 1.

В доме коменданта я был принят как родной

	Сек.	Сек.	Сек.	Сек.	Среднее время прочтения
20-30	2,871	3,12	2,74	2,9	2,90775
40-50	2,431	3,5	2,3	2,93	2,79025
50-60	3,83	3,04	2,5	3,44	3,2025
65+	3,41	2,8	4,11	3,7	3,505

Таблица 2.

Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный

	Сек.	Сек.	Сек.	Сек.	Среднее время прочтения
20-30	4,6	4,32	3,541	4,8	4,31525
40-50	3,63	5,5	4,3	3,8	4,3075
50-60	5,6	4,4	3,825	5,18	4,75125
65+	4,65	5,01	5,953	6,12	5,43325

Таблица 3.

Блажен, кто молча был поэт

	Сек.	Сек.	Сек.	Сек.	Среднее время прочтения
20-30	2,2	2,2	1,9	1,9	2,05
40-50	1,67	1,67	1,84	1,87	1,7625
50-60	3,15	1,7	1,64	2,4	2,2225
65+	2,18	2,07	2,95	2,44	2,41

Исходя из результатов проведённого исследования, можно заключить, что в каждом предложении прослеживается одна закономерность: все три предложения медленнее всего произносят самые старшие респонденты, чуть быстрее читают респонденты 50-60 лет, ещё чуть более высокая скорость чтения наблюдается у самых младших респондентов (20-30 лет), а самая высокая скорость наблюдалась у группы 40-50 лет.

Таблица 4.

Частота основного тона

Возраст	Средняя частота основного тона, минимум Hz	Средняя частота основного тона, максимум Hz	Средняя частота основного тона Hz
20-30	104,8	258,83	181,815
40-50	70,813	213,51	142,1615
50-60	100,97	214,73	157,85
65+	100,812	265,03	182,921

Исходя из полученных результатов видно, что самый высокий тон частоты основного тона наблюдается у лю-

дей старше 65 лет, а самый низкий – у группы 40-50 лет, между ними идут группы 50-60 лет и группа 20-30 лет в порядке возрастания.

Таблица 5.

Средняя интенсивность			
Возраст	Средняя интенсивность, минимум db	Средняя интенсивность, максимум db	Средняя интенсивность db
20-30	80,944	45,93	63,437
40-50	80,13	42,9	61,515
50-60	84,36	35,74	60,05
65+	83,27	38,3	60,785

Результаты исследования интенсивности голоса совершенно другие. Самая высокая интенсивность голоса у самой молодой группы (20-30 лет), чуть более высокая интенсивность у группы постарше (40-50 лет), за ними идёт групп 65+ лет, а вот самую низкую интенсивность демонстрирует группа 50-60 лет.

Существует предположение, что речь молодых звучит более слитно, для проверки данной теории, с помощью программы PRAAT были выделены длительность каждого слова и каждой паузы, для каждой возрастной группы была посчитана средняя длительность этих показателей (таблица 6, таблица 7), потом результаты были проанализированы.

Таблица 6.

Средняя длина слов				
	20-39	40-49	50-59	65+
В	0,582	0,14	0,17	0,171
Доме	0,263	0,25	0,26	0,35
Коменданта	0,82	0,69	0,81	0,89
Я	0,16	0,18	0,2	0,24
Был	0,178	0,2	0,17	0,21
Принят	0,32	0,32	0,34	0,4
Как	0,18	0,18	0,2	0,2
Родной	0,48	0,48	0,52	0,53
Итого	2,983	2,44	2,67	2,991

Таблица 7.

Средняя длина пауз

	20-39	40-49	50-59	65+
В	0	0	0	0,01
Доме	0,05	0,042	0,06	0,05
Коменданта	0,12	0,1	0,16	0,21
Я	0	0	0,012	0,012
Был	0,06	0,05	0,1	0,052
Принят	0,06	0,12	0,14	0,131
Как	0	0,007	0	0
Итого	0,29	0,319	0,472	0,465

Полученные результаты показывают, что самые короткие паузы у молодых людей, соответственно, их речь кажется более нерасчленённой по сравнению с речью более старших поколений. А вот средняя скорость слов респондентов группы 20-30 лет лишь немного быстрее средней скорости.

Заключение

Возраст, безусловно, оказывает сильное влияние на формирование интонации. Исследование показало, что самой высокой частотой среднего тона обладает самая старшая группа респондентов (люди старше 65 лет), они же говорят почти самым тихим голосом (с очень низкой интенсивностью), что можно объяснить несколькими явлениями: во-первых, у пожилых людей наблюдается потеря тонуса мышечных волокон, что влияет на громкость и высоту голоса, кроме того, как было сказано выше, у людей в пожилом возрасте начинается деградация легочной функции, которая напрямую влияет как на скорость речи, так и на её интенсивность. Представители самой младшей же группы, наоборот, демонстрируют самую высокую интенсивность речи, так как их легкие пока не подвержены старческим патологиям. Кроме того, было доказано, что речь молодых самая слитнозвучающая и нечленораздельная за счёт самой короткой длительности пауз между словами. А респонденты старше 65 лет демонстрируют самую низкую скорость произнесения предложений. Таким образом экспериментальный анализ речи людей разных возрастов успешно подтвердил, что геронтологические изменения влияют на интонацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. М.: Гаудеамус, 2011. 426 с
2. Интенсивность речи // Департамент развития образовательных ресурсов, Казанский (Приволжский) федеральный университет. URL: <http://tulpar.kpfu.ru/mod/glossary/showentry.php?eid=26484&displayformat=dictionary> (дата обращения: 14.08.2020).
3. Pitch-tracking, или определение частоты основного тона в речи, на примерах алгоритмов Praat, YAAPT и YIN // Habr - сообщество IT-специалистов URL: <https://habr.com/ru/company/neurodatalab/blog/416441/> (дата обращения: 14.08.2020)

4. Интонация // Словарь лингвистических терминов URL: <https://slovar.cc/rus/term/1464036.html> (дата обращения: 01.11.2020).
5. 应用 Praat 软件分析成人嗓音声学参数 [Использование программного обеспечения Praat для анализа акустических параметров голоса взрослого человека] // Wenku Baidu URL: <https://wenku.baidu.com/view/7fb1e754a517866fb84ae45c3b3567ec102ddcef.html> (дата обращения: 01.11.2020).
6. Praat: doing phonetics by computer // PRAAT URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения: 01.11.2020).

© Инь Сяо (superazhen@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

«ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» АННИ ЭРНО И ЖАНА РУО

Косова Юлия Анатольевна

К. филол. н., доцент, Российский университет
дружбы народов, г. Москва
uakossova@mail.ru

ETHNOGRAPHIC WRITING OF ANNIE ERNAUX AND JEAN ROUAUD

Yu. Kosova

Summary: This article examines the main features of autobiographical narrative in A. Ernaux and J. Rouaud's works, particularly in *La Place* and *Les Hommes illustres*. It highlights the hybridity of their works, which neither quite corresponds to the standards of traditional autobiography, nor to those of autofiction in vogue in French literature at the turn of the centuries. '«L'écriture plate» (flat writing) by Annie Ernaux is at the crossroads of literature, history and sociology. Without giving up the genre of the novel, J. Rouaud uses fiction as a tool for seeking his own and other people's truth. A. Ernaux and J. Rouaud are considered to be ethnographic writers. Subjectivity is linked to an awareness of the family and collective past. Both authors collect objective traces of the passing era, seeking to grasp the meaning of the social, cultural and economic transformations which affected the French province in the first half of the 20th century. In their indirect autobiographies, returning to oneself involves the reappropriation of the father's life, which is sociologically, geographically and historically determined. We analyze the stylistic characteristics shared by those writers and likely to allow us to label their works as ethnographic writing: the concept of «place» in the titles of the two books, the prevalence of the personal pronoun «we», the depersonalisation of toponyms, various means of creating the polyphonic narrative.

Keywords: autobiographical writing, memory, autofiction, history, subjectivity, ethnographic writing, French province.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности памятного дискурса в произведениях «Место в жизни» А. Эрно и «Знаменитые люди» Ж. Руо. В ней раскрывается гибридный характер автобиографизма писателей. Их форма «письма о себе» не вписывается ни в рамки традиционной автобиографии, ни «автовымысла» (autofiction), который получил особое распространение во французской литературе рубежа XX-XXI веков. «Плоское письмо» А. Эрно лежит на перекрестке литературы, истории и социологии. Ж. Руо не отказывается от жанра романа, но использует вымысел лишь как инструмент поиска правды о себе и других. А. Эрно и Ж. Руо называют писателями-этнографами. Поиск самоидентичности неразрывно связан с необходимостью осознания семейного и коллективного прошлого. Они фиксируют материальные следы уходящей эпохи, пытаются постигнуть смысл социальных, культурных, экономических преобразований, затронувшие французскую провинцию первой половины XX века. В их «окольных» автобиографиях «возвращение к себе» происходит через воссоздание портрета отца, который оказывается географически, социально и исторически детерминированным. В работе анализируются общие для обоих произведений характеристики, позволяющие отнести их к «этнографическому письму»: идея «места» в заглавии произведений, преобладание местоимения «мы», деперсонализация топонимических обозначений, способы создания полифонического дискурса.

Ключевые слова: автобиографическое письмо, память, автовымысел, история, субъективность, этнографическое письмо, французская провинция.

Введение

Значительное место в литературном пейзаже современной французской литературы занимают произведения с очевидной автобиографической доминантой. Возвращение к «рассказыванию историй», которым отмечен рубеж XX-XXI вв., происходит через вопрошание прошлого в четырех его ипостасях - личное, семейное, коллективное и литературное, - которые оказываются тесно связанными в поиске собственной идентичности и своего места в современной действительности. Потеря интереса к неправдоподобному вымыслу вызывает к жизни разнообразные формы «рассказа о себе» (récit de soi), которые не могут быть отнесены ни к традиционной автобиографии, ни к автобиографическому роману. От традиционной автобиографии их отличает нарушение пакта правдоподобия, ретроспективности и хронологической последовательности в изложении биографических фактов, смысловой завершенности. Соблюдение ономастического пакта совпадения имени

автора, рассказчика и главного героя, противоречащее сосуществованию в одном текстовом пространстве реальных и вымышленных историй, отдаляет новые автобиографии от автобиографического романа, в котором события жизни писателя являются всего лишь материалом для вымысла.

«Автовымысел» (autofiction) представляет собой референтное жанровое обозначение, без которого не обходится ни один современный французский литературовед, изучающий произведения о личном и семейном прошлом. Впервые получив теоретическое обоснование в предисловии к роману «Сын/Нити» Сержа Дубровски в 1977 г., эта новая гибридная форма письма о себе, обозначенная как «вымысел об абсолютно реальных событиях и фактах» [4], оказалась в центре литературной жизни Франции. Об этом свидетельствует интерес к исследованию параметров автофикциональности таких ученых, как В. Колонна, Ж. Женетт, Ж. Лекарм, Ф. Гаспарини, В. Грель, М. Дарьесек, А. Генон и др. «Автовымысел»

позволил, с одной стороны, по-новому взглянуть на произведения М. Пруста, С.-Г. Колетт, М. Лейриса, М. Дюрас и др., с другой стороны, открыл для современных авторов неограниченные строгими жанровыми канонами возможности самопознания. Его называют «биографией неизвестных» [3. Р. 25]. В отличие от традиционной автобиографии, автофикциональные произведения не создаются на завершающем этапе творчества и не являются синтезом жизненного опыта увенчанных славой личностей, как, например, у Ж.-Ж. Руссо. Они пишутся в течение всей жизни. В них писатель рассматривает каждый раз с нового ракурса свое прошлое и настоящее в попытке приблизиться к пониманию самого себя, к разрешению внутренних конфликтов. В «автовымысле» акцент делается на поиск скрытой, недоступной правды о себе через письмо, близкое к психоаналитическому дискурсу. По словам В.Д. Алташиной, вымысел является здесь не самоцелью, а «используется в качестве инструмента для поиска самоидентичности» [1. С.16].

В произведениях некоторых писателей возвращение к себе происходит окольным путем, через повествование о «другом», чаще всего о своих родителях. Эготическая интроспекция «автовымысла» уступает место желанию запечатлеть объективные следы уходящей эпохи: особенности быта и труда, языка, манеру общения со «своими» и «чужими», классовое членение городского пространства и т.д. В центре повествования оказывается изменение провинциальной действительности на протяжении XX в., а также жизнь социальных групп населения, которые редко становились предметом критического осмысления в послевоенной французской литературе – крестьян, рабочих, мелких коммерсантов.

Известный французский критик Д. Виар называет «этнографическим письмом» автобиографические произведения, в которых личное и семейное прошлое социально и географически детерминированы и могут быть раскрыты и осознаны только через связь с жизнью сообщества, коллектива, к которому принадлежал автор-рассказчик и его предки. Эта форма «письма о себе» развивается, прежде всего, в творчестве А. Эрно и Ж. Руо – двух ярких представителей французской литературы конца XX - начала XXI вв., лауреатов престижных французских литературных премий.

А. Эрно и Ж. Руо сближает общность провинциального происхождения. Они вышли из среды мелких коммерсантов, предками которых были крестьяне и ремесленники. Ж. Руо родился в небольшом городке Камбон, недалеко от Нанта. Его родители занимали некоторое «привилегированное» положение среди своего окружения, так как отцу принадлежал редко встречающийся во французской глубинке середины XX в. специализированный магазин посуды, а дедушка по материнской линии был известным в своем регионе мастером по по-

шиву мужских костюмов, был принят в замке и собирал в своем доме местную интеллигенцию. А. Эрно провела детство в рабочих кварталах Лилльбонна и Ивето, недалеко от Руана. Родителям писательницы, родившимся в бедных крестьянских семьях, пришлось пройти сложный и долгий путь, чтобы стать владельцами небольшого бакалейного магазина-кафе и позволить дочери получить хорошее среднее образование в частой школе, открыв для нее двери в университетский и буржуазный мир. Раскрытие и преодоление конфликта, вызванного переходом из экономически и культурно подчиненной среды в доминирующий общественный класс, лежит в основе ее произведений.

Имена А. Эрно и Ж. Руо встречаются во всех крупных монографиях рубежа веков, в которых анализируются основные тенденции развития современной французской литературы [8], [11], [12]. Кроме того, Ж. Руо известен еще и тем, что является одним из немногих французских писателей, удостоенных престижной Гонкуровской премии за первый роман («Поля чести» 1990 г.). Однако их творчество мало знакомо российскому читателю и недостаточно изучено в отечественном литературоведении. «Место в жизни» А. Эрно в первый раз было опубликовано в 1986 г. в журнале «Иностранная литература» в переводе Г.Н. Ерофеевой. Роман «Знаменитые люди» Ж. Руо еще не был переведен на русский язык.

В центре настоящего исследования находятся два автобиографических произведения: «Место в жизни» (La Place, 1983 г.) А. Эрно и «Знаменитые люди» (Les Hommes Illustres, 1993 г.) Ж. Руо. Автор-рассказчик занимает в них позицию свидетеля, а поиск себя определяется необходимостью осознать, чем была жизнь отца, с которым по разным причинам нарушилась связь. Отец Ж. Руо умирает, когда будущему писателю было всего двенадцать лет. Молчание отца А. Эрно связано, как пишет сама писательница в «Место в жизни», с «классовой дистанцией», возникшей между ними в ее школьные годы. Оба писателя возражают против отнесения их произведений к «автовымыслу». Для них автобиографизм лежит в другой плоскости – плоскости этнографического письма. Необходимо определить, что сближает их подходы в обретении прошлого, какие нарративные стратегии они используют для превращения субъективного опыта в демонстрацию общих явлений.

Осуждение. Смерть отца является для обоих писателей определяющим моментом в их творчестве. Начиная с «Места в жизни», А. Эрно решительно заявляет об отходе от романного жанра, создавая свою неповторимую манеру повествования о прошлом – «плоское письмо» (écriture plate). Писательница воссоздает в этом произведении, художественное новаторство которого было отмечено литературной премией Ренодо в 1984 г., не столько субъективный, сколько социологический пор-

трет отца. Ж. Руо дебютирует в литературе уже в зрелом возрасте с романами «Поля чести» (1990 г.) и «Знаменитые люди» (1993), за которыми последуют еще три произведения на стыке правды и вымысла, посвященные поиску себя через воспоминание о родных людях. Движущей силой этой необычной автобиографической пенталогии является попытка разобраться в причинах рано оборвавшейся жизни отца и критическое осмысление разрушительных последствий этого события для формирования собственной идентичности.

Ключевой характер смерти отца для самоидентификации отражается в сходной композиции двух произведений. У А. Эрно рассказ о кончине отца образует рамочную конструкцию, обрамляющую фрагментарную хронику его жизни. Первая глава романа «Знаменитые люди» Ж. Руо построена по тому же принципу. Вся послевоенная жизнь отца рассказчика как бы втянута в события трагического дня его смерти: сильное недомогание, которое он почувствовал днем, пытаясь обрубить ветки дерева, в которые запутались во время бури электрические провода, заканчивается его трагическим падением посреди ванной комнаты на фоне вновь разбушевавшейся стихии. Между двумя этими моментами умещается на ста страницах целая созидательная жизнь простого провинциала, стремящегося превратить свой дом в «виллу императора Адриана» и построить в бретонской провинции «вавилонскую башню», объединяя вокруг себя и своих идей (театр, литература, футбол, бесконечные беседы, строительство, городские праздники и т.д.) соседей и друзей.

Для Ж. Руо смерть отца – это далекое детское воспоминание, лакуна памяти, изначальная травма, которая мешает ему найти свое место в жизни. Для того чтобы, по выражению Ж. Гусдорфа, «вернуться к себе», стать наконец-то самим собой, а не просто сыном «великого Жо», выросшим «в его тени», он должен восстановить то, чем была жизнь отца, вообразить его мысли, радости, сомнения и страхи, определить не только его силу, но и его слабость. Приблизив отца к себе, Ж. Руо преодолевает в процессе письма Эдипов комплекс, и плаксивый сирота превращается в признанного и уверенного в себе писателя.

Писать об отце А. Эрно побуждает ощущение вины перед ним и чувство стыда, она хочет восстановить разорванную классовую неприязнь связь. Она ощущает себя «классовой перебежчицей» («transfuge de classe»), которая отдалась от родителей и предала свою среду происхождения для того, чтобы узаконить вхождение в буржуазный мир в результате учебы в университете и удачного замужества. Слово «предательство» появляется в эпиграфе, взятом из Ж. Жене: «Я осмеливаюсь дать объяснение: писать – это последнее прибежище для того, кто предал» (здесь и далее перевод мой – Ю.К.).

Писательница возвращает к жизни образы родителей во всей «славе» их прозаического, скудного, постыдного в глазах элиты существования с его постоянной нуждой, теснотой жилья, в котором нельзя скрыть от другого даже проявления физиологической жизни собственного тела. Она показывает родителей такими, какими они были, не скрывая отсутствие хороших манер и культурных интересов, их грязный французский язык, смешанный с патуа, разговоры на повышенных тонах, приниженность перед теми, кто находится выше по социальной лестнице. Однако неприглядность такого существования, которая в подростковом возрасте породила стыд, снимается в настоящем письма с помощью библейской метафоры «славные тела» («les corps glorieux»), отсылающей к событию Воскресения Христа во всей славе и силе после позорной и мучительной смерти на Кресте. Это образ служит не для создания иронии, а, наоборот, для утверждения образа жизни родителей и их жизненного пути как реальности, которая, как и любая другая реальность, например, правящего образованного класса, достойна уважения, признания и своего места в литературе.

Для этого А. Эрно вскрывает противоречивый характер буржуазных концептов «достоинство» («dignité») и «отличие, изысканность» («distinction»), которые связаны в первую очередь с происхождением, культурой поведения и образованностью, но в то же время являются источником отчуждения. Им противопоставляется народный концепт «гордость» («fierté»). Однако в «Место в жизни» его смысловое содержание не совпадает со словарным значением. Для отца автора-рассказчицы «гордость» – это, прежде всего, возможность работать своими руками, т. е. «гордость труда» («fierté de travail»). Пьяницы и гуляки осуждаются им как «негордые люди» («des gens pas fiers donc»). А. Эрно разоблачает социальную дискриминацию, доказывая, что достоинство человека определяется его силой противостоять житейским невзгодам и способностью не опускаться, «держат свое место» («tenir sa place»), в каком бы ряду социальной иерархии оно не находилось. В произведении встречаются слова «реабилитация» и «искупление». Как и Ж. Руо, автору «Место в жизни» нужно «вернуться к себе», восстановив в процессе письма разорванную с родителями связь. Местоимение «я» появляется в тексте произведения при упоминании о школьных годах рассказчицы и знаменует разрыв, триумф индивидуальности дочери, осознавшей свое превосходство над простоватым и малообразованным отцом. Напротив, обретение и «реабилитация» забытого языка и видения мира детства, потерянной общности с родителями сопровождается возвращением в речь автора местоимения «мы»: «Я теперь часто говорю «мы»» [7 P. 61].

Выделим общие черты, которые позволяют охарактеризовать произведения А. Эрно и Ж. Руо как «этнографи-

ческое письмо».

Прежде всего, нужно подчеркнуть общность между заглавиями двух произведений. В них заложена идея «места», «ранга», которое занимает человек в жизни. Ни А. Эрно, ни Ж. Руо не ставят перед собой цель представить хронологически последовательную историю своей жизни и жизни отца, в которой отразились бы ключевые этапы становления личности, что характерно для традиционной автобиографии. Согласно Ф. Лежену, автобиография – это «ретроспективное прозаическое повествование реального человека о себе, первостепенное значение в котором имеют события частной жизни и история становления личности рассказчика» [9 Р. 10].

Выбор заглавия произведения «Место в жизни» объясняется тем, что А. Эрно сосредоточивается главным образом на социально-географической траектории жизни отца (батрак, рабочий, владелец бакалеи-кафе), а не на каких-то единственных в своем роде, особенных событиях. Ее личное становление неразрывно связано с осознанием места отца в социальной структуре общества, существующей дистанции между господствующими и господствуемыми. В произведении актуализируются почти все значения многозначного французского слова «place»: «место в пространстве», «работа, должность», «ранг в социальной иерархии», «место в пространстве дома» и т.д. Страхи отца определяются производным от слова «место» прилагательным «неуместный» (déraciné).

Заглавие романа Ж. Руо «Знаменитые люди» основано на интертекстуальной перекличке с «Жизнью замечательных людей» Плутарха. Употребление грамматической формы «des» многозначно. С одной стороны, отец рассказчика выделяется среди других простых провинциалов и ставится в один ряд со знаменитыми деятелями прошлого. С другой стороны, одним из «знаменитых людей» оказывается не только он, но и все его современники, достойно пережившие Вторую мировую войну, все те неприметные провинциалы, носители раблезианского духа народной французской культуры, которые не утратили жизнелюбие и ироничное отношения к жизни в самых сложных ситуациях. В послевоенные годы отец рассказчика пытается найти свое место в новой реальности. Поиск места в жизни и эволюция жизненных стремлений Жозефа, в молодости мечтавшего о великой судьбе за пределами своего родного города, резюмируется следующим образом: «...Как если бы он решил, что его место было здесь – среди этих людей» [10. Р. 72]. Он осознает свою неразрывную связь с землей, на которой родился, и окружающими его людьми. Писатель рисует «легендарную географию» перемещений современного Одиссея по стране, который неизменно возвращается в родной город. Значимость понятия «место» метафорически воплощается в карте Франции, висящей в его кабине-

те: цветные гвоздики обозначали не только этапы его будущих рабочих поездок, но важные жизненные ориентиры, связывающие прошлое и настоящее. Это люди, его современники, встреченные повсюду во Франции, и история страны, воплощенная в древних камнях.

У обоих писателей этнографическое бытописание разворачивается на конкретном историческом фоне. Речь идет о послевоенном времени, названном во Франции «славным тридцатилетием», а также о годах войны и немецкой оккупации. Писателям удается в небольших по объему произведениях (чуть больше ста страниц) запечатлеть события почти целого века и изменение образа жизни сквозь призму субъективного восприятия переживших их людей.

А. Эрно воссоздает условия существования непривилегированных слоев населения в исторической французской провинции Нормандия, охватывая период с начала XX века (времени рождения отца) до 80-х гг. (времени его смерти). Она показывает, что спасением от суровой жизни безземельных крестьян, обобщенной с помощью прилагательного «мрачный», является введение обязательной военной службы в начале XX века, что позволило крестьянским детям увидеть наконец-то «мир», и индустриализации страны, когда жизнь рабочего с фиксированной зарплатой, выходными днями, теплыми цехами воспринимается как подарок цивилизации. Не остается без внимания Народный фронт с кратковременной надеждой на изменение положения пролетариата и война с массовым исходом французов с занятых врагом территорий и последующим возвращением домой, воспоминания о голоде и смерти близких. Писатель говорит о процессе послевоенного восстановления страны и улучшения жизни всех слоев населения, о возникновении общества потребления, о появлении социальной защиты населения и т.д. Бытописание в произведении «Место в жизни» дается в форме перечисления и близко к констатации социологических фактов в исследованиях П. Бурдьё, его понятию «габитуса». Большие временные интервалы обобщаются в серии номинальных предложений: «Крестное знамение над хлебом, церковные службы, празднования Пасхи» [7. Р. 28]; «Утренняя и вечерняя дойка коров, октябрьская морось, яблоки, закидываемые в давящую сгребаемый лопатой куриный помет, тепло и жажда. А также пирог с бобом на Крещение, чтение «Альманаха Вермот», жареные каштаны...» [7. Р. 33]; «Всегда теплое кафе, радио в глубине зала, вереница завсегдатаев с семи часов утра до девяти вечера, привычные слова входящих и ответы: «Привет всем – И тебе тоже здравствуй...» [7. Р. 76]. В исторических и литературных аллюзиях раскрываются особенности эпохи: «Когда я читаю Пруста или Мориака, мне не верится, что они рассказывают о времени, когда мой отец был ребенком. Средневековье – вот обстановка его жизни» [7. Р. 29].

В романе «Знаменитые люди» Ж. Руо возрождает образ Бретани первой половины XX века с ее пасторальными пейзажами со стадами коров, плохими проселочными дорогами, яблоневыми садами, реликтами языческих святилищ и древними романскими храмами, народно-христианскими легендами, спорами в кафе любителей сидра («самая пьющая провинция Франции»), бесконечными религиозными процессиями и праздниками. Он показывает мир, в котором ключевыми концептами являются «общинный», «религиозность», «связь с природой». В отличие от документальности А. Эрно, писатель запечатлевает следы уходящей эпохи в длинных и витиеватых фразах, включающих в себя целый микрокосм и напоминающих стиль М. Пруста. Такое переплетение впечатлений и образов позволяет ему передать взаимосвязь и преемственность между людьми, природой и социальными явлениями, характерными для традиционного общества.

Основной конфликт произведения, в который включается отец рассказчика, заключается в противопоставлении традиционности и современности. В результате Второй мировой войны, с одной стороны, и послевоенной государственной политики Франции в области сельского хозяйства, направленной на консолидацию земель («le remembrement»), с другой стороны, формируется новый безликий географический и социальный облик региона. Столкновение между старым и новым выражается в серии риторических вопросов: «Как сгруппировать то, что рассеяно: поля, дома, животных? Как рассеять то, что объединено: поколения, память людей?» [10. Р. 43]. Создание прогрессивного землепользования в Бретани иронически представлено как продолжение унифицирующей политики сначала французских королей, а затем и деятелей Великой французской революции. Ж. Руо воспринимает своего отца, крепкими узами привязанного к родной земле («земля-избранница») и противостоящего распаду людских связей («главное для него – не быть одному»), как жертву этой «бескровной войны». Его преждевременная смерть объясняется невозможностью найти компромисс между стремлением к прогрессу и страхом перед потерей привычных ориентиров: «Где найти новые ориентиры в этой грядущей пустыне?» [10. Р. 82].

Каждый из двух писателей по-своему переосмысливает место отца в изменяющейся Франции второй половины XX века. В «Знаменитых людях» отец рассказчика представлен, благодаря своим многочисленным талантам, неординарным для своей провинциальной среды человеком и настоящим героем, что передается в серии таких номинаций, как «наш великий человек», «наш Ленотр», «Леонардо да Винчи», «Великий Жо». Образ Жозефа, коммерческого представителя одного из магазинов Нанта к западу от Луары, неотделим от сменяющихся машин, на которых он бороздил лабиринты проселочных

дорог. Машина является метафорой выхода за отведенные ему временем и средой границы провинциального существования, средством приобщения к культуре и истории всей страны, инструментом самореализации.

Нужно отметить, что такие артефакты, как велосипед и машины, играют важную символическую роль в произведениях обоих писателей. Они выступают не только материальными следами рождающегося общества потребления и знаком улучшения жизненных условий в послевоенные годы, но и метафорой поступательного движения вперед, которое характеризовало обоих мужчин, символом перехода между прошлым и настоящим.

Отец А. Эрно, малообразованный крестьянин, ставший сначала рабочим, а затем мелким коммерсантом, на первый взгляд, не может получить статус литературного героя. Незаметность его судьбы подчеркивается с помощью антитезы: в отличие от тысяч его соотечественников, ему даже не довелось воевать на фронтах двух мировых войн, так как он был «слишком молодым» для первой и «слишком старым» для второй. Комментарии рассказчицы, построенные на отрицании, подчеркивают его ординарность, лишают его образ заметных характеристик: «Он не входил в состав никакого сообщества, только платил взносы в торговом союзе, не участвуя в чем-либо» [7. Р. 20], «ни бездельник, ни выпивоха, ни гуляка», он не интересовался «ни профсоюзами, ни политикой» [7. Р. 35].

Однако в редких метафорах раскрывается внутренняя сущность отца. Он предстает молчаливым борцом и созидателем, стремящимся до конца своей жизни выйти за предназначенные ему местом и средой рождения «унизительные барьеры» существования бедняков. Он называется «перевозчиком между двумя берегами», когда на своем велосипеде отвозил дочь в школу, и уподобляется «лежащей птице» после своей смерти. Желание доказать, что простые люди достойны называться героями в жизни и в литературе, подчеркивается также через единичное употребление книжного грамматического времени *passé simple*, которое вводит слово «герой». Во время войны отец рассказчицы помогал снабжать семьи своих соседей продуктами питания, доставляя их издалека на прицепленной к велосипеду тележке. Этим постоянный подвиг возвел его в ранг героя в своих собственных глазах, и в глазах окружения: «Он считали в долине Больбека героем снабжения. Не по собственному выбору, но по необходимости. Впоследствии уверенность в том, что он сыграл какую-то роль, что он по-настоящему жил в те годы» [7. Р. 49]. А. Эрно пишет как раз для того, чтобы опровергнуть обесценивающий взгляд на отца, определить значащую линию его жизни, которую можно резюмировать словами «жить по-настоящему», быть «человеком», то есть тем, кто сам выбирает свое место в жизни. Дед рассказчицы, безземельный батрак, бил

жену и детей, так как для него «злость была жизненно необходимой пружиной, силой, чтобы сопротивляться нищете и думать, что он человек» [7. Р. 25]. Эволюция отца рассказчицы подчеркивается пропастью в понимании значения слова «человек» у двух мужчин. Собирая объективные следы существования отца, она пытается уловить некую коллективную правду, которая определяла видение мира, стремления, силу и достоинство отца как представителя определенной социальной группы.

Для того чтобы «вырваться из ловушек индивидуального» [7. Р. 45], А. Эрн и Ж. Руо изменяют названия городов, в которых прошло их детство. В «Место в жизни» топонимы обезличиваются, так как писательница сводит названия Лилльбонна и Ивето к первым заглавным буквам L и Y. В «Знаменитых людях» название родного города писателя Камбон преобразуется в топоним Рандом, сходный по звучанию. Этот словесный ребус расшифровывается как «ранг (место) человека» («rang d'hommes») и перекликается с названием романа.

«Этнографическое письмо» А. Эрн и Ж. Руо отличается как от традиционной автобиографии, так и от «автовывысла» употреблением личных местоимений. Отказ от местоимения «я» является попыткой растворить субъективный опыт в более широкой реальности, превратить его в историческое свидетельство коллективного характера, в котором читатели могут обрести частичку своего прошлого. В памятном дискурсе обоих писателей преобладает местоимение «мы» в двух грамматических формах «on» и «nous». Голос автора-рассказчика сливается с голосами как членов семьи, так ее окружения, объединенных общим взглядом на жизнь, схожими радостями и горестями.

Субъективность и индивидуальность, присущая автобиографии и «автовывыслу», нарушается в «этнографическом письме» А. Эрн и Ж. Руо созданием полифонического дискурса. Для того чтобы описать действительность своего детства, недостаточно зафиксировать в тексте материальные следы существования простых людей: предметы быта, места, привычки, поведение. Для писателей важно дать читателю возможность услышать голоса забытого мира. А. Эрн объясняет языковые особенности своего произведения следующим образом: «В этом проекте я держусь как можно ближе к услышанным когда-то словам и фразам, выделяю их иногда с помощью курсива. Так как эти слова рассказывают о границах и цвете мира, в котором жил мой отец, в котором я тоже жила...» [7. Р. 46].

Полифония у обоих писателей опирается на различные способы введения в текст чужой речи. Помимо прямой речи и несвободной прямой речи, в «Знаменитых людях» Ж. Руо реплики героев возникают неожиданно внутри повествовательных или описательных отрывков

без всякого графического или синтаксического выделения, оживляя повествование и делая читателя участником происходящего: «Тот, кто нас привез сюда, просит нас раздвинуть заросли больших голубых цветов. Мама предостерегает, вы испачкаетесь, и, видя нашу нерешительность, Жозеф, ты намочишься, решается нырнуть в покрытые капельками дождя цветы, цепляется за что-то тяжелое, прогибается всем телом назад, ногами ищет опоры на скользкой траве и затем, Жозеф, ты с ума сошел, выкатывает из кустов внушительных размеров камень ...» [10. Р. 74].

У.А. Эрн почти нет прямой речи, а диалогическое пространство текста создается при помощи фраз и отдельных слов, заключенных в кавычки. Чаще всего так передаются разговоры между родственниками, родителями и детьми, посетителями кафе, их размышления об условиях своего существования: «осознание, что «у нас не очень хорошо», «чувство, что «это судьба». Самым распространенным способом включения чужих голосов является использование курсива. Выделенные курсивом слова и выражения имеют просторечный характер, в них отражается видение мира той социальной группы, к которой принадлежал отец и сама рассказчица в детстве. Вот некоторые из них: *ne pas prendre ouvrier* («не выйти замуж за рабочего»), *retomber ouvrier* («вернуться в рабочие»), *taper sur le système* («бить по мозгам»), *ne pas savoir faire son lit* («гулять»), *porter une odeur sur soi* («провонять») и т.д. В маркированных курсивом выражениях, относящихся к литературному языку, автор указывает на грамматические ошибки, сделанные родителями. Например, вместо «*vivre en plein air*», они говорили «*vivre au plein air*». Границы между двумя мирами французского общества, очерчиваются также различным пониманием значения одних и тех же слов, что обусловлено условиями жизни и уровнем образования. Отец и дочь вкладывают разный смысл в такие слова, как «культура», «земля», «работать», «учиться», «жить». Так, например, слово «культура» было лишено для отца рассказчицы духовного содержания, сохраняя только один экономический смысл – «возделывание сельскохозяйственный культур»: «После возвращения из армии он не захотел вернуться к культивированию земли (здесь – culture). Он всегда так называл работу на земле, культура в другом смысле, духовном, ему была бесполезна» [7. Р. 34].

Важное отличие между памятным дискурсом А. Эрн и Ж. Руо заключается в их отношении к жанру романа. Начиная с «Места в жизни», А. Эрн решительно отказывается от вымысла и разрабатывает новую форму письма о себе, которую назовет позже «авто-социо-биографией». Она считает, что вымысел невозможен в повествовании о полной лишений жизни ее предков, так как он искажал бы под маской популизма, иронии или сострадания облик родителей, борющихся за выживание, скрыл бы существование во французском обществе двух реаль-

ностей – «высших» и «низших» людей: «С недавнего времени я знаю, что роман невозможен. Для того чтобы рассказать о жизни, подчиненной требованиям житейской нужды, я не имею права ни вставать на сторону искусства, ни пытаться сделать что-то «увлекательное» или «волнующее» [7. P. 24]. В подходе А. Эрно ощущается переключки с идеями Р. Барта, для которого язык традиционного романа является носителем доминирующей в обществе буржуазной идеологии. Ф. Дюга-Порт полагает, писательница хотела рассказать о переходе из одного общественного класса в другой, «о вызванном им бунте и чувстве вины на языке доминируемых» [5. P. 120]. В основе «плоского письма» лежит простая констатация фактов, ограниченность стилистических приемов художественного изображения действительности, использование народных выражений и оборотов, что позволяет очертить словами границы мира родителей, далеких от буржуазной литературы и культуры, воссоздать неопознательную реальность их жизни.

Ж. Руо, напротив, на обложке своих книг указывает на их отнесенность к жанру романа. Недостоверность памяти заставляет его обращаться к вымыслу для того, чтобы вообразить недостающие факты и связать разрозненные воспоминания. Вымысел дает Ж. Руо свободу для критического осмысления и вопрошания прошлого, является инструментом постижения ускользающей правды, того, как «человеческая судьба меняется под влиянием событий», как время и место отражаются на судьбах и характерах людей [2. P. 227]. Его манеру письма называют «воображаемым воспоминанием» (Х. О. Мюллер) или «воображаемым реальным» (Ж. Сальван).

В имплицитной переключки с М. Прустом раскрывается невозможность вернуть прошлое с помощью произвольного воспоминания. Различные нарративные стратегии раскрывают трудности припоминания. Для памятного дискурса Ж. Руо характерны серии риторических вопросов, употребление условного наклонения и модального выражения «может быть», дискретность и фрагментарность воспоминаний. У А. Эрно изложение автобиографических фактов чередуется с металитературными размышлениями о трудности создания объективного портрета отца, повторением глаголов «знать» и «помнить» в отрицательной форме: «je ne sais plus», «je ne me souviens pas». Основные этапы работы над книгой точно датируются. Оба писателя сосредоточены, скорее, на процессе воспоминания, чем на его результате.

Заключение

Социальная действительность и история неизменно присутствуют в произведениях А. Эрно и Ж. Руо. Их автобиографизм отличается необычным сочетанием субъективного письма, связанного с поиском самоидентичности, с необходимостью вернуться к своим истокам, запечатлеть следы уходящей эпохи, обнаружить скрытые конфликты в существовании простых людей во второй половине XX века, т.е. через индивидуальное воспоминание заставить заговорить молчащую коллективную память.

Похожие нарративные стратегии служат у обоих писателей для создания полифонического дискурса, в котором «я» рассказчика растворяется в коллективном «мы». В отличие от автофикциональной литературы, самоанализ интересует их только как способ обнаружения в индивидуальной судьбе некой коллективной правды, и, наоборот, понимание себя невозможно без «другого». Именно поэтому в центре повествования в «Место в жизни» А. Эрно и «Знаменитые люди» Ж. Руо находится фигура отца. Только приблизившись к пониманию реальности его жизни, рассказчик может понять самого себя. Постигание ускользающего прошлого возможно только путем создания особого языка, который очертил бы более точно, чем любые объективные следы, границы мира родителей. По словам А. Эрно, правда может быть «достигнута только словами (то есть ни фотографии, ни воспоминания, ни свидетельства членов семьи не могут дать эту правду)» [6. P. 25].

Для того чтобы раскрыть суровые условия существования родителей А. Эрно отрекается от романного жанра и создает новую форму письма о себе – «плоское письмо» (*écriture plate*) – на стыке литературы, социологии и истории. Вымысел позволяет Ж. Руо вписать с помощью исторических и литературных аллюзий жизнь отца в широкую историческую перспективу и, показав разрушительный характер истории, примириться с его потерей.

В обоих произведениях рассказчик выступает в роли свидетеля, повествуя об увиденном и пережитом. Успех А. Эрно и Ж. Руо объясняется тем, что многие читатели узнали в созданных ими этнографических фресках знакомую им провинциальную жизнь послевоенной Франции, а также обнаружили собственные сомнения, страхи, которые были связаны с осознанием существующих во французском обществе того времени социальных и географических барьеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алташина В.Д. Autofiction в современной французской литературе: легио из эго // Известия Южного федерального университета. Филологические науки.

2014. № 3. С. 12–22.
2. Baty-Delalande H. L'homme nouveau». Entretien avec Jean Rouaud // Lire Rouaud. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2010. P. 227.
 3. Carrier-Lafleur T. Proust et l'autofiction: vers un montage des identités // www. revue-analyses. org. 2010. Vol. 5. No. 2. Pp. 1-25.
 4. Doubrovsky S. Fils. Paris: Galilée, 1977.
 5. Dugast-Portes F. Annie Ernaux: étude de l'œuvre. Paris: Bordas, 2008. 191 p.
 6. Ernaux A. La place. Paris: Gallimard, 1988. 128 p.
 7. Ernaux A. La place. Paris: Gallimard, 1983. 128 p.
 8. Le roman français au tournant du XXIème siècle / Sous la direction de Bruno Blanckeman, Aline Mura-Brunel et Marc Dambre. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2005. 589 p.
 9. Lejeune Ph. L'autobiographie en France. 2 éd. Paris, 1998. 192 p.
 10. Rouaud J. Des hommes illustres. Paris: Les Éditions de Minuit, 1999. 173 p.
 11. Viart D. Le roman français au XX siècle. Paris: Armand Colin, 2011. 224 p.
 12. Viart D. La littérature française au présent – Héritage, modernité, mutations. Paris: Editions Bordas, 2005. 512 p.

© Косова Юлия Анатольевна (uakossova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Российский университет дружбы народов

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ЭФФЕКТ ТРОПОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Котлова Александра Сергеевна

*Военный университет министерства обороны
Российской Федерации.
Al.kotlova@gmail.com*

PERSUASIVE EFFECT OF FIGURES IN POLITICAL DISCOURSE

A. Kotlova

Summary: The aim of the research within the framework of the stated topic is to analyze the features of reflection of the persuasive effect through the use of tropes in political discourse. The main issue of the study was to find out how tropes can influence the effect of persuasiveness in the texts of English political discourse. Accordingly, an analysis was conducted of a number of tropes appearing in British and American political discourse from the point of view of their impact on the persuasive effect. The main tropes studied were metaphors, epithets, irony, and hyperbole, since these are the most frequently encountered tropes in political discourse texts. Post-translation analysis, continuous sampling method, and generalization method were used as the main research methods. The research materials are texts of English and American political discourse: speeches by Donald Trump and Theresa May, as well as individual articles by English and American authors that deal with politics.

As a result of the conducted research, it was found that persuasiveness includes evaluative-emotive, advertising-agitation components, as well as elements of logical and statistical argumentation, which are used in political discourse in order to defend one's own point of view and incline both potential audience and opponents to it. In this case, numerous tropes, the main of which can be called metaphor, hyperbole, epithets and irony, act in political discourse as a kind of «enhancers» that ensure the persistence of political discourse.

The research materials, as well as the conclusions obtained by the author, can be used in the analysis of political discourse texts in terms of their impact on the audience. In addition, the research materials and the results obtained can be used to prepare courses of lectures and summaries of classes in such disciplines as «Political linguistics», «Linguistics», «Linguoculturology», «Theory and practice of translation», «Translation analysis», etc.

Keywords: persuasive effect of political discourse, tropes, arguments, politics, metaphor, potential audience, epithet, hyperbole.

Аннотация: Целью исследования в рамках заявленной темы выступает анализ особенностей отражения персуазивного эффекта посредством использования тропов в политическом дискурсе. Основным вопросом исследования было выяснение, каким образом тропы могут оказывать влияние на эффект персуазивности в текстах англоязычного политического дискурса. Соответственно, был проведен анализ ряда тропов, встречающихся в английском и американском политическом дискурсе с точки зрения их влияния на персуазивный эффект. Основными исследованными тропами послужили метафоры, эпитеты, ирония и гипербола, поскольку именно эти тропы наиболее часто встречаются в текстах политического дискурса. В качестве основных методов исследования был использован постпереводческий анализ, метод сплошной выборки, а также метод обобщений. Материалами исследования послужили тексты английского и американского политического дискурса: выступления Дональда Трампа и Терезы Мэй, а также отдельные статьи английских и американских авторов, в которых речь идет о политике.

В результате проведенного исследования было установлено, что персуазивность включает в себя оценочно-эмотивные, рекламно-агитационные компоненты, а также элементы логической и статистической аргументации, которые используются в политическом дискурсе для того, чтобы отстоять собственную точку зрения и склонить к ней как потенциальную аудиторию, так и оппонентов. В данном случае многочисленные тропы, основными из которых можно назвать метафору, гиперболу, эпитеты и иронию, выступают в политическом дискурсе в качестве своего рода «усилителей», обеспечивающих персуазивность политического дискурса.

Материалы исследования, а также выводы, полученные автором, могут быть использованы в процессе анализа текстов политического дискурса с точки зрения особенностей их воздействия на аудиторию. Кроме того, материалы исследования и полученные результаты могут быть использованы для подготовки курсов лекций и конспектов занятий по таким дисциплинам, как «Политическая лингвистика», «Лингвистика», «Лингвокультурология», «Теория и практика перевода», «Переводческий анализ» и др.

Ключевые слова: персуазивный эффект, политический дискурс, тропы, аргументация, политика, метафора, потенциальная аудитория, эпитет, гипербола.

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена тем, что на современном этапе развития лингвистических исследований персуазивность не представляет собой устоявшегося термина, поскольку данное понятие трактуется разными исследователями весьма неоднозначно. Целью исследования является анализ персуазивного эффекта тропов в текстах англоязычного политического дискурса. Соответственно, представляется целесообразным проанализировать понятие персуазивного эффекта, а также особенности его функ-

ционирования в политическом дискурсе на примере использования тропов в текстах англоязычных политических средств массовой информации. С этой целью был исследован ряд текстов политического дискурса, включающих такие тропы, как метафора, эпитет, гипербола и ирония.

В качестве теоретической базы исследования были использованы труды таких авторов в области языкознания, теории и практики перевода, как: Т.А. Ван Дейк, И.Ю.

Логинова, М.Л. Гаспаров, Ц. Тодоров, Н.В. Степанова, Е.В. Жеребцова, Т.М. Голубева, Л.П. Крысин, С. Claridge, I. Pohl и др.

В результате проведенного исследования было выявлено, что персуазивность включает в себя оценочно-эмотивные, рекламно-агитационные компоненты, а также элементы логической и статистической аргументации, которые используются в политическом дискурсе для того, чтобы отстоять собственную точку зрения и склонить к ней как потенциальную аудиторию, так и оппонентов. В данном случае многочисленные тропы, основными из которых можно назвать метафору, гиперболу, эпитеты и иронию, выступают в политическом дискурсе в качестве своего рода «усилителей», обеспечивающих персуазивность политического дискурса.

Материалы исследования, а также выводы, полученные автором, могут быть использованы в процессе анализа текстов политического дискурса с точки зрения особенностей их воздействия на аудиторию.

Т.А. Ван Дейк под дискурсом понимал такое «комплексное коммуникативное явление, которое помимо текста также включает в себя еще и ряд экстралингвистических факторов (например, знаний о мире, мнений и точек зрения, установок, целей адресанта и т.д.), которые необходимы для того, чтобы понимать текст. ... Поток речи, то есть язык в его непрерывном движении, который вбирает в себя все многообразие исторического периода, индивидуальных и общественных характеристик как коммуниканта, так и ситуации общения, в рамках которой оно имеет место» [1, с. 8-9]. Соответственно, под политическим дискурсом целесообразно понимать весь объем текстов, в которых имеет место отображение политической и идеологической практик конкретных стран, отдельных политических партий и течений в рамках отдельного исторического периода, посредством которых идет актуализация общественного сознания.

Тексты политического дискурса в настоящий период времени анализируются, главным образом, с точки зрения практической перспективы в качестве действительности таких форм речевого поведения, которые выступают в качестве стратегических и ориентированных на успех адресанта в рамках коммуникативного процесса. Кроме того, целью таких текстов является оказание воздействия на адресата, причем намеренное и без какого-либо явного принуждения. Создавая тексты политического дискурса, адресант старается привлечь получателя на свою сторону посредством использования языковых или экстралингвистических средств. Таким образом, эти типы текстов могут рассматриваться в качестве носителей определенных функций коммуникации, которые представляют собой способ передачи персуазивных пропозиций [11, с. 256]. Наличие такого рода

функций коммуникации предполагает, что имеет место осуществление определенного типа коммуникации, которая и рассматривается в качестве персуазивной.

Составляющими политической персуазивности являются оценочно-эмотивные и рекламно-агитационные компоненты, а кроме того, отдельные составляющие логической и статистической аргументации. Реализация персуазивного потенциала текстов политического дискурса имеет место посредством применения тактик позитивной самопрезентации, дискредитации оппонента, интимизации изложения, формирования очевидности и общеизвестности излагаемых явлений, а также обещаний и предложений готовых решений (выходов из ситуации). Эти тактики, в свою очередь, могут осуществляться посредством использования ряда языковых средств, основными из которых можно назвать метафоры, риторические вопросы, упоминание или, наоборот, опущение агента в страдательных конструкциях, модальные глаголы и др. [6, с. 244]. В качестве основных факторов влияния персуазивной коммуникации в рамках политического дискурса можно назвать следующие: пресуппозиции «популярность / непопулярность», результатом которых является доверие или же, наоборот, недоверие к адресанту; порядок аргументации в персуазивном речевом акте; отбор конкретных аргументов; применение аргументации типа «за и против», а также использование таких параметров, которые находятся в прямой зависимости от адресата (сюда можно отнести половозрастную принадлежность, социально-экономический статус, уровень образования, эмоциональное состояние, политические взгляды и т.д.).

Достижение эффекта персуазивности возможно посредством использования в текстах политического дискурса различных тропов. Под тропом принято понимать риторическую фигуру, слово или выражение, которое используется в переносном значении для усиления образности языка или художественной выразительности речи. Тропы активно используются в подавляющем большинстве текстов политического дискурса. Необходимо отметить, что отграничить тропы от фигур речи не всегда представляется возможным, так как классификация отдельных фигур речи (например, эпитетов, сравнений, перифраза, гипербол и литот), вызывает разногласия у исследователей данного явления. Так, например, М.Л. Гаспаров полагает, что тропы представляют собой «фигуры переосмысления», то есть, разновидность фигур [2, с. 191].

В настоящий период времени отсутствует какая-либо общепринятая классификация тропов. Однако, начиная со второй половины XX столетия активные исследования тропов предпринимались многими учеными в рамках структуралистской парадигмы и неориторики. Среди основных исследователей данного явления можно назвать

Р. Якобсона, Р. Барта, Ц. Тодорова, представителей Льежской школы и др. В качестве основных тропов этими исследователями было выделено три их разновидности, а именно: метафора, метонимия и синекдоха. Однако, попытки выявления одного исходного тропа из этих трех, причем такого, к которому были бы сводимы остальные два, дали крайне разноречивые результаты. Так, например, представители Льежской школы и Ц. Тодоров в качестве такого первичного тропа называют синекдоху, в то время как У. Эко – метафору [9, с. 51].

В качестве основных разновидностей тропов принято выделять такие, как: метафора, метонимия, синекдоха, эпитет, гипербола, дисфемизм, каламбур, литота, перифраз, аллегория, пафос, олицетворение, сарказм, ирония, эвфемизм.

Далее представляется целесообразным проанализировать, каким образом тропы формируют персуазивный эффект в текстах политического дискурса.

В качестве первого тропа можно рассмотреть метафору. Реализация персуазивной стратегии зачастую имеет место посредством актуализации когнитивного механизма метафоры [7, с. 87], что можно продемонстрировать на примере фрагмента интервью, в котором Дональд Трамп открыто противопоставляет себя бывшему президенту США Барак Обама:

В нижеприведенном отрывке Д. Трамп использует метафору для того, чтобы сравнить экономику с игрой, в которой имеются свои собственные правила:

And I'm not doing - I'm not playing by the same rules as Obama. And just so you understand, I'm playing a normalization economy, whereas he's playing a free economy. It's easy to make money when you're paying no interest. It's easy to make money when you're not doing any pay-downs, so you can't - and despite that, the numbers we have are phenomenal numbers [12].

По мере того, как актуализируется метафора «Economy is a Game» имеет место разворачивание двух сценариев, а именно: экономики в качестве сложного многоуровневого явления, которое сопоставляется со значительно более простым и «осязаемым» явлением игры.

В процессе реализации сценариев когнитивной метафоры имеет место проецирование элементов исходных ментальных пространств друг на друга по мере того, как разворачивается операция композиции, что приводит к ассоциации экономики с игрой, а принципов и законов ее развития – с правилами игры [8, с. 84]. В силу того, что Б. Обама с точки зрения Д. Трампа «играет» в свободную экономику (he's playing a free economy), у аудитории формируется допущение, в соответствии с которым в бленде

(смешанном пространстве) Обама играет, нарушая правила, а если выразиться точнее, то он не соблюдает их. По мере разворачивания речевой конструкции это допущение подкрепляется рядом реплик, например: «It's easy to make money when you're paying no interest. It's easy to make money when you're not doing any pay-downs». Что же касается самого Д. Трампа, то он «играет» в строгом соответствии с правилами, что подтверждается следующей фразой: «I'm playing a normalization economy».

В рамках проанализированного примера имеет место попытка Д. Трампа прибегнуть к тактике этикетирования, то есть, открытого противопоставления себя бывшему президенту США, а также к позитивной репрезентации самого себя и своего экономического курса, что направлено на дискредитацию Б. Обамы.

Метафора для создания персуазивного эффекта также содержится в следующем примере:

[Russia] has become an ingredient in the toxic mix of xenophobia and chauvinism that the official Russian media... repeatedly serve up [16].

Данную фразу можно перевести следующим образом: «Россия стала ингредиентом в ядовитой смеси ксенофобии и шовинизма, постоянно производимой официальными русскими СМИ». В этом примере хорошо видно, что идеи шовинизма, которые активно распространяются рядом средств массовой информации, сравниваются с «ядовитым коктейлем», которым восприятие мира может быть отравлено точно так же, как ядовитая пища может отравить человека.

В следующем примере для создания эффекта персуазивности использован такой троп, как ирония:

«Much of the load will fall on the U.S.» - wrote Martin Wolf in The Financial Times, «largely because the Europeans, Japanese and even the Chinese are too inert, too complacent, or too weak». The European Union has 500 million people, compared with America's 300 million. Britain, France, Germany, Italy and Spain are advanced economies whose combined population adds up to that of the United States. Many EU members have enjoyed for decades the enlightened progressive policies that Americans won't be getting until Jan.

20. Why then are they so «inert» that their economic fortunes depend on the despised, moronic Yanks? [15].

В данном случае автор использует иронию, а также уничижительное определение «янки», что направлено на усиление иронического эффекта. Пользуясь такими определениями, как «despised» и «moronic», автор репрезентирует мнение стран Европы о США. В данном случае ирония используется для того, чтобы акцентировать внимание на презрительном отношении к американцам, что, в свою очередь, ведет к негативному отношению читателей по отношению к тем, кто позволяет

себе такого рода презрительные оценки, так как они делят мир на «своих» и «чужих». Помимо этого, читатель делает вывод о том, что если экономика стран Европы находится в прямой зависимости от «несчастных идиотов янки», то сами эти страны в таком случае заслуживают еще более низкой оценки. Иронией пронизан весь текст данного отрывка, в котором явно и скрыто критикуются государства «остального» мира, что также формирует соответствующее отношение к ним читателя.

В качестве следующего примера тропов, применяемых для создания персуазивного эффекта, можно назвать эпитеты, что можно продемонстрировать на примере статьи Дж. Коркорана «Medvedev Makes His Mark»:

Another example last month was a decree by Medvedev dismissing Police Colonel General Vladimir Pronin, head of the Moscow directorate of the interior ministry. Pronin had described a police major guilty of a drunken killing spree in a supermarket as «a good professional» [13].

В этом примере можно видеть, как меняется контекст интерпретации. Словосочетание «a good professional», которое в первоначальном контексте понимается в прямом смысле после того, как ему было придано новое окружение, меняет прямой смысл на обратный: «a police major guilty of a drunken killing spree in a supermarket», что отрицательно характеризует автора этого высказывания. Однако, необходимо отметить, что у читателя в данном случае отсутствует возможность ознакомления с первоначальным текстом, в котором это выражение было употреблено в первый раз, соответственно, читатель не может сказать, что именно имелось здесь в виду [4, с. 100]. Тем не менее, этот факт остается незамеченным читателем, что дает возможность автору этой статьи сформировать у адресата такое мнение, в котором он заинтересован.

Далее можно рассмотреть такой троп, как гипербола, поскольку данный троп очень часто употребляется для создания персуазивного эффекта в текстах политического дискурса.

Так, например, Тереза Мэй, которая была премьер-министром Великобритании и выступала в Солсбери, активно использует гиперболу, которая актуализирует не только повышенную социальную, но и политическую значимость описываемых ею событий. В ее парламентской речи от 14 марта 2018 года, содержится характеристика события, которая содержит такие гиперболы, как: «использование боевого отравляющего вещества в Европе» и «незаконное применение силы российским государством против Соединенного Королевства» на фоне «сложившейся модели агрессии российского государства в Европе и за ее пределами»:

They have treated the use of a military grade nerve agent in Europe with sarcasm, contempt and defiance. So Mr. Speaker,

there is no alternative conclusion other than that the Russian State was culpable for the attempted murder of Mr. Skripal and his daughter – and for threatening the lives of other British citizens in Salisbury, including Detective Sergeant Nick Bailey. This represents an unlawful use of force by the Russian State against the United Kingdom. And as I set out on Monday it has taken place against the backdrop of a well-established pattern of Russian State aggression across Europe and beyond [14].

В первом предложении данного отрывка Тереза Мэй вместо топонима «Salisbury» (Солсбери) употребляет название части света «Europe» (Европа), которое обладает обобщающим значением и при этом выступает в качестве указателя на место происшествия. Такой прием ведет к расширению масштаба описываемого события с точки зрения географии, а использование таких синонимов, как «unlawful use of force» (незаконное применение силы) и «aggression» (агрессия), ведет к увеличению значимости данного события с точки зрения политики. Принимая во внимание тот факт, что инциденты, в рамках которых имело место применение боевых отравляющих веществ в Европе, случались только во время Первой и Второй мировых войн, а термин «агрессия» Устав ООН определяет в качестве «применения вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства», то можно сделать вывод о том, что подобные слова и словосочетания представляют собой гиперболы.

В этом же выступлении Тереза Мэй называет то, что произошло, «угрозой национальной безопасности»:

So this debate is taking place, Mr. Speaker, because there is no greater responsibility for this House – for this government and for me as Prime Minister – than recognizing threats to our national security and acting to meet them [14].

Оценка, даваемая Терезой Мэй инциденту в Солсбери, значительным образом преувеличена. В соответствии с информацией, которая имеется на официальном ресурсе правительства Великобритании, в качестве наиболее значимых угроз национальной безопасности относятся следующие: терроризм, шпионаж, кибернетические атаки, а также распространение оружия массового поражения, могущих оказать негативное воздействие на национальную структуру Великобритании, что, в свою очередь, не дает возможно расценивать покушение на жизнь двух человек (британского и российского подданных) в качестве угрозы настолько большого масштаба и значения [3, с. 199]. Относительно вышесказанного вполне справедливым представляется замечание К. Клэриджа о том, что контексту отводится огромная роль в интерпретации высказываний, содержащих гиперболу, так как то, что представляет собой преувеличение в одном случае, может не быть таковым в другом [10, с. 12]. Примерами, которые были проанализированы выше,

также подтверждается наблюдение Л.П. Крысина, в соответствии с которым «гипербола может быть создана в контексте высказывания – посредством сдвига смысла слов и выражений от значения единичности к значению регулярности (постоянности) какого-либо действия, от конкретности к обобщенности и др.» [5, с. 118].

Таким образом, можно прийти к общему выводу о том, что использование многочисленных тропов в рамках политического дискурса обладает ярко выраженным персуазивным эффектом. Посредством использования различных тропов в текстах политического дискурса имеет место реализация функции убеждения через обращения к логосу, пафосу и этосу. Применительно к логосу использование тропов в политическом дискурсе дает возможность актуализировать повышенную общественную и политическую значимость тех событий, которые они характеризуют. Что касается пафоса, то посредством тропов выражается отрицательное эмоциональное отношение (негодование, возмущение) говорящего к тому предмету, лицу или действию, которое он описывает, причем

в данном случае целью использования тропов для достижения персуазивного эффекта можно назвать попытку формирования аналогичных отрицательных эмоций у целевой аудитории, что, в свою очередь, является причиной частого применения тропов в текстах политического дискурса для того, чтобы раскритиковать и дискредитировать оппонента и его действия. Также необходимо отметить, что эффективность тропов в качестве инструмента убеждения в политическом дискурсе находится в сильной зависимости от этоса, под которым необходимо понимать условия речевой ситуации, которые детерминируют уместность их применения в зависимости от личности говорящего. Применение в политическом дискурсе разнообразных тропов, которые семантически и ситуационно соотносятся с профессиональной компетенцией и сферой деятельности участников политического дискурса, дает возможность более успешного принятия тропов аудиторией, причем их содержание адресат воспринимает в качестве правильного (неправильного) и соответствующего (не соответствующего) действительности, в зависимости от намерений говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание, Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
2. Гаспаров М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. - М., 1986. - С. 188-209.
3. Голубева Т.М. Персуазивность гиперболы в политическом дискурсе (на материале высказываний британских политиков) // Science Journal of VolSU. Linguistics. - 2019. - Vol. 18. - №3. – С. 195-205.
4. Жеребцова Е.В., Юткина С.В. Персуазивная функция иронии в политическом дискурсе (на материале английского языка) // Наука без границ. – 2017. - №12 (17). – С. 95-106.
5. Крысин Л.П. Гипербола в художественном тексте и в обыденной речи // Язык художественной литературы. Литературный язык: сб. ст. к 80-летию М.Б. Борисовой. - Саратов: Научная книга, 2006. - С. 112–120.
6. Логинова И.Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпретация. Понимание. Перевод: Сборник научных статей. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. - С. 240-248.
7. Степанова Н.В. Роль концептуальной интеграции в реализации персуазивной стратегии в политическом интервью // Материалы VII межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 22-23 апр. 2018 г. - СПб., 2018. - С. 86-92.
8. Степанова Н.В. Персуазивность vs эвазивность: стратегии в современном политическом интервью // ДИСКУРС. - 2019. - Т. 5. - №3. - С. 79-89.
9. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против» (Сб. статей). – М.: Прогресс, 1975. – С. 37-113.
10. Claridge C. Hyperbole in English. A CorpusBased Study of Exaggeration. - Cambridge: Cambridge University Press, 2011. - 325 p.
11. Pohl I. Zu persuasiven Potenzialen pragmatischer Präsuppositionen in Werbetexten // Hoffmann, Michael / Kessler, Christine (Hrsg.). Beiträge zur Persuasionsforschung: unter besonderer Berücksichtigung textlinguistischer und stilistischer Aspekte. (Sprache System und Tätigkeit; Bd. 26). - Frankfurt am Main, 1998. - S. 255-269.
12. Excerpts From Trump's Interview With The New York Times // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/01/us/politics/trump-interview-transcripts.html> (дата обращения: 03.03.2019).
13. Medvedev Makes His Mark. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/may/12/medvedev-russia-glasnost> (дата обращения: 25.09.2020).
14. PM Commons Statement on Salisbury incident response (14.03.2018) // Gov.uk. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pmcommons-statement-on-salisbury-incidentresponse-14-march-2018> (дата обращения: 25.09.2020).
15. The Pedophile Santa of Global Capitalism. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.oeregister.com/articles/christmas-apart-world-2267866-lives-grown> (дата обращения: 25.09.2020).
16. The Unhistory Man // The Economist (03.09.2009). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.economist.com/node/14363315> (дата обращения: 25.09.2020).

© Котлова Александра Сергеевна (Al.kotlova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕОЛОГИЗМЫ КАК ДОСТОЯНИЕ ИНДИВИДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ ПСИХОЛОГИИ)

NEOLOGISMS AS THE INDIVIDUAL'S PROPERTY (BASED ON ENGLISH-LANGUAGE NEOLOGISMS IN THE FIELD OF PSYCHOLOGY)

**O. Litvyak
L. Suprun**

Summary: The article is devoted to the problem of the emergence of new English-language neologisms in the field of psychology. Based on the psycholinguistic theory, as well as on the basis of a number of electronic dictionaries, the analysis is carried out, where new lexical neoplasms related to psychological science are considered. The theoretical part of the article includes the study of modern word-formation trends in the English language, concepts and principles, the role of neologisms and their use in the oral and written speech of an individual. Psycholinguistic experiment was used as the main empirical research method, and the method of interlanguage translation was used as its methodology. The experiment was conducted on the material of neologisms from the field of psychology. The empirical part of the article also provides examples of neologisms that describe the state and appearance of an individual, as well as psychological components of the individual.

Keywords: individual, neologism, neology, language creativity, psychological aspect, psychology, borrowing, word formation, lexicon.

Литвяк Олеся Валерьевна

к.ф.н., доцент, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Ole.litviak@yandex.ru

Супрун Лилия Сергеевна

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
lily.suprun@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме возникновения новейших англоязычных неологизмов в сфере психологии. С опорой на психолингвистическую теорию, а также на основе ряда электронных словарей проведен анализ, где рассматриваются новые лексические новообразования, связанные с психологической наукой. Теоретическая часть статьи включает исследование современных словообразовательных тенденций в английском языке, понятий и принципов, роль неологизмов и их употребления в устной и письменной речи индивида. В качестве основного эмпирического метода исследования использовался психолингвистический эксперимент, в качестве его методики – метод межъязыкового перевода. Эксперимент проводился на материале неологизмов из сферы психологии. В эмпирической части статьи также приведены примеры неологизмов, описывающих состояние и внешний вид индивида, психологические компоненты личности.

Ключевые слова: индивид, неологизм, неология, языковое творчество, психологический аспект, психология, заимствование, словообразование, лексикон.

Постановка проблемы

Проблема, связанная с возникновением и функционированием новых слов, всегда была актуальной в лингвистике. Каждый язык мира овладевает новыми словами, которые описывают те или иные явления современной действительности. Некоторые новые слова не уживаются в языке и постепенно исчезают в речи, а какие-то укореняются и остаются надолго. Такие слова носят название «неологизмы» [4]. В языкознании неологизм означает «новое слово или выражение, а также новое значение старого слова» [8, с. 406]. И.В. Арнольд определяет неологизмы как устойчивые выражения, заимствованные из другого языка и воспринимаемые носителями данного языка как нечто новое [7; 1, с. 232]. По мнению Е.В. Сенько [10], «неология» - «не сложившаяся, а пока лишь формирующаяся наука в области языкознания. Это считается нормальным и естественным процессом, так как любая наука не сразу становится готовой, а проходит сложный и долгий путь становления [13]. В данной статье мы рассмотрим становление новой науки «неологии», какую роль она играет в психолингвистике,

понимание неологизмов как один из видов языкового творчества и возникновение англоязычных неологизмов в сфере психологии. Также, нами будет затронута тема о влиянии неологизмов на совершенствование речи индивида.

Анализ литературы

Основой для написания данной научной статьи послужили работы отечественных исследователей в области психолингвистики таких, как Е.В. Сенько, К.А. Власова, Т.Ю. Мкртчян, С.А. Чугунова, Ю.А. Мельник, Е.А. Штехман, С.И. Тогоева, Л.В. Шалина, Л.С. Выготский, В.Г. Гак, В.В. Виногорадов.

Цель работы – теоретически обосновать роль неологизмов в устной и письменной речи индивида, возникновение англоязычных неологизмов в сфере психологии.

Изложение основного материала

Как отмечает С.А. Чугунова, в XX веке произошёл так

называемый «неологический бум», который привёл к возникновению новой науки под названием лингвистическая неология - наука о новациях в языке [12]. В период общественных перемен произошло интенсивное пополнение словарного состава языка. Исследователи русского языка, такие как М.А. Кронгауз, М.Н. Эпштейн, Г.Ч. Гусейнов, Л.О. Чернейко, отмечают подъём словообразовательной активности и в нашем современном коммуникативном пространстве [5]. Изучение новых слов на материале конкретных языков развивается по различным направлениям: с точки зрения их статуса в системе языка и их типологии [11]. Ю. Мкртчян выяснила, что обогащение словарного состава происходит тремя способами: синтаксическим (словообразование), семантическим (изменения значения слова, его переосмысление) и при помощи заимствования [7; 8, с. 74]. С.А. Чугунова отмечает, что неологизмы являются видами языкового творчества. Язык непрерывно реагирует на изменения во всех сферах человеческого общества, благодаря природной пластичности языка и его способности к развитию и адаптации, создаётся новый лексикон какого-либо языка. Н. Хомский рассматривает ментальный лексикон не как некий словарь, а как совокупность генеративных принципов, обуславливающих изменения и обновления в языке. Он же доказывает, что причина творческой потенции языка так же не ясна в наше время, как и три века назад Декарту, хотя очевидно, что язык отражает творческий характер человеческого мышления [12]. Ю.А. Мельник, Е.А. Штехман отмечают, что один из важнейших признаков неологизмов – это их принятие и закрепление в общем употреблении (письменной и устной речи), то есть вхождение в лексическую систему языка, в разряд общеупотребительной выделяет признаки [5]. Исследуя психолингвистические подходы, Л.В. Шалина приводит в своей статье «К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике» основные признаки неологизмов, выделенные отечественными учеными. Р.А. Будагов, А.В. Калинин, Е.В. Розен, Н.М. Шанский выделяют в качестве основного признака неологизма его абсолютную новизну. Другие исследователи в области «неологии», такие как, В.В. Виноградов, Б.Н. Головин, Е.В. Розен, М.Н. Золотарева, считают главным критерием временной, так как согласно их мнению неологизмами являются слова, возникшие на памяти использующего их поколения. По современным статистическим данным, в развитых языках появляются десятки тысяч неологизмов, что свидетельствует о так называемом «неологическом взрыве» – «neology blow up». Постепенно неологизмы осваиваются и становятся общеупотребительными в лексиконе носителей языка, а затем перестают быть неологизмами. Как отмечает К.А. Власова, слово находится в состоянии неологизма очень непродолжительное время. Как только слово начинает активно употребляться, оно теряет признак новизны, то есть постепенно входит в лексическую систему языка в качестве общеупотребительного [4].

К вопросу о том, как неологизмы могут влиять на формирование и совершенствование индивида. Каждый человек, представитель вида *Homo sapiens* и носитель индивидуально-своеобразных черт является индивидом. Когда представитель *Homo sapiens* вписывается в социум, он становится личностью. Благодаря особой совершенной формы общения присущей только человеку, то есть речи, индивид в процессе коммуникации может обмениваться своими мыслями и чувствами, а также взаимодействовать друг на друга [9]. Таким образом, с помощью коммуникации, индивид совершенствуется.

Общение с помощью речи осуществляется посредством языка. Язык, как система фонетических, лексических и грамматических средств общения, на протяжении времени изменяется, обогащается, развивается, совершенствуется. Как мы отмечали ранее, самым значимым свидетельством подвижности характера языка, как живой и динамической системы, является его способность изменять свой словарный состав. С.И. Тогоева выдвигает позицию о том, что новые слова появляются благодаря специфике когнитивной деятельности индивида, индивидуальным особенностям и творческому подходу в речи человека [11]. Исследуя проблемы неологии с психолингвистических позиций, С.И. Тогоева сделала заключение о том, что в процессе коммуникативно-познавательной деятельности человека развивается внутренний индивидуальный лексикон. Специфика восприятия и усвоения новых слов у каждого индивида разная. Л.В. Шалина подчеркивает, что каждый исследователь рассматривает новые слова со своих позиций, выдвигает на передний план те критерии, которые соотносятся с его целевой установкой [13]. В оксфордском словаре по психологии отмечается, что создание новых слов (неологизмов) или использование уже существующих слов или терминов новыми способами часто считается творческим действием индивида [2]. В.Г. Гак обращает внимание на то, что большая часть неологизмов образуется с помощью внутренних ресурсов индивида. Внутренние средства помогают переосмыслить новые образованные слова и создать с помощью них словосочетания. В.В. Виноградов считает, что «неологизмы» рождаются в связи с потребностью общества коммуницировать (названия новых предметов, фактов, понятий, явлений), а не для удовлетворения экспрессивно-эмоциональных надобностей индивида. Автор полагает, что основная функция неологизмов – номинативная. Номинативная функция служит непосредственно для ориентации человека в пространстве и времени, а также идет рука об руку с познавательной функцией и участвует в процессе познания мира. Рассматривая процессы изучения новых лексических единиц, советский психолог и лингвист, Л.С. Выготский, отмечал, что в языке слово воплощает в себе единство коммуникации и мышления. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что возникновение языковых новообразований необходимо

рассматривать не только как процесс номинации, но и одновременно как процесс познания и коммуникации [3].

В сфере психологии, основой изучения которой являются закономерности возникновения, развития и функционирования психики и психической деятельности человека и групп людей, тоже имеет место быть новым словам, заимствованным из других иностранных языков, а также созданным и преобразованным благодаря мыслительным процессам индивида и его творческому речевому подходу. Однако, прежде следует отметить, что психология - одна из самых перспективных и актуальных наук, так как все более возрастает роль и значение людей, их психики и сознания. Е.А. Мигунова [6] отмечает, что в прежние десятилетия психология была преимущественно мировоззренческой дисциплиной. В наше время, роль психологии существенно изменилась, так как она приобрела практическую значимость и стала актуальна в системе образования, в промышленности, государственном управлении, медицине, культуре, спорте и так далее. [6]. Таким образом, в сфере психологии появление новых слов (неологизмов) могут значительно скрасить лексикон практического психолога. Также следует отметить, что пациенты обращаются за помощью для облегчения своего эмоционального состояния; прояснения внутренних, психологических проблем за помощью в принятии своей болезни; с вопросами о том, как справляться с эмоциями, агрессией; как общаться в своей семье, с друзьями, на работе; они обращаются за помощью в нахождении внутренних ресурсов преодоления болезни; с запросами, связанными с профилактикой рецидивов, дальнейшей жизнью в условиях болезни и прочее [6]. На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что, используя новые словообразования, пациенты могут легко и понятно описать свою проблему, поделиться своими чувствами, состоянием с психологом.

Рассмотрим некоторые примеры неологизмов из сферы психологии, описывающих психологические компоненты и состояния личности:

-Неологизмы, связанные с чувствами, эмоциями и состояниями:

Humblebrag - хвастливое высказывание, которое автор пытается скрыть за маской самоиронии, шутя в жанре: - «Да я вообще кто? Да никто!», т.е. скромное хвастовство;

Me time - личное время, посвященное самому себе, а не потраченное на решение проблем других людей и работу, время для снижения стресса и восстановления энергии;

Perfectionist paralysis- состояние человека, препятствующее началу работы из-за неуверенности в достижении успеха;

Curb shame - смущение, которые испытывает человек, послушно ожидающий зеленого светофора, в то

время, как остальные переходы переходят на красный свет из-за отсутствия движения машин;

Dreamathon- состояние, в котором человек много раз подряд выключает будильник и успевает в промежутках между звонками будильника увидеть новый сон;

Bromance- крепкая мужская дружба;

Digital hangover - чувство стыда, которое накрывает на следующее утро после вечеринки, если знакомые или друзья уже успели выложить в социальные сети фотографии или видео с компроматом;

Threenager (three + teenager) - ребенок, переживающий так называемый

«кризис трех лет», который по своим проявлениям напоминает подростковый бунт;

Refrigerator rights («Рефрижераторное право») - синоним очень дружеских доверительных отношений, что может означать право залезть в холодильник без спроса;

Bedgasm - удовольствие, которое человек испытывает, когда в конце изнурительного рабочего дня ему удается добраться до дивана, при этом человек как будто выпадает из реальности и лежит без движений около 20 минут;

Aha moment - момент, когда вы резко вспомнили что-либо, в который до вас что-то «дошло»;

Attention spam - состояние, при котором невозможно сосредоточиться, и поэтому человек совершает нелепые ошибки в простых вещах из-за переизбытка ненужных мыслей в голове;

Headdesk - высшая степень отчаяния и разочарования из-за чьей-то глупости; это чувство сильнее «facepalm» примерно в три раза;

Book hangover (рус. «Книжное похмелье») - чувство, что окружающий мир несовершенен и сюрреалистичен, которое появляется сразу после окончания прочтения книги и мешающее человеку вернуться в реальность;

Name ambush (рус. «Именная засада») - неловкое чувство, возникающее при встрече с вроде бы знакомым человеком, но при этом не помните, как его зовут;

Presenteeism - чувство вины, возникающее у работника, который отлучился из офиса, даже если по причине болезни;

Cinematherapy - так называемая «кино-терапия», похожа на «шопинг- терапию», но в этом случае от стресса избавляются в кинотеатрах.

Выводы

Таким образом, проблема к изучению неологизмов в настоящее время выросла ещё больше, зародилась новая область лингвистики под названием «неология», которая занимается определением способов выявления новых слов и значений, анализирует факторы их появления, изучает процессы и модели их создания, разрабатывает принципы их лексической обработки. Существуют разные взгляды на понятие «неологизм» и их природу. Обобщая вышесказанное можно сделать вывод, неоло-

гизм – есть новая единица (устойчивое словосочетание или слово), новая по форме и по значению (или только по значению или только по форме), созданная по слово или фразообразовательным моделям данного языка или заимствованная из другого языка и воспринимаемая носителями языка в качестве новой в течение некоторого промежутка времени. В современном английском языке возникновение неологизмов представляет собой активное пополнение словарного состава и обогащения

языка в целом. Индивид за счет создания, а затем и использования словарных новообразований, развивает свой когнитивный и коммуникативно-познавательный процесс и совершенствуется благодаря своему творческому подходу в речи. Лексический состав английского языка в сфере психологии также пополнился за счёт новообразований, что позволяет значительно скрасить речь психологов и пациентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Высшая школа, 1973. 302 с.
2. Библиография: Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера. — М.: Вече, АСТ, 2002.
3. Бухорова М.Х. Номинативная функция языка и её функционирование в речи // Журнал Вопросы науки и образования, - 2020. — С. 60-64 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nominativnaya-funktsiya-yazyka-i-ee-funktsionirovanie-v-rechi> (дата обращения: 06.11.2020)
4. Власова К.А. К вопросу о неологизмах / К.А. Власова, Д.А. Вьюшкина. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 29-31.
5. Мельник Ю.А., Штехман Е.А. К вопросу о статусе неологизма в современной лингвистике // Журнал Современные проблемы науки и образования. — 2015. - №2 (часть 1) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21100> (дата обращения: 06.11.2020)
6. Мигунова Е.А. Актуальность психологической науки в современном мире // Журнал Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, - 2015. - [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-psihologicheskoy-nauki-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 06.11.2020)
7. Мкртчян Т.Ю. К вопросу о способах образования новейших неологизмов в английском языке // Журнал Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - №9 (75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 140-142
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Рус. Яз., 1990. — 921 с.
9. Разлогов К.Э. Индивид - личность - творческая личность: мифы и реальность // Журнал Ярославский педагогический вестник, - 2015 - №1 — Том 1. — С. 61-65 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individ-lichnost-tvorcheskaya-lichnost-mify-i-realnost> (дата обращения: 06.11.2020)
10. Сенько Е.В. Теоретические основы неологии. Владикавказ. 2001. С. 16
11. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: дис. . . д-ра фил. наук. Теория языка, Тверь, 2000. - 251 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.disscat.com/content/psikholingvisticheskie-problemy-neologii>
12. Чугунова С.А. Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды) // Вопросы психолонгвистики. — 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizimy-kak-dostoyanie-individa-na-materiale-angloyazychnyh-neologizmov-iz-sfery-mody> (дата обращения: 06.11.2020)
13. Шалина Л.В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Журнал Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. — 2007. — С.73 -77 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-neologizma-v-sovremennom-lingvistike> (дата обращения: 06.11.2020)

© Литвяк Олеся Валерьевна (Ole.litviak@yandex.ru), Супрун Лилия Сергеевна (lilij.suprun@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНОСТРАННАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

FOREIGN VOCABULARY IN MODERN GERMAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF BORROWING AND WORD FORMATION

V. Panfilova
A. Gazizova

Summary: Vocabulary is the main aspect of any language from a psychological point of view. This is due to the fact that without knowledge of words and in the absence of vocabulary, one cannot speak of proficiency in one language or another. In this work, the authors study and analyze modern foreign vocabulary in the modern language in the context of word formation and borrowing. The traditional ways of forming words in the German language are considered, the main trends of modernization, development and changes in the modern language are identified and described. The process of borrowing foreign vocabulary is analyzed, through which mechanisms this process is implemented.

Keywords: vocabulary, word formation, borrowing, foreign words, German.

Панфилова Валентина Михайловна

К.п.н., доцент, Казанский федеральный университет
valova55v@yandex.ru

Газизова Альфия Ильдусовна

Д.п.н., профессор, Казанский национальный
исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ
Alfgazva@mail.ru

Аннотация: Лексика представляет собой главный аспект любого языка с психологической точки зрения. Это объясняется тем, что без знания слов и при отсутствии словарного запаса нельзя говорить о владении тем или иным языком. В работе авторы исследуют и анализируют современную иностранную лексику в современном языке в контексте словообразования и заимствования. Рассмотрены традиционные способы образования слов в немецком языке, выявлены и описаны основные тенденции модернизации развития и изменения современного языка. Проанализирован процесс заимствования иностранной лексики, посредством каких механизмов реализуется данный процесс.

Ключевые слова: лексика, словообразование, заимствование, иностранные слова, немецкий язык.

Введение

Лексика представляет собой главный аспект любого языка с психологической точки зрения. Это объясняется тем, что без знания слов и при отсутствии словарного запаса нельзя говорить о владении тем или иным языком. Слова являются наиболее важной частью любого языка, так как они взаимосвязаны и выражают различные сферы деятельности человека. Лексика постоянно находится в стадии изменений и непрерывного развития, движения. Исходя из этого, можно говорить о постоянном, не останавливающемся изменении и самого языка: в оборот входят новые слова, в том числе заимствованные; другие слова устаревают и выходят из оборота [1].

Внедрение новых слов в лексику осуществляется посредством различных приемов семантизации:

1. Приведение антонимов и синонимов.
2. Различные формы визуальной информации.
3. Перечисления.
4. Опора на контекст.
5. Описания.
6. Указание на лексическую парадигму.
7. Указание на особенность или форму словообразовательного процесса.
8. Перевод [2].

Изучение способов словообразования и методов заимствований иностранных слов, а также изучение интернационализмов является наиболее результативной и эффективной формой усвоения новых слов, способом обогащения и развития словарного запаса.

Целью данной работы является рассмотрение способов словообразования и заимствования иностранных слов в современном немецком языке, анализ процессов и тенденций, которые сегодня можно заметить в изменении немецкой лексики.

Основная часть

Каждый язык обладает собственной совокупностью методов и средств словообразования. Данная система варьируется и отличается в зависимости от того, насколько продуктивны и эффективны те или иные методы, решения, способы. Если говорить о словообразовании немецкого языка, данный процесс является особым разделом языкознания, который посвящен изучению словесных структур и законов их образования, изменения [3,4].

Рассмотрим традиционные способы словообразования современного немецкого языка:

1. Морфолого-синтаксический.

2. Словообразование.
3. Морфологический.
4. Лексико-синтаксический.

Ряд немецких исследователей считают, что ведущую роль в процессе словообразования на текущем этапе развития играет такой способ как словообразование. Наибольшей эффективностью он обладает в разрезе существительных с широким разнообразием морфологического состава [5, 6].

Разберем каждый из перечисленных способов более подробно.

1. Морфолого-синтаксический способ. Заключается в образовании новых слов посредством перехода того или иного грамматического класса в другой. Подразумевает под собой адвербиализацию, субстантивацию и адъективацию.
2. Словообразование. Метод заключается в образовании новых слов (речь идет о композитах или сложных словах), которые получаются в результате соединения двух и более основ или слов. На данный момент способ покрывает все части речи и является наиболее продуктивным способом.
3. Морфологический способ. Подразумевает присоединение специализированных аффиксальных морфем к словесной основе или целому слову. В данном случае можно говорить об аффиксальном словопроизводстве, которое подразумевает использование префиксально-суффиксального метода, присоединение префиксов и суффиксов.
4. Лексико-синтаксический метод. Наиболее сложная техника, так как подразумевает соединение в одно слово целого выражения или сочетания. Посредством лексико-синтаксического метода, как правило, образуются неологизмы. К примеру, рост активности террористических организаций привел к появлению в немецком языке следующих слов: *der Anti-Terror-Krieg*, *der Schläfer*, *die Milzbrandattache*.

Сегодня на фоне всемирной глобализации можно наблюдать интернационализацию лексики различных стран мира. Важно отметить, что интернационализируется не только словарный запас, но и методы словообразования, способы объединения морфем в цельные слова. Таким образом, перед современными лексикологами стоит важная задача: квалифицировать иностранные слова как словообразовательное производное или как заимствование. Задачу не всегда можно решить однозначно, так как она решается на фоне интернационализации [7, 8, 9].

Согласно данным орфографического языка немецкого языка Дудуен, который публиковался с 1880 до 1996 года, по состоянию на 1996 год словарный состав

немецкого языка включает в себя от 400000 до 500000 фразеологизмов и слов. При этом активный словарный запас носителя немецкого языка составляет от 15000 до 20000 слов. Пополнение словарного запаса происходит посредством следующих способов:

1. Словообразование (неологизмы составляют 83% от всех новых слов).
2. Изменение смысла слов, приобретение новых значений (13% всех вводимых слов).
3. Заимствования из иностранных языков (4%) [10].

Для оценки значимости иностранной лексики, которая сегодня является неотъемлемой частью современного немецкого языка, необходимо обратиться к перечню «Сто слов XX века». Это список включает наиболее значимые слова и выражения, которые имели особую значимость в течение XX века. Список отражает выдающиеся события и понятия культурной, общественной, экономической, политической и других сфер жизни Германии. Перечислим несколько примеров с русскоязычным переводом:

1. *Friedensbewegung* – общественное движение в защиту мира.
2. *Kalter Krieg* – холодная война.
3. *Völkerbund* – конвейер.
4. *Völkerbund* – Лига наций.
5. *Weltkrieg* – мировая война.
6. *Werbung* – реклама [11].

В результате сопоставления не только приведенных слов, но также и других слов, входящих в перечень, можно обнаружить, что зачастую немецкому слову в русской речи соответствует иностранное слово (например, «реклама» или «конвейер»).

Таким образом, современную лексику немецкого языка можно поделить на две категории:

1. Эндогенная, имеющая внутрязычное происхождение. В данную категорию входят исконно немецкие слова, которые имеют германские корни. На их долю приходится 1/3 часть лексики. Как правило, они образуются в результате словообразования, преимущественно словообразования. К примеру, *Luftkrieg* (воздушная война) и *Blockwart* (доверенное лицо). Также для их образования может использоваться такой метод как словопроизводство. К примеру, слово «*Säuberung*», которое переводится как «чистка» образовано посредством суффиксации; слово «*Urknall*», которое переводится как «взрыв вселенной» образовано посредством метода префиксации.
2. Экзогенная, имеющая внешнее происхождение. Экзогенная лексика подразумевает иностранную лексику, которая не свойственна немецкому языку. В данную категорию входят заимствованные слова, которые ассимилированы с немец-

ким языком (примеры: «Sport», «Film»); интернационализмы, которые отличаются наличием таких суффиксов как «-tion» и «-ismus» (примеры: «Manipulation», «Sozialismus»). Если при анализе экзогенной лексики встречаются затруднения при отнесении слова к заимствованиям или интернационализмам, необходимо обращаться к этимологии рассматриваемого слова. К примеру, проведя этимологическое исследование таких слов как «Originalität», «Sentimentalität» и «Polarität», было выявлено, что последнее относится к эндогенной лексике, так как образовано в немецком языке, в отличие от остальных, которые произошли во французском языке, а затем были заимствованы.

В разрезе изучения иностранной лексики в современном немецком языке с учетом заимствований и способов словообразования, необходимо разобрать вопрос авторства внедренных иностранных слов. Сегодня известен ограниченный перечень слов, которые можно отнести к категории авторских, то есть доподлинно известны их автор. Ярким примером является слово «Vitamin» (переводится на русский язык как «витамин»), созданное биохимиком из США – Казимиром Функом. В последующем слово было заимствовано многими языками мира, в том числе немецким и русским.

Рассматривая современные языковые тенденции XXI века, посредством которых осуществляется формирование глобализованного мирового пространства, необходимо выделить:

1. Интернационализацию лексики всех языков в целом и немецкого языка в частности.
2. Сохранение самобытного словарного запаса, которое сопровождается рядом трудностей.

В рамках первой тенденции необходимо использовать такое понятие как интернационализм, который представляет собой языковую единицу, различные вариации которой встречаются в 3 и более современных языках, генетически отличающихся друг от друга. К интернационализмам относятся:

1. Интерлексемы.
2. Интрефраземы или интерфразеологизмы.

Если оценивать количество иноязычных слов, которые сегодня присутствуют в современном немецком языке, их количество и доля несущественно отличаются от аналогичных показателей XX или XIX веков. Это объясняется процессами обогащения и устаревания лексического запаса, который протекает без остановок и перерывов независимо от мировых и внутригосударственных социально-политических, экономических, культурных и прочих процессов. Сегодня обновление лексики реализуется посредством:

1. Прямых заимствований из средств массовой информации и сети Интернет. Как правило, это термины из области экономики и спорта. Проведенные исследования говорят о том, что из всех языков стран Европейского Союза, немецкий больше всего подвержен влиянию англоязычных слов и выражений.
2. Семантической деривации.
3. Образования новых слов, включающих элементы из английского языка. К примеру, «тур все включено» сегодня на немецком языке звучит как «All-inclusive-Reise».
4. Кальки неологизмов. К примеру, англоязычный термин «pay TV», который переводится как «платное телевидение» в немецком языке приобретает следующую форму неологизма: «Bezahl-TV».
5. Образование псевдозаимствованных неологизмов. Ярким примером является слово «Handy», которое переводится как «сотовый телефон».

Важно учитывать, что кроме активного внедрения в современный немецкий язык посредством заимствований и словообразования, иностранная лексика составляет ¼ часть от объема устаревающих слов, которые сегодня выходят из активного употребления. В данном процессе отчетливо можно проследить следующий тренд: архаизация лексики, как эндогенной, так и экзогенной, реализуется преимущественно посредством вытеснения немецких слов иностранными словами, которые вызывают затруднения при произношении и написании даже у носителей языка. Все архаизмы при этом можно разделить на следующие категории:

1. Редко употребляемые слова. К примеру, «Aroma» встречается в СМИ и интернете гораздо чаще, чем «Duft», которое сложнее в плане произношения. Это привело к тому, что второе слово сегодня используется крайне редко.
2. Слова, которые имеют несколько значений. Здесь есть важная особенность: если устарело одно из значений, слово может использоваться в разрезе остальных семантических смыслов. К примеру, слово «Affäre» сегодня преимущественно поменяется для передачи таких событий как «скандал» или «неприятная ситуация». А вот в значении «любовная связь» оно уже практически не применяется.
3. Фразеологизмы, которые имеют в своем составе лексемы иностранного происхождения.
4. Клише, которые были заимствованы из других языков. Примечательно, что в данном случае клише из одного иностранного языка могут вытесняться клише из других зарубежных языков.

Говоря о заимствовании иностранной лексики, необходимо рассмотреть наиболее распространенные варианты семантической структуры слова в языке, который

является реципиентом.

Чаще всего заимствуются только некоторые значения многозначных слов. В ряде случаев слово или выражение может приобретать дополнительное значение, которого нет в донорском языке. Ярким примером является английское слово «Single», которое в донорском языке обозначает:

1. Одинокого человека, без спутника жизни.
2. Одиночный спортивный разряд.
3. Билет в одном направлении, без обратного направления.
4. Номер на одного в отеле.
5. Купюра, номинал которой составляет единицу.

В немецкоязычных словарях данный англицизм имеет несколько иные значения:

1. Одиночный спортивный разряд, но только в контексте профессионального бадминтона или тенниса.
2. Музыкальная пластинка, с каждой стороны которой имеет только по 1 произведению.
3. Одинокий мужчина или женщина, которые не женаты/не замужем.

Вторая тенденция при заимствовании – полное игнорирование многозначности. К примеру, в языке-доноре слово «Drink» имеет 6 смысловых значений, а при заимствовании в немецкий язык за ним сохраняется только

один смысл – «алкоголь».

Третья тенденция – обретение новых стилистических особенностей в контексте языка – реципиента. К примеру, словесная пара немецкого слова «Arbeit» и английского «Job» изначально имели одно значение – «работа». Однако после заимствования второго в немецком языке оно начало использоваться как «подработка или деятельность по совместительству». При этом существует термин «Beruf», обозначающий приобретенную профессию.

Заключение

На основании выполненного исследования можно сделать вывод, что современный немецкий язык, с его экзогенной и эндогенной лексикой, был сформирован и продолжает развиваться в результате постоянного обогащения новыми словами, а также в результате архаизации лексики. Сегодня отчетливо прослеживается тренд на интернационализацию лексики на фоне мировой глобализации, что проявляется в виде активного вплетения иностранной лексики посредством заимствования и образования новых лексических единиц.

При исследовании и анализе иностранной лексики особую ценность представляют лексические единицы, которые трансформируются в узус, то есть их активным образом использует языковой коллектив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бим И.Л., Рыжова Л.И., Садомова Л.В. и др. Немецкий язык. Сборник примерных рабочих программ. Предметная линия учебников И.Л. Бим. 2–11 классы. М.: Просвещение, 2018. С.336.
2. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: КомКнига, 2007. 376 с.
3. Sahel S. Einführung in die Morphologie des Deutschen [Elektronische Ressource] Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013. Режим доступа: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/ser/onl.html> (Дата обращения: 06.11.2020).
4. Schröder M. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache /Wolfgang Fleischer; Irmhild Barz. Schröder, Marianne. Tübingen: Niemeyer, 2007. Режим доступа: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/ser/onl.html> (Дата обращения: 06.11.2020).
5. Heringer H.J. Deutsche Grammatik und Wortbildung in 125 Fragen und Antworten [Elektronische Ressource] UTB, 2014. Режим доступа: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/ser/onl.html> (Дата обращения: 05.11.2020).
6. Luscher R. Übungsgrammatik für Anfänger (DaF) [Elektronische Ressource]: Deutsch als Fremdsprache Hueber, 2011. Режим доступа: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/ser/onl.html> (Дата обращения: 05.11.2020).
7. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
9. Крысин Л.П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 2006. № 2. С. 74–78.
10. 1Duden online (нем.). (<https://www.duden.de>). Дата обращения: 06.11.2020.
11. Die hundert Wörter des XX. Jahrhunderts. – Режим доступа: http://de.wikipe dia. org/wiki/100_Wörter_des_Jahrhunderts. Дата обращения: 05.11.2020.

© Панфилова Валентина Михайловна (valova55v@yandex.ru), Газизова Альфия Ильдусовна (Alfgazva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБ «ОБЩЕМ ПАДЕЖЕ» СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

ABOUT THE "GENERAL CASE"
OF MODERN GERMANV. Panfilova
L. Bubekova

Summary: In the article, the author examines the psycholinguistic and linguistic problems of using the case system of the modern German language. Cases today are the main carriers of morphological meanings, which in turn form a number of oppositions of a paradigmatic nature. Also, cases act as regulators of syntactic relations, which demonstrate the relationship of the noun and other members of the sentence. The work examines the category of case, its functional features and characteristics, and also interprets the nominative case in the system of the modern German language. As a result of the research carried out on the basis of the analyzed factors, the author comes to the conclusion that a reasonable solution is to single out the general case as a category with zero marking.

Keywords: German, general case, language system, usus

Панфилова Валентина Михайловна

К.п.н., доцент, Казанский федеральный университет
valova55v@yandex.ru

Бубекова Лариса Борисовна

К.филол.н., доцент, Елабужский институт (филиал)
Казанского федерального университета
bular@yandex.ru

Аннотация: В статье автором рассматриваются психолингвистические и лингвистические проблемы использования падежной системы современного немецкого языка. Падежи сегодня являются основными носителями морфологических значений, который в свою очередь образуют ряд оппозиций парадигматического характера. Также падежи выступают в качестве регуляторов синтаксических отношений, которые демонстрируют связи существительного и других членов предложения. В работе рассматривается категория падежа, ее функциональных особенностей и характеристик, а также трактуется именительный падеж в системе современного немецкого языка. В результате выполненного исследования на основании проанализированных факторов, автор приходит к выводу, что целесообразным решением является выделение общего падежа как категории с нулевой маркированностью.

Ключевые слова: немецкий язык, общий падеж, языковая система, usus.

Введение

Данная работа возникла в результате движения от системного текущего понимания грамматики к ее пониманию в психолингвистических рамках.

Согласно Н.В. Уфимцеву, падежи являются носителями морфологических значений, которые образуют особые оппозиции парадигматического характера, помимо этого, они выступают регуляторами взаимосвязей, выстраивающихся в предложении между существительными и, другими словами, в предложении. При этом исследователь отводит падежам роль наименее рациональных и эффективных языковых частей. На этом фоне он декларирует вывод о происхождении данного конструкта в результате сложной абстракции [1, 2].

Чтобы понять сущность и парадигму падежной системы немецкого языка, рассмотрим именительный падеж в русском языке. В системе русского языка именительный падеж занимает особое место и является некой оппозицией совокупности остальной падежной системы. Именительный падеж является универсальным для всех языков со сложной падежной системой в целом и для немецкого языка в частности.

Если трактовать именительный падеж в рамках немецкого языка, он рассматривается как «общий падеж», которому отводится особая роль в немецкой грамматике [3]. Рассмотрение и существование данной проблемы находится не в области традиционных грамматических

правил и понятий, а в области строевых специфичных признаков немецкого языка, обусловленных комплексом внешних и внутренних факторов. В сознании носителей современного немецкого языка совокупность данных факторов фиксируется как тенденция, ориентированная на упрощение используемой флективной морфологии имен существительных в рамках субстантивных групп.

Если рассматривать категорию общего падежа в немецком языке, необходимо выполнять это в совокупности и в тесной взаимосвязи с артиклеобразными словами, а также с артиклем. Это обусловлено тем, что данные элементы языковой системы чаще всего выполняют роль носителей морфологических падежных показателей имени существительного в процессе его употребления.

Нельзя забывать, что выражение падежных форм сообщается с родовыми свойствами имен существительных, что имеет особое значение для различия и разграничения отношения между субъектами и объектами, выстраивающихся в ходе высказываний при эксплуатации имен существительных в женском или среднем роде в общем или винительном падеже. Это объясняется тем, что в данном случае они не несут отличительных специфичных грамматических признаков. Ярким примером является следующее предложение: «Das Kind küsst die Mutter», в котором наблюдается омонимия выразительных падежных средств для используемых имен существительных. Устранить омонимию удастся только посредством применения правила порядка слов, на

первом месте всегда находится субъект предложения.

Если говорить о грамматической выразительности немецкого языка, она достигается посредством использования различных средств: прилагательных, местоимений, порядка слов существительных, артиклеобразных слов. Рассмотрим два примера:

1. In der Krise der liberalen Demokratie wird die Krise des autoritären Charakters sichtbar. В данном случае мы наблюдаем прикрытую позицию существительных, которая дает возможность идентификации падежа на основании грамматических показателей.
2. Jetzt steht nicht mehr Dekonstruieren auf der Hitliste, sondern Konstruktivität. Здесь мы уже имеем неприкрытую позицию, которая отличается отсутствием падежных признаков.

При этом имя существительное и имена собственные не имеют выраженных четких грамматических маркеров, что является нарушением употребления слов. Это нарушает структуру немецкого языка, где сохраняются флективные элементы даже в условиях увеличения аналитических тенденций. Процессы данного типа имеют историческое происхождение, однако сегодня они выражаются в широком распространении и применении падежно амбивалентных словарных форм имен существительных [4].

Среди всех имен существительных в немецком языке избыточность с позиции маркирования отличаются формы, образующиеся в сложной комбинации показателя трех типов: рода, падежа и числа, что обуславливает языковую нагрузку [5]. Имена существительные требуют грамматического выражения синтаксических отношений посредством многообразия маркеров падежей, которые демонстрируют принадлежность к тому или иному виду склонения, опираясь на совокупность признаков формального гибкого характера.

Сегодня для немецкой языковой системы свойственно увеличение класса позиций, в которых имя существительное не имеет грамматически оформленных признаков. Таким образом, существительные все чаще применяются в позиции неприкрытого типа. Это отчетливо прослеживается в следующих примерах:

1. zu Gehör bringen;
2. eine Art Mensch;
3. Obacht geben;
4. seine Stellung als Lehrer;
5. in Form.

Рассмотрение приведенных и других примеров дает основание выделить «общий падеж» в качестве специфичной неопределенной формы имени существительного, которая разрывает взаимосвязь с устоявшейся па-

радигмой [6]. Следующей обнаружившейся тенденцией является превалирование устойчивых словосочетаний в пуле образований с «общим падежом»:

1. mit Hilfe von;
2. zu Hause;
3. nach Hause и так далее.

Ряд исследователей склоняются к мнению о необходимости признания нескольких разновидностей общего падежа в современном немецком языке:

1. Падеж, который позволяет использовать формы как именительного, так и родительного падежей.
2. Падеж, который позволяет применять формы дательного и именительного падежей.
3. Падеж, который позволяет использовать формы родительного и еще одного падежа и так далее [7, 8, 9].

Альтернативным вариантом является применение общего падежа как одного из вариантов именительного падежа с тенденцией проникновения в другие позиции, что обусловлено монофлексией. Если обратиться к исторической составляющей, трактование общего падежа как импульса к монофлексии является оправданным. Однако в условиях сегодняшнего немецкого языка очевидна необходимость дифференцированного подхода, который комплексно учитывал бы совокупность факторов, влияющих на расширение сферы использования и присутствия общего падежа как в рамках устной, так и в рамках письменной речи.

Сегодня проблема общего падежа неразрывно связана с тенденцией к употреблению имен существительных без артиклей. Такое применение представлено посредством совокупности явлений системного и асистемного характера. При этом каждое явление из совокупности располагается в области широкого варьирования форм языка, инструментов выражения отношений между падежными свойствами.

Если говорить о случаях отсутствия артикля, которые были упомянуты ранее, они относятся к предметам нормативных грамматик. Данная область относится к морфосинтаксису и демонстрирует наиболее выраженные языковые факты, которые можно объединить в категории на основании сходства ситуаций и условий, ведущих к элиминированию артикля. При этом выделяют две зоны:

1. Зона немотивированного артиклевого варьирования.
2. Зона безартиклевого употребления имен существительных.

Данные зоны проявляются в аналитических словосочетаниях глагольно-именного типа, где артикль присутствует (например, eine Umfrage halten) или отсутствует (Einzug halten). Здесь важно отметить, что все

чаще в языковой системе применяются безартиклевые употребления (не только в разговорной речи и рекламных средствах, но также в нормативных институциональных наименованиях: *Vorsicht Volk!*, *Satirepartei auf Abwegen*, *GLS Bank* и так далее). Параллельно с этим происходит активными темпами процесс создания новых предпосылок отказа от артикля при именах существительных.

Основная часть

Были рассмотрены группы явлений использования имен существительных без артиклей как выражение тенденций, обусловленных современной системой языка. Такое явление как безартиклевость проявляется в текстах и условиях различных жанров:

1. Безартиклевость является признаком предложных образований, которые относятся к сложно-составным предлогам, образующимся на базе сочетания предлога и имени существительного. Например, это можно наблюдать в следующих образованиях: *aus Rücksicht*, *in Form*, *uf Dauer*.
2. Безартиклевость может быть обусловлена употреблением имен существительных в неприкрытой форме, то есть, когда с предлогами употребляются имена существительные неатрибутированного типа. В данных группах, как правило, отсутствует падежное маркирование, что принято связывать с влиянием, оказываемым разговорным стилем языка, что позволяет экономить усилия не только в ходе устной, но также и в ходе письменной речи. Примеры, в которых не выражены падежи: *trotz Streick*, *außer Bewohner und Fahrzeuge*. Второй пример похож с фразеологическими оборотами по типу *von Mensch zu Mensch*.
3. Безартиклевость обусловлена образованиями, которые включают имена существительные в функционал приложений, которые в современной языковой системе представлены различными типами и имеют широкое распространение в кругу современных дискурсов. Было выявлено, что явление безартиклевости постепенно расширяет диапазон влияния и употребления в результате группы языковых тенденций, указывающих на специфичный метод определения символов идентификации перед именами существительными, употребляемыми в функции приложений, которые при этом обозначают определенные сущ-

ности при обобщающем именном значении [10]. В качестве примером можно рассмотреть следующие образования: *eine Spur Machtlosigkeit*, *das Thema Rente*, *eine Art Theater*.

Рассмотренное явление безартиклевости демонстрирует сильные колебания, говорящие об отсутствии устойчивости отношений в грамматике в рамках группы имен существительных. Тенденция к данному явлению сегодня отчетливо выражена и находит поддержку в совокупности сходных процессов, когда имена употребляются в нулевой форме.

Помимо этого, прослеживается усиление колебаний в процессе управления падежами относительно предлогов производного порядка. Данная тенденция демонстрирует широкую альтернативу значительного класса предлогов, приветствующих падежную вариативность [11, 12].

Таким образом, тенденция к применению существительных без артиклей является чертой современного немецкого языка, его разговорной и все чаще письменной речи. Зачастую она именуется как «укороченный немецкий». Однако важно отметить, что в письменном стандарте артикль является нормой грамматического оформления и делает возможной реализацию широкого спектра коммуникативно-когнитивных задач.

Заключение

Многочисленные случаи отказа от артикля при использовании имен существительных в рамках современной немецкой языковой системы нельзя относить к новациям. Они использовались и ранее, отражая последовательные динамические процессы сужения сферы воздействия флективной морфологии, сокращающей до минимума участие флективных маркеров для отображения грамматических отношений.

Расширение области использования безартиклевых форм является важным аргументом для выделения «общего падежа» в качестве нулевой формы. Важно отметить, что нулевая форма при этом является психолингвистической реальностью, так как она активным образом проявляет себя в различных средах использования современного немецкого языка, а ее существование осознается и признается носителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева Н.В. Лингвистический и психолингвистический анализ структуры падежной системы (на материале русского языка): дис. . . канд. филол. наук. – М.: 1976.
2. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. – 252 с.

3. Шубина Э.Л. Словосочетания типа Nquant+ AdjN и eine Art+ AdjN в языке немецкой художественной литературы XX века: особенности грамматического оформления и лексического наполнения. – М.: Компания спутник, 2004. – 204 с.
4. Pavlov V. Die Deklination der Substantive im Deutschen. Synchronie und Diachronie. – Frankfurt a.Main: Peter Lang GmbH, 1995. – 252 P.
5. Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten. 3. Aufl. – Stuttgart, Berlin, Köln, 1993. – 265 p.
6. Ревзин И.И. Структура немецкого языка. – М.: ОГИ, 2009. – 399 с.
7. Steriopolo O. Intonation als Komplexphänomen // Germanistik in der Ukraine. – Jahreshft 4. – Kyjiw: Verlagszentrum der KNLU, 2009. – P. 75-86.
8. Duden. Elektronisches Universalwörterbuch: Richtiges und gutes Deutsch. – Dudenverlag, Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus AG, Langenscheidt KG, 2001
9. Щербакова А.В. Об англо-американском влиянии на способ образования новых глаголов в современном немецком языке // Язык в мультикультурном мире: тезисы и материалы международной конференции [отв. ред. О.А. Кострова]. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 195- 196.
10. Бабенко Н.С. аналитические тенденции в современном немецком языке взгляд на некоторые грамматические процессы в группе существительного// Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. К 100 - летию со дня рождения В.Н. Ярцевой. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Выпуск II. – М.: Эйдос, 2006. – С. 183-192.
11. Polenz P. v. Geschichte der deutschen Sprache. – 10., völlig neu bearb. Aufl. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2009. – 240 P.
12. Черникова Н.В. Признаки языковой нормы. Язык образования и образование языка // Язык образования и образование языка. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. - С 336-337

© Панфилова Валентина Михайловна (valova55v@yandex.ru), Бубекова Лариса Борисовна (bular@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Казанский федеральный университет

О ВЗАИМОСВЯЗИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА С СИНТАКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЕЙ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEXICAL-GRAMMATICAL CATEGORY OF THE VERB FORM AND THE SYNTACTIC CATEGORY OF VERBAL CONTROL

**A. Sokolova
Yu. Fedurko**

Summary: The article presents the results of a study devoted to the identification and comparison of grammatical functions of infinitive forms in old English and middle English. In the course of the research, evidence-based conclusions were made, confirmed by numerous examples, about the functioning of one of the forms of the infinitive within the category of the verb form in old English. The combination of a personal verb with a non-inflectional infinitive in old English is considered by the authors as one of the ways to Express the limit – the aspectual category of the old English verb. An equivalent way to convey the limit is to use the direct complement with the verb in the accusative case. This article is devoted to one of the aspects discovered in the course of research – the relationship of the lexical and grammatical category of the verb form with the syntactic category of verbal control. The existence of this relationship confirms the authors' conclusion that language is an interconnected system of mutually defining units, and changes in each individual element of this system caused by extralinguistic factors lead to changes in other elements. The system-centric approach underlying the study allows us to trace the relationship between the decay of the case system and the simplification of the type category in the English verb.

Keywords: history of the English language; category of species; limit / atelicity of the verb; verbal control; infinitive.

Соколова Алина Юрьевна

*К.филол.н., доцент, Тверской государственный
медицинский университет
alinasokolova.tver@yandex.ru*

Федурко Юлия Владимировна

*К.филол.н., доцент, Дмитровский институт
непрерывного образования Филиал государственного
университета Дубна
yulija.fedurko@gmail.com*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, посвященного выявлению и сопоставлению грамматических функций форм инфинитива в древнеанглийском и среднеанглийском языках. В процессе исследования были сделаны доказательные, подтвержденные многочисленными примерами выводы о функционировании одной из форм инфинитива в рамках категории глагольного вида в древнеанглийском языке. Сочетание личного глагола с нефлексивным инфинитивом в древнеанглийском языке рассматривается авторами как один из способов выражения предельности – аспектуальной категории древнеанглийского глагола. Равнозначным способом передачи предельности является использование с глаголом прямого дополнения в винительном падеже. Настоящая статья посвящена одному из аспектов, открывшемуся в ходе исследования – взаимоотношению лексико-грамматической категории глагольного вида с синтаксической категорией глагольного управления. Наличие этой взаимосвязи подтверждает вывод авторов о том, что язык является взаимосвязанной системой взаимопределяющих единиц, и изменение каждого отдельного элемента этой системы, вызванное экстралингвистическими факторами, ведет к изменению других элементов. Системноцентрический подход, лежащий в основе исследования, позволяет проследить взаимосвязь распада падежной системы и упрощения категории вида у английского глагола.

Ключевые слова: история английского языка; категория вида; предельность / неопределенность глагола; глагольное управление; инфинитив.

Введение

Системноцентрический подход к исследованию языка определяется тем фактом, что все единицы языковой системы тесно взаимосвязаны, и преобразование одного языкового феномена приводит к изменению других элементов. Цель данной статьи – продемонстрировать взаимоотношение лексико-грамматической категории глагольного вида с синтаксической категорией глагольного управления, которое отчетливо проявляется в древнеанглийском языке, и проследить взаимосвязь распада падежной системы имени существительного и упрощения категории вида у английского глагола.

Данная статья является обобщением результатов более глубокого исследования, посвященного выявлению и сопоставлению грамматических функций форм инфинитива в истории английского языка. Это исследование было обусловлено тем фактом, что многие элементы грамматической системы современного английского языка, как например, нефинитные формы глагола, в значительной степени отличаются от своих аналогов, существовавших в древнеанглийский период. Причины подобного расхождения четко не определены. Наиболее вероятная версия – разрыв литературной традиции, вызванный сложившимися экстралингвистическими обстоятельствами, приводящими к обширным языковым контактам английского языка с другими языками.

Инфинитив как элемент видовой системы древнеанглийского глагола

Большинство исследователей выделяет у древнеанглийского инфинитива две формы. Форма именительного (винительного) падежа оканчивается на -an (нефлективный инфинитив). Форма дательного падежа имеет окончание -anne/-enne и предлог *tō* (флективный инфинитив). Нефлективный инфинитив был весьма распространён в древнеанглийском языке и использовался гораздо чаще по сравнению с его древнеанглийской флективной формой и его аналогом в современном английском языке.

В древнеанглийском языке нефлективный инфинитив, как отмечает М. Каллавей, употребляется после глаголов, управляющих аккузативом: наиболее частотными глаголами являются глагол приказания (*hatan* "order"), глагол позволения (*lætan* "let"), глаголы восприятия (*geseon* "see"). Флективный инфинитив в функции дополнения употребляется после глаголов, требующих генитива, датива или инструментального падежа: *æteowan* "show"; *судан* "make known", *læran* "teach" и др. Существует ещё и третья наиболее обширная группа глаголов двойного управления, которые могут принимать оба инфинитива [4, с. 60-70].

Необходимо отметить, что управление глаголов в древнеанглийском было абсолютно не таким, как в современном английском языке. М. Каллавей указывает, например, относительно глагола *secan* "seek", который в современном английском языке используется только с прямым дополнением, что в древнеанглийском языке этот глагол использовался и с аккузативом, и с дативом в значении «strive for» [4, с. 63]. То же самое характерно для глагола *findan* "find". Глаголы *hatan* "order" и *lætan* "let", наоборот, в древнеанглийском управляли только аккузативом: *Hie hine héton ðæt attor etan* "they bade him poison eat", где форма *hine* – это форма аккузатива личного местоимения единственного числа 3 лица мужского рода. Или *God lét hí habban ágenne cyre* "God let them own choice have", где форма *hí* – это форма аккузатива местоимения множественного числа 3 лица. Многие глаголы, требующие в древнеанглийском языке не аккузатива, не употребляются в современном английском языке, поэтому для современного читателя их управление не очевидно. Например, глагол *elcian* "delay" в древнеанглийском языке требует предлога *to* и дательного падежа:

- (1) *Ðæt he leng ne elcode to his geleafan*
that he long no delayed his belief.SUBST.DAT
"that he no longer delayed his belief" [Homilies of Ælfric]
- (2) *Ne elca ðu to gecyrrenne to Gode*
Not delay you to turn.INF to God
"Do not delay you to turn to God" [Homilies of Ælfric].

Как показало собственное исследование, нефлективный инфинитив используется после глаголов восприятия, приказания, позволения в конструкции «сложное дополнение», в качестве части глагольного сказуемого после претерито-презентных глаголов, а также после многих других глаголов. Среди этих глаголов наиболее часто встречаются глаголы *onginnan* "to begin", *gewitan* "go", *ðencan* "think", *cuman* "come", *lystan* "please, like", *sellan* "give", *forlætan* "allow", *gefrignan* "hear", *gan* "go", *gewunian* "use", *aginnan* "begin", *gemetan* "find", *myntan* "think" и др. Большинство из этих глаголов используется и с аккузативом, и с другими падежами. Выбор формы инфинитива (*to* или без *to*) определяется тем, в качестве какого дополнения выступает инфинитив. Нефлективный инфинитив функционально приравнивается к прямому дополнению в аккузативе, флективный – к косвенному.

О. Фишер, отмечает, что выбор аккузатива или датива зависит от отношений между участниками глагольного действия (противостоят они друг другу или нет) [7, с. 109-134]. Конструкция Nominative – Accusative (для подлежащего и дополнения, соответственно) характерна в случае, когда участники ситуации противопоставлены друг другу: субъект активно вовлечен в действие, объект – нет, объект лишь затронут действием, находящимся под контролем субъекта. Конструкция Nominative – Dative предполагает слабую субъектно-объектную оппозицию. Используя термины П. Хоппера и С. Томсона [10] "volitionality" (волитивность) и "agency" (действенность / агентивность), можно сказать, что флективный инфинитив используется в том случае, если субъект действия характеризуется низкими показателями волитивности и агентивности. В примерах с нефлективным инфинитивом мы наблюдаем явное вовлечение субъекта в действие, выражаемое инфинитивом, намеренное и мотивированное действие субъекта. О. Фишер приводит примеры, в которых проявляется это различие:

- (3) [and] he [bigde gelome] þohte mid þam bigan ætberstan þam deaðe
[and he doubled often] thought with that doubling away-burst.INF the death "[and he doubled often,] had on his mind escaping death by that doubling"
- (4) and ge ðencað to awendenne eowerne freond
and you think to pervert.INF your friend
"and you think you can pervert your friend".

Согласно трактовке О. Фишер в первом примере речь идет о зайце, который полагает, что может уйти от преследователей, петляя. По логике автора, процесс мышления и ухода от опасности – части одного и того же мыслительного акта: "it was escaping that he was thinking of and doing" [7, с. 123]. Во втором примере человек в ответ на высказывания восклицает: «Вы думаете, вы сможете совратить (отвлечь от веры) своего друга?». В данном случае, рассуждения автора и процесс совращения – не есть часть одного и того же мыслительного акта.

В терминах П. Даффли это описывается как “coincident potentiality” и “subsequent potentiality” (совпадающая и последующая потенциальность) [6, с. 82-83].

Намеренное (мотивированное) совершение действия с целью достижения предела (цели), то есть агентивность, – это видовая (аспектуальная) характеристика глагольного действия, которая именуется предельностью. Сам термин предельный / непредельный (telic / atelic) в европейском языкознании был впервые использован в работе Х. Гарей [8, с. 106]. Для него основой данного понятия было наличие предела, окончания действия. Однако данный термин имеет в своей основе греческое слово – telos, имеющее значение «цель». Такая трактовка термина предполагает указание на активное участие субъекта действия в его осуществлении. Следовательно, вовлечение в действие, активность субъекта предложения – есть не что иное, как предельность, которая характеризует сочетание личного глагола с нефлективным инфинитивом в древнеанглийском языке.

Взаимосвязь предельности и переходности

Нефлективный инфинитив в древнеанглийском языке приравнивается функционально к аккузативу. В словаре Босворта-Толлера [3] отмечается, что глаголы, которые употребляются с аккузативом, используются также и с нефлективным инфинитивом и маркируются следующим образом – **with acc. and infin.**

Лора Вагнер, исследуя способность детей использовать синтаксические структуры для передачи семантической информации, проследила конкретную связь между транзитивностью и предельностью [Wagner, 2010]. Она отмечает, что транзитивность является особенно важным синтаксическим признаком предельности. Роль транзитивности глагола в передаче предельности отмечена во многих лингвистических работах, посвященных рассмотрению категории предельности / непредельности.

Предельные глаголы называют действия, которые продолжаются определенное время и обозначают состояние субъекта. Эти действия затем завершаются, вслед за этим наступает новое состояние субъекта и притом определенное. Это состояние завершится, после чего его нельзя будет продолжать. Непредельные глаголы выражают состояние, которое может продолжаться неопределенно долго, и, если оно, наконец, закончится, то на смену ему придет другое состояние, причем любое, в котором может находиться субъект.

Прямое дополнение переходных глаголов представляет собой средство для определения пограничных точек событий (eat a sandwich, make a sandwich), изменений состояний событий (paint a box). Естественно, не все

прямые дополнения могут выполнять эту функцию, например, в том случае, если объект, выраженный дополнением, не может определять границы, как, например, с вещественными существительными и существительными во множественном числе без детерминативов (eat peanut-butter/peanuts).

На примере современного финского языка лингвисты демонстрируют проявление аспектуальности с помощью глагольного управления. Так, сочетание V + ACC определяется ими как предельное:

- (5) Ammu-i-n karhu-a / kah-ta karhu-a / karhu-j-a shoot.PST.1SG bear.PART / two.PART bear.PART / bear.PL.PART
“I shot at the (a) bear / at (the) two bears / at (the) bears”
- (6) Ammu-i-n karhu-n / kaksi karhu-a / karhu-t shoot.PST.1SG bear.ACC / two.ACC bear.PART / bear.PL.ACC
“I shot the (a) bear / two bears / the bears”

Они отмечают, что, если глагол управляет партитивом (5) – он является глаголом активности (непредельным) “to shoot at”. Если же управляет аккузативом (6) – это событийный глагол, предельный “to shoot dead”.

Проведенный анализ показал, что в древнеанглийском языке нефлективный инфинитив использовался только с глаголами, требующими аккузатива. Ни один глагол, который помечен в словаре как непереходный (v.intrans.) не употребляется с нефлективным инфинитивом.

Из всех глаголов, требующих аккузатива и с которыми употреблялся нефлективный инфинитив, для современного сознания наиболее спорными кажутся две группы – претерито-презентные глаголы и глаголы движения.

Как известно, даже в древнеанглийский период, не говоря уже о более раннем прагерманском состоянии языка, претерито-презентные глаголы были полнозначными. Например, глагол *cunpan* имел значение “know” и требовал аккузатива: *lc ða stówe ne can* “I know not the place”. Глагол *willan* значил “will, purpose, think, mean, intend” и использовался с аккузативом: *God symble wyle gód, and næfre nán yfel* “The God always wishes benefits (good things) and never bad ones”.

Что касается глаголов движения, которые для современного сознания являются непереходными, то в древнеанглийском языке они имели гораздо более широкую семантику и употреблялись с разными падежами. Например, глагол *cuman* “to come”:

- (7) Hit cymð eów tó wuldre
it comes you.DAT/ACC to glory.DAT
“it turns out you to glory”

Чаще всего, впрочем, этот глагол использовался со значением "to begin": *Sunnan leóma cumeþ scýnan* "a sunbeam shall come shining – begin to shine".

Исследование показало, что в древнеанглийском языке сочетание личного глагола с нефлексивным инфинитивом является предельным. Это подтверждается примерами, в которых нефлексивный инфинитив всегда употребляется в ситуации определенности (не только в сочетании с глаголом, но и в других функциях):

- (8) *betere ðe is mid anum eagan gan on Godes rice*
better you be.PRS.SG with one eye go.INF on God's reign
"It is better for you with one eye to enter God's reign"
(9) *betere ðe ys mid anum eagan on life to ganne*
ðonne ðu si mid twam asend on helle fyr
better you be.PRS.SG with one eye on life to go.INF
than you be.SBJV.PRS with two sent on hell fire
"It is better for you with one eye on life to go than with two to be sent on hell's fire" (цит. по М. Каллавею).

В первом примере (8) мы видим намеренное, мотивированное действие субъекта – войти в царство Божие – точное направление движения, во втором (9) – идти по жизни – действие, не подразумевающее агентивности субъекта, мало зависящее от его воли и намерений, с неопределенным направлением.

- (10) *He eode eft sittan siððan mid his ðegnum*
He go.SG.PST often sit.INF afterwards with his servants
"He went often to sit afterwards with his servants"
[Homilies of Ælfric] – Он часто ходил посидеть (сидел) со своими слугами – функция предельности инфинитива подтверждается определенностью ситуации «сидеть со слугами», которая определяет предел действия хождения;
(11) *heo ... Gode ðoncunge to donne in circan gonge*
she ... [to] God thanks to do.INF in church go.3SG.PST
"she went to church to make thanks to God" [The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History]
– Она ходила в церковь принести благодарность Богу: принесение благодарности – действие не ясное, не определенное, оно не является пределом действия личного глагола.

Наиболее интересен пример, в котором употребляются сразу два инфинитива:

- (12) *tima wære ðæt he into cyrcan eode ðam folce to*
mæssigenne and godes mærsunge don
time be.3SG.PST that he into church go.3.SG.PST
the people to mass-serve.INF and God's celebration do.INF
"time was that he into the church went to serve mass to the people and God's celebration to do" [Homilies of Ælfric] – Он ходил в церковь на мессу (чтобы отслужить мессу) – действие не предельное, а вот

«ходил восславить Бога» – предел выражен значительно более явно. Какое служение проводилось точно не понятно из предложения, а принесение хвалы Господу – действие весьма определенное.

Таким образом, в древнеанглийском языке глаголы, управляющие аккумулятивом, являются неопредельными, не событийными и требуют аккумулятива или нефлексивного инфинитива для выражения предельности. Предельность / неопредельность в древнеанглийском языке находила свое выражение в семантике глагола, однако неопредельные глаголы для образования предельных форм использовали грамматические средства (инфинитив, аккумулятив). То есть наличие существительного или местоимения в аккумулятиве или нефлексивного инфинитива – маркер предельности. Объект в аккумулятиве или инфинитив указывают на предел глагольного действия. Форма нефлексивного инфинитива трактуется большинством лингвистов как форма именительного падежа (флексивный инфинитив – форма дательного). Но практически у всех существительных в древнеанглийском формы номинатива и аккумулятива совпадают. На аккумулятивность формы нефлексивного инфинитива указывает Дон Риндж [14, с. 483]. См. например, глагол *gehieran* "hear". Если он употребляется с ACC или с инфинитивом – он предельный:

- (13) *Gehýrest ðú uncerne earne hwelp hearest* "thou our active whelp?"
Ic ðæt gehýre, ðæt ðis is hold weorod "I hear that this is a friendly band"
We ðis næfre gehýrdon hæleðum cýðan "we have never heard this declared to men"
Если без объекта в аккумулятиве – неопредельный:
(14) *Gehýran mæg ic rúme* "I can hear from far"
Se ðe hæbbe eáran to gehýrenne, gehýre "those who have ears to hear, hear" [3]

Взаимосвязь процессов преобразования падежной системы существительного и категории вида глагола

В среднеанглийский период список глаголов, после которых используется нефлексивный инфинитив, значительно сокращается. Исследование подтвердило, что инфинитив утрачивает свою аспектуальную функцию. Это связано с рядом моментов. Прежде всего – это упрощение флексий, приводящее к распаду падежной системы английского языка.

В среднеанглийский период происходит упрощение флексий, следовательно, падежные отношения начинают выражаться на уровне синтаксиса. Лишенная морфологических показателей падежная форма существительного (ACC), как и не маркированный нефлексивный инфинитив, не могут больше быть формальными маркерами предельности личного глагола. При формальном совпадении форм и отсутствии падежных флексий ин-

финитив мог бы рассматриваться, допустим, как личная форма глагола прошедшего или настоящего времени, не нуждающаяся, с точки зрения говорящего, в выражении предельности / неопределенности: *by a forest gan they mete "near a forest did they meet"* – «у леса они ходили и встретились» (*mete.INF / PST*), а не как маркер предельности личной формы глагола.

Для выражения предельности необходимы новые средства. Начиная со среднеанглийского периода, распространяется использование иных способов выражения предельности / неопределенности, к которым можно отнести, например, лексические средства, артикли, употребления глагольных частиц в составе фразовых глаголов.

Второй момент – появление в языке значительного числа заимствованных глаголов, в которых отсутствуют морфологические или семантические указатели предельности / неопределенности и глагольного управления. Если в древнеанглийском языке нефлексивный инфинитив употреблялся только после переходных неопределенных глаголов, аспектуальность которых выражалась в форме глагола и его семантике, то заимствованная лексика была лишена показателей аспектуального значе-

ния. С нефлексивным инфинитивом употребляются только те глаголы, неопределенность которых бесспорна. Они были неопределенными и в древнеанглийский период. В современном английском языке с нефлексивным инфинитивом употребляются только исконно английские неопределенные переходные глаголы.

Заключение

Язык – взаимосвязанная система и изменение каждого отдельного элемента этой системы, вызванное экстралингвистическим фактором, ведет к изменению других элементов. Что и продемонстрировано на примере развития нефинитивной парадигмы глагола, когда утрата флексий и распад падежной системы приводят к преобразованию аспектуально-модального комплекса.

Утрата флексий в результате языковых контактов приводит к реорганизации падежной системы английского языка. Это, в свою очередь, приводит к изменению системы глагольного управления, распаду видовой системы английского глагола и появлению новых средств выражения и падежных и видовых отношений. К ним относятся появление глагольных частиц (поствербов), артиклей, и, главным образом, фиксированный порядок слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Homilies of Ælfric – Selected Homilies of Ælfric / ed. by Henry Sweet, M. A. – Second Edition. – Oxford: At The Clarendon Press, 1922. – 80p.
2. The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History – The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. by Miller Thomas. – Vol. 1–2. – London: N. Trübner & Co., 1890. – 488p.
3. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collection of Joseph Bosworth / edited and enlarged by T.N. Toller. – Oxford: Clarendon Press, 1882–1898. – 782p.
4. Callaway M. The infinitive in Anglo-Saxon / Morgan Callaway. – Washington: Carnegie Institution, 1913. – 339p.
5. Dowty D.R. Thematic proto-roles and argument selection / David R. Dowty // *Language* 67/3, 1991. – P. 547-619.
6. Duffley P.J. The English infinitive / Patrick J. Duffley. – London, New York: Longman, 1992. – 168p.
7. Fisher O. Infinitive marking in Late Middle English: Transitivity and changes in the English system of case / Olga Fischer // *Studies in Middle English Linguistics* / ed. by Jacek Fisiak. – Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1997. – P. 109-134.
8. Garey H.B. Verbal aspects in French / Howard B. Garey // *Language*. – Vol. 33. – No 2, 1957. – P. 91-110.
9. Heinamaki O. Aspect in Finnish / Orvokki Heinamaki // *Aspect bound. A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology* / ed. by Casper de Groot, Hannu Tammola. – Foris: Dordrecht. – 1984. – P. 153-177.
10. Hopper P.J. Transitivity in Grammar and Discourse / P.J. Hopper, S.A. Thompson // *Language*. – Vol. 56. – No.2. – Linguistic Society of America, 1980. – P. 251-299.
11. Huomo T. Nominal aspect, quantity, and time: The case of the Finnish object / Tuomas Huomo // *Journal of Linguistics*. – Volume 46, Issue 1, 2010. – P. 83-125.
12. Kiparsky P. Partitive Case and Aspect / Paul Kiparsky // *The projection of arguments: lexical and compositional factors (CSLI Lecture Notes 83)* / ed. by Miriam Butt & Wilhelm Geuder. – Stanford: CSLI Publications, 1998. – P.265-307.
13. Krifka M. Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Constitution / Manfred Krifka // *Lexical Matters* / ed. by Ivan Sag, Anna Szabolsci. – Stanford University Press, 1992. – P. 29-53.
14. Ringe D. The Development of Old English / Don Ringe, Ann Taylor. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 545p.
15. Tenny C. Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface / Carol L. Tenny. – Kluwer: Dordrecht Academic Publishers, 1994. – 245p.
16. Verkuyl H.J. A Theory of Aspectuality: the interaction between temporal and atemporal structure / H.J. Verkuyl / *Cambridge Studies in Linguistics* 64. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 412 p.
17. Wagner L. Inferring Meaning from Syntactic Structures in Acquisition: The Case of Transitivity and Telicity / Laura Wagner // *Language and cognitive processes*, 2010 – 25. – P. 1354-1379. DOI 10.1080/01690960903488375.

© Соколова Алина Юрьевна (linasokolova.tver@yandex.ru), Федурко Юлия Владимировна (yulija.fedurko@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

SOME PHONETIC AND LEXIC PARALLELS IN THE ABKHAZ-ADYGH LANGUAGE GROUP

*M. Kharatokova
Z. Gabunia*

Summary: The Abaza language has two dialects: tapanta and ashkhar, both dialects of the ashkhar dialect are closer to the Abkhazian language. Semantic research of separate vocabulary of Abaza and Abkhazian languages showed that there is a big difference between these languages in the field of phonetics and vocabulary. Comparative characteristics of individual words of Abaza, Abkhazian, Kabardino-Circassian and Adyghe languages revealed: 1. phonetic affinity of separate words of Abaza and Abkhazian languages; 2. the same root basis of the four languages under consideration is distinguished in three languages (Abaza, Kabardino-Balkar and Adygheya), which is due to the territorial proximity of the peoples who speak these languages.

Keywords: tapanta dialect, ashkhar dialect, Abaza language, Abkhazian language, Kabardino-Circassian language, Adyghe language.

Харатокова Марьят Губедовна

*Д.филол.н., профессор, Северо-Кавказская государственная академия
mariatharatokova@yandex.ru*

Габуниа Зинаида Махазовна

*Д.филол.н., профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
abazg.hot@mail.ru*

Аннотация: В абазинском языке имеется два диалекта: тапантский и ашхарский, оба говора ашхарского диалекта более близки абхазскому языку. Семантическое исследование отдельной лексики абазинского и абхазского языков показало, что между этими языками имеется большое различие в области фонетики и лексики. Сравнительно-сопоставительная характеристика отдельно взятых слов абазинского, абхазского, кабардино-черкесского и адыгейского языков выявила: 1. фонетическую близость отдельно взятых слов абазинского и абхазского языков; 2. одинаковая корневая основа из четырех рассматриваемых языков выделяется в трех языках (абазинском, кабардино-балкарском и адыгейском), что связано с территориальной близостью народов, говорящих на данных языках.

Исследование лексикографического материала носит сопоставительный характер, базирующийся на анализе языковых единиц. К анализу текстов также привлечены семантические сравнительно-исторические сопоставления, описательный и количественный методы, которые позволяют выявить фонетическое сходство абхазо-адыгских языков. Вышеизложенные методы исследования выявляют типологическое и семантическое сходство значения слов в соответствии с общими корневыми системами.

Ключевые слова: тапантский диалект, ашхарский диалект, абазинский язык, абхазский язык, кабардино-черкесский язык, адыгейский язык.

В абазинском языке имеется два диалекта: тапантский и ашхарский, которые имеют различия в области фонетики, морфологии и лексики.

Каждый из этих диалектов имеет два говора: тапантский – кубино-эльбурганский и красновосточный, разница здесь, в основном, в фонетике; ашхарский – кувинский и апсуйский, отличающиеся и фонетически, и морфологически. Оба говора ашхарского диалекта более близки абхазскому языку.

Абазинский язык, как и другие языки абхазо-адыгской группы, отличается простой системой гласных и сложной системой согласных звуков, являясь самым сложным языком Европы и одним из сложных языков мира.

Изучению диалектов абазинского и абхазского языков посвятили свои труды выдающиеся ученые-кавказоведы П.К. Услар (1887), Г.П. Сердюченко (1949), К.В. Ломтатидзе (1954), А.Н. Генко (1955).

Русский кавказовед П.К. Услар [1] посвятил свою монографию «Абхазский язык» всестороннему анализу фонетики и морфологии абхазского языка. Но из-за близости фонетической системы и грамматического строя абазинского и абхазского языка можно считать работу П.К. Услара трудом, заложившим основы научного изучения и абазинского языка. Его работа, связанная с проблемой генетической связи абазинского и абхазского языков с другими иберийско-кавказскими языками, не потеряла научную ценность и в наши дни.

Монография профессора Г.П. Сердюченко [2] «Язык абазин» посвящена анализу системы фонетики и морфологии абазинского языка, исследованию абазинских диалектов, глагольных форм, алфавита и орфографии абазинского языка.

Профессор К.В. Ломтатидзе [3] впервые аргументированно проводит классификацию говоров тапантского диалекта абазинского языка, устанавливает звуковые со-

ответствия абхазско-адыгских языков, изучаются вопросы полиперсонального абазино-абхазского глагола и его категорий, выявляются окаменелые экспонаты грамматических классов в именах, изучается этимология ряда абазинско-абхазских слов, вопросы словообразования и структура сложносоставных глагольных основ.

Исследование «Абазинский язык» профессора А.Н. Генко [4], посвящено изучению фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики тапантского диалекта абазинского языка.

Изучению лексики абазинского, абхазского и адыгейского языков посвятили свои труды М.Л. Апажев (2016), А.И. Инал-ипа и К.Х. Меретуков (2013), Г.А. Климов (1969), А.К. Шагиров (1977) и многие другие.

Работы М.Л. Апажева [5], А.И. Инал-ипа и К.Х. Меретукова [6], посвящены составлению словарей: кабардино-черкесского и адыгейско-абхазско-русского.

А.К. Шагиров [7] составил бесценный этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, содержащий этимологическую разработку основной, наиболее употребительной лексики современных адыгских языков – кабардино-черкесского и адыгейского. Словарь выполнен на базе всей абхазо-адыгской языковой группировки с привлечением материала и других иберийско-кавказских языков – дагестанских, нахских, картвельских. В этимологических целях широко привлекаются также типологические (в основном идеосемантические) параллели из родственных и неродственных языков. Г.А. Климов [8] исследует этимологии тапантского и ашхарского диалектов абазинского языка и абхазо-адыгские этимологии.

Как известно, ашхарцы возвратились на нынешнюю территорию Карачаево-Черкесской республики в 17-18 веках, а тапантинцы намного раньше [9], поэтому, смешавшись с местным населением, у него изменения в фонетической системе языка произошли раньше. И сегодня мы видим, что оба говора ашхарского диалекта более близки абхазскому языку, чем тапантский диалект, так как до переселения на данную территорию абазины проживали вместе с абхазами [10; 11].

Так как мы упоминаем в данной статье два диалекта абазинского языка, ниже приведем примеры некоторых имен существительных на тапантском и ашхарском диалектах с переводом на русский язык для того, чтобы была видна разница между ними.

Абаз. *абрикос* - ашх. *тлама* – рус. *абрикос*; абаз. *псхалыыва* – ашх. *хлалыжва* – рус. *вареники*; абаз. *хъварп* – ашх. *квквуба* – рус. *гриб*; абаз. *мамырса* – ашх. *шларса* – рус. *мамалыга*; абаз. *гва* – ашх. *гватлы* – рус. *медь*; абаз. *хлвын* – ашх. *ахъа* – рус. *моль*; абаз. *айджьыра* – ашх.

кчалпра – рус. *морщина*; абаз. *хвымбырцлакья* – ашх. *чкламс* – рус. *муравей*; абаз. *чвынцлы* – ашх. *квыбры* – рус. *муха*; абаз. *бзагва* – ашх. *шлахла* – рус. *немой*; абаз. *ъахвтан* – ашх. *цкы* – рус. *платье*; абаз. *шыдзадза* – ашх. *цыламхлва* – рус. *подбородок*; абаз. *дзацлыс* – ашх. *варцлыс* – рус. *ребро*; абаз. *махъвда* – ашх. *махъвы* – рус. *сук*; абаз. *хлпчып* – ашх. *мата* – рус. *товар*; абаз. *мцласра* – ашх. *дпаара* – рус. *умыкание*; абаз. *къагара* – ашх. *швтра* – рус. *цвети*; абаз. *хлврапшдза* – ашх. *кккчал* – рус. *цветок*; абаз. *пыпхъа* – ашх. *члвыхла* – рус. *чучело*.

Как видим, у всех вышеприведенных слов наблюдается большая разница в фонетике.

Сравним теперь отдельные слова по терминологии «насекомые», взятые из лексики двух диалектов (тапантского и ашхарского) абазинского языка, абхазского, адыгейского, кабардино-черкесского и русского языков.

Абаз. *хвымбырцлакья* – ашх. *чкламс* – абх. *ашышкамс* – адыгейск. *къамзэгу* – каб.-черк. *хъумпцэцэдэж* – рус. *муравей*.

Если посмотрим абазинскую этимологию слова, то выявим: *хвымбыр-къвбыр*-комар, мошка; под словом *хвымбырцлакья* имеется в виду такое же насекомое, но помельче. Аналогия подтверждается тем, что у некоторых муравьев имеются крылья, да и по своему строению они похожи.

А. Хориби (1992) в Толковом словаре английского языка дает следующее толкование слова *ant* (муравей): *A small insect living in holes in the ground* – «Маленькое насекомое, живущее в отверстиях (дырах) земли» [12: 65].

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова (2008) дается следующее пояснение слова: «*Муравей. Жалящее общественное насекомое, живущее большими колониями. Крылатые муравьи (в брачный период летающие)*» [13: 362]. В Этимологическом словаре русского языка (1986) слово «*муравей*» зафиксировано таким образом: «*Муравей, -вья, м. Мелкое перепончатокрылое насекомое, живущее большими сообществами. Лесной муравей. Красные муравьи*» [14: 311]. В Этимологическом словаре М. Фасмера (2004) дается слово со следующим пояснением: «*муравей, род. п. -ья, диал. муравель, -вля, укр. муравель, блр. мурашка, др.-русс. моровии, русск.-цслав. мравии, болг. мрава, мравия, сербохорв. мрав, род. п. мн.мрави, словен. travlja, чеш. travenes, словц. traves, польск. mrowka..., др.-инд. vatṛi ж., vatras м. «муравей», valmikas «муравейник»..., русск. моровой превратилось в муровой под влиянием мурава» [15: 11].*

Ниже сравним звучание слова «муравьи» на разных языках мира, добавив и абхазо-адыгские языки: армянский – *мормундж (мормунч, мрчун)*, белорусский – *мурашка, мравий, болгарский - мравка, мравуняк, бос-*

нийский – *trav*, бретонский (сев. Франция) – *merienenn*, валлийский (уэльсский, Британия) – *morgrug*, Верхнелужецкий (Германия) – *trowja*, голландский – *mier, mieren*, греческий – *μυρμήγκι (~myrmik)*, датский – *myre, myrer*, идиш (еврейский) – *murashke*, исландский – *taur*, испанский – *hormiga*, итальянский – *formica*, латинский – *formica*, македонский – *мрава*, молдавский – *фурникэ* – *фурникар*, немецкий – *ameise, ameisen*, нижнелужецкий (Германия) – *troja*, норвежский – *taur, tauren*, персидский (Иран) – *мурче, мур*, польский – *mrówka, mrowki*, русский – *муравей, муравьи*, сербский – *мрав*, словацкий – *traves*, татарский – *кырмыска*, украинский – *мурашка*, финский – *tuurahainen*, чешский – *travenec*, шведский – *тура, тур*, японский – *ari, arinko*, английский – *ant, ants*, арабский – *намел*, иврит (древнееврейский) – *nimla*, грузинский – *тчианчвэлэ, тчианчвэлэби*, китайский – *тауи*, монгольский – *шорголж*, чеченский – *зингат*, абазинский – *хвымбырцлакья*, ашхарский диалект абазинского языка – *чкламс*, абхазский – *ашышкамс*, адыгейский – *кхамзэгу*, кабардино-черкесский – *хъумплэцэдж*.

В европейских языках мы заметили общий корень слова (–мрав, –мурав): белорусском – *мурашка, мравий*, болгарском – *мравка, мравуняк*, боснийском – *trav*, идиш (еврейском) – *murashke*, македонском – *мрава*, польском – *mrówka, mrowki*, русском – *муравей, муравьи*, сербском – *мрав*, словацком – *traves*, украинском – *мурашка*, финском – *tuurahainen*, чешском – *travenec*, шведском – *тура, тур*, верхнелужецком (Германия) – *trowja*. Созвучие наблюдаем и в некоторых других языках: испанском – *hormiga*, итальянском – *formica*, латинском – *formica*, арабском – *намел*, иврите (древнееврейском) – *nimla*.

Сравнивая слово в абхазо-адыгских языках, можно выявить, что черкесы и кабардинцы заимствовали слово у абазин, а у абазин тапантского диалекта оно осталось

со времен совместного проживания с носителями ашхарского диалекта, который находится ближе к абхазскому языку, что доказывает следующее: хвымбыр – къвбыр – комар, мошка; на ашхарском диалекте къвбыры означает комар, а вторая часть слова цлакья на ашхарском же диалекте означает «мелкий», т.е. «мелкий комар» под словом хвымбырцлакья имеется в виду такое же насекомое, но помельче. Надо отметить, что в отличие от семантики большинства европейских слов, которые дали слову значение «трава», здесь совсем иное значение.

Обратим внимание еще на несколько насекомых в рассматриваемых языках: абаз. *чвынцы* – ашх. *квыбры* – абх. *акэыбры* – адыгейск. *бэдзэ* – каб.-черк. *бадзэ* – рус. *муха*; абаз. *гвыда* – ашх. *квыбры* – абх. *акэыбры* – адыгейск. *аргъой* – каб.- черк. *аргъуэй* – рус. *комар*; абаз. *хвын* – ашх. *ахъа* – абх. *а(о)* – адыгейск. *хъуны* – каб.-черк. *хъун* – рус. *моль*;

Учитывая все сказанное выше, можно сделать следующий вывод:

1. между абазинским и абхазским языками имеется большое различие в области фонетики и лексики многих слов;
2. Сравнительно-сопоставительная характеристика отдельно взятых слов абазинского, абхазского, кабардино-черкесского и адыгейского языков выявила:
 - а) фонетическую близость ашхарского диалекта абазинского языка и абхазского языка (*квыбры*);
 - б) одинаковую корневую основу в трех языках (абазинском, кабардино-черкесском и адыгейском: *хвын, хъуны, хъун*) из рассматриваемых четырех (в абхазском языке: *а(о)*), что связано с территориальной близостью народов, говорящих на этих языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание I. Абхазский язык. Тифлис, 1887. 158 с.
2. Сердюченко Г.П. Словарные расхождения в диалектах абазинского языка // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. II. М. - Л., 1949. С. 45 – 46.
3. Ломтатидзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954. 68 с.
4. Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк. Тапанта. М., 1955. С. 34-80
5. Апажев М.Л., Дж.Н. Коков. Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик: «Эльбрус», 2016. 712 с.
6. Инал-ипа А.И., Меретуков К.Х. Адыгейско-абхазско-русский словарь. Майкоп: Издательство «Паштов З.В.», 2013. 308 с.
7. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1997. А-Н 289 с., П-Я 223 с.
8. Климов Г.А. Абхазско-адыгские этимологии. I (исконный фонд). «Этимология 1965 г. М., 1967. 308 с.
9. Данилова Е.Н. Абазины. Москва: Издательство Московского университета, 1984. 144 с.
10. Круглякова М.Ю. Сочи. Черноморская Ривьера России. Москва: «Вече», 2014. 384 с.
11. Половинкина Т.В. Сочинское Приморье. Нальчик: издательский центр «Эль-фа», 2006. 310 с.
12. А. Хориби. The advanced learner's dictionary of current English. Издательство СПИИП «Сенгилей». Ставрополь. 1992. Т.1. 540 с.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М: РАН: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2008. 908 с.
14. Словарь русского языка в четырех томах. Гл. редактор А.П. Евгеньева. Москва: Издательство «Русский язык», Т.1, 1981. 702 с.; Т. 2, 1986. 736 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4 т. М.: Издательство «Астрель», 2004. 860 с.

© Харатокова Марьят Губедовна (mariatharatokova@yandex.ru), Габуниа Зинаида Махазовна (abazg.hot@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗРАСТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Янь Чжо

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
yanzhuo524@mail.ru

A METAPHOR FOR THE CHANGES OF AGE IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Yan Zhuo

Summary: This article provides a comparative analysis of the metaphors used to indicate the change in age in the Russian and Chinese languages. As a result, the author comes to the conclusion that in the studied language pair there are similar and different metaphors that denote the processes of growing up and rejuvenation. A deep knowledge of the metaphorical designations of age allows you to perform a better translation from Russian into Chinese and vice versa, as well as establish more effective intercultural communication.

Keywords: metaphor, age, Russian, Chinese

Аннотация: В данной статье проведен сравнительный анализ метафор, используемых для обозначения изменения возраста в русском и китайском языках. В результате автор приходит к выводу, что в исследуемой языковой паре присутствуют схожие и различные метафоры, обозначающие процессы взросления и омоложения. Глубокое знание метафорических обозначений возраста позволяет выполнять более качественный перевод с русского языка на китайский и наоборот, а также устанавливать более эффективную межкультурную коммуникацию.

Ключевые слова: метафора, возраст, русский язык, китайский язык.

Введение

Метафора – это одно из распространенных выразительных языковых средств, особенностью которого является использование общеизвестных слов и выражений в переносном смысле, исходя из сходства с некоторым явлением. Традиционно, метафора относится к лексическому языковому явлению. Однако современные теории по-иному относятся к объяснению метафоры. Например, теория взаимодействия отмечает наличие взаимного влияния метафорических значений слов и носителя языка, проявляющееся на уровне предложения. Теория когнитивной метафоры глубокого исследует метафорические обозначения на уровне культуры, пытаясь сформулировать полное представление о культуре носителя языка, которое проявляется в его лексике. Особое внимание культурной коннотации метафоры также уделяется в грамматической теории метафоры.

Поскольку русский и китайский язык являются разноструктурными, их развитие характеризуется лингвокультурной спецификой, которая находит проявление на лексическом уровне. Люди разных языковых культур по-разному воспринимают окружающие их явления, поэтому для обозначения одних и тех же процессов они используют разные метафорические обозначения. Лексика, обозначающая возраст, присутствует в каждом языке, но из-за различий в языковой картине мира русского и китайского языка, их носители используют разные метафоры для обозначения изменения возраста. Поэтому сравнительный анализ метафорических обозначений

изменений возраста, используемых в русском и китайском языке, позволит выявить особенности языковой картины мира обоих языков.

Проблема исследования состоит в необходимости решения вопросов, связанных с некорректным пониманием метафор, обозначающих изменение возраста в русском и китайском языках. С проблемой понимания данного вида метафор сталкиваются как при выполнении русско-китайских и китайско-русских переводов, так и в процессе изучения русского и китайского языков как иностранных. Поэтому тема данного исследования обладает определенной практической значимостью.

1. Обзор компаративных исследований метафоры русского и китайского языков

Метафора в русском и китайском языках становилась объектом исследования в работах многих ученых. К настоящему времени, в научных кругах были проведены сравнительные исследования русского и китайского, посвященные изучению метафор запаха и вкуса [3], пространства [1], количества [7], времени [8], частей тела человека [2, с. 63], геометрических [4], политических [6] и других метафор. Необходимо отметить, что метафорические обозначения изменения возраста и в целом метафора возраста в русском и китайском языке к настоящему времени изучена не была.

Методология значительного числа сравнительных исследований метафоры изучаемой языковой пары ос-

новывается на концептуальной теории метафор, предложенной Лакоффом и Джонсоном. Чжан Вэньцзянь в своей работе исходит из изучения структуры метафор, их лексико-семантических типов, паттернов и значений [7].

Многими исследователями отмечается необходимость проведения глубокого исследования метафор. В частности, П. Анисимова отмечает, что глубокое изучение метафор является необходимым для эффективного овладения вторым языком, поскольку позволяет сделать речь более естественной и уместной [1]. Ву Фан и Чан Лу высказывают мнение о том, что сравнение метафорических выражений и причин их сходства и различий позволяет учащимся и людям, живущим в разных культурных традициях, достичь взаимопонимания [2, с. 62], поэтому изучение метафор также необходимо для достижения эффективной коммуникации между представителями русской и китайской культур.

В целом из результатов предыдущих исследований можно сделать вывод о существовании определенных общих черт и индивидуальных различий в метафоре русского и китайского языков [4, с. 13]. В связи с этим, можно сформулировать гипотезу исследования, которая заключается в наличии общих черт и различий в метафорических обозначениях изменения возраста в русском и китайском языках. Для того, чтобы доказать или опровергнуть данную гипотезу необходимо проведение глубокого сравнительного анализа метафор.

2. Сравнительный анализ метафор, обозначающих изменение возраста, в русском и китайском языках

В русском языке значения «молодеть» и «взрослеть», «стареть» могут быть выражены с помощью растительной метафоры, например, в предложениях:

Лена, или, как звал её Колюша, Лелька, преобразилась – повзрослела, расцвела (Гранин Д. «Зубр»).

За тридцать лет как мало я успел! А уж стареть я начал, увядать (Олеша Ю.К. «Книга прощания»).

И вот я смотрел на женщину с красивыми длинными ногами, в красивом шерстяном платье, с красивым и несколько бледным лицом, на котором читались намёки на увядание, но и прекрасная зрелость, вегетативный невроз, холецистит, любовь к сладкой пище, ежегодные морские купания (Трифонов Ю. «Предварительные итоги»).

Метафора в вышеприведенных предложениях основана на сходстве с растением, которое в своем жизненном цикле имеет этапы цветения и увядания. При этом, цветение – это время, когда растение находится на пике своей биологической активности, ассоциируется с молодостью, а увядание, когда происходит спад биологической активности, ассоциируется со старением. Прекрасная зрелость также относится к старению, однако в

данном случае старение имеет положительную коннотацию, как процесс приобретения опыта, совершенствования.

Часто в русском языке процесс изменения возраста описывается как снижение внешней привлекательности и для женщин, в частности, имеет прямую связь с красотой. Например, в предложениях:

С годами красота Клавдии Николаевны стала увядать, и, видимо, это обстоятельство глубоко ею переживалось (Розов В. «Удивление перед жизнью»).

С мучительными родами этого ребенка кончилась красота моей матери, - так по крайней мере мне сказали: она быстро стала стареть и хилеть (Достоевский Ф.М. «Подросток»).

Метафора красота стала увядать означает снижение внешней привлекательности, старение. Метафора кончилась красота также имеет значение старения, здесь красота подобна ресурсу, который имеет свойство заканчиваться. Красота имеет связь с молодостью, а ее потеря связывается со старением.

Изменение возраста в русском языке описывается с помощью метафоры времени. Например, в предложениях:

Дни стареют быстрее, чем нам кажется, и, может быть, мудрость жизни не в загадывании будущего, а в умении угадать на лице настоящего морщины, которыми оно покроеется завтра (Хазанов Б. «Плюсквамперфект и другие времена»).

Все вокруг Е.С. вдруг оказались моложе ее на непознаваемое и непостижимое число лет, а она на глазах обростала годами, старела и выцветала вместе со своими любимыми платьями (Матвеева А.А. «Обстоятельство времени»).

Здесь, в этом замкнутом мире, годы летели особенно быстро, и она почувствовала, что опять начинает стареть (Кривин Ф. «Изобретатель Вечности»).

Время имеет тесную связь с возрастом и это находит отражение в метафорических обозначениях изменения возраста, используемых в русском языке. Метафора дни стареют имеет значение изменения возраста в сторону старения. Метафора обростала годами имеет значение увеличения возраста. Годы летели также позволяет метафорически обозначить процесс старения, при этом дополнительной коннотацией является указание на высокую скорость, что выражается с помощью лексики - летели.

Метафора частей тела в русском языке также способна выразить изменение возраста. Например, в предложениях:

Без этого чувства он задыхался, ему даже казалось, что он начинает стареть на глазах (Маринина А. «Иллюзия греха»).

Вся скудная природа твоего города будет расправлять морщину за морщиной и молодеть (Кучерская М. «Тетя Мотя»).

Метафора стареть на глазах имеет значение стареть мгновенно. Другая метафора расправлять морщину за морщиной напротив имеет значение молодеть, постепенно, последовательно. Символом изменения возраста, как правило, выступает лицо, и появление морщин на нем ассоциируется с процессом старения, соответственно, разгладив, расправив морщины на лице возможно повернуть время вспять и омолодиться.

Часто старость и молодость в русском языке наделяются чертами некоторого физического субъекта. Например, в предложениях:

Зеркало в гостиной ко мне снисходительно, показывает меня такой, какой я хочу быть, зеркало в спальней - безжалостно, выдает меня с головой, с морщинами, расплывшимся животом. Неужели я уже старею? Старение больше не прячется, как раньше. Старость будто перестала меня бояться (Шишкин М. «Венерин волос»).

В эти годы Катя начала тосковать по молодости, молодиться, прощаться с молодостью, бояться последней надежды (Бузулукский А.Н. «Пальчиков»).

К своей внешности он относился очень заботливо, стараясь молодиться и прикрывать подкрадывающуюся старость внешним лоском (Новиков-Прибой А.С. «Цусима»).

В вышеприведенных примерах метафора наделяет процесс старения и молодость чертами живого объекта. В частности, старение может прятаться, бояться, подкрадываться. Молодость сравнивается с человеком, поскольку по ней можно тосковать, с ней можно прощаться.

Также изменение возраста в русском языке обозначается с помощью метафоры света. Например, в предложениях:

Конечно, все эти монаршие изречения надо принимать с осторожностью, ибо ту же Беренику - она потускнела, стала стареть - он даже высрал в угоду «народу» из Рима (Наживин И.Ф. «Иудей»).

Лицо его начало светлеть и молодеть, как будто кто-то всемогущий повернул для него одно время вспять (Александрова Н. «Последний ученик да Винчи»).

Молодость в сознании русского человека выступает как яркий и светлый период жизни, поэтому метафора светлеть имеет значение «молодеть». Наоборот, метафора потускнела используется в значении «постарела».

Рассмотрим особенности метафорических обозначений изменения возраста, встречающихся в китайском языке.

Как и в русском языке, в китайском присутствуют растительные метафоры, используемые для обозначения изменения возраста, основанные на сходстве с растениями и их жизненным циклом. Например, в китайском языке метафора созреть 成熟 'стать зрелым', используемая для обозначения процесса взросления. Приведем пример:

经过这次考验, 他成熟多了。

Jīngguò zhè cì kǎoyàn, tā chéngshú duōle.

Пройдя в этот раз испытание, он стал более зрелым.

Для китайского языка свойственно, что созревание человека связано с прохождением множества испытаний. Прежде всего это не только процесс взросления, но и качественная трансформация от естественного индивидуального жизненного существования к человеческому социализированному жизненному существованию. 成熟 'созревать, вызревать, спелый, зрелый, принять законченную форму'. Метафора 成熟 имеет значение становится взрослее, опытнее.

Молодость в китайском языке, как и в русском, связывается с процессом цветения растений. Приведем примеры:

(1) 我不禁想到,一代人的芳华已逝,面目全非,虽然他们谈笑如故,可还是不难看出岁月给每个人带来的改变。

Wǒ bùjīn xiǎngdào, yīdài rén de fāng huá yǐ shì, miànmùquánfēi, suīrán tāmen tán xiào rúgù, kě háishì bù nánkàn chū suìyuè gěi měi gèrén dài lái de gǎibiàn.

Я не мог подумать, время цветения этого поколения уже закончилось, оно изменилось до неузнаваемости, хотя они говорили и смеялись как и прежде, нетрудно увидеть изменения, которые годы принесли каждому.

(2) 我表妹已届花信年华,但她为了事业,一再推迟婚期。

Wǒ biǎomèi yǐ jiè huā xìn niánhuá, dàn tā wèi liǎo shìyè, yīzài tuīchí hūnqī.

Моя двоюродная сестра уже расцвела, но она неоднократно откладывала свадьбу из-за карьеры.

В примере (1) встречается метафора 芳华已逝 'благоухающие цветы уже умирают', которая была переведена как время цветения уже закончилось. Метафора имеет прямую связь с растительным миром, поскольку 芳华 - это благоухающие цветы. В данном предложении метафора имеет значение молодость уже прошла. В этом же примере встречается еще одна метафора - 岁月带来的改变 'годы месяцы несут с собой изменения'. В данном случае годы и месяцы наделяются свойствами живого физического субъекта.

В примере (2) в качестве метафорического обозначения выступает выражение 花信 'цветения период'. В китайском языке данная метафора обозначает возраст женщины 24 года. В примере выполнен перевод с помощью подстановки эквивалентной замены, но возможен

и вариант перевода, при котором будет переведен лишь смысл метафоры без сохранения ее внешней формы. Такой перевод будет более адекватным, но менее эквивалентным.

Индивидуальной особенностью китайского языка выступает наличие метафор природных явлений, характеризующих изменение возраста человека, например, ветра. Рассмотрим следующий пример:

她正值风信年华,显得格外楚楚动人。

Tā zhèng zhí fēng xìn niánhuá, xiǎndé géwài chǔchǔ dòngrén.

Ей сейчас исполнилось шестнадцать лет, выглядит особенно прекрасно.

В примере присутствует метафора 风信年华 ‘период ветров’, имеющая значение шестнадцатилетнего возраста девушки. Выполняя перевод, не была сохранена метафорическая форма, поскольку это бы не соответствовало условию адекватности перевода.

Также при описании изменений возраста в китайском языке может быть использована метафора с компонентом животного мира. Например, в предложении:

白驹过隙,岁华易老

Báijūguòxì, suì huá yì lǎo

Быстро, как жеребенок перепрыгивает через узкую щель, цветочные года сменяет старость.

В примере метафора 白驹过隙 ‘жеребенок перепрыгивает через узкую щель’ имеет значение стремительно-го бега времени и в контексте предложения характеризует стремительное старение.

Как в русском языке, в китайском языке присутствует метафора с соматическим компонентом. Рассмотрим следующий пример:

已经到了耳顺之年的老王,还经常关心国家大事。

Yǐjīng dào le ěrshùn zhī nián de lǎo wáng, hái jīngcháng guānxīn guójiā dàshì.

Уже достигший возраста шестидесяти лет старый император, все еще заботился о государственных делах.

Данная метафора 耳顺 ‘уши стали мне послушны’ была заимствована в современном китайском языке из трактата великого философа Конфуция, который писал так о себе в шестьдесят лет. Был сделан смысловой перевод, поскольку прямой перевод был бы в данной ситуации неадекватным.

3. Обсуждение результатов исследования

В результате анализа были сделаны выводы, что в метафорических обозначениях изменения возраста в русском и китайском языках можно выделить следующие общие черты:

- наличие растительных метафор: в обоих языках молодость сравнивается с процессом цветения, а старение – с увяданием цветов, также взросление связывается с метафорой созревания;
- наличие метафор с соматическим компонентом в обоих языках;
- изменение возраста в обоих языках подобно физическому субъекту.

Специфическим для китайского языка является тесная связь процесса старения с приобретением опыта, поэтому старение в общем воспринимается положительно. В русском языке старение прежде всего связывается с ухудшением внешности, поэтому множество метафор изменения возраста посвящены улучшению или ухудшению внешних черт человека.

В результате исследования можно предложить следующие рекомендации при выполнении перевода метафорических обозначений возраста с русского языка на китайский и с китайского на русский.

Во-первых, необходимо учитывать требование эквивалентности перевода. Если метафора в одном языке имеет прямой эквивалент в языке перевода, например, метафора созреть и 成熟, то может быть выполнен прямой перевод.

Во-вторых, если в переводном языке отсутствует эквивалент метафоры, то необходимо максимально сохраняя форму метафоры постараться выразить ее языковыми средствами переводного языка.

В-третьих, в случаях, когда при сохранении формы метафоры при переводе перевод не будет адекватным, иными словами, он будет непонятен для получателя перевода или более того, получатель перевода может воспринять его в совершенно ином смысле, то необходимо передать план содержания, без сохранения плана формы. Иными словами, необходимо выполнить смысловой перевод путем замены неметафорическим эквивалентом.

Заключение

Таким образом, выполнение высококачественного русско-китайского и китайско-русского перевода метафорических обозначений изменения возраста требует глубоких знаний о существующих метафорах в обоих языках, что позволит подобрать лучший вариант перевода. Сравнительный анализ метафорических обозначений изменения возраста в русском и китайском языках позволил выявить, что для обоих языков характерны сходства и различия в метафорах изменения возраста, обусловленные различиями в языковых культурах. Сходства обуславливают возможность подбора эквивалентов при выполнении перевода, которые будут

адекватно восприняты его получателем. Различия в метафорических обозначениях подчеркивают наличие особенностей в мировосприятии представителей русской и китайской культур. В то же время, различия обуславливают ряд сложностей, которые могут возникнуть при переводе. Для выполнения качественного перевода необходимо иметь глубокое понимание особенностей

метафоры изменения в русском и китайском языках. Это также позволит избежать проблем в процесс межкультурной коммуникации, тем самым достигнув ее более высокой эффективности. Дальнейшее исследование предполагает выполнение компаративного анализа метафорических обозначений разных периодов возраста в русском и китайском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова П. Сравнительное исследование пространственных метафор в русских и китайских идиомах: Дис. ... маг. филол. наук. Шанхай: Восточно-Китайский педагогический университет. 2020.
2. Ву Фан, Чан Лу. Сравнительный анализ метафор, обозначающей глаза в русском и китайском языках // Образование и педагогика. 2018. № 9.
3. Лю Дань. Сравнительное исследование метафор «запаха» и «вкуса» в русском и китайском языках. Чанчунь: Университет Цзилинь, 2020.
4. Лю Ху. Сравнительный анализ метафор «точки, линии и поверхности» в русской и китайской геометрии. Харбин: Харбинский педагогический университет, 2019.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.08.2020)
6. Пан Чжэньюй. Когнитивное сравнительное исследование метафор концепта коррупция в дискурсе политических новостей русского и китайского языков: Дис. ... маг. филол. наук. Шанхай: Шанхайский международный исследовательский университет, 2019.
7. Чжан Вэньцзянь. Сравнительное исследование количественных метафор существительных в русском и китайском языках: Дис. ... маг. филол. наук. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2019.
8. Чжан Цзюньжуй. Когнитивный анализ понятия «время» в русском и китайском языках: Дис. ... маг. филол. наук. Чанчунь: Цзилиньский университет, 2015.

© Янь Чжо (yanzhuo524@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Наши авторы

Abdukadyrova T. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Chechen State University

Abramov N. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Volga Region State Academy of Physical Culture (Kazan)

Akulshin P. – doctor of historical sciences, professor, Ryazan state University named After S.A. Yesenin

Alieva Kh. – Chechen State University

Aliyeva H. – PhD in philology, Senior Lecturer, Baku Slavic University

Andriyanov A. – Postgraduate student, Perm State University Of Humanities And Education»

Arsakhanova M. – candidate of philological sciences, associate professor, Chechen State University

Bai Yuntao – Junior Researcher, Heihe University, PRC

Barmina N. – PhD in Engineering, Associate Professor, Kalashnikov Izhevsk State Technical University

Bobkova O. – Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Mordovian state Pedagogical University named after M.E. Evseviev (Saransk)

Bocharova A. – Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Bubekova L. – PhD in Philology, Associate Professor, Yelabuga Institute (branch) of Kazan Federal University

Derevleva E. – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, GAOU VO «Moscow City Pedagogical University»

Dyuzheva M. – candidate of economic Sciences, associate Professor, Omsk State Transport University

Efremova E. – Phd in Philology, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University

Efremova M. – Phd in Education, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University

Our authors

Fedurko Yu. – candidate of philological Sciences, associate Professor, Dmitrov Institute of continuing education Branch of Dubna state University

Gabunia Z. – doctor of Philology, Professor Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Gafullina K. – Cand. Philol., Associate Professor, Kazan branch of the Russian State University of Justice (Kazan)

Gazizova A. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI

Golubkova E. – Instructor of Cisco Networking Academy, RTU MIREA

Gonek A. – Graduate student, Moscow City Pedagogical University

Gorelik M. – Senior lecturer, Pacific state University, Khabarovsk

Ivanova A. – Research worker, Federal Research Centre «Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences» (Syktyvkar)

Ivanova R. – Candidate of Philology, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the Ammosov North-Eastern Federal University

Kharatokova M. – Doctor of Philology, Professor, North Caucasus State Academy

Klimenko E. – Crimean engineering and pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Kosova Yu. – PhD, Associate Professor, Peoples Friendship University of Russia

Kotlova A. – Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation

Kruglov A. – Instructor of Cisco Networking Academy, RTU MIREA

Leont'ev M. – graduate student, GAOU VO «Moscow City Pedagogical University»

Li Gengwei – PhD, Senior lecturer, XI'an petroleum University, XI'an, China

Litovchenko O. – Doctor of Biological Sciences, Associate Professor, BU VO «Surgut State University»

Litvyak O. – Ph. D., associate Professor, Crimean engineering and pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Liu Zhentao – Assistant Researcher, Heihe University, PRC

Lyahin E. – applicant, Kazan Federal University; Teacher, Perm Institute of the Federal penitentiary service of Russia

Maksimenco I. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, State Humanitarian and Technological University (Orekhovo-Zuevo); Belgorod State national research university

Mikhailova E. – candidate of pedagogical Sciences, Professor, GAOU VO «Moscow City Pedagogical University»

Nelyubina E. – candidate of pedagogical sciences, docent, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

Novikova E. – Senior lecturer, Pacific state University, Khabarovsk

Obivalina M. – Senior lecturer, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism

Panfilova L. – doctor of pedagogical sciences, professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

Panfilova V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan Federal University

Pepelina N. – Candidate of historical Sciences, associate Professor, Moscow state Academy of veterinary medicine and biotechnology-MBA. K. I. Scriabin

Rogovskaya N. – candidate of philosophy, associate Professor, Omsk State Transport University

Salgynova A. – Mirny Polytechnic Institute (branch) of the Ammosov North-Eastern Federal University

Schneider V. – associate Professor, honored coach of Russia, Surgut state University, Surgut

Sevodin S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University (Kazan)

Shushunova E. – Post-graduate student, Tula State Lev Tostoy Pedagogical University

Sokolova A. – candidate of philological Sciences, associate Professor, Tver state medical University

Solntsev I. – Applicant, Institute of pedagogy, psychology and social problems

Suleimanov G. – Senior Lecturer, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan)

Suleymanov A. – Candidate in History, Senior Researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the RAS (Yakutsk)

Suprun L. – Crimean engineering and pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Tulinov S. – Head of Cisco Networking Academy, RTU MIREA

Xu Bing – Assistant Researcher, Heihe University, PRC

Yan Zhuo – Graduate student, Lomonosov Moscow state University

Yartsev S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Tula State Lev Tostoy Pedagogical University

Yin Xiao – Postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

Zemlenuhin I. – Graduate student, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan)

Zemsh M. – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, State University of Humanities and technology

Zenenko N. – Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).